

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 6

St. Petersburg
2011

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

№ 6

С.-Петербург
2011

ББК

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. № 6. 259 с.

ISBN

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN», 2011. N 6. 259 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, Л. Б. Вишняцкий, Л. Б. Кирчо (отв. секретарь)

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, L. B. Vishnyatsky, L. B. Kircho (executive secretary)

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Бобровская, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Bobrovskaya, V. Ya. Stegantseva

Оформление обложки: Г. А. Кузнецова

Layout: G. A. Kuznetsova

«Записки ИИМК РАН» № 6 открывают статьи В. Е. Щелинского и Т. А. Шаровской, освещающие предысторию, становление, развитие и нынешние реалии Экспериментально-трасологической лаборатории, яркие личности ученых, составивших научную славу этого подразделения в разные годы. В разделе «Статьи» публикуются работы, отражающие аналитические разработки, новые открытия и исследования. В статьях Е. В. Беляевой, В. Е. Щелинского, В. В. Питулько, С. Н. Лисицына рассмотрены материалы памятников каменного века, полученные в последние годы. В работах Н. А. Дубовой и А. А. Казарницкого освещены проблемы состава населения эпохи бронзы на юге Средней Азии и в Северо-Западном Прикаспии по данным антропологии. Статьи В. А. Алёкшина, С. В. Кашаева и Е. В. Лебедевой посвящены артефактам эпохи энеолита–бронзы и керамике античного времени. Теоретические аспекты сериационного метода как основы археологической хронологии рассматривает Ю. М. Лесман. Статья С. Г. Попова посвящена типологии и хронологии насыпей культуры длинных курганов. В работах В. М. Федорова, Т. С. Матехиной, Д. О. Осипова и А. В. Курбатова анализируются археологические объекты, отражающие особенности соколиной охоты и традиции закладных жертв при строительстве. Наконец, В. И. Кильдюшевский и В. Я. Стеганцева публикуют новые находки, обнаруженные при охранных раскопках в Санкт-Петербурге, которые позволяют детализировать и дополнить данные исторических источников XIX в. В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Отделов, посвященных памяти крупных ученых или дискуссионным проблемам.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

Issue 6 of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» opens with papers of V. E. Shchelinsky and T. A. Sharovskaya, elucidating the formation, development and current activity of the Experimental-Traceological Laboratory, as well as bright personalities of the scholars who made its glory in different periods of its existence. The section of «Research papers» acquaints the reader with the results of recent field and analytical research. The works by E. V. Belyaeva, V. E. Shchelinsky, V. V. Pitulko, and S. N. Lisitsyn are devoted to some of the newly obtained Stone Age materials. N. A. Dubova and A. A. Kazarnitsky analyze skeletal materials to reconstruct the composition of the Bronze Age population in the south of Central Asia and north-west of the Caspian shore, respectively. V. A. Alekshin's, S. V. Kashaev's, and E. V. Lebedeva's papers deal with the Eneolithic–Bronze Age artifacts, and the pottery of the Classical Period. Yu. M. Lesman discusses some problems associated with the reliability of seriation method as the basis for archaeological chronology. The study of S. G. Popov is devoted to the typology and chronology of the Long Kurgan culture mounds. V. M. Fedorov, T. S. Matekhina, and D. O. Osipov describe recent archaeological finds shedding new light of the old traditions of falconry, while A. V. Kurbatov presents new information about building sacrifices in Medieval Russia. Finally, V. I. Kildyushevsky and V. Ya. Stegantseva publish lithographic stones of the 19th century found in the course of recent salvation excavations in St. Petersburg. The section of «Chronicles» contains information about recent sessions and meetings dedicated to various special events and jubilees.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISBN

© Институт истории материальной культуры РАН, 2011

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

<i>В. Е. Шелинский</i> . Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН: предистория, становление и развитие, нынешние реалии	7
<i>Т. А. Шаровская</i> . Сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН (ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА АН СССР, 1931–2011 гг.)	35

СТАТЬИ

<i>Е. В. Беляева</i> . Исследования ранне-среднеашельской стоянки Куртан на севере Армении	37
<i>В. Е. Шелинский</i> . Особенности изготовления и использования каменных орудий из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ)	46
<i>В. В. Питулько</i> . Археологическая составляющая Берелёхского комплекса	85
<i>С. Н. Лисицын</i> . Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья	104
<i>В. А. Алёшкин</i> . Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе	119
<i>А. А. Казарницкий</i> . Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия	133
<i>Н. А. Дубова</i> . Новые антропологические данные к проблеме взаимодействия скотоводов и земледельцев Средней Азии в эпоху бронзы	143
<i>Е. В. Лебедева</i> . Хиосская расписная керамика из раскопок Мирмекия	157
<i>С. В. Кашаев</i> . Серия расписных сосудов из раскопок некрополя Артющенко-2	166
<i>С. Г. Попов</i> . К типологии и хронологии некоторых форм насыпей культуры длинных курганов (по материалам могильников Надозерье и Залахтовые)	175
<i>Ю. М. Лесман</i> . Сериационная хронология: иллюзии и реальность	186
<i>В. М. Федоров, Т. С. Матехина, Д. О. Осипов</i> . К истории соколиной охоты в Новгородской земле	199
<i>А. В. Курбатов</i> . Строительные жертвы в ранней Ладогe и традиция «прикладов» в Восточной Европе и Сибири (средневековые и новое время)	212
<i>В. И. Кильдюшевский, В. Я. Стеганцева</i> . Литографические камни из раскопок во дворах Главного штаба	223

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев</i> . Расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита ИИМК РАН, посвященное юбилею П. И. Борисковского	243
<i>В. А. Алёшкин, М. Т. Кашуба</i> . Круглый стол «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии», 23–24 июня 2011 г., Санкт-Петербург	245
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев</i> . Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное выходу книги: П. Дюбрюкс. Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. 1–2	247
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев</i> . Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Е. Я. Рогова	249

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Зоя Александровна Абрамова	251
К 80-летию Эльзы Самуиловны Шарафутдиновой	253
<i>Г. В. Длужневская, В. Н. Седых</i> . Юбилей профессора Дмитрия Глебовича Савинова	254
Список сокращений	257
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	259

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF IHMC

<i>V. E. Shchelinsky</i> . Experimental-Traceological Laboratory of IHMC RAS: its formation, development and current situation	7
<i>T. A. Sharovskaya</i> . Staff of the Experimental-Traceological Laboratory of IHMC RAS (1931–2011)	35

RESEARCH PAPERS

<i>E. V. Belyaeva</i> . Works on the Early-Middle Acheulean site of Kurtan in the north of Armenia	37
<i>V. E. Shchelinsky</i> . Raw materials and stone tool manufacture and use patterns on the Ilkaya Mousterian site (Northwestern Caucasus)	46
<i>V. V. Ptiulko</i> . Archaeological component of the Berelekh complex	85
<i>S. N. Lisitsyn</i> . Site of Vashana and the questions of chronostratigraphy of the Early Mesolithic in the Volga–Oka interfluvium	104
<i>V. A. Alekshin</i> . Terracotta, clay and stone «finials» from Altyn-depe	119
<i>A. A. Kazarnitsky</i> . Bronze Age populations of the North-West Caspian steppes	133
<i>N. A. Dubova</i> . New anthropological data to the problem of the interaction between the Bronze Age farmers and stock-breeders of Central Asia	143
<i>E. V. Lebedeva</i> . Chian painted pottery from Mirmekion	157
<i>S. V. Kashaev</i> . Series of painted vessels from the necropolis of Artyushchenko-2	166
<i>S. G. Popov</i> . On the typology and chronology of some forms of mounds in the Long Kurgan culture (with particular reference to the Nadozerie and Zalahtovie cemeteries)	175
<i>Yu. M. Lesman</i> . Seriation chronology: illusions and reality	186
<i>V. M. Fedorov, T. S. Matekhina, D. O. Osipov</i> . To the history of falconry in the Novgorod Land	199
<i>A. V. Kurbatov</i> . Building sacrifices in ancient Ladoga and the tradition of «priklad» in East Europe and Siberia (Middle Ages and New Time)	212
<i>V. I. Kildyushevsky, V. Ya. Stegantseva</i> . Lithographic stones from the excavations in the courtyards of the General Headquarters	223

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev</i> . Extended session of the Academic Board and Department of Paleolithic Archaeology of IHMC RAS dedicated to the 100 th birth anniversary of P. I. Boriskovsky	243
<i>V. A. Alekshin, M. T. Kashuba</i> . Round table «The Bronze to Iron Age transition in Northern Eurasia», June 23–24, 2011, St. Petersburg	245
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev</i> . Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the publication of P. Debrux's Collected Works (St. Petersburg, 2010. Vol. 1–2)	247
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev</i> . Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of E. Ya. Rogov	249

CONGRATULATIONS

Zoya Alexandrovna Abramova	251
To the 80 th jubilee of Elsa Samuilovna Sharafutdinova	253
<i>G. V. Dlužnevskaya, V. N. Sedykh</i> . Jubilee of Professor Dmitry Glebovich Savinov	254
List of abbreviations	257
Instructions to contributors	259

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИИМК РАН: ПРЕДЫСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ, НЫНЕШНИЕ РЕАЛИИ

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

Научные лаборатории обычно создаются для реализации и дальнейшего развития идей крупного ученого. Так было и с Экспериментально-трассологической лабораторией ИИМК РАН. Создана она была для Сергея Аристарховича Семенова (рис. 1), внесшего громадный вклад в развитие мировой археологической науки. При жизни исследователя его лабораторию называли «лабораторией Семенова» или «Семеновской».

С. А. Семенов пришел в науку самостоятельно, без чьей-либо помощи и, прежде чем получить лабораторию, долгое время работал в одиночку, сполна испытал первоначальное недоверие и скепсис коллег. Такое бывает нередко в пионерских начинаниях, особенно в науке.

До прихода в науку у С. А. Семенова была совсем другая жизнь, обусловленная суровыми обстоятельствами Октябрьской революции 1917 г. Родился он 25 сентября 1898 г. в Литве, в г. Вильно, в старообрядческой семье. Отец его был рабочий-строитель. В 1915 г. во время наступления немцев С. А. Семенов 16-летним парнем был вынужден бежать вместе с семьей из Литвы. Сначала поселился в Нижегородской губернии и устроился учителем сельской школы в сел. Тубанаевка, затем — конторщиком в уездной Земской управе. После смерти матери в 1916 г. уехал в г. Оренбург, где поступил чернорабочим в депо Ташкентской железной дороги. После Октябрьской революции принимал участие в организации Красной гвардии для свержения атамана Дутова и участвовал в боях Актюбинского фронта в качестве красноармейца. В 1919 г. был перебросен в Реввоен трибунал следователем выездной сессии. В течение 1920–1922 гг. работал в органах Трибунала Особого отдела по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом: сначала в г. Оренбурге, затем в г. Ашхабаде, воевал на глухих окраинах Киргизии и Туркестана с басмачами.

В 1922 г. С. А. Семенов приехал в Ленинград. Началась мирная жизнь. В Ленинграде он был рекомендован в военно-педагогическую школу, по окончании которой получил специальность «преподаватель политграмоты». Однако работа по этой специальности его не устраивала. Вскоре он демобилизовался и поступил в Педагогический институт им. Герцена на историко-экономическое отделение. Именно здесь у

Рис. 1. С. А. Семенов — создатель трасологического метода в археологии и заведующий Экспериментально-трасологической лабораторией ЛОИА АН СССР (1973–1978 гг.). Фотография 1973 г.

С. А. Семенова зародился большой интерес к научно-исследовательской работе в области древних стадий истории человеческого общества и истории орудий труда. Консультативную поддержку ему оказывал профессор Кудрявцев. В 1927 г. С. А. Семенов окончил институт, защитив дипломную работу на тему «Происхождение орудий труда», и получил специальность «преподаватель обществоведения». Но работа в школе не была его стихией.

По окончании института С. А. Семенов занялся наукой самостоятельно, пользуясь всеми доступными ему средствами — литературой, музейными материалами, участием в этнографических экспедициях Академии наук на полуострове Канин и в Восточной Киргизии. Средства к жизни получал литературным трудом, а также работая на заводе производственного кооператива «Радист».

В 1931 г. сбылась давняя заветная мечта С. А. Семенова. Он был принят в аспирантуру и получил долгожданную возможность продолжить любимую научно-исследовательскую работу в стенах Государственной академии истории материальной культуры (впоследствии ИИМК АН СССР, ЛОИИМК, ЛОИА и с 1991 г. ИИМК РАН).

Первоначально С. А. Семенов прошел общую учебную подготовку в рамках научной темы: «Происхождение человеческого общества», включавшей вопросы методологии (ламаркизм и дарвинизм; идеалистические и механистические учения), проблемы эолита (естественные орудия у животных, «эолиты» и «третичный» человек, формы применения естественных орудий, «деревянные» орудия, переход до-челове-

ка с деревьев на землю, огонь у до-человека и способы пользования огнем из естественных источников), а также проблемы раннего палеолита, касающиеся образа жизни раннепалеолитического человека, возникновения обработки орудий, простейших форм искусственных орудий, дифференциации орудий, возникновения способов искусственного добывания огня. Соответственно, темой кандидатской диссертации С. А. Семенова стало «Происхождение орудий труда», т. е. он продолжил разработку темы, которой занимался, еще учась в институте. Правда, его диссертация получила все же в итоге другое название.

В ГАИМК в это время была удивительная творческая атмосфера. Уже в 1970-е гг. мне рассказывал об этом М. П. Грязнов. Видимо, немногие знают, что М. П. Грязнов глубоко интересовался трасологией и использовал ее в своих археологических исследованиях. Но это была, как бы мы сейчас сказали, «макротрасология» или общепалеологическая трасология, т. е. не совсем та трасология, которую разрабатывал С. А. Семенов. Ведь хорошо известно, что в археологии, где основным источником наших знаний о прошлом являются сделанные человеком предметы, ничтожные остатки древних сооружений и другие следы человеческой деятельности, изучение этих следов имеет исключительно важное значение и давно и широко применяется. Все наши основные знания о древних каменных орудиях и связанная с этим история развития техники каменного века построены на изучении именно характера следов, указывающих на способы изготовления орудий. По характеру часто бросающихся в глаза следов изнашивания устанавливаются различные виды костяных и каменных орудий — отбойники, отжимники, песты, наковальни, зернотерки и т. д. Точно так же, по следам работы гончара детально устанавливается процесс изготовления глиняной посуды, изучаются способы и история гончарного производства. Особенно широко применялось и применяется в археологии изучение следов на артефактах, если ставится задача глубокого и всестороннего изучения техники, хозяйства и общественного строя древних обществ.

По словам М. П. Грязнова, в ГАИМК в развитии трасологических подходов к изучению каменных изделий особенно важное значение имели так называемые «занятия по камню», проводимые П. П. Ефименко. Он ежегодно подбирал небольшую группу молодых начинающих археологов и проводил с ними систематические занятия, которые наложили глубокий отпечаток на последующую научную деятельность многих ленинградских археологов, в том числе Г. А. Бонч-Осмоловского, П. И. Борисковского и ряда других. Безусловно, эти курсы П. П. Ефименко по камню оказали сильное влияние и на формирование исследовательских интересов С. А. Семенова, так как П. П. Ефименко был его фактическим научным руководителем во время аспирантуры.

Углубляясь в трасологию археологических материалов, С. А. Семенов все большее внимание стал уделять разработке новой методики изучения следов, оставшихся на первобытных орудиях от их изготовления и использования в работе. В теоретическом плане он исходил из общего принципа, что на всех орудиях, если они были в работе, должны были возникать следы изнашивания. Учитывался также основной набор ручных операций, которые могли выполняться в древности с помощью орудий труда. И каждая из этих операций, по мнению С. А. Семенова, отличалась законо-

мерными и строго определенными кинематическими характеристиками. Последние как раз и должны были определять ту или иную картину или систему следов изнашивания на орудиях. Задача состояла в том, чтобы отыскать эти следы (обычно микроскопические), которые теоретически могли иметь вид линейных следов (царапин, рисок и т. д.), пришлифовки и заполировки. Анализ этих следов позволяет интерпретировать функции орудий и некоторые физические свойства материалов, на которые ими воздействовали. На разработку приемов обнаружения и фиксации следов изнашивания на первобытных орудиях уходило практически все время. Не хватало оптической аппаратуры, без которой невозможно было проводить исследования. С. А. Семенов пользовался устаревшей бинокулярной лупой, за свои деньги покупал в комиссионных магазинах микроскопы, которые, впрочем, были предназначены для биологических объектов и не очень подходили для анализа поверхности археологических изделий. Вполне понятно, что, увлекшись разработкой методики изучения следов на орудиях, С. А. Семенов не успел представить диссертацию в отведенный аспирантурой срок (1934 г.). Однако администрация ГАИМК отнеслась к этому с полным пониманием и позволила продолжать начатые исследования. В окончательном виде кандидатская диссертация С. А. Семенова получила название «Изучение функций верхнепалеолитических орудий по следам от употребления на материалах Костенок I, Тимоновки и пещеры Вирхова» и была успешно защищена в 1937 г. В 1940 и 1941 гг. вышли из печати его первые статьи, посвященные разработке трасологического метода или «функционально-аналитического метода», как называл его первоначально С. А. Семенов (Семенов 1940а; 1940б; 1941). Таким образом, новая методика функционально-трасологического анализа палеолитических материалов впервые стала известна специалистам.

Выявляемые С. А. Семеновым с помощью микроскопа мельчайшие следы изнашивания и обработки орудий, по сути, стали новым историческим источником, а разработанная им методика позволила их анализировать и интерпретировать. Однако с этого момента начинается и критика научного подхода С. А. Семенова к археологическому материалу со стороны его коллег. Правда, касалась она не его методических разработок по трасологическому анализу, которые сразу же получили единодушное одобрение. С. А. Семенова стали жестко критиковать за его общую оценку типологического метода, по его мнению, формального и устаревшего и не позволяющего исследовать древнейшее производство, а также за переоценку роли исследований по истории техники в археологии. В археологической среде иначе и не могло быть.

Потом началась Великая Отечественная война. До весны 1942 г. С. А. Семенов оставался в осажденном Ленинграде, работал, активно участвовал в пожарной группе МПВО, а затем был эвакуирован в г. Иваново. Вернулся он в институт в 1944 г.

Продолжая работать в избранном направлении в Секторе палеолита и неолита, С. А. Семенов не ограничивается изучением палеолитических орудий и расширяет круг исследуемых им археологических материалов неолита и других эпох, совершенствуя при этом методику трасологического анализа. Им активно стала разрабатываться тема костяных и роговых орудий различных эпох, начаты первые изыскания в области ранних земледельческих орудий.

В 1951 г. произошло новое распределение сотрудников ЛОИИМК по подразделениям. Первое время С. А. Семенов продолжал работать в Секторе палеолита и неолита, но уже с 1952 г. фактически перешел в лабораторию археологической технологии, возглавляемую сначала М. П. Грязновым, а потом С. И. Руденко, где проводил исследования по одному из главных направлений работы лаборатории — определению функций первобытных орудий труда (Зайцева 2007).

В это время особенно отчетливо обозначилась главная цель исследований С. А. Семенова, ради которой он собственно и разрабатывал трасологический метод, призванный с высокой степенью достоверности устанавливать производственные функции и приемы изготовления первобытных орудий. Эта цель — изучение техники древних производств и истории первобытной техники, исследование законов развития техники и хозяйства, начиная с древнейших эпох истории человечества на основе всех возможных источников: археологических, этнографических и экспериментальных.

В 1950-е и последующие годы работать С. А. Семенову стало легче. У него появляются помощники и ученики. По заявкам С. А. Семенова институт приобретает хорошие для своего времени бинокулярные и металлографические микроскопы, а также установку для макро- и микросъемки на стеклянные пластинки. В лабораторию был принят специальный фотограф, проводивший макро- и микросъемку следов изнашивания и изготовления на первобытных изделиях. В фотолаборатории института, возглавляемой М. Г. Агоронян, с этих стеклянных негативов печатались фотографии.

С. А. Семенов усиленно работает над книгой «Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы)», в которой он подводит некоторый итог своим более чем 20-летним разработкам трасологического метода и излагает результаты применения этого метода к изучению археологических материалов. В 1957 г. эта книга С. А. Семенова выходит из печати (Семенов 1957), а сам он за крупный вклад в археологическую науку удостоивается престижной премии Президиума АН СССР. В следующем 1958 г. С. А. Семенов едет в Москву и на Ученом совете ИИМК СССР успешно защищает по этой книге докторскую диссертацию.

Трасологические исследования С. А. Семенова быстро получили признание не только в СССР, но и за рубежом. В 1964 г. его книга была переведена на английский язык и опубликована в Лондоне, а затем в Нью-Йорке под названием «Prehistoric technology (an experimental study of oldest tools and artifacts from traces of manufacture and wear)» (Semenov 1964). Многие советские и зарубежные археологи взяли на вооружение трасологический метод С. А. Семенова и успешно его использовали и используют в своих исследованиях в комплексе с другими методами.

После защиты докторской диссертации открылся как бы новый этап в исследованиях С. А. Семенова. Он еще с большей энергией занялся экспериментальным моделированием изготовления первобытных каменных, костяных/роговых и деревянных орудий, а также древних производственных процессов. Но теперь он был уже не один. В 1957 г. он получил помощницу в лице Г. Ф. Коробковой. Перед этим она закончила ЛГУ и была принята лаборантом в лабораторию археологической технологии.

Кое-какие эксперименты были выполнены С. А. Семеновым еще в довоенное время. Но они сначала касались лишь приобретения опыта первичного расщепления кремня и изготовления некоторых моделей первобытных орудий из этого камня. Те-

перь программы экспериментальных исследований стали более продуманными и целенаправленными. При этом учитывались этнографические данные о способах изготовления и использования орудий охотниками-собираателями, находившимися еще недавно на первобытном уровне общественного развития. Кроме того, ставились задачи экспериментальным путем выяснить вероятные способы изготовления, эффективность и долговечность некоторых категорий орудий из археологических коллекций как палеолита и неолита, так и более позднего времени. С 1956 по 1964 г. было проведено шесть экспериментальных экспедиций: Каунасская (1956 г.), Ангарская (1957 г.), Крымская (1958 г.), Вильнюсская (1959 г.), Карельская (1960 г.), Западнобелорусская (1964 г.) и Сухумская киноэкспедиция (1964 г.).

Здесь невозможно рассказать о результатах всех этих экспедиций С. А. Семенова, хотя о них мало известно широкому кругу исследователей, поскольку материалы экспериментальных исследований тогда, к сожалению, не сдавались ни в рукописный архив, ни в фотоархив института. Сейчас эти материалы, как и многие материалы последующих экспериментальных работ Г. Ф. Коробковой, фактически потеряны. Чаще всего вспоминается челн, выдолбленный из ствола дерева в 1957 г. в Ангарской экспериментальной экспедиции С. А. Семенова при помощи каменных орудий и испытанный на плавучесть на р. Ангаре, а также деревянный идол, вырубленный экспериментальными теслами из нефрита. В настоящее время этот идол стоит в лаборатории, а челн, изрядно потрескавшийся от времени, лежит в коридоре института. Его лишь однажды выносили из института на Неву во время съемок фильма о семеновской лаборатории (рис. 2).

Г. Ф. Коробкова, будучи археологом, не только помогала С. А. Семенову в его экспериментальных работах и осваивала трасологический метод, но и регулярно принимала участие в археологических экспедициях и разведках П. И. Борисковского в Костенках и на Украине. Одно время она хотела заняться палеолитом, но вскоре переключилась на трасологическое изучение материалов неолита Средней Азии.

В 1964 г., после очередной реорганизации в институте, С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова переходят в состав Сектора палеолита, руководимого тогда П. И. Борисковским (Васильев, Желтова 2008), что, впрочем, никак не отразилось на их работе. Рабочие места их по-прежнему находились в небольшом узком помещении рядом (через фанерную перегородку) с чертежной, где сидели чертежники Тамара Трошкина, Толя Филиппов и еще кто-то. Сейчас это дальняя комната рукописного архива.

В эту же комнатку в 1967 г. пришел работать и я. Привел меня к С. А. Семенову Н. Д. Праслов, с которым я познакомился, будучи студентом Ростовского-на-Дону государственного университета. Позже я участвовал в ряде его археологических экспедиций в Приазовье, на Нижнем Дону и на Кубани. У С. А. Семенова я сначала работал без зачисления в институт, но через год (в 1968 г.) был принят в ЛОИА в качестве научно-технического сотрудника. Моей основной работой стало освоение трасологического метода под руководством С. А. Семенова применительно к материалам мустьерской эпохи. На меня была возложена также обязанность проведения макро- и микросъемки следов изнашивания на орудиях.

Мы начали совершенствовать трасологический метод, внося в него определенные дополнения. При этом одно из направлений исследований касалось разработки

Рис. 2. Съемки фильма о лаборатории С. А. Семенова. Молодежь ЛОИА выносит на Неву экспериментальную лодку-долбленку. Фотография 1973 г.

методики микрометрического анализа поверхности орудий с использованием двойного микроскопа МИС-11. Эта методика позволяет устанавливать степень изнашивания и относительную продолжительность употребления орудий в работе (Семенов, Щелинский 1971). Другим направлением совершенствования трасологического метода явились систематические исследования следов изнашивания на орудиях при помощи металлографического микроскопа с большим увеличением (МИМ-6 со съем-

ными объективами, позволяющими достигать увеличения от 75 до 500 раз). При помощи этого же микроскопа производилась фотофиксация микроскопических следов изнашивания на специальные стеклянные пластинки форматом 9×12 см. Более крупные следы изнашивания фотографировались на такие же фотопластинки при помощи фотоустановки ФМН-2. Была начата программа изготовления экспериментальных эталонов с целью изучения всего спектра следов изнашивания орудий, возникающих на них от тех или иных операций, и более точной их функциональной интерпретации (Щелинский 1975; 1977). Эксперименты проводились в поле и в стенах института. Примерно в это же время подобные исследования стал проводить английский исследователь Л. Кили (Keeley 1974; 1980), к чему, как он сам признает, его в немалой степени подтолкнуло знакомство с книгой С. А. Семенова (Semenov 1964). Впоследствии Л. Кили стал родоначальником всей западной трасологии. В 1991 г. он приезжал к нам для обмена опытом. Преимущественно на его работах учились П. Андерсон-Жерфо (P. Anderson-Gerfaud), Х. Плиссон (H. Plisson), С. Беири (S. Beyries), П. Воган (P. Vaughan) и другие французские, английские, бельгийские, шведские, немецкие исследователи, которые успешно используют трасологический метод в археологии. Некоторые из них неоднократно приезжали к нам для ознакомления с нашими работами и на конференции. Надо сказать, что наши зарубежные коллеги работают с хорошей и удобной современной оптической техникой, которая нам, к сожалению, в основном недоступна.

Для С. А. Семенова экспериментальные исследования имели особенно важное значение, поскольку его всегда интересовали вопросы развития первобытной техники, которые могли решаться только с привлечением экспериментальных данных. В рамках этих исследований начались наши почти ежегодные совместные с С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой экспериментальные экспедиции, проводившиеся в Литве (1969 г.), под Вырицей в Ленинградской обл. (1970 г.), на Кавказе в районе Сочи (1971 г.), в Белоруссии (1972 г.), Крыму (1973 г.) и ряде других мест. С 1970 г. в этих экспедициях стали принимать участие А. Е. Матюхин, А. К. Филиппов и Н. Н. Скакун (рис. 3–8).

В 1968 г. вышла вторая книга С. А. Семенова — «Развитие техники в каменном веке». Основной целью ее было исследование проблемы технического прогресса на начальных этапах развития человеческого общества посредством изучения закономерностей развития отдельных отраслей древнейшего труда. В работе органично сочетаются данные, полученные при изучении орудий и изделий из археологических коллекций трасологическим и экспериментальным методами, и данные этнографии. При этом трасологические исследования и в этой работе С. А. Семенова играют главную роль. Впервые формулируется принцип применения экспериментального метода в археологии. По мнению С. А. Семенова, этот метод «должен занять в нашей науке более важное место, чем это казалось до его глубокого внедрения в постоянную исследовательскую практику. Можно с уверенностью сказать, что изучение древней техники невозможно без экспериментов. Однако вне той документации, какую нам дает изучение следов обработки и использования, сохранившихся на древних орудиях и изделиях, эксперимент имеет ограниченное значение — он не делает в полной мере древнюю технику отраслью исторической науки. Лишь при участии обоих ме-

Рис. 3. С. А. Семенов во время экспериментальных работ в Крымской экспедиции. Рубка дерева кремневым орудием. 1973 г.

Рис. 4. А. К. Филипов и В. Е. Щелинский во время экспериментальных работ в Белорусской экспедиции. Вспашка земли деревянным плугом. 1972 г.

тодов в исследовании древней техники может быть достигнут научный результат» (Семенов 1968: 7).

Известность исследований С. А. Семенова продолжала расти. В 1970 г. по просьбе директора Института археологии АН СССР академика Б. А. Рыбакова С. А. Семенов выступил с докладом «Функциональный метод в археологии каменного века» на сессии Отделения истории АН СССР в Москве. Он рассказал ведущим ученым-историкам страны о конкретных результатах применения разработанного им трасологического метода и о дальнейших перспективах и планах работ в этом направлении.

Первая ученица С. А. Семенова Г. Ф. Коробкова быстро овладела навыками трасологического изучения неолитических орудий из коллекций стоянок Средней Азии. При этом с самого начала со свойственной ей кипучей энергией она взяла курс на функционально-трасологическое определение массовых коллекций каменных изделий, что, безусловно, было важно. Однако определения Г. Ф. Коробковой были порой слишком обобщенными, так как для трасологического анализа она предпочитала использовать преимущественно простой бинокулярный микроскоп с небольшим увеличением, который, как известно, не позволяет получать исчерпывающую информацию о следах изнашивания на каменных орудиях. Более детальную и полную картину следов изнашивания на орудиях можно было получить с помощью металлографических микроскопов, но в этом случае работа с крупными археологическими коллекциями занимала бы гораздо больше времени. Впоследствии Г. Ф. Коробкова все же оценила преимущества работы с микроскопами с большим увеличением.

В 1966 г. Г. Ф. Коробкова закончила многолетнюю тему «Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии» и в том же году защитила ее в качестве кандидатской диссертации (Коробкова 1966). В 1969 г. эта диссертация была опубликована в виде монографии (Коробкова 1969).

Работа С. А. Семенова в Секторе палеолита в одном кругу с крупными учеными — специалистами по палеолиту и неолиту (П. П. Ефименко, С. Н. Замятинным, Г. А. Бонч-Осмоловским, П. И. Борисковским, А. Н. Рогачевым, В. П. Любиным, А. П. Окладниковым, З. А. Абрамовой, Н. Н. Гуриной), несомненно, обогащала его как ученого. Живой творческий коллектив Сектора палеолита был еще в большей степени необходим Г. Ф. Коробковой и мне. Наши доклады и сообщения на секторе, касавшиеся экспериментально-трасологических исследований и полевых работ на археологических памятниках, вызывали определенный интерес. А критика была нам только на пользу. Однако С. А. Семенову все больше казались неинтересными многие доклады и отчеты о полевых исследованиях, заслушиваемые на заседаниях сектора, которые он обязан был посещать как сотрудник этого подразделения. К тому же в ходе обсуждения его сообщений ему стали надоедать нередко несправедливые нападки некоторых молодых тогда сотрудников. Руководитель сектора П. И. Борисковский пытался нейтрализовать эти нападки, но не всегда это получалось. Эти же сотрудники высказывали мнение о нецелесообразности выделения С. А. Семенову денежных средств на проведение экспериментальных экспедиций. В конце концов, С. А. Семенов решил выйти из Сектора палеолита. Но, как говорится, нет худа без добра.

В 1973 г., по согласованию с тогдашним и. о. заведующего ЛОИА В. П. Шиловым и решением директора ИА АН СССР академика Б. А. Рыбакова, наконец-то была

Рис. 5. А. Е. Матюхин во время экспериментальных работ в Крымской экспедиции. Изготовление галечных орудий. 1973 г.

Рис. 6. В. Е. Щелинский во время экспериментальных работ в Литовской экспедиции. Обработка шкур каменными орудиями. 1974 г.

создана в ЛОИА самостоятельная Экспериментально-трасологическая лаборатория во главе с д. и. н. С. А. Семеновым. В нее вошли с. н. с., к. и. н. Г. Ф. Коробкова, ст. лаборант В. Е. Щелинский, ст. лаборант А. К. Филиппов и несколько позднее — лаборанты Н. Н. Скакун и А. Е. Матюхин. Метраж нашего рабочего помещения не изменился. Кое-кто сидел с микроскопом в камералках.

В лаборатории первоначально определились три основные исследовательские темы: «Происхождение земледелия», «Функциология палеолита» и «Мезолит и неолит южных районов Евразии». Первыми двумя темами руководил С. А. Семенов. При этом вторая тема была коллективной, в ней участвовали помимо С. А. Семенова В. Е. Щелинский, А. К. Филиппов и А. Е. Матюхин. Третьей темой руководила Г. Ф. Коробкова, вместе с ней работала ее ученица Н. Н. Скакун. Тема «Функциология палеолита» имела довольно необычное название, однако общий смысл его вполне понятен. Речь шла о классификации древних орудий по способу их применения, установленному на основе изучения следов изнашивания на этих орудиях (Семенов 1978: 63). Конечно, было ясно, что такая классификация палеолитических орудий в то время была недостижима, как недостижима она и сейчас (и едва ли будет создана в обозримом будущем), но С. А. Семенов полагал, что к ней надо стремиться. В рамках этой темы А. Е. Матюхин занимался материалами раннего палеолита, я исследовал преимущественно археологические коллекции памятников среднего палеолита, а А. К. Филиппов изучал главным образом позднепалеолитические орудия и изделия из камня, кости и рога. Всех объединял функционально-трасологический и технологический подход к археологическим материалам, но конкретные цели и задачи, а также некоторые методические приемы исследований у сотрудников были разными. Во многом оригинальными были исследования Г. Ф. Коробковой и Н. Н. Скакун. С. А. Семенов спокойно относился ко всему этому и поддерживал все новое, что было связано с дальнейшими разработками экспериментально-трасологического метода и применением его в археологических исследованиях.

Создание Экспериментально-трасологической лаборатории имело важное значение не только для ЛОИА, но и для всего Института археологии АН СССР. В ноябре 1974 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР С. А. Семенову была присуждена Государственная премия СССР за монографии: «Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы)» и «Развитие техники в каменном веке», опубликованные в 1957 и 1968 гг.

Успешная научно-исследовательская работа Экспериментально-трасологической лаборатории находила отражение в публикациях, докладах на всесоюзных и международных конференциях и в защите диссертаций ее сотрудников.

В 1974 г. была опубликована третья книга С. А. Семенова — «Происхождение земледелия» (Семенов 1974). По этому поводу можно привести слова А. Н. Рогачева. Он писал: «Издание книги “Происхождение земледелия” С. А. Семенов фактически завершил свой трехтомный труд по истории древнейших орудий труда, по истории первобытной техники и первобытного хозяйства. В этой книге, посвященной возникновению производящих форм первобытного хозяйства, характеризуются орудия собирательства растительной пищи, ручные землеобрабатывающие орудия, орудия и техника по сбору урожая, по обработке зерна и анализируются данные о возникнове-

Рис. 7. Г. Ф. Коробкова и Н. Н. Скакун во время экспериментальных работ в Литовской экспедиции. Изготовление керамической посуды. 1978 г.

Рис. 8. Участники Литовской экспериментальной экспедиции 1978 г.

нии плужного земледелия и скотоводства. В целом трехтомный труд С. А. Семенова содержит детально обоснованную оригинальную концепцию возникновения и развития древних орудий труда в каменном веке, освещающую при этом все существующие вопросы истории первобытной техники и первобытных форм хозяйственной деятельности. Для освещения этих важных проблем исторической науки привлечены археологические, этнографические и палеоантропологические материалы, подвергнутые обстоятельному технологическому анализу на основе разработанного экспериментально-трасологического метода» (Рогачев 1983: 192–193).

В том же 1974 г. я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения)» (Щелинский 1974). В этой работе впервые были детально изучены на основе трасологического и экспериментального методов значительные выборки каменных орудий из ряда стоянок мустьерской эпохи. При этом, наряду с изложением новых данных о функциях мустьерских орудий, почти не изученных ранее, способах и приемах изготовления этих орудий, в работе были представлены также некоторые новые разработки, касающиеся методики экспериментально-трасологического изучения палеолитических орудий. Позже, в 1977 и 1978 гг., защитили кандидатские диссертации А. Е. Матюхин и А. К. Филиппов. А. Е. Матюхин в своей диссертации «Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий» основное внимание уделил изучению раннепалеолитических орудий на основе экспериментального метода, который, по его мнению, обладает такой же объяснительной функцией, как и трасология, и способствует получению новых знаний об изучаемых предметах и процессах (Матюхин 1978). В работе представлены результаты многочисленных опытов по изготовлению и использованию экспериментальных моделей раннепалеолитических орудий (чопперов, чоппингов, бифасов, колунов, пик и др.). Опираясь на эти результаты, А. Е. Матюхин обосновал свои предположения о вероятных приемах изготовления и функциях различных категорий раннепалеолитических орудий. Диссертация А. К. Филиппова называлась «Связь формы и функций изделий человека в палеолите» (Филиппов 1977). Столь общая тема его диссертации объяснялась тем, что А. К. Филиппов по специальности был искусствоведом и живо интересовался проблемами возникновения первобытного искусства и эстетических представлений у человека. Поэтому в формах орудий палеолита, изготовленных из камня, кости и рога/бивня, он пытался, и безуспешно, выделить признаки технологического, функционального и неутилитарного свойства. При этом важную роль он отводил экспериментам, в процессе которых были получены интересные наблюдения.

К сожалению, эти диссертации не удалось опубликовать сразу отдельными книгами. Объяснялось это тем, что издательский портфель института был переполнен. Пришлось согласиться на публикацию их в сильно сокращенных вариантах и в виде коллективной монографии под названием «Технология производства в эпоху палеолита» (Технология производства... 1983; Филиппов 1983; Щелинский 1983; Матюхин 1983). Введение к этой монографии написал С. А. Семенов (1983), а последний раздел («Вместо послесловия») А. Н. Рогачев (1983). Книга вышла из печати лишь в 1983 г. Надо сказать, что такая задержка публикаций этих и других исследований сотрудников лаборатории привела к тому, что зарубежные коллеги долгое время были совер-

шенно не в курсе наших новых экспериментально-трасологических и технологических разработок в изучении палеолитических материалов, о чем потом сожалели.

В эти же годы Г. Ф. Коробкова вместе с Н. Н. Скакун проводят функционально-трасологические исследования обширных коллекций орудий труда мезолитических, неолитических и энеолитических стоянок на территории Средней Азии, Кавказа, Правобережной Украины и Молдавии. При этом в Молдавии Г. Ф. Коробковой создается база для проведения собственных экспериментальных работ, в процессе которых изготавливаются и используются модели разных типов орудий из различных материалов. Г. Ф. Коробкова усиленно работает над докторской диссертацией. Научные интересы Н. Н. Скакун все больше смещаются в сторону изучения производств и хозяйства Триполья, а также энеолита на территории Болгарии.

В последние годы жизни С. А. Семенов основное внимание уделял вопросам теоретических исследований в археологии. Фактически им была закончена и подготовлена к печати новая книга под названием «Некоторые методологические проблемы археологии». Рукопись этой книги сейчас хранится в Научном архиве института, и о ней уже писал С. А. Васильев (2006). Рукопись отличается широтой тематического охвата, глубиной и оригинальностью постановки и решения вопросов. Особую значимость ей придает исчерпывающая для того времени сводка и тщательный критический анализ всех методов, применявшихся тогда в археологии (типологический, статистический, трасологический, экспериментальный, системный, структурный и др.), оценка которых дается на фоне истории развития как общественных, так и некоторых естественных наук. С. А. Семенов положительно относится ко всем этим методам, хотя и в разной степени. Археология, по его мнению, входит в систему исторических наук, но вместе с тем по некоторым методам и способам изучения археологических материалов близко стоит к наукам естественным и точным. Обосновывается мысль о специфическом характере вещественных археологических источников, которые не позволяют ставить и решать проблемы этногенеза, привлекающие многих археологов. Вещественные археологические остатки являются историческими источниками для изучения другого круга проблем, прежде всего техники, хозяйства, производительных сил в целом, культуры, социальной и духовной жизни древних обществ, но не культурно-генетической истории этих обществ. Расширение и усложнение исследовательских задач, по мнению С. А. Семенова, настоятельно требует отраслевой специализации в археологии. Интересны разделы рукописи, посвященные детальному разбору и критике «Аналитической археологии» Д. Кларка, факторного подхода к археологическому материалу С. и Л. Бинфорд, классификации К. Кюльберга и других направлений «новой» археологии на Западе.

Жаль, что эта важная книга С. А. Семенова не была в свое время издана, хотя она не потеряла своей актуальности и сейчас.

С. А. Семенов умер в 1978 г. в возрасте 80 лет. Заведующей Экспериментально-трасологической лабораторией стала Г. Ф. Коробкова (рис. 9). Структура научно-исследовательской работы лаборатории несколько изменилась, как и ее состав. Появились новые сотрудники: Т. А. Шаровская, Л. Г. Чайкина, Е. Ю. Гиря, Г. Н. Поплевко, М. Н. Желтова. Т. А. Шаровская и Л. Г. Чайкина были помощницами Г. Ф. Коробковой и работали вместе с ней. М. Н. Желтова недолго находилась в лаборатории и

Рис. 9. Г. Ф. Коробкова — заведующая Экспериментально-трасологической лабораторией (1979–2006 гг.). Фотография 2000 г.

перешла в Отдел палеолита. Е. Ю. Гиря и Г. Н. Поплевко довольно быстро определились в тематике своих исследований и стали работать самостоятельно по избранным темам в рамках проблематики лаборатории.

Работа Г. Ф. Коробковой осуществлялась в трех направлениях: 1) изучение ранних земледельческо-скотоводческих культур Средней Азии, Кавказа и Северо-Западного Причерноморья; 2) теория археологии; 3) развитие методики трасологического анализа. Наиболее результативной была работа по первому направлению. В 1982 г. Г. Ф. Коробкова защитила докторскую диссертацию на тему: «Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР» (Коробкова 1981), которая в 1987 г. была опубликована в виде монографии (Коробкова 1987). Перед этим, в 1983 г., вышла монография С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой «Технология древнейших производств (мезолит–неолит)» (Семенов, Коробкова 1983), в которой собраны данные последних экспериментальных исследований С. А. Семенова, дополненные результатами экспериментальных работ Г. Ф. Коробковой.

В это время Г. Ф. Коробкова предпринимает попытку приспособить метод трасологического анализа к определению массовых коллекций артефактов путем внедрения в него так называемой «макротрасологии». Речь шла о том, чтобы определять функции орудий «по-быстрому», по макроскопическим следам изнашивания, наблюдаемым невооруженным глазом или при помощи микроскопа с малым увеличением (Коробкова, Скакун, Шаровская 1982). Идея эта была не нова. По макропризнакам изнашивания исследователи всегда пытались устанавливать функции орудий. Однако С. А. Семеновым было доказано, что одних только макропризнаков изнашивания совершенно недостаточно для определения действительных, а не кажущихся функций орудий. Для этого необходимо обнаружить на лезвиях, описать и интерпретировать с помощью экспериментов заполировку и линейные следы — наиболее диагностичные следы изнашивания на орудиях. Но эти следы обычно являются микроскопическими и распознаются только при помощи металлографических микроскопов с большим увеличением. Макроскопические признаки изнашивания имеют диагностирующее значение только в контексте с микроскопическими следами изнашивания. Сами по себе они могут быть истолкованы по-разному и в лучшем случае позволяют высказать лишь предварительное суждение о вероятных функциях орудий. Впрочем, потом Г. Ф. Коробкова разъяснила свою позицию в отношении «макротрасологии». Введением этого понятия она стремилась лишь обратить внимание на то,

что макроскопические следы на орудиях имеют важное значение для определения функций орудий, но они не всегда в должной мере учитываются специалистами-трасологами, особенно представителями трасологической школы Л. Кили.

Г. Ф. Коробкова продолжала интенсивные трасологические исследования обширных коллекций орудий целых поселений и культур с целью воссоздания внутренней структуры поселений и стоянок (с учетом планиграфии материалов) и общей конкретно-исторической картины хозяйственных систем прошлого. Кроме того, под ее руководством создается многотысячная коллекция экспериментальных эталонов самых разнообразных орудий труда, сделанных из разного сырья и использованных в разных видах обработки различных материалов. Этот уникальный банк экспериментально-трасологических эталонов, находящийся в настоящее время в лаборатории, имеет исключительно важное значение для учебных занятий начинающих трасологов. Таким занятиям со студентами и стажерами, дополняемым лекциями специалистов, был посвящен ряд международных трасологических школ, организованных Г. Ф. Коробковой. Они проводились начиная с 1991 г. в Молдавии, в Тюмени, Самаре и в других местах (рис. 10). Надо сказать, что Г. Ф. Коробкова уделяла большое внимание подготовке научных кадров и воспитала целую плеяду специалистов, работающих сейчас в России, ближнем и дальнем зарубежье (рис. 11, 12). Этим она, безусловно, способствовала превращению Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН в важный центр по изучению фундаментальных проблем археологии на основе экспериментально-трасологических исследований. Ярким подтверждением высокого авторитета лаборатории явилось проведение в 2000 г. в Санкт-Петербурге Международной конференции «Современные экспериментально-трасологические и технологические разработки в археологии», посвященной 100-летию со дня рожде-

Рис. 10. Участники международной трасологической школы в Молдавии. 1991 г.

Рис. 11. Г. Ф. Коробкова (справа) со своими ученицами (слева направо: Г. В. Кизь, О. Лоллекова, Н. Н. Скакун) в лаборатории. Фотография 1981 г.

Рис. 12. Сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории с аспирантами, стажерами и зарубежными коллегами. Фотография 1986 г.

ния С. А. Семенова. Это был форум трасологов мира, в котором приняли участие около 150 человек из 27 стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Австралии и Африки. Широко были представлены трасологи Украины, Молдавии, Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении и, конечно, российские ученые из разных городов страны.

Из других научных достижений Г. Ф. Коробковой особо надо отметить две ее последние книги. В одной из них «Поселение Михайловское — эталонный памятник древнейшей культуры» обобщены результаты детального исследования многослойного поселения Михайловское, расположенного в Нижнем Поднепровье и относящегося к энеолитической нижнемихайловской культуре (нижний слой) и к древнеямной культурной общности (два верхних слоя) периода ранней и средней бронзы. Г. Ф. Коробковой впервые удалось доказать, что ямная культурная общность имела сложную разветвленную производственную систему с выделившимися общинно-ремесленными мастерскими специализированного характера. Михайловское поселение можно рассматривать теперь как крупный производственный центр с развитым скотоводческим хозяйством, дополняемым рыболовством, охотой, собирательством и частично земледелием (Коробкова, Шапошникова 2005). Вторая книга, «Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации», написанная в соавторстве с Л. Б. Кирчо и В. М. Массоном, является итогом комплексного изучения самого известного памятника Средней Азии эпохи энеолита и бронзы — поселения Алтын-депе (Кирчо, Коробкова, Массон 2008).

Г. Ф. Коробкова оставила крупный след в науке и много сделала для укрепления научного потенциала лаборатории.

В 2006 г. руководить Экспериментально-трасологической лабораторией было поручено мне.

Многoplanовая работа Г. Ф. Коробковой была бы не столь результативной, не будь у нее таких помощниц, как Т. А. Шаровская и Л. Г. Чайкина. На них, собственно, лежала вся нагрузка, связанная с подготовкой многочисленных экспедиций, экспериментальных и раскопочных, а также трасологических школ и конференций, организуемых Г. Ф. Коробковой.

У Л. Г. Чайкиной научная работа не сложилась, и она уволилась из института (рис. 13, 1). Т. А. Шаровская не оставляла научной деятельности и продолжает успешно проводить экспериментально-трасологические исследования археологических материалов, публикует статьи, выступ-

Рис. 13, 1. Л. Г. Чайкина, сотрудница лаборатории до 2007 г.

пает с докладами на конференциях. Интересны ее исследования археологических материалов энеолита и эпохи бронзы поселений Алтын-депе, Илгынлы-депе, Кара-депе в Туркмении, а также поселения Свободное на Северном Кавказе. В настоящее время она изучает обработанное дерево неолит–энеолитической стоянки под крепостью Ниеншанц в Санкт-Петербурге.

С Г. Ф. Коробковой долгое время работала и Н. Н. Скакун. Их исследования во многом перекликаются. Н. Н. Скакун исследует древнеземледельческие культуры Балкано-Дунайского региона и юго-западной части Восточной Европы, используя при этом комплексный подход к изучению археологических памятников, включая их раскопки. Однако основным в ее работе является технико-типологическое и трасологическое (с использованием экспериментов и этнографических данных) изучение индустрий неолита и ранней бронзы и попытки реконструкции хозяйственно-производственных систем ранних земледельческо-скотоводческих обществ. В течение ряда лет Н. Н. Скакун интенсивно исследовала археологические материалы на территории Болгарии, участвуя также в экспедициях болгарских археологов. В результате этих исследований она подготовила и защитила в 1987 г. кандидатскую диссертацию на тему «Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Северо-Восточной Болгарии (в свете экспериментально-трасологических данных)» (Скакун 1987). Позже была опубликована монография «Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (По материалам культуры Варна)». Собранные в книге данные показывают, что для культуры Варна характерны высокий уровень развития техники и сложная структура хозяйства, отличительной особенностью которого являлось пашенное земледелие и специализация производств, способствовавшая зарождению ранних форм ремесла (Скакун 2006а). Исключительно интересны проводимые сейчас Н. Н. Скакун раскопки и исследования памятника развитого этапа трипольской культуры — поселения Бодаки на Украине. Выясняется, что это было специализированное поселение (поселение-мастерская) по обработке кремня и изготовлению различных инструментов из макропластин. Эти орудия находили широкое употребление не только на всей территории Триполья, но и в ареалах соседних культур. Предполагается, что на поселении работали мастера-профессионалы и это, возможно, указывает на наличие общинного ремесла (Скакун 2006б). Надо отметить, что Н. Н. Скакун является руководителем комиссии по трасологии в рамках Международного конгресса UISPP. В 2005 г. с ее участием был проведен в Италии международный конгресс: «“Prehistoric Technology” 40 years later: Functional Analysis and the Russian Legacy», посвященный памяти С. А. Семенова и его роли в развитии мировой археологической трасологии (Скакун, Васильев, Плиссон, Клод 2010).

Немного о своей работе. После защиты кандидатской диссертации направленность моих исследований мало изменилась. Расширился лишь круг исследуемых археологических материалов на основе трасологического и технологического методов. Дальнейшая разработка трасологического метода позволила исследовать функции орудий не только среднего, но и раннего палеолита, что обогатило и в чем-то изменило наши представления о развитии орудий труда и хозяйственно-производственной деятельности в эти периоды. Совершенствование трасологического метода было

направлено на то, чтобы получить возможность исследовать относительно слабо изношенные орудия, которые всегда составляют подавляющее большинство в археологических коллекциях. Для этого потребовались специальные эксперименты, в ходе которых были описаны соответствующие эталоны следов изнашивания, проанализированы условия образования на орудиях всех возможных видов следов изнашивания, впервые проведена систематизация и группировка этих следов, выделены их диагностические комплексы. Были выработаны также принципы определения функций орудий. Главные из них — следы изнашивания, выявляемые на орудиях, должны быть достаточными для диагностики функций, т. е. представлять собой совокупности значимых признаков изнашивания, в полной мере отражающих то или иное использование орудий. При этом значимость и достаточность следов изнашивания для определения функций орудий проверяются на основе экспериментальных эталонов (Щелинский 1975; 1977; 1983; Plisson 1988; Shchelinsky 1994; Коробкова, Щелинский 1996). Эти методические разработки были использованы для изучения довольно крупных коллекций каменных орудий ряда стоянок нижнего и среднего палеолита. В итоге была написана докторская диссертация на тему: «Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита», защищенная в 1995 г. (Щелинский 1994). По теме диссертации написан ряд крупных статей (Щелинский 2001а; 2001б; Shchelinsky 1993; 1994; Коробкова, Щелинский 1996), но в полном объеме диссертация пока не опубликована. В настоящее время, в связи с открытием на территории нашей страны древнейших стоянок человека возрастом порядка 2 млн лет, весьма актуальной стала проблема технологии изготовления и функций орудий на наиболее древнем этапе развития культуры. Эта тема очень интересна. Она обеспечена хорошими археологическими материалами, и я с удовольствием работаю над ней.

Старейший сотрудник лаборатории А. Е. Матюхин в свое время успешно изучал технологии изготовления ашельских орудий. Однако постепенно характер его научной работы изменился, он занялся проблемой палеолитических мастерских на Нижнем Дону. Защитив докторскую диссертацию на тему: «Палеолитические мастерские Восточной Европы» (1996 г.), А. Е. Матюхин покинул лабораторию и перешел в Отдел палеолита.

Постепенно отошел от тематики лаборатории и А. К. Филиппов (рис. 13, 2). Его больше интересовала проблема происхождения изобразительного искусства. К тому же А. К. Филиппов много времени отдал

Рис. 13, 2. А. К. Филиппов, сотрудник лаборатории до 2007 г.

административной работе, будучи Ученым секретарем ЛОИА АН СССР. В 1991 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Истоки и природа искусства палеолита» (Филиппов 1991), а в 2004 г. вышла в свет его замечательная монография «Хаос и гармония в искусстве палеолита» (Филиппов 2004).

В 1984 г. в лабораторию были зачислены Г. Н. Поплевко и Е. Ю. Гиря. Оба активно включились в научную работу.

Г. Н. Поплевко начала научную работу с изучения энеолита Нижнего Дона. Ростовский археолог В. Я. Кияшко предложил ей заняться изучением материалов крупного поселения Константиновское. Он исследовал керамику, а каменный инвентарь этого поселения посоветовал изучить Г. Н. Поплевко. Она согласилась, и это определило тему ее научной работы на многие годы. В своих исследованиях Г. Н. Поплевко прежде всего трасолог. Вместе с тем к изучению археологического материала она подходит комплексно. Типологический метод для нее столь же важен, как трасологический и технологический методы анализа и синтеза материалов. С Константиновского поселения был изучен массовый материал, который после трасологической и технологической экспертизы был проанализирован в свете планиграфических данных, что позволило получить сведения не только о функциях каменных орудий, видах производственной деятельности и хозяйстве, но и о структуре поселения. По результатам этих исследований Г. Н. Поплевко подготовила кандидатскую диссертацию на тему: «Методика комплексного исследования каменных индустрий (по материалам поселения Константиновское)», которую защитила в 2000 г. (Поплевко 2000). Несколькими годами позже эта диссертация, дополненная результатами изучения других археологических памятников конца каменного века и эпохи ранних металлов, была издана в виде монографии «Методика комплексного исследования каменных индустрий» (Поплевко 2007). В настоящее время Г. Н. Поплевко работает со многими археологами и изучает материалы целого ряда стоянок и поселений, расположенных на Кольском полуострове, на Нижнем Дону, на Северном и Южном Кавказе, на территории Белоруссии и в других районах. Это важно, поскольку специалистов-трасологов у нас по-прежнему мало, а информация, получаемая с помощью трасологического метода, очень востребована при интерпретации археологических памятников.

Е. Ю. Гиря является специалистом широкого профиля. Он в равной мере хорошо владеет технологическим, трасологическим и экспериментальными методами анализа археологических материалов каменного века и внес ряд новых дополнений в плане развития этих методов. Метод технологического анализа, применяемый Е. Ю. Гирей, позволяет воссоздавать древние процессы обработки камня во всей их целостности. Тем самым выясняется — были ли эти процессы на стоянках полными или, напротив, редуцированными и какое сырье при этом обрабатывалось (местное, импортное, комбинированного происхождения). Удастся также проследить и источники поступления сырья на стоянки. Эти данные являются одним из основных показателей хозяйственных отличий исследуемых стоянок. С другой стороны, реконструируемые особенности технических приемов обработки камня или других материалов отражают стадиальные и культурные особенности технологий и таким образом дополняют арсенал средств для выявления культурных традиций. По результатам этих исследований Е. Ю. Гиря в 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию «Технологи-

ческий анализ пластинчатых индустрий» (Гиря 1993), которая позже была дополнена новыми наблюдениями и издана в виде книги «Технологический анализ каменных индустрий» (Гиря 1997). В последнее время Е. Ю. Гирей получены интересные данные о технологиях изготовления и функциях орудий из разных материалов северной мезолитической стоянки на острове Жохова, стоянок позднепалеолитической костенковско-авдеевской культуры, а также о технике и технологиях изготовления петроглифов, что нашло отражение в его публикациях. Кроме того, он возобновил практику проведения учебных экспериментально-трасологических школ.

Недавно в лабораторию была принята О. В. Лозовская. Она трасолог и специалист по обработанному дереву каменного века. Вместе с В. М. Лозовским она раскапывает уникальное мезо-неолитическое торфяниковое поселение Замостье 2 с относительно неплохо сохранившимися деревянными изделиями, при этом сама же успешно консервирует эти изделия по разработанной ею методике. Комплексные исследования этих материалов стали основой кандидатской диссертации, которую О. В. Лозовская успешно защитила весной 2011 г. (Лозовская 2011).

Надо сказать, что важной составной частью научной работы сотрудников Лаборатории являются полевые археологические исследования. Будучи профессиональными археологами, они регулярно проводят и проводят экспедиции в Туркмении, на Южном Урале, на Кавказе, в Приазовье и на Украине. Результатом этих исследований стали несколько монографий (Щелинский 2007; Щелинский Кулаков 2005; Праслов, Щелинский 1996; Ščelinskij, Širokov 1999). Полевые исследования позволяют получать наиболее информативный археологический материал, пригодный для последующих лабораторных исследований.

В настоящее время Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН является ведущим в России центром трасологического и технологического исследования археологических материалов, направленного на получение достоверных сведений о функциях древних и первобытных орудий труда и палеотехнологиях их изготовления. При этом в научной деятельности лаборатории сочетаются несколько приоритетных направлений:

— Дальнейшее развитие и совершенствование экспериментально-трасологического метода изучения первобытных и древних орудий и изделий из камня, кости, рога, дерева и керамики.

— Разработка новых подходов в методике выявления, фиксации, анализа и интерпретации следов изнашивания от работы на орудиях труда, а также следов изготовления на изделиях и воздействия на природных предметах, в том числе путем экспериментального моделирования.

— Совершенствование методики технологического анализа каменных и костяных (роговых) индустрий и произведений настенного и наскального искусства.

— Экспериментально-трасологические исследования археологических материалов важнейших стоянок, поселений, погребальных комплексов, настенных и наскальных изображений палеолита, мезолита, неолита, энеолита и эпохи бронзы Евразии. Выявление этим путем в археологических материалах новой важной информации — следов использования и изготовления на орудиях, изделиях и естественных предметах из различных материалов как источника для установления действительных про-

Рис. 14. Нынешние сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН: 1 — В. Е. Шелинский (заведующий лабораторией); 2 — Е. Ю Гиря; 3 — О. В. Лозовская; 4 — Г. Н. Поплевко; 5 — Н. Н. Скакун; 6 — Т. А. Шаровская

изводственных функций и способов изготовления первобытных и древних орудий и предметов неутилитарного назначения.

— Технологический анализ орудий и изделий, установление динамики формообразования в процессе их использования и изготовления, реконструкция форм первобытных орудий с рукоятками и составных орудий (наконечников, ножей, серпов, топоров, мотыг и др.). Технологические исследования настенных и наскальных изображений.

— Реконструкция палеотехнологий и видов хозяйственно-производственной деятельности на стоянках и поселениях (обработка камня, кости-рога, дерева, металлообработка, изготовление керамики, обработка шкур, обработка земли, травянисто-злаковых растений, изготовление настенных и наскальных изображений и др.) на основе данных экспериментально-трасологического и технологического анализов археологических материалов и с учетом всего комплекса данных об археологических объектах. Решение вопросов об образе жизни и хозяйстве первобытных общин.

— Полевые исследования археологических памятников с целью получения первичной информации для последующих комплексных исследований.

На данный момент в составе Экспериментально-трасологической лаборатории всего шесть сотрудников (рис. 14). Конечно, это очень мало, и нам хотелось бы, чтобы нас было больше. Для этого мы делаем все от нас зависящее. Мы рады, когда к нам приходят студенты, заинтересовавшиеся археологической трасологией. Хочется надеяться, что они не потеряют интереса к научной работе в этой области и со временем станут нашими коллегами по лаборатории.

Васильев 2006 — *Васильев С. А.* Семенов как теоретик археологии // АВ. 2006. № 13. С. 363–368.

Васильев, Желтова 2008 — *Васильев С. А., Желтова М. Н.* Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК — ГАИМК (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 16–50.

Гиря 1993 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ пластинчатых индустрий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

Гиря 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997.

Зайцева 2007 — *Зайцева Г. И.* Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 93–141.

Кирчо, Коробкова, Массон 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.

Коробкова 1966 — *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии по данным функционального анализа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.

Коробкова 1969 — *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.

Коробкова 1981 — *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1981.

Коробкова 1987 — *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.

Коробкова, Скакун, Шаровская 1982 — *Коробкова Г. Ф., Скакун Н. Н., Шаровская Т. А.* Определение функций каменных орудий по макропризнакам // XI конгресс INQUA: ТД. М., 1982. Т. 3. С. 173–174.

- Коробкова, Шапошникова 2005 — *Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г.* Поселение Михайловское — эталонный памятник древнейшей культуры. СПб., 2005.
- Коробкова, Щелинский 1996 — *Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1996. Ч. 1.
- Лозовская 2011 — *Лозовская О. В.* Деревянные изделия позднего мезолита—раннего неолита лесной зоны Европейской части России: Комплексные исследования (по материалам стоянки Замостье 2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Матюхин 1978 — *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.
- Матюхин 1983 — *Матюхин А. Е.* Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 134–187.
- Матюхин 1996 — *Матюхин А. Е.* Палеолитические мастерские Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996.
- Поплевко 2000 — *Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий (по материалам поселения Константиновское): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Поплевко 2007 — *Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.
- Праслов, Щелинский 1996 — *Праслов Н. Д., Щелинский В. Е.* Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб., 1996.
- Рогачев 1983 — *Рогачев А. Н.* Вместо послесловия // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 191–195.
- Семенов 1940а — *Семенов С. А.* Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 21–26.
- Семенов 1940б — *Семенов С. А.* Результаты исследования поверхности каменных орудий // БКИЧП. 1940. № 6–7. С. 110–113.
- Семенов 1941 — *Семенов С. А.* Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений // МИА. 1941. № 2. С. 203–211.
- Семенов 1957 — *Семенов С. А.* Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957.
- Семенов 1968 — *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Семенов 1974 — *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Семенов 1978 — *Семенов С. А.* Новейшие методы изучения древней техники и хозяйства (научное сообщение) // Вестник Академии наук СССР. 1978. № 9. С. 62–78.
- Семенов 1983 — *Семенов С. А.* Введение // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Семенов, Коробкова 1983 — *Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств (мезолит—неолит). Л., 1983.
- Семенов, Щелинский 1971 — *Семенов С. А., Щелинский В. Е.* Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // СА. 1971. № 1. С. 19–30.
- Скакун 1987 — *Скакун Н. Н.* Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Северо-Восточной Болгарии (в свете экспериментально-трасологических данных): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Скакун 2006а — *Скакун Н. Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (По материалам культуры Варна). СПб., 2006.
- Скакун 2006б — *Скакун Н. Н.* Бодаки — один из центров кремнеобрабатывающего производства на Волыни // Бодаки-2005. Киев; СПб., 2006. С. 64–79.
- Скакун, Васильев, Плиссон, Клод 2010 — *Скакун Н. Н., Васильев С. А., Плиссон Г., Клод Э.* К истокам трасологии. «Первобытная техника» 40 лет спустя: функциональные исследования и русское наследие» (Верона, Италия, 20–23 апреля 2005 г.) // АВ. 2010. № 16. С. 234–243.
- Технология производства... 1983 — Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Филиппов 1977 — *Филиппов А. К.* Связь формы и функций изделий человека в палеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
- Филиппов 1983 — *Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 9–71.

- Филиппов 1991 — *Филиппов А. К.* Истоки и природа искусства палеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1991.
- Филиппов 2004 — *Филиппов А. К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004.
- Щелинский 1974 — *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
- Щелинский 1975 — *Щелинский В. Е.* Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // КСИА. 1975. Вып. 141. С. 51–57.
- Щелинский 1977 — *Щелинский В. Е.* Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 182–196.
- Щелинский 1983 — *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 72–133.
- Щелинский 1994 — *Щелинский В. Е.* Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994.
- Щелинский 2001a — *Щелинский В. Е.* О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // АВ. СПб., 2001. № 8. С. 223–237.
- Щелинский 2001b — *Щелинский В. Е.* Проблема функциональных различий мест обитания людей в среднем палеолите на Русской равнине // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Материалы международной конференции. Сергиев Посад, 2001. С. 15–29.
- Щелинский 2007 — *Щелинский В. Е.* Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб., 2007.
- Щелинский, Кулаков 2005 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х–1930-х годов). СПб., 2005.
- Keeley 1974 — *Keeley L. H.* Technique and methodology in microwear studies // *World Archaeology*. 1974. No 5. P. 323–336.
- Keeley 1980 — *Keeley L. H.* Experimental Determination of Stone Tool Uses. Chicago; London, 1980.
- Plisson 1988 — *Plisson H.* Technologie et tracéologie des outils lithiques moustériens en Union Soviétique: les travaux de V. E. Shchelinskii // *L'Homme de Néandertal*. Vol. 4. La Technique. Liège, 1988. P. 121–168.
- Semenov 1964 — *Semenov S. A.* Prehistoric technology. London, 1964.
- Shchelinsky 1993 — *Shchelinsky V. E.* Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // *Traces et fonction: les gestes retrouvés: Colloque international de Liège*. 1993. Vol. 50. P. 309–315.
- Shchelinsky 1994 — *Shchelinsky V. E.* Méthodes de recherche sur les fonctions des outils lithiques // *Temnata cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria*. Cracyw, 1994. Vol. 1, part 2. P. 85–125.
- Ščelinskij, Širokov 1999 — *Ščelinskij V. E., Širokov V. N.* Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Jgnatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichem Ural. Sigmaringen, 1999.

EXPERIMENTAL-TRACEOLOGICAL LABORATORY OF IHMC RAS: ITS FORMATION, DEVELOPMENT AND CURRENT SITUATION

V. E. Shchelinsky

The Experimental-Traceological Laboratory of IHMC RAS was created by the outstanding Russian archaeologist Sergei Aristarkhovich Semenov — the father of the traceological method (use-wear analysis), which is now widely applied by archaeologists all over the world. The foundation of the laboratory was preceded by a long period of 1930^{es}–1950^{es}, when S. A. Se-

menov carried out his research independently, being a post-graduate student and then a research fellow at the institute. The method was verified on archaeological materials and immediately received unanimous support from colleagues. The essence of the method consists in the identification of microscopic use-wear traces on the working edges of ancient tools. When properly analyzed, these traces can be indicative of both tool functions and physical properties of worked substances. The method was worked out by Semenov with a particular purpose, namely for the study of the history of tools, primordial technologies, and forms of economy. He worked on these problems during all his life. In 1950^{es}–1960^{es} the first students of Semenov (G. F. Korobkova, V. E. Shchelinsky) started their research career, which contributed to a wider application of traceological and experimental studies in archaeology, as well as to the improvement of the method itself. In 1964 the first of Semenov's monographs («Prehistoric Technology») was published in English, and soon after that the traceological method was taken on board by many researchers in West Europe and the USA. The Experimental-Traceological Laboratory was formally established in 1973. It became possible to recruit new staff members, to acquire necessary equipment, and to increase both the scope and quality of the experimental-traceological research. Nowadays the Experimental-Traceological Laboratory of IHMC RAS is the leading research unit of its kind in Russia.

**СОТРУДНИКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ ИИМК РАН
(ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА АН СССР,
1931—2011 гг.)**

Т. А. ШАРОВСКАЯ

ГИРЯ Евгений Юрьевич (1958 г. рожд.) — старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. В ЛОИА — ИИМК с 1984 г.

Основные направления исследований: экспериментально-трассологические исследования в археологии; анализ каменных и костяных индустрий доисторического и исторического периодов; технологический и трассологический анализ наскального искусства.

ЖЕЛТОВА (ПРАСЛОВА) Мария Николаевна (1966 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В Лаборатории работала с 1988 по 1997 г. (перешла в Отдел палеолита). В ЛОИА — ИИМК с 1988 г. Занималась мезолитом и неолитом лесной зоны Европейской части СССР, а также трассологическим анализом каменных орудий.

КОРОБКОВА Галина Федоровна (1933—2007) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, заведующая Экспериментально-трассологической лабораторией (1978—2006 гг.). В ЛОИИМК — ЛОИА — ИИМК с 1957 по 2007 г.

Основные направления исследований: экспериментально-трассологическое изучение орудий труда и хозяйства, реконструкция хозяйственно-производственных систем земледельческих и скотоводческих обществ мезолита, неолита, энеолита и бронзового века Средней Азии, Кавказа и Юго-Восточной Европы.

ЛОЗОВСКАЯ Ольга Владимировна (1962 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ИИМК с 2009 г.

Основное направление исследований: инвентарь из органических материалов торфяниковых памятников мезолита—неолита Европейской части России — комплексное изучение.

МАРЧЕНКО (РАЙСКАЯ) Ирина Эрнестовна (1957 г. рожд.) — старший лаборант. В Лаборатории работала с 1985 по 1987 г. В ЛОИА с 1982 г. Занималась фотосъемкой и экспериментами по изготовлению керамики.

МАТЮХИН Александр Ефимович (1940 г. рожд.) — ведущий научный сотрудник-консультант, доктор исторических наук. В Лаборатории работал с 1977 по 1999 г. (перешел в Отдел палеолита). В ЛОИА с 1974 г.

Основные направления исследований: технология изготовления и функции ашельских макроорудий; палеолитические мастерские Восточной Европы.

ПОПЛЕВКО Галина Николаевна (1958 г. рожд.) — старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. В ЛОИА — ИИМК с 1984 г.

Основные направления исследований: разработка и совершенствование методики комплексных исследований каменных и костяных индустрий; применение методи-

ки комплексных исследований к материалам разных эпох; экспериментально-трасологическое исследование керамики.

СЕМЕНОВ Сергей Аристархович (1898–1978) — заведующий Экспериментально-трасологической лабораторией (1973–1978 гг.), старший научный сотрудник, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии (1974 г.)/ В ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА с 1931 по 1978 г.

Основные направления исследований: разработка трасологического и экспериментального методов в археологии; история орудий труда, первобытной техники и первобытных форм хозяйства.

СКАКУН Наталья Николаевна (1947 г. рожд.) — старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. В ЛОИА с 1972 г.

Основные направления исследований: древнеземледельческие культуры Балкано-Дунайского региона и юго-западной части Восточной Европы; экспериментально-трасологическое и технико-технологическое изучение индустрий неолита—ранней бронзы; реконструкция хозяйственно-производственных систем раннеземледельческо-скотоводческих обществ.

ФИЛИППОВ Анатолий Кузьмич (1929–2009) — ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук. В ЛОИА — ИИМК с 1962 по 2007 г.

Основные направления исследований: технология обработки кости в палеолите и проблемы палеолитического искусства.

ЧАЙКИНА Людмила Геннадиевна (1963 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1979 по 2007 г. Занималась изучением неолита и энеолита лесной зоны Европейской части России.

ШАРОВСКАЯ Тамара Алексеевна (1947 г. рожд.) — научный сотрудник. В ЛОИА — ИИМК с 1973 г.

Основное направление исследований: экспериментально-трасологическое изучение изделий из камня, глины, кости и дерева энеолита, бронзы и раннего железного века Центральной Азии и Северо-Запада России.

ЩЕЛИНСКИЙ Вячеслав Евгеньевич (1939 г. рожд.) — заведующий Экспериментально-трасологической лабораторией (с 2006 г.), ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук. В ЛОИА — ИИМК с 1968 г.

Основные направления исследований: методика трасологических и экспериментальных исследований в археологии палеолита; комплексное изучение раннего, среднего и позднего палеолита Кавказа и Юго-Восточной Европы.

ЯКОВЛЕВА Любовь Михайловна (1983 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ИИМК с 2008 по 2009 г. Занималась исследованием технологии изготовления керамики культуры Триполья.

СТАТЬИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕ-СРЕДНЕАШЕЛЬСКОЙ СТОЯНКИ КУРТАН НА СЕВЕРЕ АРМЕНИИ

Е. В. БЕЛЯЕВА

Менее десяти лет назад ранний палеолит был представлен в Армении лишь поверхностными местонахождениями с ручными рубилами, которые относятся к позднему ашелю (Любин 1998; Любин, Беляева 2006). Однако в непосредственной близости от границ Армении открыта олдованская стоянка Дманиси (Южная Грузия) с абсолютной датировкой около 1,8 млн л. н. (Lumley et al. 2002), а недавно сходные по древности памятники обнаружены в более северных районах Кавказа — в Дагестане (Амирханов 2007) и на Тамани (Щелинский 2010). Если учесть южные истоки первоначального заселения Кавказа, логичен вывод о том, что пути древнейших раннепалеолитических миграций не могли обойти территорию Армении. Следовательно, территория этой страны должна быть очень перспективна для поиска не только верхнеашельских, но и более ранних памятников, включая стратифицированные стоянки.

Чтобы выявить такие памятники и прояснить культурно-хронологическую последовательность раннего палеолита в Армении, было необходимо возобновить полевые исследования и распространить их на еще не изученные районы страны. Эта задача решается сейчас Армяно-Российской археологической экспедицией, возглавляемой С. А. Асланяном (Асланян и др. 2007). Работы, проводимые экспедицией в Северной Армении на территории Лорийского вулканического плато (рис. 1), привели к открытию в этом районе около 20 ашельских местонахождений, на которых собрано более 360 ручных рубил. Одновременно удалось обнаружить стратифицированные памятники с разновозрастными ашельскими индустриями — Куртан, Карахач, Мурадово и Даштадем 3 (рис. 1), которые являются первыми памятниками такого типа в Армении (Асланян и др. 2007; Любин, Беляева 2010). Данная статья посвящена ранне-среднеашельской стоянке Куртан, расположенной на юго-востоке Лорийского плато.

Среднегорное Лорийское плато представляет собой обширную (до 20–25 км в поперечнике) тектоническую впадину, или котловину подтреугольных очертаний, расположенную между тремя хребтами (рис. 1). Западной границей плато является южный отрезок (около 20 км) вулканического Джавахетского хребта, который имеет субмеридианальное направление и продолжается на территории Южной Грузии. С юга плато окаймляет Базумский хребет, а с севера и востока — Сомхетский хребет, по

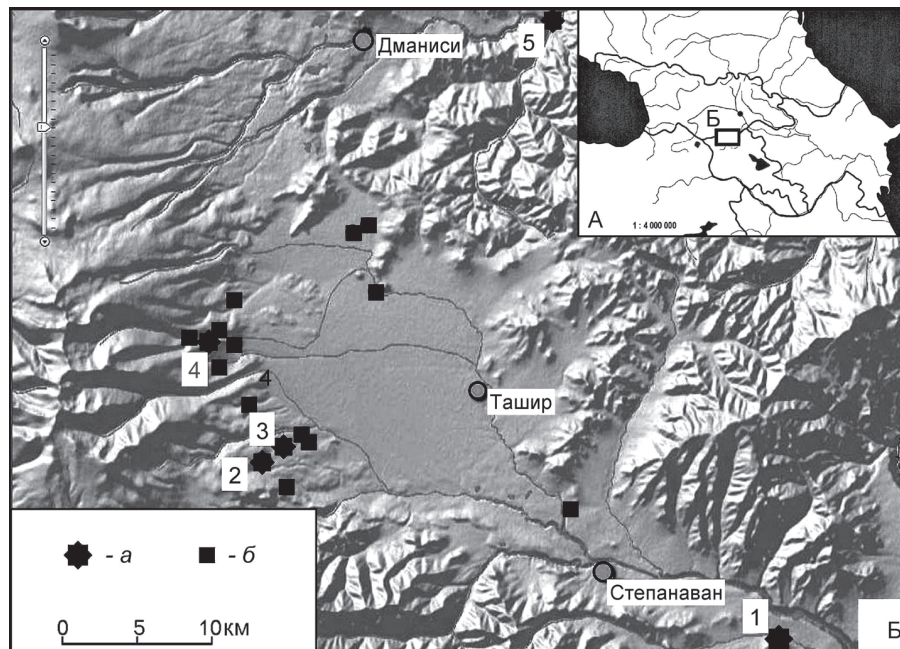

Рис. 1. А — схематическая карта Кавказа с указанием местоположения Лорийского плато (Б); Б — рельефная карта Лорийского плато (Северная Армения) и пограничных районов Южной Грузии с указанием основных раннепалеолитических памятников. Стратифицированные стоянки: 1 — Куртан; 2 — Карахач; 3 — Мурадово; 4 — Даштадем 3; 5 — Дманиси

другую сторону которого, примерно в 15 км от границы с Арменией, находится стоянка Дманиси. Близкое соседство с одним из древнейших памятников Евразии и обилие в предгорьях Джавахетского хребта источников вулканического сырья стали основными причинами, которые обусловили выбор Лорийского плато для развертывания полевых работ Армяно-Российской экспедиции.

Основной водной артерией Лорийского плато является р. Дзорагет, текущая вдоль Базумского хребта на восток. Дно Лорийской котловины сформировано базальтовыми лавами, изливавшимися со стороны Джавахетского хребта, который образовался вдоль одного из крупных разломов в полосе субмеридиональных тектонических структур Транскавказского поперечного поднятия. Полагают, что вначале там был вулкан трещинного типа, а затем стали формироваться вулканы центрального типа, извергавшие породы андезито-базальт-андезит-дацитово-формации, из которых и состоит современный хребет (Харазян 1970). По данным К-Аг абсолютного датирования, извержения базальтов, перемежавшиеся с выбросами других вулканических продуктов, происходили на Джавахетском хребте в интервале около 2,65–1,95 млн л. н. (Лебедев и др. 2008). Базальтовые лавы, относимые к поздней фазе этого интервала, залили широкую полосу предгорных равнин на Лорийском и Дманисском плато и распространились затем на восток по долинам р. Дзорагет и Машавера. Покровные базальты, датированные в интервале 2,0–1,8 млн л. н., лежат в основании отложений стоянки Дманиси (Djaparidze et al. 1989).

Стоянка Куртан находится на расстоянии более 30 км к юго-востоку от Джавахетского хребта, в предгорьях которого сосредоточено абсолютное большинство ашельских памятников Лорийского плато (рис. 1). Памятник был открыт в ходе обследования большого карьера, расположенного напротив сел. Куртан на правом берегу р. Гергер (прав. приток р. Дзорагет), которая стекает с Базумского хребта. Карьер (около 1300 м над уровнем моря), начинающийся у самой реки и вытянутый в южном направлении, вскрыл отложения, мощность которых достигает 15–20 м. На западной и восточной стенах карьера под рыхлыми отложениями обнажаются верхнеплиоценовые покровные долеритовые базальты, возраст которых, видимо, должен быть близок дате, полученной для дманисских базальтов. В Куртане эти базальты перекрываются пемзовыми песками с прослоем вулканического пепла, а над ними залегают пачка супесчано-суглинистых отложений типа палеопочв, среди которых имеются карбонатизированные почвы. Все слои наклонены от бортов по направлению к длинной оси карьера, ориентированной по линии север–юг. Наиболее мощные и сложно устроенные отложения представлены на южной стене. Судя по всему, карьер вскрыл древнюю долину небольшого ручья или балку (?), которая после прекращения стока в р. Гергер была постепенно погребена под коллювиальными отложениями.

Обследования карьера Куртан, начатые в 2004 г., сразу позволили найти под его стенами несколько раннепалеолитических изделий, включая пик и крупный нуклеус (Асланян и др. 2007). На сегодня в осыпях стен карьера и на его дне найдено уже более 30 артефактов (крупное ручное рубило, пики, чопперы, нуклевидный скребок, грубые скребла на плитчатых обломках, нуклеусы и т. п.). Технично-типологический облик этих находок сразу засвидетельствовал, что они явно древнее позднего ашеля. Основным сырьем служили местные породы — риолит и базальт. Источником риолита является близлежащая субвулканическая гора Сурб-Саркис эоценового возраста, а базальт происходит, очевидно, из обнажений лавового потока. Риолит довольно плохо поддается обработке, образуя неровные, «рваные» плоскости раскола. Базальт, нередко имеющий пузырчатую структуру, также является сырьем посредственного качества. Изредка встречаются изделия из галек и валунов иных вулканических пород, происходящих из аллювия р. Гергер.

В 2007 г. на южной и восточной стенах карьера Куртан были заложены две ступенчатые траншеи (Любин, Беляева 2010). В траншее на южной стене (глубина 6,6 м от верхнего края карьера) прослежены 7 слоев, представленных палеопочвами. Верхние и нижние уровни их содержали карбонатные включения. В слоях 2 и 3 на глубине около 1,8–2,4 м был обнаружен уровень с обломками риолита, среди которых имелось 28 изделий (2 небольших острия, 6 скребков, 6 скребел, пиковидное и долотовидное орудия, ряд других орудий, 4 нуклеуса и отщепы). Небольшая зачистка на восточной стене карьера, доведенная до глубины около 4 м, выявила более простую стратиграфию: две карбонатные палеопочвы, перекрытые современным гумусом и подстилаемые вулканическим песком. В нижней палеопочве были найдены 5 изделий (нуклевидный предмет, отщепы) из разнородного сырья.

Участок карьера, где была сделана вторая зачистка, отличался удобным для раскопок уклоном стены и присутствием находок как на поверхности склона, так и в толще вскрытых отложений. В 2008–2009 гг. на этом восточном участке были прове-

Рис. 2. Куртан, разрез отложений в раскопе 2009 г. с указанием мест взятия образцов для абсолютного датирования (черные прямоугольники)

дены раскопки. Вскрытие велось ступенями, ширина раскопа вдоль стены карьера составила 8 м, а максимальная глубина 5,3 м от его верхней кромки. Были зафиксированы 5 слоев (рис. 2):

слой 1 — дерново-почвенный (0,2–0,4 м);

слой 2 — темно-коричневый комковатый суглинок (до 1,5 м) с косыми субвертикальными карбонатными полосками (верхняя палеопочва);

слой 3 — палево-желтая плотная супесь или легкий суглинок (до 2 м) с карбонатными включениями, которые в кровле слоя образуют горизонт крупных сгустков, а ниже — уровни с тонкими прожилками в виде полигональной структуры (нижняя палеопочва). В толще этого слоя, в особенности в нижней части, залегают крупные глыбы базальта до 1,5 м в поперечнике;

слой 4 — серо-коричневый плотный песок (0,4–0,6 м) со следами разновременных кротовин, который представляет собой преобразованную почвенными процессами толщу нижележащего пемзового песка;

слой 5 — белесоватый слоистый пемзовый песок вулканического происхождения (вскрытая мощность — 0,5 м).

Каменные изделия из риолита и базальта, а также из галек других вулканических пород были найдены в слоях 2–4. В слое 2 обнаружено 38 изделий: небольшой нуклеус, 8 отщепов, 3 чоппера, 3 пика, скребла, скребки и другие орудия. На самой границе слоев 2 и 3 обнаружен копьевидный бифас (рис. 3, 1) длиной более 24 см с сильно

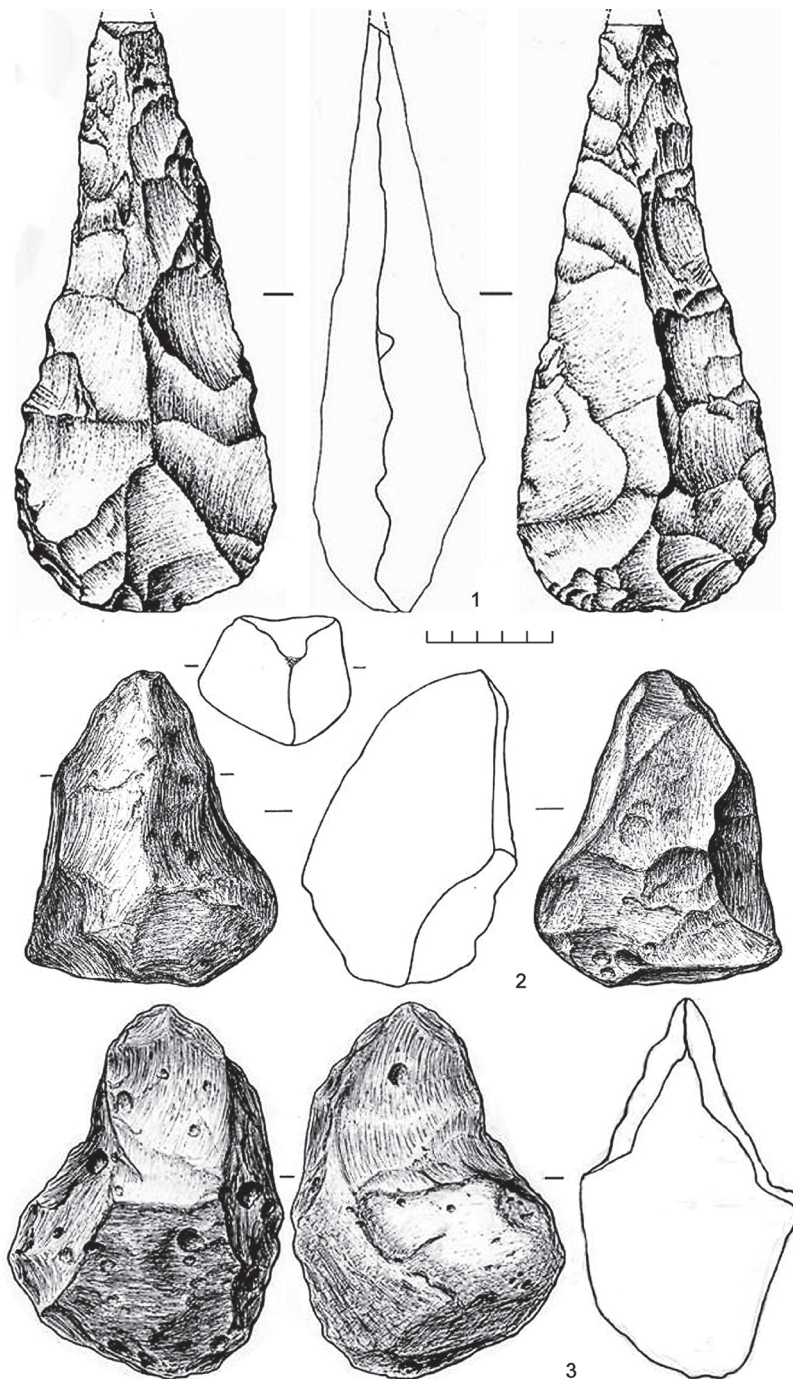

Рис. 3. Куртан, образцы ашельских изделий: 1 — копьевидное ручное рубило (слой 2); 2 и 3 — пик и пиковидное рубило (оба — слой 3)

вытянутым острием (Беляева 2009). Он изготовлен из приносной породы (андезит?). Такой тип рубила не был известен ранее на Кавказе и более всего напоминает рубила из стоянки Латамна в Сирии (Clark 1965). Слой 3 доставил 161 изделие: нуклеус, около 20 отщепов, 6 чопперов, 8 пиков (рис. 3, 2, 3), нуклевидный скребок, скребла, скребки, клювовидные, долотовидные и другие орудия. В слое 3 был найден также обломок эпифиза очень крупной трубчатой кости, принадлежавшей, очевидно, носорогу (личное сообщение М. В. Саблина). В слое 4 обнаружено пока лишь 5 изделий из риолита и базальта, залежавших в его кровле.

Небольшой уклон вскрытых в раскопе отложений и крупных глыб вовнутрь карьера (рис. 2) позволяет предположить, что мы исследуем, возможно, берег древней балки, о вероятном существовании которой в данном месте говорилось выше. Раскопанные участки разных слоев пока очень малы и неравны по площади, однако уже сейчас наблюдаются, на наш взгляд, определенные концентрации находок как в плане, так и по уровням. Прослежено некоторое нарастание архаичных технико-морфологических характеристик от слоя 2 к слою 3.

Для определения возраста отложений в Куртане сегодня можно опереться на хронологически значимые характеристики археологического материала и фауны, а также на абсолютные датировки присутствующих в колонке памятника вулканических песков. В целом, изделия из слоев 4–2 Куртана могут быть определены как ранний-средний ашель. Аналогии между описанным копьевидным рубилом из слоя 2 и рубилами среднеашельского памятника Латамна, имеющего возраст около 1 млн лет, предполагают близкий возраст верхней части отложений Куртана. Материалы нижних слоев 3 и 4 оцениваются как раннеашельские и должны быть древнее. Фауна, найденная непосредственно в раскопе, ограничена единственным фрагментом кости носорога, которую нельзя определить до вида. Известно, однако, что во время разработки карьера местные жители встречали там множество костей. Ныне они утрачены, но в музее сел. Куртан остались, к счастью, хорошо сохранившиеся зубы носорога с примазками карбоната, который свойствен слоям 2–3. Этот носорог был охарактеризован как *Stephanorhinus hundsheimensis*, который является поздним виллафранкско-галерийским видом, встречающимся в отложениях диапазона 1,4–0,5 млн л. н. (Belmaker et al. In press).

Абсолютное датирование вулканических отложений проводилось преимущественно уран-свинцовым методом (U-Pb) по цирконам специфической удлиненной формы, которые образуются при быстром остывании продуктов извержения. Образцы были взяты в четырех пунктах. В верхней части западной стены карьера, непосредственно напротив раскопа на восточной стене, имеется обширное обнажение, демонстрирующее сходную стратиграфическую последовательность. Как и в раскопе, под современной почвой лежат две палеопочвы, а под ними — пемзовые пески, налегающие на базальт. Отличие от колонки, вскрытой в раскопе, состоит в большей мощности обнаженных здесь белесых пемзовых песков и в присутствии в них прослоя серого пепла. Из этого разреза были взяты образцы пеплового прослоя и пемзового песка. Для пепла в Центре изотопного датирования ВСЕГЕИ была получена U-Pb дата $1,373 \pm 0,022$ млн л. н. (Presnyakov et al. In press.). Датирование пемзового песка в одном метре ниже уровня пепла, проведенное в лаборатории Висконсинского университета (США) аргон-аргоновым методом (^{39}Ar – ^{40}Ar), показало абсолютный воз-

раст $1,49 \pm 0,01$ млн л. н. (Belmaker et al. In press.). Было проведено также датирование вулканических отложений, вскрытых в нижних уровнях раскопа (рис. 2). Для мало-мощного культурного слоя 4 (переработанный почвенными процессами пемзовый песок), в котором было найдено несколько ашельских изделий, получена U-Pb дата $1,496 \pm 0,021$ млн л. н. (личное сообщение С. Л. Преснякова). Другой образец был взят на 0,5 м ниже первого из непереотложенного и пока археологически стерильного пемзового песка (слой 5). Датирование его тем же U-Pb методом показало возраст $1,495 \pm 0,026$ млн л. н. С точки зрения методики датирования эти значения неразличимы, т. е. возраст пемзового песка можно оценить в среднем U-Pb датой $1,495 \pm 0,013$ млн л. н. (личное сообщение С. Л. Преснякова).

Подчеркнем, что все полученные даты, несмотря на применение разных методов, хорошо согласуются между собой и с нижней хронологической границей фаунистической находки. Они также не противоречат возрастным оценкам, основанным на характере археологического материала. Разумеется, дата $1,476 \pm 0,023$ млн л. н. для нижнего культурного слоя 4 еще не означает, что находки в этом уровне имеют именно такой возраст. Следует учесть как погрешности метода, так и возможность хронологических разрывов между отдельными уровнями этого слоя вследствие процессов эрозии и переотложения. Тем не менее отсутствие признаков значительного стратиграфического несогласия позволяет думать, что полученные даты должны быть все же достаточно близки ко времени первого появления в Куртане носителей раннеашельской индустрии.

Изучение стоянки Куртан еще только начато. Наряду с накоплением археологических материалов запланировано продолжить изучение литолого-стратиграфических данных и геохронологические изыскания, включая палеомагнитный анализ, что поможет уточнить возрастные характеристики стоянки. Однако уже сейчас не вызывает сомнений, что нижние слои стоянки Куртан соотносятся с древнейшими раннеашельскими памятниками Кавказа и Евразии в целом. В пределах Кавказа более древние датировки для раннеашельской индустрии были получены только по пеплам из отложений памятника Карахач, открытого Армяно-Российской экспедицией в подножье Джавахетского хребта, — 1,6–1,9 млн л. н. (Presnyakov et al. 2010; Presnyakov et al. In press.). Отметим, что Куртан выгодно отличается от Карахача тем, что находки залегают не в пролювии, а в палеопочвах, а также тем, что имеются фаунистические остатки. Куртан обладает определенными преимуществами и по сравнению с Дманиси, поскольку демонстрирует более мощную стратиграфическую последовательность без явных признаков переотложения, отмечаемых для южногрузинской стоянки. Таким образом, в будущем Куртан может стать одним из опорных раннепалеолитических памятников Ближневосточно-Кавказского региона.

Амирханов 2007 — Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007.

Асланян и др. 2007 — Асланян С. А., Беляева Е. В., Колпаков Е. М., Любин В. П., Саркисян Г. М., Суворов А. В. Работы армяно-российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 142–154.

Беляева 2009 — *Беляева Е. В.* Уникальное древнекаменное орудие из Северной Армении // Природа. 2009. № 4. С. 63–66.

Лебедев и др. 2008 — *Лебедев В. Н., Бубнов С. Н., Дудаури О. З., Вашикидзе Г. Т.* Геохронология плиоценового вулканизма Джавахетского нагорья (Малый Кавказ). Статья 2. Восточная часть Джавахетского нагорья. Региональная геологическая корреляция // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2008. Т. 2, № 5. С. 101–123.

Любин 1998 — *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.

Любин, Беляева 2006 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006.

Любин, Беляева 2010 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Новые данные о раннем палеолите Армении / Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 107–126.

Харазян 1970 — *Харазян Э. Х.* Центры извержений в районе Кечутского хребта // Известия АН Армянской ССР. Науки о земле. Ереван, 1970. № 1. С. 15–24.

Щелинский 2010 — *Щелинский В. Е.* Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. М., 2010. С. 57–77.

Belmaker et al. In press. — *Belmaker M., Hynek S. A., Belyaeva E., Lyubin V. P., Chauhan P., Jicha B., Singer B., Aslanyan S.* The earliest Acheulian in the Caucasus: New evidence from the site of Kurtan, Lori Plateau, Armenia // Journal of Human Evolution. In press.

Clark 1965 — *Clark J.D.* The Middle Acheulian occupation site at Latamne, Northern Syria // Annales Archeologiques Arabes Syriennes. Damas, 1965. Т. 16 (2). P. 31–74.

Djaparidze et al. 1989 — *Djaparidze V., Bosinski G., Bugianishvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaia N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Maisuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenishvili E., Schminke H.-U., Sologashvili D., Tushabramishvili D., Tvalchrelidze M., Vekua A.* Der altipalaolithische Fundplatz Dmanisi in Georgian (Kaukasus) // Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1989 (1992). No 36. S. 67–116.

Lumley et al. 2002 — *Lumley H. (de), Lordkipanidze D., Feraud G., Garcia T., Perrenoud Ch., Falqueres Ch., Gagnepain J., Saos T., Voinchet P.* Datation par la methode Ar/Ar de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Georgie) qui a livre des restes d'hominides fossiles de 1,81 Ma // Comptes Rendus Palevol. 2002. N 1. P. 181–189.

Presnyakov et al. 2010 — *Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A.* SHRIMP-II U-Pb dating of Zircons from Volcanic Ashes with the Early Paleolithic Artifacts (Karakhach locality, Armenia): New Evidence for the Earliest occupation of Eurasia (1.9 Ma) // The 5th SHRIMP Workshop and International Workshop on Advances in High Resolution Secondary Ion Mass Spectrometry (HR-SIMS) and LA-ICPMS Geochronology: Application to Geological Processes: Abstract volume. M. Santosh, A. Kroner, Yu Wan (eds.). Beijing, China, 2010. P. 64–65.

Presnyakov et al. In press. — *Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A.* Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb dating of zircons from volcanic ashes // Gondwana Research. In press.

WORKS ON THE EARLY-MIDDLE ACHEULEAN SITE OF KURTAN IN THE NORTH OF ARMENIA

E. V. Belyaeva

Less than 10 years ago the Early Paleolithic of Armenia was represented exclusively by the sites with Late Acheulean materials. The works of the Armenian-Russian Archaeological Expedition in the north of Armenia (the Lori plateau) have led to the discovery of many new occurrences, including 4 stratified sites with Acheulean industries dating from different times. Of special interest among them is the site of Kurtan. It was found in a quarry revealing a series

of paleosoils and underlying pumice volcanic sands, resting on a basalt flow. Early and Middle Acheulean artifacts are associated with the upper part of the pumice sands (layer 4) and paleosoils (layers 3–2). Teeth of rhino *Stephanorhinus hundsheimensis* point to the time range from 1,4–0,5 mya. The U-Pb dates obtained on zircons from pumice layers 4 and 5 gave an age of *ca.* 1,5–1,4 mya, which seems to approach the lower chronological limit for the site. The first results of the works at Kurtan allow one to hope that we have to deal with one of the oldest key sites of the Caucasus and the adjacent regions.

ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ РАЗНЫХ ВИДОВ СЫРЬЯ НА ИЛЬСКОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ)¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

Развитие культуры в палеолите зависело от многих факторов. При этом, наряду с факторами социального характера, несомненно, весьма важную роль играла и природная среда, в которой протекала жизнь палеолитических людей. Они были охотниками и собирателями, и, следовательно, само их существование зависело от наличия мясной пищи. Поэтому расселялись они преимущественно в тех местах и районах, где было достаточное количество промысловых животных. Вместе с тем палеолитические люди не могли также обходиться без природного сырья (камня, дерева), из которого изготавливались орудия для охоты и другой хозяйственной и бытовой деятельности. Однако это сырье, прежде всего каменное, в силу естественных причин не было повсеместно одинакового качества. Со временем появились повышенные потребности в качественном сырье, начался перенос его на большие расстояния, а потом и обмен. Но на ранних этапах палеолита (в раннем и среднем палеолите) люди использовали главным образом наиболее доступное им местное сырье, подчас, по нашим нынешним меркам, не лучшего качества. Вполне очевидно, что качество доступного сырья определяло сферу его применения и особенности технологии обработки. Эти технологии закреплялись в типах изделий и, соответственно, находили отражение в культурном (техничко-типологическом) своеобразии конкретных каменных индустрий. Тем самым освоение и использование того или иного сырья для производства орудий труда создавало основу формирования технологических и культурных традиций палеолитических обществ.

В данной статье речь пойдет об особенностях изготовления и использования каменных орудий труда из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке. Материалы этой стоянки имеют исключительно важное значение для изучения среднего палеолита юга России.

Сначала необходимо остановиться на общих сведениях о памятнике.

Ильская стоянка находится в предгорьях Северо-Западного Кавказа, в Западном Закубанье, на левом берегу небольшой р. Иль (левый приток р. Кубань), в пос. Ильском, в 50 км к юго-западу от г. Краснодара (рис. 1, *А и Б*). Стоянка была открыта более 100 л. н. и в разные годы раскапывалась и изучалась многими исследователями (Щелинский 2009; Щелинский, Кулаков 2005). Правда, далеко не все материалы раскопок должным образом опубликованы. Не завершены и сами раскопки стоянки, приостановленные в связи с отсутствием финансирования. Тем не менее в настоящее время мы знаем о ней гораздо больше, чем раньше.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

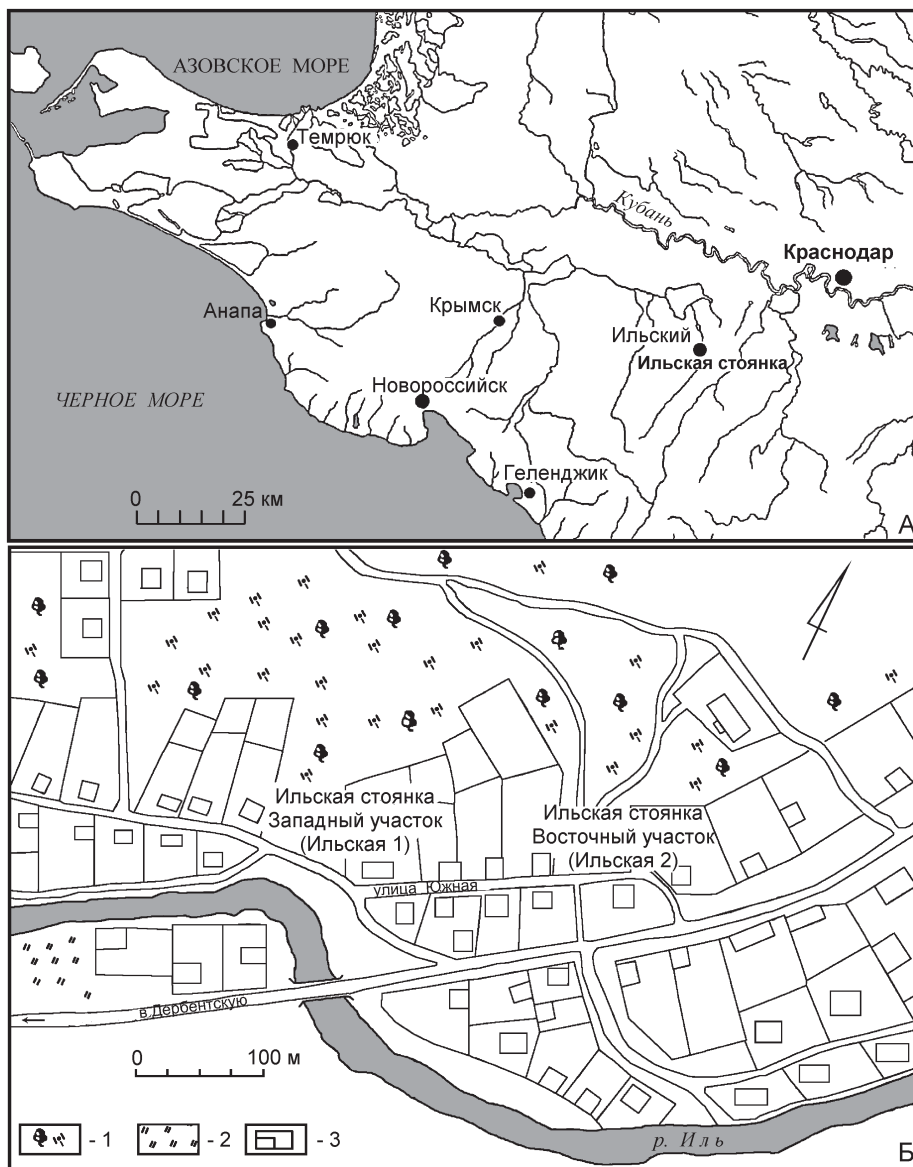

Рис. 1. Расположение Ильской мустьевской стоянки: А — карта Северо-Западного Кавказа; Б — схематический план южной окраины пос. Ильского, местоположение Ильской стоянки: 1 — деревья и кустарники; 2 — луг; 3 — усадьбы

Первое описание стратиграфии стоянки было сделано С. Н. Замятниным в 1928 г., когда в раскопках принял участие почвовед С. А. Захаров из Краснодара. Было установлено, что стоянка располагается на 12–15-метровой террасе, отложения которой включают в себя (сверху вниз): 1) бурый суглинок; 2) ископаемую почву; 3) палевый суглинок; 4) вторую (нижнюю) ископаемую почву; 5) серо-зеленую глинистую су-

песь. При этом культурный слой стоянки связывался с нижней ископаемой почвой, по определению С. А. Захарова, аллювиально-болотного типа, развитой на серо-зеленой глинистой супеси. В. И. Громов, на которого ссылается С. Н. Замятнин, полагал, что самая низкая 5–6-метровая терраса р. Иль имеет вюрмский возраст, а более высокая терраса является рисской. Поскольку культурные остатки залегают в ископаемой почве, сформированной на аллювии этой террасы, то возраст стоянки не может быть древнее конца рисс-вюрмского межледниковья. Позднее В. И. Громов высказал мнение, что стоянка «соответствует по времени началу аккумуляции аллювиальной толщи вюрмской террасы и, таким образом, датируется началом вюрма» (Замятнин 1934: 209–210).

В. А. Городцов, работавший в Ильской позже, тоже относил террасу со стоянкой к риссу. Он приводит более дробную стратиграфию стоянки (сверху вниз):

1.	Чернозем. Нижний край его выражен неясно	0,65–0,7 м
2.	Буровато-желтый суглинок	0,2–0,3 м
3.	Серый мергельный суглинок.....	0,55–0,7 м
4.	Темно-бурый суглинок	0,75 м
5.	Черная почва с нефтяными сгустками и натеками	0,55 м
6.	Темно-серая речная супесь	больше 1 м

Каменные изделия и обломки костей животных были встречены на глубине 1 м, 1,25 м, 2,95 м и 3 м. Последняя отметка соответствовала поверхности темно-серой супеси, залегающей под ископаемой почвой. Иначе говоря, культурные остатки были встречены почти во всей толще вскрытых отложений. Разрез отложений, описанный В. А. Городцовым, отличается от разреза, представленного С. Н. Замятниным. При этом отмечалась только одна ископаемая почва, залегавшая на аллювии. Другой, более молодой ископаемый почвенный горизонт, о котором писал С. Н. Замятнин, ссылаясь на почвовед С. А. Захарова, в раскопках В. А. Городцова отсутствовал (Городцов 1941: 12). Вместе с тем исследователь выделил два новых литологических слоя: темно-бурый суглинок, перекрывававший ископаемую почву, и залегавший на нем серый мергельный суглинок или серый делювиальный мергель. Интересно, что в начале раскопок В. А. Городцов, вслед за С. Н. Замятниным, указывал на наличие на стоянке только одного культурного слоя. Этот слой он связывал с ископаемой почвой (Там же: 11). Что касается каменных изделий и костей животных, обнаруженных выше ископаемой почвы в трех слоях делювия (в буровато-желтом суглинке, в слое серого мергеля и в темно-буром суглинке), то они, по мнению исследователя, залежали во вторичном положении. Первоначально он полагал, что эти находки были снесены делювиальными процессами вниз по склону откуда-то сверху, где находилась ископаемая почва с культурными остатками. Не исключалось также, что находки могли происходить из разрушившихся скальных навесов, располагавшихся выше стоянки и служивших палеолитическому человеку убежищем от непогоды. Поэтому культурные остатки из ископаемой почвы и делювия сначала рассматривались В. А. Городцовым как один комплекс. Позднее он пишет о наличии на стоянке по меньшей мере трех культурных слоев. Древнейший из них (нижний слой) связан с ископаемой поч-

вой, а более поздние залежали в делювии: один (средний слой) — в темно-буром суглинке, другой (верхний слой) — в сером мергельном слое. При этом подчеркивалось, что культурные остатки в этих последних слоях залежали не во вторичном положении, как казалось ему раньше, а *in situ*, т. е. эти культурные слои были совершенно самостоятельными и не имели никакого отношения к нижнему культурному слою. Выше по разрезу в желтовато-буром суглинке находки также встречались, но были довольно редкими. Палеолитические люди, по мнению В. А. Городцова, посещали место стоянки многократно во время рисс-вюрмского межледниковья (нижний культурный слой) и последующего вюрмского оледенения (средний и верхний культурные слои) (Городцов 1940: 90).

Фауна Ильской стоянки из раскопок С. Н. Замятина и В. А. Городцова исследовалась неоднократно, но во всех случаях она не разделялась по слоям. Первоначально ее изучила В. И. Громова. Она первой обратила внимание на то, что среди останков животных доминируют кости бизонов. Причем кости представляют не все части их скелета. В большом количестве имелись обломки трубчатых костей (особенно задних ног), фаланги и челюсти с зубами, а также отдельные зубы. Ребра, напротив, почти отсутствовали. Позвонки встречались в незначительном количестве и в основном были обнаружены шейные и задние позвонки. Это свидетельствует о том, что на стоянку с мест охоты приносили чаще всего ноги, как наиболее мясные части туш, и черепа убитых животных (Громова 1932: 309). Мамонты стоянки были отнесены к виду *primigenius*. По костным остаткам были определены три особи: две совсем молодые и одна почти взрослая. В. И. Громова пришла к выводу, что фауна Ильской стоянки является фрагментом богатой более ранней теплолюбивой интергляциальной фауны, которая во время первой половины рисс-вюрмской эпохи обитала в Восточной Европе и Северной Азии. При этом ильская фауна носит смешанный характер, так как в ней присутствуют элементы как степной, так и горно-лесной фауны. По мнению В. И. Громова, климатические условия во время существования стоянки были во многом такими же, как в настоящее время, что подтверждает геологическую датировку памятника. При этом она ссылалась на доклад авторитетного в свое время геолога Г. Ф. Мирчинка, сделанный им 23.03.1929 г. на заседании Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, в котором он датировал Ильскую стоянку концом последнего интергляциала или самым началом последующего за ним оледенения (Там же: 336–338).

Некоторые коррективы в общую характеристику ильской фауны были внесены Н. К. Верещагиным. Особенно интересны результаты его изучения кусков асфальта (битума), прилипшего к костям бизонов. После растворения битума бензином были найдены остатки кавказской мышовки (*Sicista cf. caucasica*), мелкой змеи, жуков и травянистых растений. Анализ остатков растений, извлеченных из битума, позволил М. Г. Кипиани определить до 20 видов травянистых растений, характерных для группировки выгравного склона. Остатки насекомых были изучены А. В. Богачевым, определившим 18 жуков, муравья и осу. Все эти остатки, как полагал Н. К. Верещагин, говорят о какой-то фазе сильного потепления климата и остепнении предгорий Кавказа (Верещагин 1959: 96–97).

Важные сведения о стратиграфии и возрасте Ильской стоянки были получены Н. Д. Прасловым. Материалы его раскопок, к сожалению, не опубликованы. После

первого года раскопок исследователь указывал на наличие на стоянке двух культурных слоев. Нижний культурный слой был приурочен к ископаемой почве, а верхний залегал на глубине от 2 до 3 м от современной поверхности в серо-зеленоватой плотной мозаичной глине (Праслов 1964: 76). При этом геолог М. Н. Грищенко, побывавший на раскопках, указал на связь стоянки не со второй, а с более древней третьей надпойменной террасой р. Иль высотой 17–20 м (Грищенко 1965: 154). К такому же выводу пришел несколько позднее и В. М. Муратов. По его мнению, культурные слои стоянки залегают в 5-метровой толще делювиальных глин и тяжелых суглинков, отличающихся сильной оглеенностью, что говорит о формировании их в условиях значительной обводненности. Вся толща склоновых отложений с культурными остатками перекрывает третью надпойменную террасу, которая соответствует по времени раннекарангатской (рисс-вюрмской) морской террасе Черноморского побережья Кавказа. Поэтому возраст памятника определялся им как вюрмский, ранневюрмский (Муратов 1969: 34). Сходным образом думала И. К. Иванова. По ее мнению, положение Ильской стоянки в нижней части покровных отложений низкой террасы близко по положению мустьерским стоянкам в Приднестровье, поэтому наиболее вероятный возраст этой стоянки — вюрмский (валдайский). Тем более, что он подтверждается радиоуглеродными определениями — 37200 ± 1800 и 40800 ± 1200 (Je), полученными по костям бизона (Иванова 1982: 395).

Последующими раскопками 1967–1969 гг. было установлено, что делювиальные отложения на стоянке неоднородные и очень изменчивые по цвету и структуре, так как накапливались в условиях интенсивного размыва крутого берегового склона, возвышающегося над стоянкой. В этих отложениях были выявлены два слабо выраженных почвенных горизонта. Один из них (верхний) располагался в желтовато-буром суглинке, второй — под этим суглинком, причем отделялся от него отчетливой линией размыва (Праслов, Муратов 1970: 84; Праслов 1984: 32). Тем не менее, несмотря на такое, казалось бы, ясное деление разреза, исследователь говорит о невозможности выделения в толще делювия четких литологических слоев. Поэтому раскопки стоянки он проводил условными раскопочными горизонтами толщиной примерно по 15 см, не эквивалентными стратиграфическим уровням. Всего таких горизонтов оказалось 12. Верхний (первый) условный горизонт с культурными остатками располагался на глубине 1,7 м от современной поверхности и был приурочен к ископаемому почвенному горизонту. От второго горизонта с находками его отделяла стерильная прослойка толщиной 50 см. Самый нижний, двенадцатый горизонт совпадал с нижней ископаемой почвой, пропитанной нефтью, и находился на глубине около 5 м. Именно в этом горизонте культурные остатки, по мнению исследователя, залежали *in situ* и образовывали истинный культурный слой. При этом ископаемую почву, содержащую этот культурный слой, Н. Д. Праслов относил к последнему интергляциалу (рисс-вюрму) на том основании, что эта почва располагается в кровле аллювия третьей террасы, хорошо развита и содержит теплолюбивую фауну насекомых, о которой писал Н. К. Верещагин (Праслов 1984: 32). Культурные остатки, залежавшие в делювии над нижней ископаемой почвой, по мнению Н. Д. Праслова и В. М. Муратова, были частично смещены и вся толща, включавшая их, существенно деформирована (Праслов, Муратов 1970: 84–85).

Таким образом, раскопками В. А. Городцова и Н. Д. Праслова было твердо установлено, что Ильская стоянка является многослойным памятником. При этом ее культурные слои залегают в отложениях делювиального генезиса, перекрывающих третью (вюшатскую, по С. А. Несмеянову) надпойменную террасу р. Иль, аллювий которой многими исследователями сопоставляется с раннекарангатскими отложениями Черноморского побережья и относится к последнему (микулинскому, эемскому, рисс-вюрмскому) межледниковью или, по современным представлениям, к кислородно-изотопной стадии 5e (Муратов 1969: 35; Праслов, Муратов 1970: 84; Чепалыга и др. 1989: 113–120; Несмеянов 1999: 96, 176–181). Нижний культурный слой стоянки связан с нижней погребенной почвой, развитой на аллювиальной супеси террасы и, следовательно, может быть датирован в интервале от микулино до первого интерстадиала валдайского (вюрмского) оледенения (изотопные стадии 5e–с). Верхние культурные слои стоянки были лишь зафиксированы, но возраст их не установлен.

Большим пробелом отмеченных выше исследований является то, что раскопки прекращались после разборки культурного слоя в нижней погребенной почве. Залегающие под ней аллювиальные отложения террасы практически не вскрывались и не исследовались. Например, С. Н. Замятин лишь вскользь упоминает, что основу террасы со стоянкой образует серо-зеленая глинистая супесь и именно на ней залегают нижняя ископаемая почва с культурным слоем (Замятин 1934: 209). В. А. Городцов эту супесь характеризовал как темно-серую и считал, что она составляет верхнюю часть аллювия террасы (Городцов 1941: 11). В. М. Муратов в 1967 г. пытался выяснить характер аллювия террасы с помощью ручного бура, но ограничился лишь упоминанием, что кровля его находится на высоте 10,5 м над рекой (Муратов 1969: 35).

В 2003 г. с помощью шурфов были получены дополнительные сведения об аллювиальных отложениях, подстилающих нижний культурный слой стоянки. При этом, чтобы не затронуть культурные слои, шурфы были поставлены ниже раскопа Н. Д. Праслова, в том месте, где находились траншеи и раскоп С. Н. Замятина 1926 и 1928 гг. Ставя шурфы, я исходил из того, что исследователь, раскопав культурный слой, не слишком сильно углублялся в нижележащие речные осадки и существенно не нарушил их. Это полностью подтвердилось. Большую часть разрезов шурфов составила именно засыпка и отвалы старых раскопов, а под ними залежали мало затронутые раскопками аллювиальные отложения, оказавшиеся не совсем такими, как их описывали. В результате было установлено, что на месте стоянки имеется два разновременных комплекса аллювиальных отложений, располагающихся на разной высоте и принадлежащих самостоятельным речным террасам. Верхний из них (третья надпойменная терраса) состоит из серого песка и коричневатой-желтой супеси. Именно на ней развита гидроморфная погребенная почва, содержащая нижний культурный слой стоянки. Более молодой аллювиальный комплекс представлен как русловыми, так и пойменными отложениями и, очевидно, принадлежит к наиболее поздней плейстоценовой второй надпойменной террасе р. Иль (майкопской, по С. А. Несмеянову). Аллювиальные отложения этих террас сближены и располагаются на высоте приблизительно 12–13,5 м над рекой. Цоколи террас не удалось зафиксировать. Сами террасы довольно плохо выражены в рельефе, так как перекрыты делювиальными отложениями различной мощности. Относительная высота третьей надпойменной терра-

сы составляет 17–20 м, а второй надпойменной террасы — 10–14 м над уровнем реки. Культурных остатков в аллювиальных отложениях той и другой террас не встречено. Вместе с тем интересна находка кости мамонта в песчаном слое более низкой из этих террас.

В целом такая же, но более четкая стратиграфия была установлена и на восточном участке стоянки (Ильская 2), расположенном в 170 м к востоку и ниже по реке от места прежних раскопок (западный участок или Ильская 1; рис. 1, Б). Восточный участок стоянки был открыт нами в 1979 г. и раскапывался в течение нескольких полевых сезонов (Щелинский 1980: 130; 1982: 356–357; 1985: 377–379; 1993: 7–10; 2005: 309–316). На этом участке хорошо сохранилась целая серия мустьерских культурных слоев. При этом здесь, в отличие от западного участка стоянки, они залегают не только в покровных делювиальных отложениях, но и в аллювиальных отложениях третьей (вюшатовской) надпойменной террасы р. Иль. Наиболее полный разрез отложений этой террасы был выявлен в раскопе 1, расположенном на высоте около 17 м над руслом реки. В нем сверху вниз была зафиксирована следующая последовательность слоев (рис. 2):

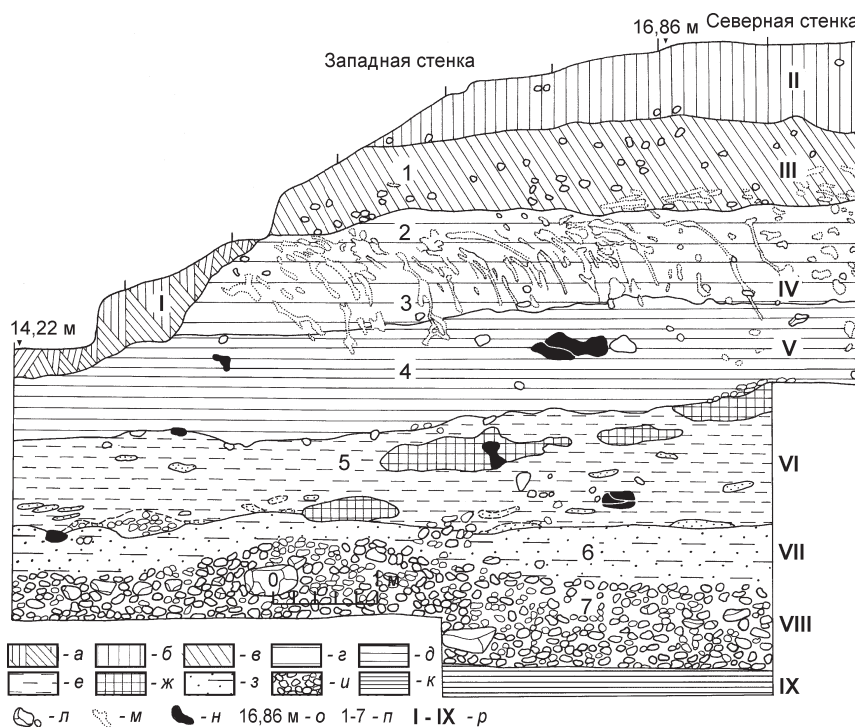

Рис. 2. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, разрез отложений по западной и северной стенкам: а — насыпной грунт; б — черноземный слой современной почвы; в — желтовато-коричневый суглинок; г — коричневатая-серая глина; д — голубовато-серая глина; е — бурая глинистая супесь; ж — линзы твердого битума; з — синевато-серый глинистый песок; и — галечник; к — синевато-серая глина палеогенового возраста; л — камни, щебень; м — карбонатные включения; н — кости; о — нивелировочные отметки поверхности относительно русла реки; п — культурные слои; р — литологические слои

- I. Осыпь
- II. Черноземный слой современной почвы. Суглинок гумусированный, темно-серый и черный, у основания — коричневый, тяжелый, комковатый, с редкой оглаженной щебенкой и единичными глыбами доломитов. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, извилистых и изломанных очертаний 0,5–0,8 м
- III. Суглинок желтовато-коричневый, внизу сероватый, тяжелый с многочисленной (местами от 10–15 до 30 %) мелкой (0,5–2 см) и более крупной оглаженной щебенкой и единичными глыбами доломитов; обломочный материал распределяется неравномерно небольшими скоплениями с неясными очертаниями, обломки залегают хаотично, часто на узких гранях; повсеместно, особенно в средней и нижней частях слоя, много вкраплений и мелких (1–2 см) комочков извести. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, волнистых очертаний, местами с размывом 0,55–0,9 м
- IV. Глина коричневатая-серая с синеватым оттенком, в верхней части более темная, вероятно, гумусированная, в нижней — светлая, сильно обызвествленная, заметно ожелезненная, плотная, оскольчатой структуры (при высыхании покрывается сеткой трещин), с небольшим содержанием (5–10 %) щебенки и единичными глыбами доломитов; содержит многочисленные включения извести светло-серого цвета, вверху рыхлые, в средней и нижней частях слоя — окаменевшие; карбонаты образуют ветвистые прожилки, утолщающиеся до 5–6 см вниз по разрезу; в верхней части слоя эти прожилки извести почти горизонтальные, а ниже по разрезу они загнуты вниз по склону, что указывает на сползание глин; ожелезненность слоя в основном мелкопятнистая. Переход к нижележащему слою постепенный 0,8–1,2 м
- V. Глина голубовато-серая (сизая), ожелезненная, без обломочного материала, плотная, оскольчатой структуры, с небольшим количеством карбонатов; последние преимущественно в виде твердых стяжений и кристаллов кальцита; ожелезненность характерна для нижней половины слоя, где образует широкие горизонтальные и косо наклонные полосы ярко-ржавой окраски. Контакт с нижележащим слоем отчетливый 0,7–1,0 м
- VI. Супесь бурая, глинистая, очень плотная, в верхней части местами серая и темно-серая, гумусированная, а ниже более рыхлая и слоистая, содержит многочисленные бесформенные конкреции и прослойки прочных окаменевших карбонатов, а также вкрапления высохшей нефти и отдельные крупные линзы твердого, как асфальт, битума. Нижний контакт постепенный 0,5–1,3 м
- VII. Песок синевато-серый, глинистый, рыхлый, слоистый, с прослойками и линзами галечно-гравийного материала, сильно пахнет нефтью 0,5 м
- VIII. Галечник, обогащенный слабо окатанным и неокатанным щебнем и глыбами доломитов с синевато-бурым песчано-глинистым заполнителем, пропитан нефтью; гальки хорошо окатанные, мелкие и средние, единичные достигают 15–20 см в поперечнике, в основном из песчаников, часто выветренные и режутся ножом; имеются также мелкие гальки из лидита, кварца и других кремнистых пород. Контакт с нижележащим слоем отчетливый 0,8–1,0 м
- IX. Глина темная, синевато-серая палеогенового возраста.
Цоколь террасы

В описанном разрезе представлены две генетически различные пачки отложений террасы: делювиальная (слои II–V) и аллювиальная (слои VI–VIII). Аллювий представлен русловым галечником и пойменным песком и супесью. Высота его над современным руслом реки составляет 13,5 м. Выявлен и цоколь террасы, располагающийся на относительной отметке 11 м. Совершенно очевидно, что перед нами та же 17–20-метровая третья надпойменная терраса, которая была описана на западном участке стоянки. Галечный слой разреза обогащен слабо преобразованным водой коллювиальным обломочным материалом, что связано с близостью коренного склона долины. В пойменной глинистой супеси (слой VI) также встречается мелкий слабо окатанный обломочный материал. Сверху эта супесь гумусированная, т. е. подверглась процессам почвообразования до того, как была перекрыта склоновыми отложениями. К тому же в древности она была пропитана нефтью и содержит линзы битума. Интересно, что в данном разрезе нет по-настоящему выраженной ископаемой почвы, имеющейся в кровле аллювия на западном участке стоянки, что, по-видимому, связано с фациальными условиями осадконакопления. На западном участке погребенная почва сформировалась в условиях заболоченности на поверхности аллювия, тогда как на восточном участке такие условия, надо полагать, отсутствовали. Делювиальные отложения, перекрывающие аллювий террасы, разделяются на две части: нижнюю (слои IV–V) и верхнюю (слои II–III). Между ними имеется отчетливый перерыв в осадконакоплении и явный размыв верхней части слоя IV. Нижняя часть делювиальной пачки отложений исключительно глинистая, содержит незначительное количество щебня и окрашена в «холодный» цвет. Это может свидетельствовать о наличии обильной растительности на склонах, замедлявшей эрозионные процессы, и на влажный и прохладный климат времени накопления глин. Глина слоя IV обогащена известью, заполнившей трещины усыхания, что может указывать на засушливый климат, наступивший после формирования глинистой толщи. Обращает на себя внимание, что сверху эта глина заметно темнее, чем ниже по разрезу, и, по-видимому, гумусированная. Можно предполагать, что это остатки размытой склоновой эрозией интерстадиальной почвы. Верхняя часть делювиальной пачки отложений (слои II и III), отделенная от нижней части линией размыва, иная. Она представлена тяжелыми суглинками с большим количеством грубого обломочного материала. Не вызывает сомнений, что эти отложения, на которых впоследствии образовалась мощная современная почва (слой II), накапливались в условиях активных эрозионных процессов, вызванных, как можно думать, холодным климатом при неразвитой растительности на склонах долины.

Эти суждения о вероятных условиях формирования геологических слоев на стоянке в целом согласуются с данными палинологических исследований, выполненных в 1982 г. Е. А. Романовой. Исследована верхняя часть разреза (до слоя VI включительно). Всего прослежено 9 спорово-пыльцевых комплексов. Палинологические исследования указывают на неоднократные изменения состава растительности во время накопления толщи отложений на стоянке, что, очевидно, было связано с колебаниями климата. При этом климат был в целом холоднее современного. В течение всего отрезка верхнего плейстоцена, представленного в изученной части разреза, растительность имела лесостепной характер с периодическим преобладанием то лес-

ного, то степного ландшафта. Подтверждается, что литологический слой VI формировался в достаточно теплых условиях. Выше по разрезу выявляется чередование спорово-пыльцевых спектров стадийного и интерстадийного характера (верх литологического слоя IV) на фоне усиливавшегося общего похолодания климата.

В описанной толще отложений выделено семь мустьерских культурных слоев, связанных литологически различными слоями. Три нижних культурных слоя (слои 5–7) залегают в отложениях водного происхождения, в аллювии террасы. Казалось бы, в таких отложениях эти культурные слои должны были быть полностью разрушены рекой. Однако они сохранились и только в незначительной степени были повреждены водой. Нет сомнений, что оставившие их мустьерские охотники жили близко к воде на низкой периодически подтопляемой древней пойме и непосредственно на песчано-галечном пляже реки. Самый древний 7-й культурный слой располагается в занефтеванном в древности русловом галечнике террасы (литологический слой VIII), а 6-й культурный слой залегают на 50–60 см выше 7-го слоя и связан с сине-серым глинистым речным песком, также пропитанным нефтью (литологический слой VII). Пачку культурных слоев, сформировавшихся в аллювиальных отложениях речной террасы, завершает 5-й культурный слой. Он лежит в верхней части бурой гумусированной и отчасти занефтеванной супеси, слагающей древнюю пойму реки (литологический слой VI).

Другие культурные слои (1–4) залегают в склоновых делювиальных глинах и суглинках, перекрывающих аллювиальные отложения древней террасы. В самой нижней части делювиальной толщи находится 4-й культурный слой, связанный с плотной голубовато-серой (сизой) глиной (литологический слой V), 3-й культурный слой располагается выше в нижней половине слоя коричневатой-серой глины, насыщенной рыхлыми карбонатами (литологический слой IV), а 2-й культурный слой связан с той же самой глиной, но с верхней, более темной ее половиной (размытая ископаемая почва?). Наконец, 1-й культурный слой находится в самой верхней части делювиальной толщи, образованной желтовато-коричневым суглинком, насыщенным грубым обломочным материалом (литологический слой III).

Важная информация о стратиграфии стоянки была получена в раскопе 2, поставленном в 6 м ниже по склону от раскопа 1 на поверхности, как предполагалось, второй (майкопской) надпойменной террасы, хорошо выраженной в рельефе. Раскопки это подтвердили (рис. 3). При этом оказалось, что в этом раскопе представлен не только весь комплекс делювиально-аллювиальных отложений второй надпойменной террасы (литологические слои I–VI), но и частично отложения третьей надпойменной террасы (литологические слои VII–IX), описанные в раскопе 1 (литологические слои VII–IX раскопа 2 соответствуют литологическим слоям VI–VIII раскопа 1). Как и в раскопе 1, к этим слоям приурочены наиболее древние культурные слои стоянки (5–7). Таким образом, в раскопе 2 отложения второй надпойменной террасы как бы вложены в нижнюю часть отложений третьей надпойменной террасы. Надо сказать, что раскоп 2 является не единственным местом на территории стоянки, где установлены аллювиальные отложения второй террасы, с размывом налегающие на отложения третьей террасы. При этом показательно, что, например, в шурфах 3 и 4, расположенных западнее раскопа 2, в аллювии второй террасы най-

лись в начале вюрма (валдая). При этом следует учесть отсутствие сколько-нибудь заметного перерыва между завершением аккумуляции аллювия и началом накопления делювиальных отложений на террасе, включающих культурные слои, равно как и постепенный характер осадконакопления делювия в нижней части разреза. Четкий перерыв в осадконакоплении фиксируется лишь в верхней части разреза между литологическими слоями III и IV. Этот перерыв связан с размывом верхней части литологического слоя IV и развитой на нем ископаемой почвы (сохранились ее остатки), соответствующей, вероятно, интерстадиалу оддераде. Исходя из этого, культурные слои 3–4 синхронизируются со стадиями 5b–5d (115–83 тыс. л. н.), а культурный слой 2 — с интерстадиалом оддераде (стадия 5a — 83–72 тыс. л. н.). Поверх этого культурного слоя в разрезе хорошо выражен перерыв в осадконакоплении, что является важным показателем существенного изменения климатических условий на последнем этапе существования стоянки. Очевидно, климат стал сухим и холодным. На склонах долины р. Иль было мало растительности, при этом уровень реки сильно понизился (врез и углубление русла, предшествующее накоплению аллювия второй надпойменной террасы), что привело к бурному развитию склоновой эрозии и образованию на террасах тяжелых суглинков с большим количеством щебня из местных пород. Именно в таких условиях происходило формирование самого позднего, 1-го культурного слоя стоянки, залегающего в щебнистом суглинке литологического слоя III. Следовательно, этот культурный слой вполне допустимо коррелировать с первым холодным максимумом валдайского оледенения (стадия 4 — 72–57 тыс. л. н.) или началом стадии 3.

Культурная атрибуция Ильской стоянки довольно противоречива. В значительной мере это связано с тем, что долгое время ее археологический материал не расчленили по слоям и рассматривали в целом как один комплекс. Однако общая специфика инвентаря стоянки была замечена еще С. Н. Замятниным. Он определил его как мустьерский, но с некоторыми оригинальными чертами. При этом имелось в виду, прежде всего, наличие орудий, обработанных с обеих сторон, а также их небольшие размеры (рис. 4–7). В этой связи он писал: «Если мы станем рассматривать индустрию Ильской в целом с ее массивными двусторонне обработанными мелкими ручными рубилами, то мы сразу же можем поместить этот материал в особую группу местонахождений восточного мустье и сблизить его с типами микока». И далее: «Площадь распространения этой культуры включает в себя Германию, Австрию, Моравию, Польшу, Венгрию и Трансильванию, и продолжается с Ильской, через Украину и Юг России, до Крыма и Северного Кавказа. Причем все эти местонахождения, расположенные на обширном пространстве, никоим образом не синхронны, они принадлежат разным фазам мустье. Ильскую стоянку можно рассматривать как характерную для развитого восточного мустье» (Zamiatnine 1929: 293). Большинство исследователей в те годы согласилось с предложенной С. Н. Замятниным культурной интерпретацией стоянки. Различия во взглядах были небольшими и касались главным образом определения ее археологического возраста. Так, Г. А. Бонч-Осмоловский и Н. Л. Эрнст, работавшие со сходными крымскими материалами, относили Ильскую стоянку к более раннему времени — к концу ашея. Основанием для такой датировки для них было наличие на стоянке двусторонне обработанных изделий, яв-

ляющихся, по их мнению, хронологическим показателем. Ближайшие аналогии Ильской они, как и С. Н. Замятнин, видели в среднепалеолитических стоянках типа ля Микок, расположенных не только в Крыму, но также в Польше, Германии и Франции (Бонч-Осмоловский 1934: 142; Эрнст 1934: 203, 206). Позднее появились и другие точки зрения. Например, П. П. Ефименко относил Ильскую стоянку к позднему мустье восточного типа, основываясь на присутствии в ней двусторонне обработанных острий и значительного набора позднепалеолитических форм орудий, а также довольно сложной структуры культурного слоя, выявленной раскопками В. А. Городцова в 1930-е гг. (Ефименко 1953: 207). Этой точки зрения придерживались и другие исследователи. В частности, А. А. Формозов полагал, что Ильская стоянка относится к концу мустьерской эпохи, и обращал внимание на наличие в ее инвентаре тонких уплощенных двусторонне обработанных орудий, узких остроконечников, асимметричных острий, близких остриям типа шательперрон, а также скребков и резцов. Изящный треугольный наконечник с обработанным основанием, имеющийся среди орудий стоянки (рис. 6, 4), он, вслед за А. Н. Рогачевым (1957), считал непосредственным предшественником треугольных наконечников из ранних верхнепалеолитических стоянок Русской равнины (Стрелецкая; Костенки I, нижний слой; Костенки 12 и Сунгирь). Вместе с тем, по его мнению, Ильская является типичным памятником мустье с ашельской традицией (Формозов 1965: 33–39). Довольно поздним временем (концом раннего вюрма) датирует Ильскую стоянку Г. Бозински. В качестве наиболее характерных форм изделий в индустрии стоянки он видит двусторонне обработанные изделия, в том числе орудия асимметричной формы, и особенно листовидные острия. Последние, с его точки зрения, вполне согласуются с преобладанием на стоянке костей бизонов (Bosinski 1967: 60–61). Ильскую стоянку он выделил в особый тип инвентаря, который вместе с селетом и альтмюльской группой (Altmühlgruppe) на периферии Центральной Европы составляют комплекс стоянок с листовидными наконечниками. При этом предполагается, что этот комплекс с листовидными наконечниками является результатом развития микока и следует по времени непосредственно за ним (Ibid.: 83). Напротив, М. Габори, изучавший материалы Ильской стоянки несколько позже, считал ее типично микокским (восточномикокским) памятником и датировал стоянку умеренной фазой раннего вюрма — брерупом (Gábori 1976: 137).

Инвентарь Ильской стоянки из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова в той или иной степени изучали и интерпретировали и другие исследователи. Так, В. П. Любин при оценке инвентаря стоянки в целом сначала видел в ней памятник типичного мустье, хотя и с шарантским компонентом и примесью мустье понтийского типа (Любин 1977: 197). Позднее он примкнул к общепринятой точке зрения и отнес ее к микоку (Любин 1994: 160). На принадлежность Ильской стоянки к восточноевропейскому микоку указывает также Л. В. Голованова. По ее мнению, Ильской особенно близка на Северо-Западном Кавказе Мезмайская пещера (слои 3 и 2Б-4), расположенная высоко в горах в верховьях р. Курджипс на краю Лагонакского плато (Голованова 1993: 25). Предполагается, что эти памятники синхронны и могут быть датированы первой половиной среднего вюрма, хотя для Ильской не исключается и межстадиальный возраст в пределах раннего вюрма (Голованова, Дороничев 2003: 10).

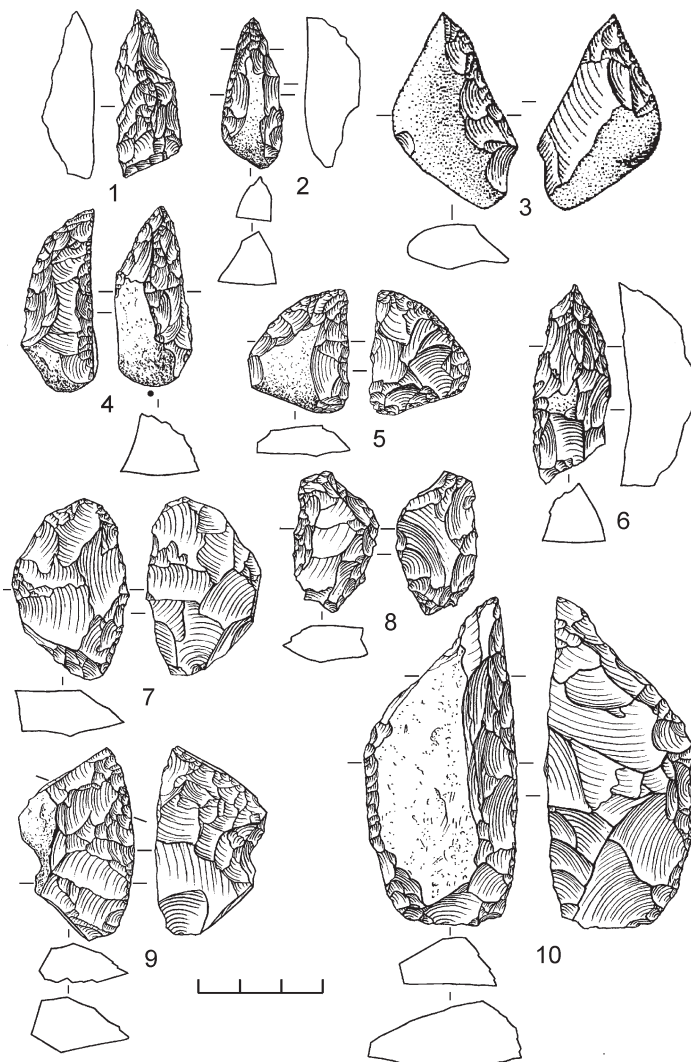

Рис. 4. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятина и В. А. Городцова), орудия из кремня (1, 4, 6–9), лидита (2, 3, 5) и окремненного алевролита (10): 1, 2, 4, 6 — узкие толстые остроконечники с «гребешком»; 3, 8, 9 — однолезвийные кайльмессеры; 5, 7, 10 — двухлезвийные кайльмессеры

В конце 1960-х гг. представление об однослойности Ильской стоянки попытался изменить Н. К. Анисюткин. Он изучил коллекции находок из раскопок С. Н. Замятина 1926 и 1928 гг., рассматриваемые как один комплекс, и находки В. А. Городцова раздельно из нижнего и верхних слоев (в настоящее время коллекции В. А. Городцова, хранящиеся в МАЭ РАН, смешаны). В результате технико-типологического анализа этих коллекций Н. К. Анисюткин пришел к выводу, что в верхних слоях, залегающих над основной ископаемой почвой, скребла среднепалеолитических типов и

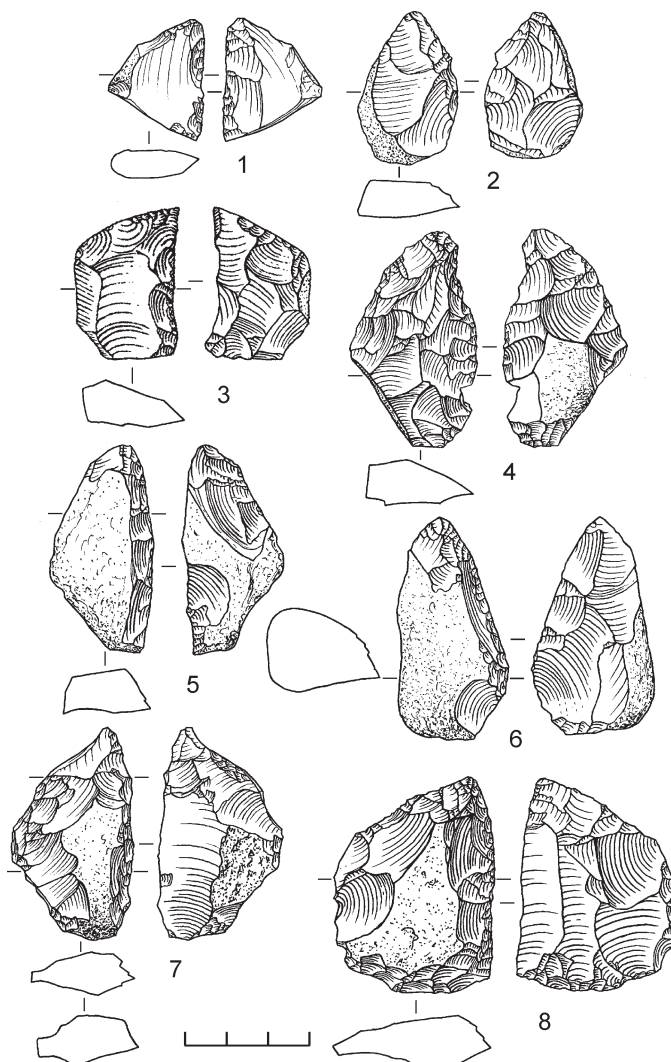

Рис. 5. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятнина и В. А. Гордцова), кайльмессеры из кремня (1, 3, 4, 6–8) и литита (2, 5): 1–6, 8 — двухлезвийные; 7 — однолезвийный

двусторонне обработанные орудия довольно редкие. Вместе с тем в них хорошо представлены пластины и верхнепалеолитические формы орудий, а также леваллуазская техника расщепления камня, базировавшаяся на местном доломите. В нижнем слое, по его наблюдениям, эта техника выражена гораздо слабее. Здесь много скребел, часто массивных (преобладают простые с выпуклым лезвием и поперечные), в большом количестве имеются двусторонне обработанные орудия, главным образом скребла и остроконечники, в том числе и листовидные остря. При этом орудия верхнепалеолитических типов малочисленны и невыразительны. Однако технико-типологические

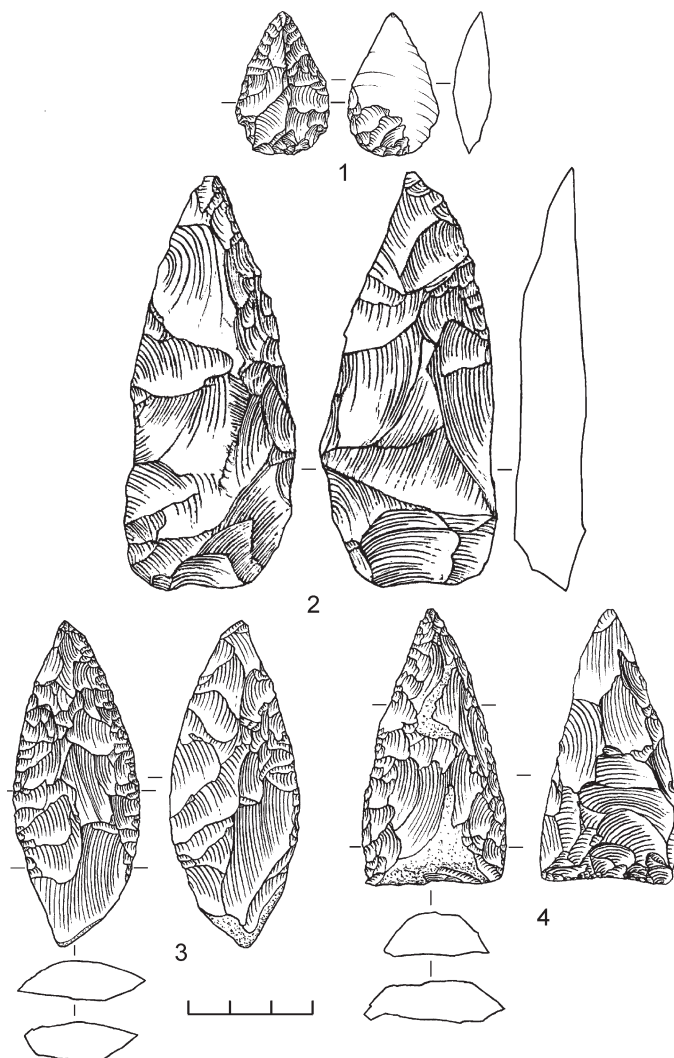

Рис. 6. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятнина), наконечники из лидита (1, 3, 4) и доломита (2): 1, 3 — листовидные; 2, 4 — треугольные с обработанным основанием

различия инвентаря нижнего и верхних слоев, по Н. К. Анисюткину, носят количественный характер, так как в обоих слоях присутствует, хотя и в разных пропорциях, одинаковый набор признаков. Поэтому все слои стоянки Н. К. Анисюткин определил как одну мустьерскую культуру, развитие которой выразилось в «трансформации более примитивного инвентаря нижнего слоя в более совершенный инвентарь верхних слоев» (Анисюткин 1968: 118–125). Недавно Н. К. Анисюткин изменил свою точку зрения. Индустрию нижнего слоя стоянки он включает в круг шарантоидных индустрий юга Русской равнины, а материалы из верхних слоев (верхний комплекс,

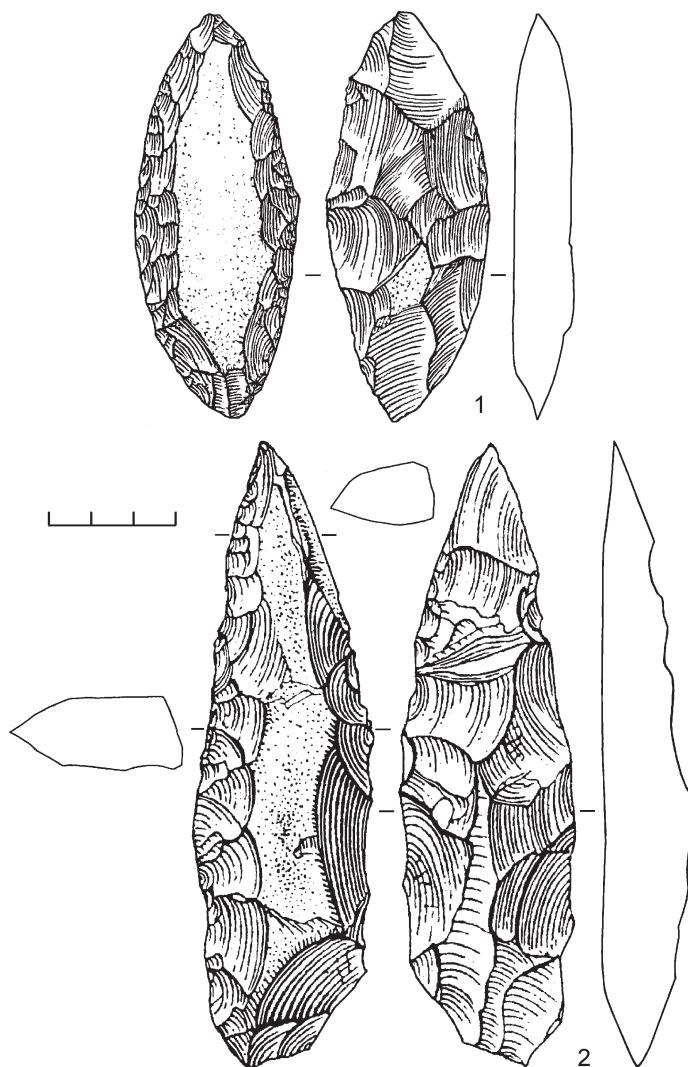

Рис. 7. Ильская стоянка, западный участок (раскопки С. Н. Замятина), орудия из доломита: 1 — листовидный наконечник; 2 — однолезвийный кайльmesser

по Н. К. Анисюткину) относит к «типичному мустье фации леваллуа с ослабленным «шарантским» компонентом, но более заметным верхнепалеолитическим» (Анисюткин 2007: 50–51).

Большой материал из раскопок Н. Д. Праслова 1963–1969 гг. практически не исследован. По предварительному заключению автора раскопок, этот материал в целом однороден. Например, двусторонне обработанные орудия, принимаемые за отличительный признак индустрии стоянки, выявлены во всех раскопочных горизонтах. На этом основании он полагал, что Ильская стоянка представляет собой остатки

«одной мустьерской культуры, развивавшейся в пределах данного района» (Праслов, Муратов 1970: 84).

Наши раскопки на восточном участке стоянки по площади были небольшими. Тем не менее они позволили, как было показано выше, получить совершенно новые данные о стратиграфии стоянки и выявить на ней целую серию культурных слоев, залегающих в четких геологических условиях. В настоящее время проведено предварительное изучение этих слоев: получены палинологические характеристики и установлена структура слоев, определены фаунистические остатки и исследованы в первом приближении археологические коллекции каменных изделий. Фауна в культурных слоях оказалась в целом такой же, как на западном участке стоянки. Однако соотношение видов млекопитающих в слоях различно. Если в верхних слоях (2–3) преобладают кости степных бизонов (*Bison priscus*), то в нижних (4–7) — мамонтов раннего типа (*Mammuthus cf. chosaricus*) (Baryshnikov, Hoffecker 1994: 3). Т. е. фиксируется изменение в характере охотничьей деятельности обитателей стоянки. Сначала они были охотниками преимущественно на хозарских мамонтов, а затем меняют стратегию жизнеобеспечения и начинают охотиться главным образом на степных бизонов (Ščelinskij 1998: 131–161). Такое явление не наблюдается на других среднепалеолитических стоянках.

Новые материалы показывают, что в культурном отношении Ильская стоянка является довольно своеобразным памятником. Причем технико-типологическое своеобразие характерно для индустрий всех ее культурных слоев. В самом общем виде оно проявляется в том, что индустрии стоянки основывались на леваллуазской технологии первичного расщепления камня и, вследствие этого, содержат многочисленные орудия леваллуазского облика. Орудийный набор в них почти целиком состоит из односторонне обработанных орудий. Представлены и орудия с двусторонней обработкой. Однако эти орудия, во всяком случае, в культурных слоях восточного участка стоянки, единичные, несерийные и могут рассматриваться лишь как редкие специфические формы. Наличие этих признаков, очевидно, не позволяет однозначно относить Ильскую стоянку к ареалу микокских памятников. Индустрию стоянки в целом было бы правильнее определить как мустьерскую или леваллуа-мустьерскую с небольшим количеством двусторонне обработанных орудий (индустрия ильского типа). При этом некоторые технико-типологические особенности инвентаря отдельных культурных слоев стоянки отражают вариабельность этой индустрии, обусловленную различными причинами.

Каменная индустрия Ильской стоянки основывалась и развивалась на довольно специфической сырьевой базе. На это обратил внимание еще первый исследователь стоянки С. Н. Замятнин. Он установил, что исходное сырье на стоянке было весьма разнообразным и различного качества. Для изготовления орудий использовали различные виды кремня, яшмовидные породы, роговики, кварцит, твердый песчаник и кремнистый доломит. При этом доломит был легко доступен человеку, так как широко развит непосредственно у стоянки. Однако это сырье, по мнению исследователя, хрупкое и мало подходило для изготовления орудий. На стоянке много доломитовых отщепов и пластин, нередко хорошо обработанных и крупных, но законченные орудия из этого сырья были исключением. Что касается более качественного недоломи-

тового сырья, то оно использовалось только в виде галек, часто довольно мелких. Почти на каждом орудии из этого сырья сохраняется часть окатанной поверхности гальки. Галечное недоломитовое сырье тоже было местным, из речных галечников. Именно использованием мелкогалечного сырья С. Н. Замятнин объяснял незначительные размеры и иные особенности облика многих орудий стоянки (Zamiatnine 1929: 284–292).

Несколько иначе подошел к оценке сырья стоянки В. А. Городцов. Доломит он отнес к плохому сырью (плохо ретушируется и непрочен при работе) и полагал, что на Ильской стоянке это сырье применялось ограниченно для грубых работ и в большинстве случаев без добавочной обработки орудий. Поэтому подавляющая часть орудий на стоянке, по его мнению, изготовлена из яшмы (63,3 %), кремня (13,7 %), кварцита (0,6 %) и халцедона (0,6 %). Доломитовые орудия составляли всего 21,8 %. Но и недоломитовое сырье имело существенные недостатки. Оно было представлено в виде галек, обычно мелких размеров. Отсутствие достаточного количества хорошего сырья, по мнению исследователя, привело к тому, что «за редким исключением ильские каменные орудия отличаются грубоватостью отделки» (Городцов 1941: 15).

Однако В. А. Городцов был, безусловно, не прав. Доломит как исходное сырье для орудий играл на стоянке очень важную роль и использовался так же широко, как и галечное недоломитовое сырье. Причем в некоторых слоях он применялся даже чаще, чем другие породы камня. Я это вижу по своим материалам. На это указывают и результаты предварительного исследования Т. Н. Дмитриевой коллекций из раскопок Н. Д. Праслова. По ее сведениям, доломит был преобладающей породой для изготовления орудий на стоянке, так как в каждом из двенадцати горизонтов доломитовые изделия составляют от 77 до 92 % находок, тогда как «мелкогалечные породы камня» (кремень, лидит и др.) и алевролит применялись гораздо реже. Отмечается также, что, например, доломитовые нуклеусы от нижнего горизонта к верхним горизонтам становятся все более сработанными и по размерам приближаются к нуклеусам из «мелкогалечных недоломитовых пород камня» (Дмитриева 1986: 64–69). Иными словами, интенсивность первичного расщепления доломита и недоломитового сырья была приблизительно одинаковой. При этом, как показывает исследование П. Е. Нехорошевым материалов стоянки из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова, нуклеусы из разного сырья расщеплялись одними и теми же приемами (Нехорошев 1999: 30–31).

Тем не менее совершенно очевидно, что исходное каменное сырье на стоянке, как это показывают материалы ее западного участка, было неодинакового качества. Вероятно, поэтому использование его обитателями стоянки было отчетливо дифференцированным.

Доломит, как показывают эксперименты, вопреки сложившемуся о нем мнению как о плохом сырье, был вполне подходящей породой камня для изготовления орудий. Это карбонатная осадочная порода, близкая известнякам. Она состоит преимущественно из минерала доломита, мелкозернистая и довольно плотная, а твердость ее всего лишь в 2–2,5 раза меньше твердости кремня, яшмы и других кремнистых пород (Геологический словарь 1978: 237). Часто эта порода является окремненной или окварцованной, что придает ей еще большую твердость. При этом доломит обладает хорошей изотропностью и легко поддается расщеплению и ретушированию, хотя

довольно вязок и хрупок. В районе стоянки доломиты слагают коренные отложения палеогенового возраста и в виде пластов выходят на поверхность, образуя при разрушении обломки различных размеров. Это давало возможность свободного выбора этого сырья. Наиболее качественным является тонкозернистый доломит голубовато-серого цвета. Это же сырье, но в виде крупных галек и валунов, в большом количестве представлено также в древнем и современном аллювии р. Иль. Из ильского доломита, при определенных навыках, можно получить любые леваллуазские отщепы, пластины и даже микропластинки. Очевидное преимущество доломита как сырья для орудий заключалось в его обилии, легкой доступности и в крупных размерах естественных отщепов, что позволяло изготавливать орудия требуемых размеров и в неограниченном количестве, а недостатком — относительно невысокая износоустойчивость изготовленных из него орудий. По данным экспериментов, износоустойчивость доломитовых орудий при использовании их в работе была примерно в 2–3 раза меньше по сравнению с орудиями из кремня и других кремнистых пород (Щелинский 1984: 188–191).

Другая часть каменного сырья стоянки представлена, несомненно, более качественным материалом (твердым, износоустойчивым, долговечным, легко поддающимся обработке расщеплением и ретушированием) и включает в себя кремень, лидит и окремненные разновидности алеволита и песчаника. Две последние породы камня по своим свойствам практически не отличаются от кремня. Однако это сырье в основном было мелкогалечным и при этом, судя по всему, не было таким доступным, как доломит. В настоящее время его можно отыскать в современных и древних галечниках как в окрестностях стоянки, так и на территории всего Закубанья. Это сырье первобытные обитатели стоянки специально собирали в разных местах и особенно дорожили им.

Именно из этого сырья на стоянке изготовлены орудия основных технико-типологических категорий: различные остроконечники, скребла и обушковые двусторонне обработанные ножи (кайльмессеры). Многие из этих орудий имеют интенсивную вторичную обработку и, очевидно, неоднократно подправлялись по мере затупления от использования в работе. Будучи изготовленными из прочного камня, они являлись орудиями длительного пользования и нередко использовались с периодическими подправками до полного «истощения».

В качестве примера можно привести интересную группу специфических остроконечников, выделенных в материалах стоянки из раскопок С. Н. Замятина и В. А. Городцова (Щелинский, Кулаков 2005: рис. 9, 5, 6; 10, 4, 5, 8; 21, 6). Это мелкие узкие орудия с высоким сечением, изготовленные из толстых первичных отщепов. Лезвия их, сходящиеся к острию, обработаны интенсивной чешуйчатой и продолговатой ретушью. Основание массивное, необработанное или с частичной обработкой, но без существенного утончения. Острие иногда сформировано на месте снятой обработкой ударной площадки отщепа-заготовки. Эти орудия, судя по характеру следов изнашивания, служили ножами и при этом использовались длительное время, что подтверждается наличием среди них экземпляров с хорошо выраженными следами специфической подправки. Такие остроконечники получили название «остроконечники с “гребешком”» (рис. 4, 1, 2, 4, 6). У них на сильно выпуклой спинке имеет-

ся характерное продольное обработанное ребро или «гребешок», образованный снятием с этого ребра мелких укороченных чередующихся чешуек по направлению к продольным лезвиям орудия. Этот «гребешок», на первый взгляд, очень похож на дорсальную сторону обычного реберчатого скола. На самом деле происхождение его совсем другое. При внимательном рассмотрении видно, что снятия, сформировавшие «гребешок», сделаны после отделения некоторых фасеток ретуши на боковых лезвиях и в ряде случаев частично срезают негативы этих фасеток. Совершенно очевидно, что перед нами признаки особого приема обработки, точнее, подправки лезвий орудий. Сколы с продольного ребра, использовавшегося в качестве ударной площадки, призваны были снимать заломы и навесы, возникающие при периодическом ретушировании износившихся лезвий орудий. Если мы вспомним, близкая по назначению обработка нередко прослеживается на нуклеусах, когда на них в процессе расщепления готовились, наряду с основной ударной площадкой, вспомогательные ударные площадки для встречного снятия сколов для того, чтобы убирать всякого рода неровности, появлявшиеся на поверхности скалывания.

Другим примером длительного применения орудий, изготовленных из кремня, являются обушковые двусторонне обработанные ножи (кайльмессеры). По форме эти орудия довольно сильно различаются (рис. 4, 5, 7–10; 5, 1–8). Однако принцип изготовления их был одинаков. Данные орудия изготавливались техникой «плоско-выпуклой отделки», описанной еще в 1929 г. С. Н. Замятниным (Zamiatnine 1929: 291). Суть ее заключалась в том, что заготовка первоначально уплощалась с одной стороны крупными сколами. И лишь затем сколами и ретушью с верхней выпуклой стороны формировались лезвие/лезвия и обушок и создавалась общая форма орудия. Уплощение нижней стороны обеспечивало также эффективную подправку износившегося лезвия. В результате использования и периодических подправок орудия уменьшались в размерах, но почти не изменялись по форме. Доломит для изготовления такого рода орудий в Ильской стоянке использовался очень редко. Показательно, что наиболее выразительный кайльмессер из этого сырья имеет крупные размеры (рис. 7, 2) и, по-видимому, использовался в работе непродолжительное время.

Важным компонентом в составе изделий в материалах стоянки из раскопок С. Н. Замятина и В. А. Городцова являются листовидные и треугольные остроконечники/наконечники (одно- и двусторонне обработанные). Изготавливались они как из кремнистых пород (преимущественно из лидита) (рис. 6, 1, 3, 4), так и из доломита. При этом доломитовые наконечники отличаются более крупными размерами (рис. 6, 2; 7, 1). Эти орудия не нуждались в повышенных режущих свойствах, так как выполняли в основном ударно-проникающую функцию. Поэтому доломит был вполне подходящим материалом для их изготовления.

Однако основной сферой применения доломита на стоянке было изготовление простых легко заменяемых орудий для кратковременных работ. Это были главным образом орудия в виде отщепов и пластин без дополнительной обработки или с минимальной обработкой. Такие орудия после использования в работе и затупления часто не подправлялись, а просто выбрасывались и заменялись новыми.

Отмеченные различия в использовании разных видов сырья хорошо прослеживаются и в материалах восточного участка стоянки. Здесь из семи культурных слоев в

настоящее время лучше изучены материалы 3-го культурного слоя, исследованного в раскопе 1 (о стратиграфической позиции и возрасте этого слоя см. выше).

Культурный слой 3 в раскопе 1 вскрыт на площади около 33 м². Он хорошо выражен и насыщен культурными остатками, хотя не имеет какой-либо специфической окрашенности и выделялся в разрезе и на вскрытой площади только по довольно высокой концентрации каменных изделий и костных остатков животных. Максимальная толщина слоя составляла 30–35 см. Однако горизонт с наибольшей концентрацией культурных остатков практически на всей площади раскопа не превышал 10–12 см. Иногда он был еще тоньше. Культурные остатки в слое, несомненно, залежали *in situ*. Лишь местами, по отдельным разорванным костям, можно было видеть их некоторое смещение (в пределах нескольких сантиметров) в результате проседания и незначительного сползания вниз по склону вместе со всей вмещающей глинистой толщей. Тем не менее культурные остатки имеют разную сохранность. Хуже сохранились изделия из доломита. Многие из них либо сильно выветренные, либо имеют прочную корку и бородавчатые наросты железисто-карбонатного натёка, который, к сожалению, не удаляется ни кислотой, ни механическим способом и в той или иной степени маскирует поверхность изделий. Однако на изделиях из кремня и других кремнистых пород камня этот натёк отсутствует или легко снимается. Эти изделия совершенно не выветренные и прекрасно сохранились. Кости животных, обнаруженные в слое (около 150 экз.), по определению Г. Ф. Барышникова, принадлежат главным образом бизону (*Bison cf. prisus*). Останки других крупных млекопитающих единичные. Установлены, в частности, благородный олень (*Cervus elaphus L.*), волк (*Canis lupus L.*) и, вероятно, мамонт (Baryshnikov, Hoffecker 1994: 3). Среди мелких млекопитающих выявлены обыкновенный слепыш (*Spalax microphthalmus Gьld.*), водяная полевка (*Arvicola terrestris L.*) и обыкновенная полевка (*Microtus cf. arvalis Pall.*). В фауне отчетливо преобладают обитатели открытых биотопов (бизон, слепыш, обыкновенная полевка), свидетельствующие о развитии в окрестностях стоянки степных и довольно засушливых ландшафтов. Благородный олень является индикатором лесных зарослей, которые могли быть связаны с поймами рек, на что указывает и водяная полевка. Основным промысловым животным на стоянке был степной бизон, тогда как другие звери были нерегулярной охотничьей добычей ее обитателей.

Коллекция каменного инвентаря 3-го культурного слоя включает 1724 предмета. Это разнообразные сколы (1566 экз.), нуклеусы (47 экз.), орудия с вторичной обработкой (72 экз.), нуклевидные обломки (6 экз.), неопределимые обломки (16 экз.) и использованные гальки (17 экз.).

Исходным сырьем индустрии этого слоя служил главным образом местный доломит. Доломитовых предметов в коллекции насчитывается 1594 экз., что составляет 92,5 % всех каменных предметов, найденных в культурном слое. Предметов из доломитового сырья в коллекции всего 130 экз. (7,5 %). Однако это сырье удивительно разнообразное. Представлен кремень различных цветов и оттенков (серый, темно-серый, коричневатый-серый, розовато-серый, серовато-розовый, серо-желтый, коричневый, горчичного цвета, всего 45 предметов), халцедон (1 предмет), черный лидит (15 предметов), окремненный алевролит светло-серого, серого и серовато-коричневого цвета (41 предмет), окремненный мелко- и среднезернистый песчаник одина-

ковой с алевролитом расцветки (13 предметов) и слабо сцементированный светло-серый и серый песчаник (15 предметов).

Изготовление сколов как из доломита, так и из недоломитового сырья производилось на основе леваллуазской технологии. Суть ее, как известно, заключалась в том, что для расщепления отбирались сравнительно крупные естественные отдельности сырья или намеренно полученные крупные массивные отщепы, которые служили заготовками для нуклеусов. Последние специально изготавливались таким образом, чтобы с них можно было скалывать относительно крупные и широкие отщепы и пластины той или иной формы. При этом, в отличие от призматических нуклеусов, это были нуклеусы, расщепляемые с одной плоскости (нуклеусы плоскостного расщепления). Скалывание производилось с одной или двух-трех противоположных или смежных ударных площадок. Поэтому многие леваллуазские нуклеусы имеют уплощенную форму. Леваллуазские нуклеусы регулярно подправлялись и переоформлялись в процессе расщепления, причем приемы подправки мало отличались от приемов изготовления нуклеусов. Разумеется, следы обработки и подправки сохраняются далеко не на всех нуклеусах, так как они обычно «снимаются» вместе со сколами в процессе расщепления. Леваллуазская технология не была повсеместно одинаковой. Особенности ее на стоянках проявляются в основном в соотношении приемов расщепления (последовательность снятия сколов), формах нуклеусов, а также в целевой направленности их расщепления на изготовление сколов определенных типов. Наряду с леваллуазской технологией, в индустриях стоянок обычно применялись и другие технологии изготовления сколов, что имело место и в индустрии 3-го культурного слоя, хотя леваллуазская технология в ней была основной, о чем свидетельствует распределение типов нуклеусов и сколов.

Доломитовые нуклеусы в индустрии 3-го культурного слоя (41 экз.) изготовлены из разных заготовок: 20 экз. — из крупных массивных отщепов; 7 — из галек; 5 — из угловатых кусков. Для 9 нуклеусов форма исходных отдельностей сырья неопределима. Преобладают леваллуазские нуклеусы — 36 экз. Остальные нуклеусы относятся к другим категориям.

Леваллуазские нуклеусы по приемам расщепления подразделяются на нуклеусы параллельного/конвергентного скалывания, параллельного встречного/ортогонального скалывания, подперекрестного скалывания и нуклеусы двусторонние.

Нуклеусы параллельного/конвергентного скалывания (23 экз.; рис. 8, 3), преобладающие в коллекции, объединяются в одну группу на том основании, что они имеют одну основную ударную площадку, хотя скалывание с нее заготовок могло несколько отличаться. Оно производилось в более или менее параллельном или конвергентном направлении. При этом на нуклеусах с конвергентным скалыванием (веером) ударная площадка, как правило, крупнее и занимает значительную часть верхнего края нуклеуса. Эксперименты показывают, что использование приема конвергентного скалывания позволяло более рационально расходовать полезную массу нуклеуса не в ущерб качеству (размер, форма) получаемых сколов. В коллекции эти нуклеусы довольно крупные (длиной 10,8–12,6 см) или средних размеров (длиной 6,2–9,9 см). Особенно выделяется нуклеус из крупной глыбы доломита (29 × 11,5 × 14 см) с негативами скалывания нескольких крупных отщепов. На 14 нуклеусах со-

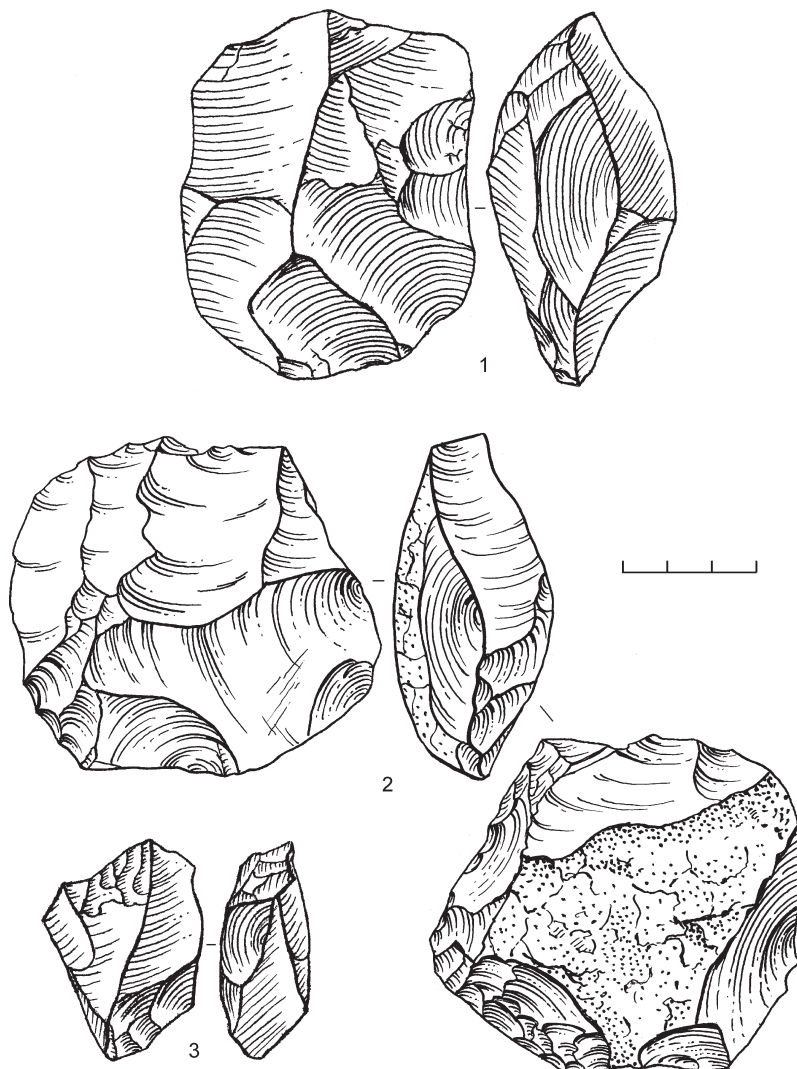

Рис. 8. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, нуклеусы из доломита

хранились следы предварительной обработки. Во всех случаях эта обработка краевая. На 1 нуклеусе, близком к черепаховидному, она более интенсивная и распространена почти по всему периметру изделия. Такой обивкой поверхности скальвания нуклеуса придавалась равномерно выпуклая форма для снятия одного максимально крупного отщеп. Примечательны нуклеусы, у которых обработка (частичная и в основном со стороны поверхности скальвания) была направлена на то, чтобы утончить и сузить нижнюю часть изделия, отчего они иногда получали форму, приближающуюся к треугольной, сердцевидной или трапецевидной. Это делалось прежде всего с

целью предотвратить заламывание концов снимаемых сколов. На некоторых нуклеусах видно, что их нижняя часть лишь утончалась, но оставалась широкой. Довольно часто обрабатывался один из боковых краев нуклеуса. Тем самым оптимальный для скалывания отщепов выпуклый профиль поверхности скалывания формировался не на всей поверхности, как у черепаховидных нуклеусов, а только у края ее. Причем иногда на крае формировалось более или менее выраженное ребро. Такая обработка указывает на то, что поверхности расщепления нуклеуса формировалась снятием краевого реберчатого скола. И такие сколы имеются в коллекции.

Нуклеусы параллельного встречного/ортогонального скалывания (8 экз.) характеризуются иной системой снятия сколов. Они имеют две постоянные ударные площадки, с которых скалывание производилось поочередно. В одних случаях ударные площадки противолежат одна другой и скалывание с них производилось в параллельном встречном направлении (рис. 8, 1). В других случаях ударные площадки располагаются на смежных краях нуклеусов так, что сколы снимались почти под прямым углом (рис. 8, 2). Совершенно очевидно, что этот прием попеременного скалывания с двух ударных площадок в разных направлениях способствовал равномерному расходованию полезной массы нуклеуса и, в какой-то мере, предотвращал появление на поверхности скалывания дефектов от заламывания концов снимаемых сколов. Эти нуклеусы имеют средние и крупные размеры и неправильную четырехугольную форму. Длина самого крупного из них 13 см, самого небольшого 6,4 см. Следы предварительной обработки на них плохо сохранились.

Нуклеус подперекрестного скалывания всего один. У него три ударных площадки. Две из них противолежат одна другой, а третья располагается между ними на боковом крае. Длина нуклеуса 8 см, форма овальная. Этот нуклеус является как бы переходной формой к многоплощадочным нуклеусам радиального расщепления.

Двусторонние нуклеусы (4 экз.) отличаются от других тем, что расщеплялись с обеих сторон различными приемами. Форма их округлая или неправильная, длина 6,5–9 см.

Нелеваллуазские доломитовые нуклеусы малочисленны (5 экз.). К ним относятся нуклеусы радиальные или дисковидные (3 экз.), торцовый (1 экз.) и бессистемного расщепления (1 экз.). Нуклеусы радиального скалывания имеют серию ударных площадок, соединяющихся одна с другой и распространяющихся по всему обводу изделия. Изделия крупные (10–11 см в поперечнике), округлой и овальной формы. Интересен торцовый нуклеус (длина 3,2 см). Он хорошо выражен, но единственный в коллекции.

Нуклеусов из недоломитового сырья всего 6 экз. (рис. 9, 1–6), из них 5 изготовлены из кремня, а 1 из окремненного алевролита. Отличия их от большинства доломитовых нуклеусов незначительные. Все они леваллуазские, но в целом меньших размеров (от 9,4 см до 2,7 см) и сильнее сработаны по сравнению с леваллуазскими нуклеусами из доломита. С них намеренно скалывали даже совсем небольшие отщепы. Выделяются нуклеусы двух типов: параллельного/конвергентного скалывания (3 экз.) и параллельного встречного скалывания (3 экз.). Форма нуклеусов подчетыреугольная, в одном случае подтреугольная.

Наиболее многочисленной частью коллекции являются сколы. При этом сколы из доломита сильно отличаются от сколов из недоломитового сырья.

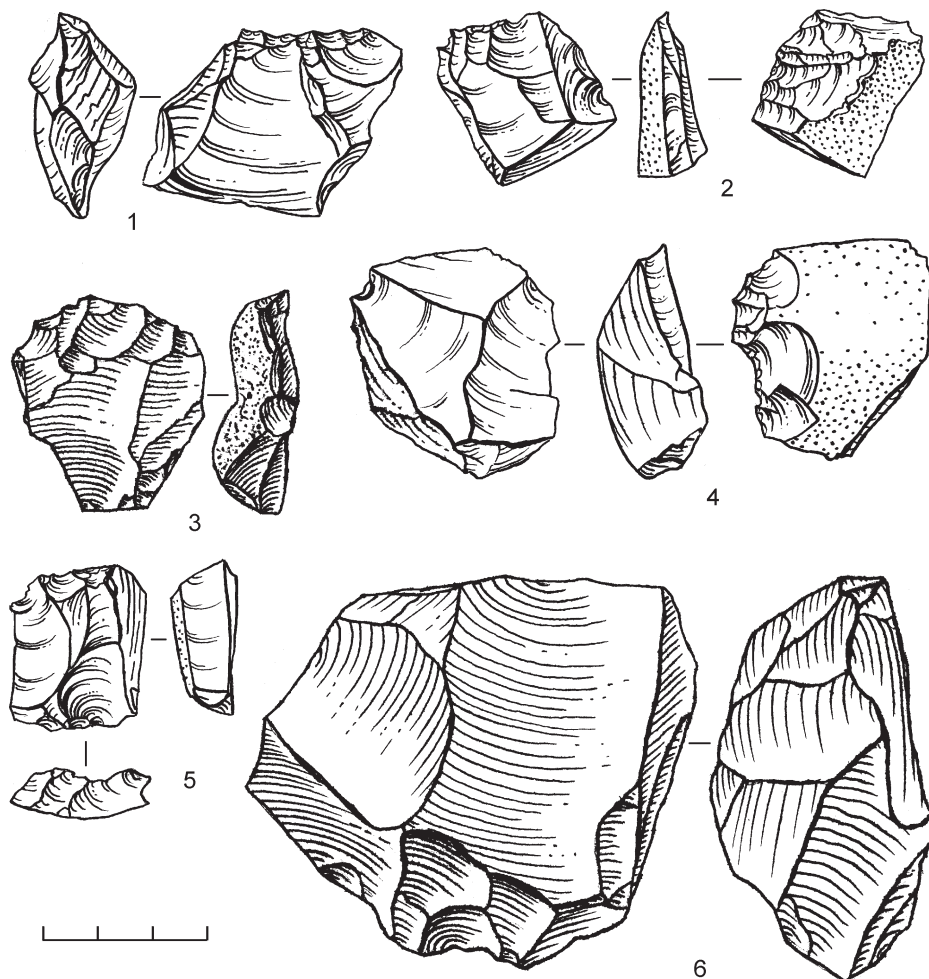

Рис. 9. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, нуклеусы из кремня (1–5) и окремненного алевrolита (6)

Доломитовых сколов 1493 экз. Из них 667 экз. являются заготовками, а остальные 826 экз. представляют собой отходы от расщепления нуклеусов.

Заготовки образуют четыре группы: леваллуазские отщепы, нелеваллуазские отщепы, обушковые отщепы и пластины. К отходам от расщепления нуклеусов отнесены прочие сколы, а именно первичные, реберчатые, тонкие изогнутые, толстые бесформенные сколы, мельчайшие сколы и чешуйки и обломки неопределимых сколов.

В первую очередь обращают на себя внимание леваллуазские отщепы. Их 373 экз. и они очень разные. Среди них леваллуазские остроконечники (12 экз.) и другие отщепы разнообразной формы (целые или почти целые экземпляры) — треугольные (39 экз.), подтреугольные (58 экз.), четырехугольные (4 экз.), подчетыреугольные

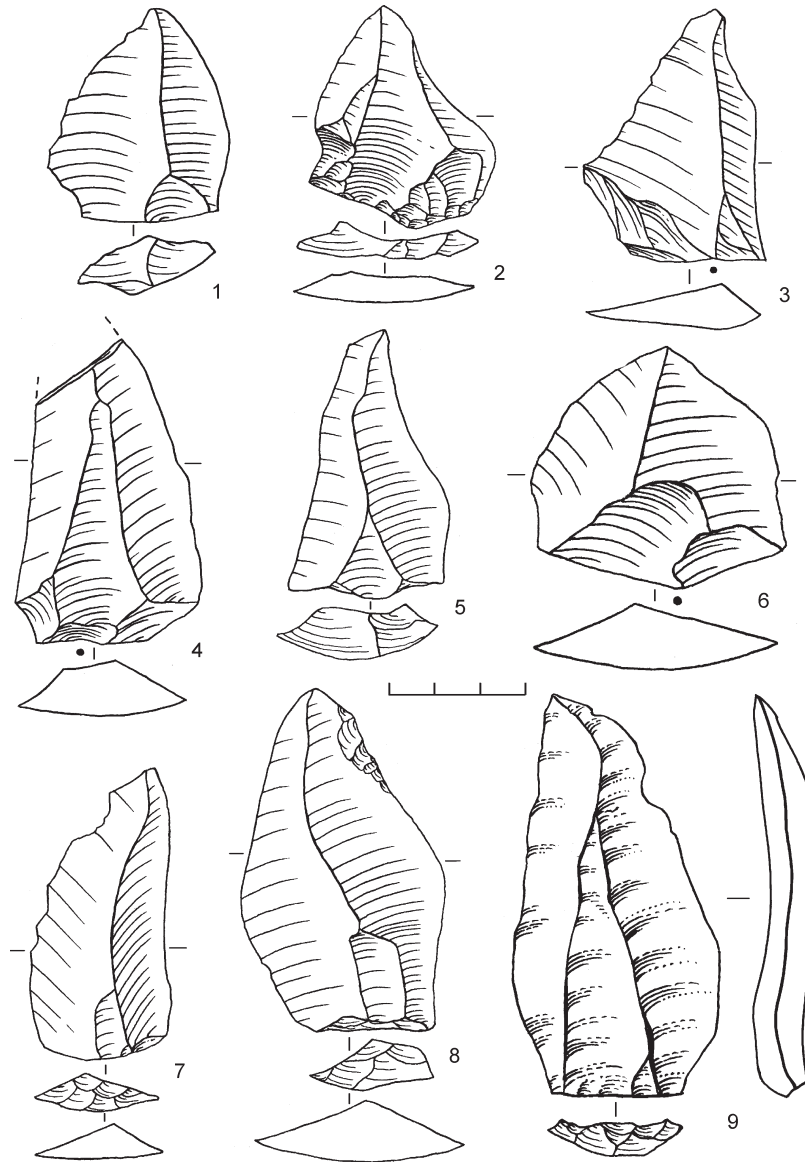

Рис. 10. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, леваллуазские отщепы из доломита

(40 экз.), овальные (75 экз.), округлые (4 экз.), укороченные (6 экз.) и бесформенные (30 экз.). 105 отщепов сломаны и форма их неопределима. По размерам основная масса целых леваллуазских отщепов образует две группы: длиной 4,1–6 см (99 экз.) и 6,1–8 см (79 экз.). Довольно многочисленны и более крупные изделия: длиной 8,1–10 см (36 экз.), 10,1–15 см и более (23 экз.). Сравнительно мелких отщепов длиной 2,1–4 см всего 31 экз.

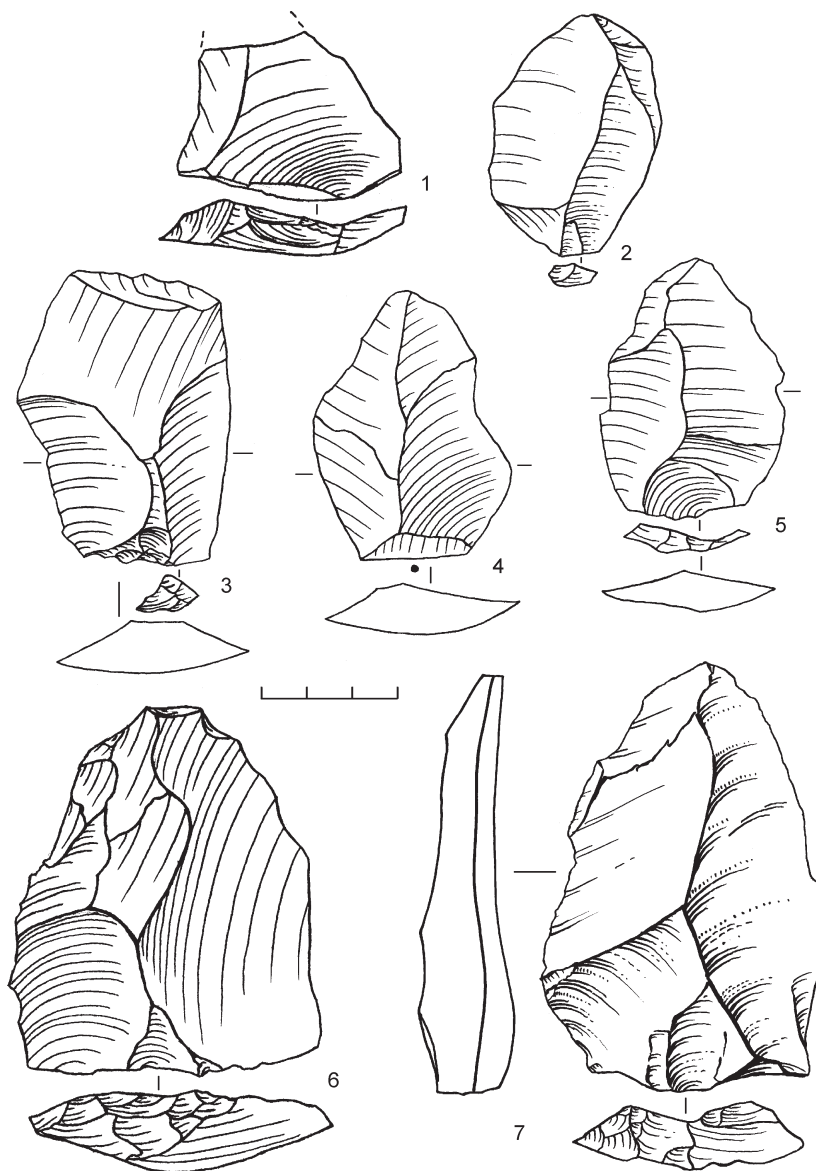

Рис. 11. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, леваллуазские отщепы из доломита

Примечательно наличие леваллуазских остроконечников как первого, так и второго снятия. Правда, их немного и представлены они не самыми лучшими образцами (рис. 10, 1–9). Качество других отщепов (рис. 11) различное, наряду с хорошо сделанными, имеются грубые экземпляры. Это и понятно, поскольку изделия изготавливались на месте и, по-видимому, не отсортировывались. Качественные отщепы, несомненно, в основном были использованы.

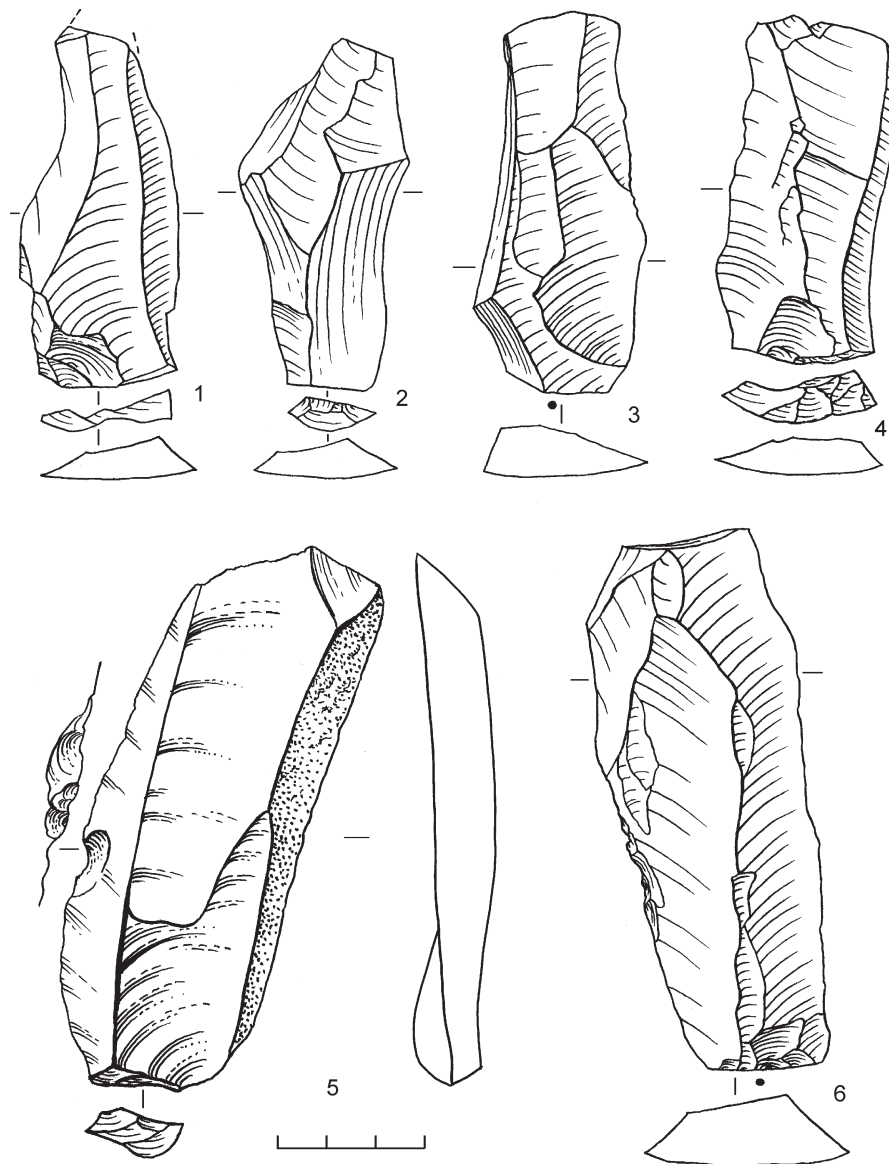

Рис. 12. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, пластины из доломита

Нелеваллуазские отщепы (140 экз., 40 из них сломанные) по размерам близки к леваллуазским отщепам. Однако, в отличие от них, они бесформенные и не имеют признаков оббивки поверхности нуклеусов перед расщеплением.

Обушковые отщепы (44 экз.) отличаются от леваллуазских отщепов лишь наличием обушка, образованного краем нуклеуса (с обработкой или в виде вертикальной грани). Вполне вероятно, что эти отщепы изготавливали преднамеренно для использова-

ния в качестве ножей с обушком. Вместе с тем скалывание их с нуклеусов играло важную технологическую роль в подготовке последних к расщеплению или подправке.

Хорошо представлены пластины (рис. 12), их 110 экз. Судя по целым экземплярам (64), они средних и крупных размеров. Длина их колеблется от 4,1 см до 15 см. Мелких пластин длиной 2,1–4 см только 3 экз. Пластины, как и отщепы, довольно разные. В основном они широкие, есть двугранные, с обушком или с толстым окончанием, сохраняющим край ударной площадки нуклеуса. Однако немало и плоских хороших пластин, в том числе подтреугольной формы, хотя ножевидные экземпляры с параллельным ограничением и прямыми краями среди них довольно редки.

Отмеченные отщепы и пластины в массе своей, несомненно, были изготовлены расщеплением леваллуазских нуклеусов. На это указывает как огранка многих из них, так и особенности ударных площадок. Выделяется 346 отщепов и пластин с сохранившейся ударной площадкой. При этом почти у половины (147 экз.) она обработанная: в 142 случаях фасетированная (ретушированная), в 5 случаях двугранная. Фасетированные площадки прямые (74 экз.), слабо выпуклые (33 экз.) и выпуклые (35 экз.). Еще 199 отщепов и пластин имеют гладкую, необработанную ударную площадку.

Данное соотношение типов ударных площадок характерно для леваллуазских и нелеваллуазских отщепов, а также для пластин. Обушковые же отщепы в основном имеют гладкую ударную площадку. Это обстоятельство может косвенно свидетельствовать о том, что эти отщепы, вероятно, были технологическими сколами, но намеренно отбирались и использовались как удобные для работы обушковые орудия.

Сколов из недоломитового сырья совсем немного, 73 экз. (42 экз. из кремня и лидита, 31 экз. из окремненного алевролита и песчаника). При этом большинство составляют отходы от расщепления нуклеусов и изготовления орудий в виде мельчайших отщепов и чешуек (66 экз.). Другие сколы являются леваллуазскими (6 экз.) и нелеваллуазскими отщепами (14 экз.). Интересно, что леваллуазские отщепы изготовлены из окремненного алевролита, который использовался на стоянке в виде галек среднего и крупного размера. Поэтому эти отщепы имеют средние размеры (4,1–6 см), длина одного из них больше 7 см. Нелеваллуазские отщепы изготовлены как из алевролита и песчаника, так и из кремня и лидита. На многих из них сохранился участок галечной корки. Все эти изделия мелких размеров (2,1–4 см). Ударная площадка у большинства изделий (13) обработанная, у 7 отщепов она гладкая.

Несмотря на малочисленность расщепленных изделий из недоломитового сырья, хорошо видно, что они также в основном изготавливались расщеплением леваллуазских нуклеусов. Вместе с тем среди них много простых мелких нелеваллуазских отщепов, изготовлявшихся расщеплением мелкогалечного кремневого и лидитового сырья, из которого невозможно было изготовить полноценные леваллуазские нуклеусы.

По сравнению с обилием заготовок в виде отщепов и пластин, орудий со вторичной обработкой в индустрии рассматриваемого культурного слоя ничтожно мало (72 экз. или 4,2 %). При этом орудия из доломита и из недоломитового сырья представлены в одинаковых пропорциях. Однако состав их существенно различается.

Орудия из доломита (36 экз.): остроконечник асимметричный (1 экз.), скребло диагональное (1 экз.), скребло продольное двойное (1 экз.), нож с обушком (1 экз.),

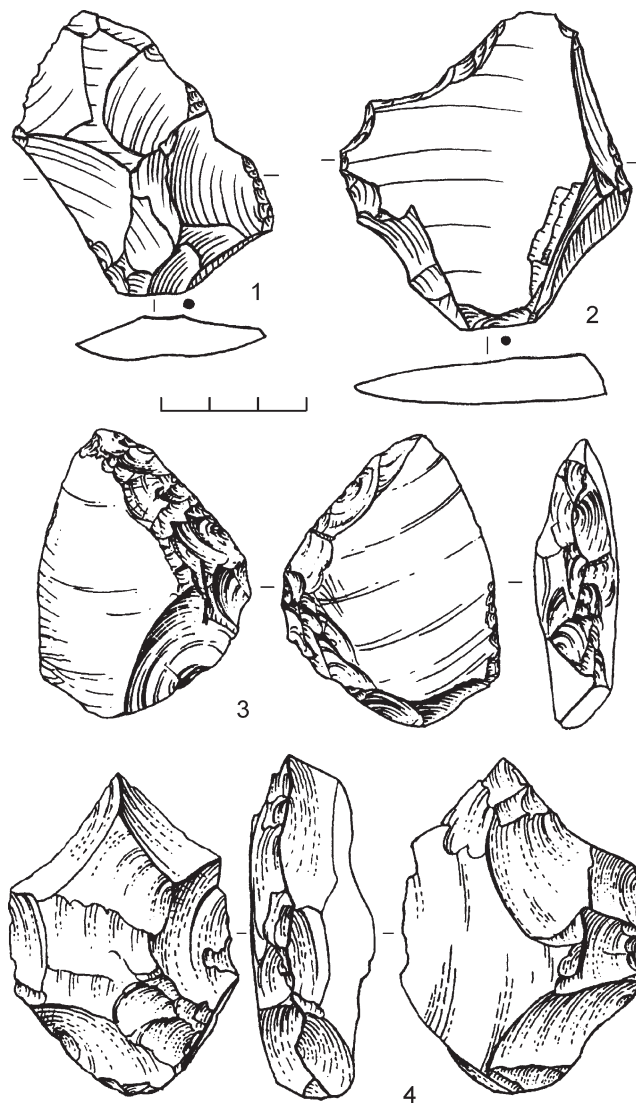

Рис. 13. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из доломита: 1 — леваллуазский отщеп с ретушью; 2 — зубчатое орудие из отщепа; 3 — нож с дугообразным обушком из отщепа; 4 — двусторонне обработанное орудие овальной формы с заостренным концом

зубчатые орудия (2 экз.; рис. 13, 2), частично двусторонне обработанные орудия (2 экз.), кливеры (4 экз.), отщепы с ретушью (13 экз.), пластины с ретушью (11 экз.).

Среди орудий преобладают отщепы и пластины с незначительной ретушью. В ряде случаев частично ретушированные отщепы являются леваллуазскими (рис. 13, 1). Остроконечников и скребел всего по 1–2 экземпляра. Из других орудий интересны тщательно оформленный нож с выпуклым ретушированным обушком (рис. 13, 3),

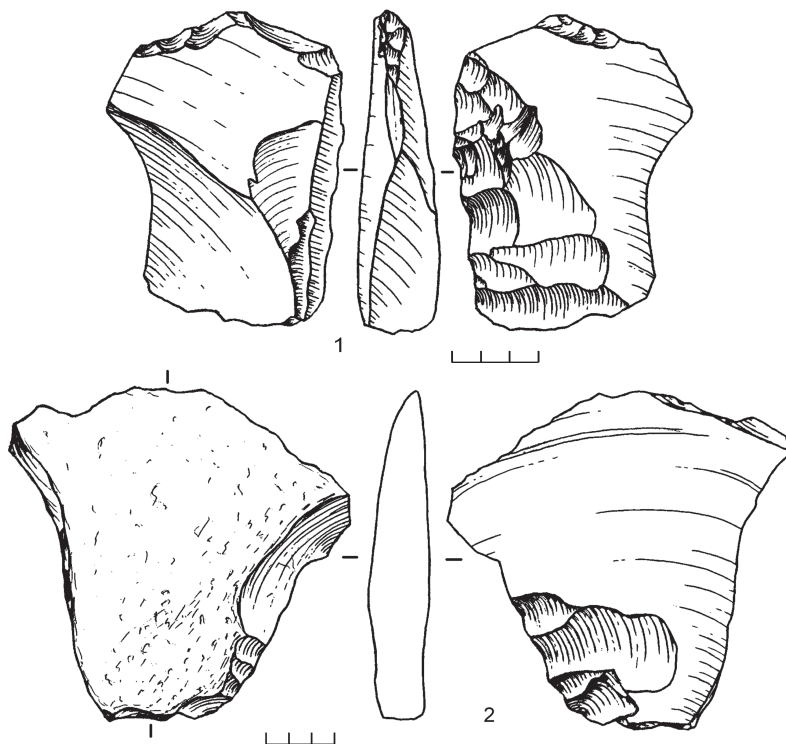

Рис. 14. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, кливеры из доломита

частично двусторонне обработанные орудия, а также кливеры. Частично двусторонне обработанные орудия невыразительные. Одно из них (длиной 6,7 см) овальной формы и с заостренным концом, изготовлено из толстого отщепа. Это орудие, по-видимому, незаконченное (рис. 13, 4). Другое орудие также остроконечное и изготовлено из массивного отщепа. Оно крупное (длиной 10,7 см). Обработка боковых краев была направлена на формирование толстого заостренного конца орудия (рис. 15, 1). Обращает на себя внимание серия крупных орудий, которые могут быть определены как кливеры. Длина их 9, 10,5, 10,6 и 14,5 см. Они изготовлены из массивных отщепов. У них, как это свойственно такого рода орудиям, обработаны оббивкой боковые края (с одной или обеих сторон), тогда как поперечное рабочее лезвие, образованное краем отщепа-заготовки, оставлено необработанным (рис. 14, 1, 2; 15, 2, 3). На всех орудиях это лезвие имеет следы изнашивания в виде выкрошенности и забитости кромки от использования в работе (рубка, обтеска, вероятно, дерева).

Орудия из недоломитового сырья (36 экз.) более разнообразные и по составу во многом другие. Среди них выделяются остроконечники (2 экз.), остроконечник асимметричный (1 экз.), скребла — продольные (8 экз.; рис. 17, 2, 3, 9), двойные (2 экз.), поперечное (1 экз.), диагональные (2 экз.; рис. 17, 1), тройное продольно-поперечное (1 экз.), конвергентное (1 экз.; рис. 17, 5), нож с обушком (1 экз.), пластины рету-

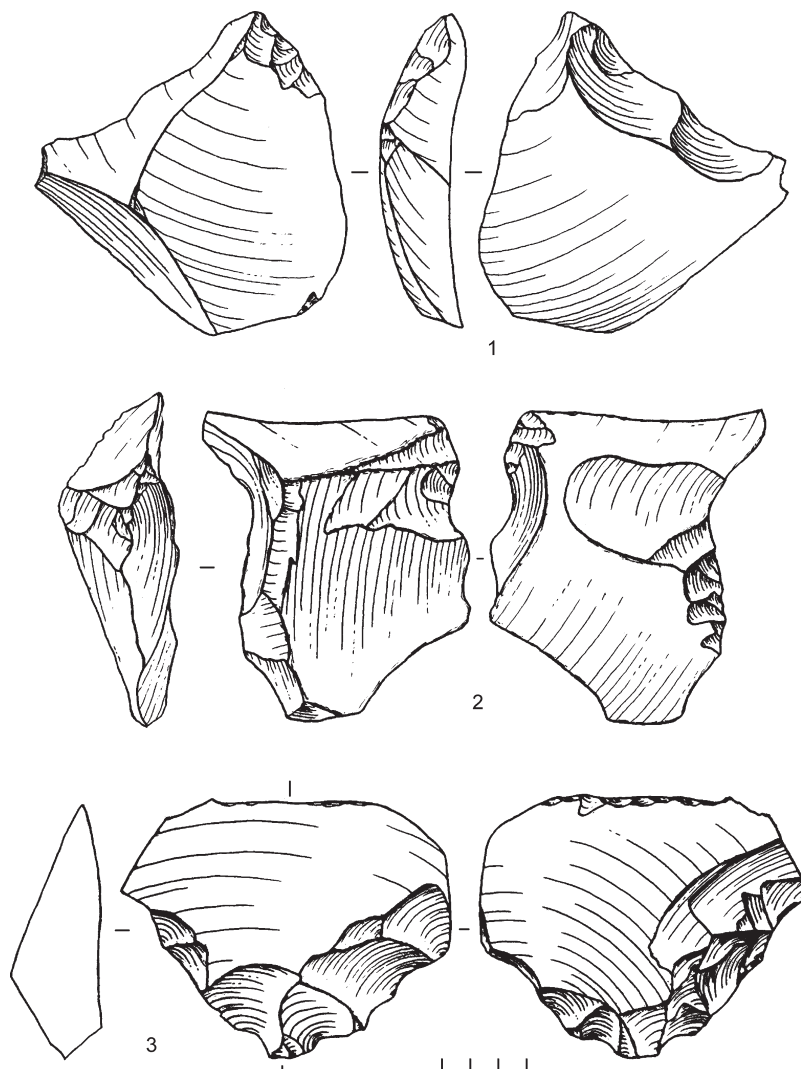

Рис. 15. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из доломита: 1 — частично двусторонне обработанное орудие с заостренным концом; 2, 3 — кливеры

шированные, близкие к ориньякскому типу (4 экз.), кайльмессер (1 экз.), выемчатые орудия (2 экз.), зубчатое орудие (1 экз.), отщепы с ретушью (4 экз.), пластина с ретушью (1 экз.), галечка с двусторонней обработкой края (1 экз.), чоппер односторонний (1 экз.), фрагменты неопределимых орудий (2 экз.).

Отдельные формы орудий заслуживают особого внимания. Остроконечников всего 2 экз. и они относятся к разным типам. Один из них близок к мустьерским остроконечникам (рис. 17, 7). Он небольшой (длиной 5,3 см) и обработан мелкой краевой ретушью. Другой остроконечник своеобразный. Это довольно длинное (7,8 см), уз-

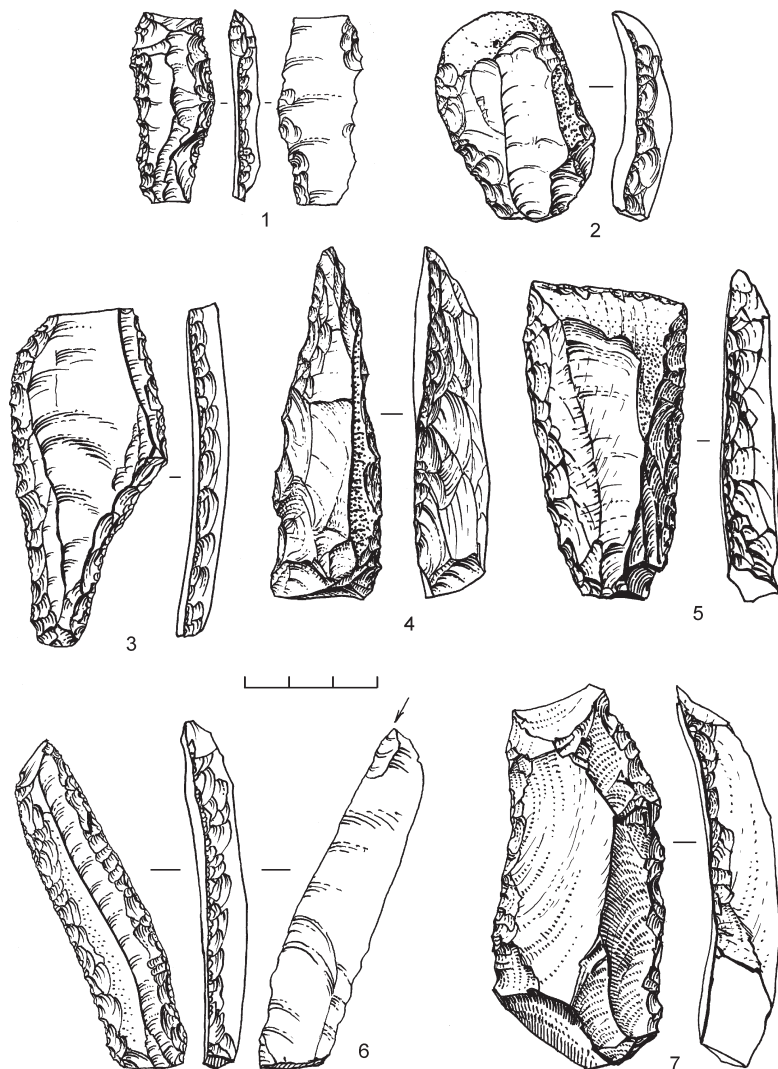

Рис. 16. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из лидита (1), кремня (2), окремненного алевролита (3–6) и окремненного песчаника (7): 1, 3, 7 — ретушированные пластины ориньякского облика; 2 — двойное продольное скребло; 4 — узкое толстое продолговатое острие с интенсивной модифицирующей ретушью; 5 — тройное продольно-поперечное скребло; 6 — ретушированная пластина ориньякского облика с плоским резцовым сколом на дистальном конце

кое и при этом толстое острие, оформленное интенсивной ретушью (рис. 16, 4). Скреб- ла сравнительно многочисленны, они также разные. Среди продольных скребел выделяется одно орудие с подтеской (утончением) дистального конца (рис. 17, 6). Хорошо выражены двойные продольные скребла, в основном удлиненные (рис. 16, 2; 17, 8). Оригинально тройное продольно-поперечное скребло (рис. 16, 5). Устойчивой

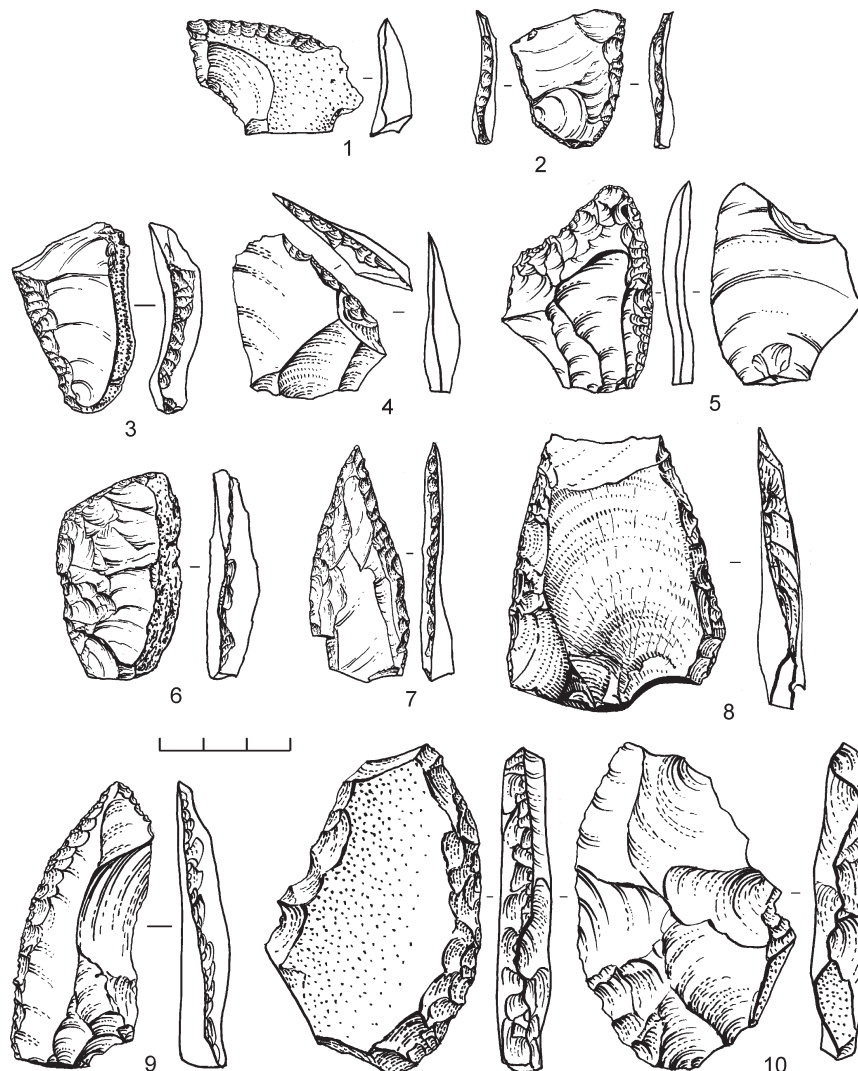

Рис. 17. Ильская стоянка, восточный участок, раскоп 1, 3-й культурный слой, орудия из кремненного алевролита (1, 4, 7, 9, 10), лидита (2, 3), кремня (5, 6) и кремненного песчаника (8): 1 — диагональное скребло; 2, 3, 9 — продольные скребла; 4 — нож с обушком; 5 — конвергентное асимметричное скребло; 6 — продольное скребло с подтеской дистального конца; 7 — мустьевский остроконечник; 8 — двойное продольное скребло; 10 — однолезвийный кайльmesser

серией представлены выразительные пластины с полукрутой ретушью почти по всему обводу (длиной 4,2, 6,4, 7,3, 8,4 см), напоминающие ориньякские пластины позднего палеолита (рис. 16, 1, 3, 6, 7). Кстати сказать, наличие этих пластин, как и узких остроконечников, позволило Г. Бозинскому увидеть значительное сходство индустрии рассматриваемого культурного слоя с индустрией слоя D стоянки Валлерг-

хайм (Wallertheim D), расположенной в бассейне Рейна (Германия) и датированной интерстадиалом бреруп. Однако уровень сходства индустрий пока не вполне ясен (Бозински 2007: 60–61). Из других единичных орудий 3-го культурного слоя обращают на себя внимание небольшой нож длиной 3,7 см с ретушированным обушком (рис. 17, 4), относящийся к тому же типу, что и обушковый нож из доломита (рис. 13, 3), кайльмессер и крупный чоппер. Кайльмессер (двусторонне обработанный обушковый нож) сравнительно крупный (длиной 7,4 см) и имеет овальную форму (рис. 17, 10). Его нижняя сторона сплошь оббита и уплощена крупными снятиями. Обработка верхней стороны ограничивается оформлением выпуклого рабочего лезвия с помощью ретуши. Чоппер крупный и изготовлен из гальки окремненного песчаника. Длина его 14 см. Рабочее лезвие скошенное, извилистое и оформлено оббивкой с одной стороны.

Наряду с изделиями в рассматриваемом культурном слое встречено довольно много речных галек. Петрографический состав их однообразен. В основном это гальки светло-серого и серого слабо сцементированного песчаника, из которого не изготавливались изделия. В меньшем количестве найдены гальки кремня, лидита и некоторых других окремненных пород камня. Уже сам факт нахождения галек среди культурных остатков определенно свидетельствует о том, что они намеренно были принесены человеком на стоянку и использовались для каких-то целей. Очевидно, назначение их было различным. Некоторые гальки, в частности гальки кремневые, лидитовые и из близких к ним окремненных пород, несомненно, были запасом сырья для орудий. Другие гальки использовались иначе. Об этом можно говорить на основании анализа тех галек, на которых имеются следы изнашивания от использования в работе. Таких галек 17 экз., из них 15 являются гальками светло-серого и серого мелкозернистого слабо сцементированного песчаника, а 2 — доломитовые гальки. Показательно также, что в большинстве своем эти изношенные гальки представлены более или менее крупными фрагментами. Целые гальки (6 экз.: 4 песчаниковые, 2 доломитовые) имеют округлую или неправильную форму, некоторые удлиненные. Размеры меньшей из галек — $7,6 \times 4,5 \times 4,5$ см, большей — $12,2 \times 11 \times 8,2$ см. Длина фрагментированных галек и их обломков колеблется от 4 до 11 см. Все изношенные гальки, как из песчаника, так и из доломита (целые и фрагментированные), имеют один тип изнашивания, который можно описать следующим образом. Края галек, первоначально выпуклые и сферической формы, сильно забиты, покрыты многочисленными кавернами-выбоинами и выкрошены. Здесь же хорошо видны бессистемные и неправильные по форме негативы мелких и сравнительно крупных отщепов, отколовшихся от края. На изношенных краях имеются также участки с грубым истиранием поверхности, иногда сопровождаемым короткими и рельефными линейными следами, обычно возникающими от работы по твердому абразивному материалу. Отмеченный комплекс признаков изнашивания характерен для отбойников, служивших для обработки и расщепления нуклеусов. На некоторых отбойниках обращает на себя внимание весьма сильный износ. В какой-то мере это объясняется низкой износоустойчивостью отбойников из слабого несцементированного песчаника и их относительно быстрой изнашиваемостью. Вместе с тем это указывает также на значительную продолжительность использования отбойников в работе. При этом, вероятно, практиковалась подправка этих орудий путем абразивной обработки.

Таков каменный инвентарь 3-го культурного слоя. Предварительный сравнительный анализ его показывает, что в технико-типологическом отношении он отличается от комплексов каменных изделий других культурных слоев стоянки, хотя и имеет с ними ряд общих черт.

Выполненное исследование материалов Ильской мустьерской стоянки существенно дополняет и конкретизирует наши представления о технологии обработки камня на этом памятнике. Становится очевидным, что культурные традиции здесь были тесно связаны с особенностями сырьевых ресурсов, к которым первобытные люди должны были приспособлять свои технологии изготовления орудий труда.

Анисюткин 1968 — *Анисюткин Н. К.* Два комплекса Ильской стоянки // СА. 1968. № 2. С. 118–125.

Анисюткин 2007 — *Анисюткин Н. К.* О выделении двух комплексов Ильской мустьерской стоянки // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб., 2007. С. 44–59.

Бозински 2007 — *Бозински Г.* Валлертхайм (Райнгессен, Германия) и Ильская (Предкавказье, Россия) — перекликающиеся среднепалеолитические комплексы стоянок, разделенные 2500 км // Там же. С. 60–61.

Бонч-Осмоловский 1934 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 114–183.

Верещагин 1959 — *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.; Л., 1959.

Геологический словарь 1978 — Геологический словарь. М., 1978. Т. 1.

Голованова 1993 — *Голованова Л. В.* Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993. С. 24–27.

Голованова, Дороничев 2003 — *Голованова Л. В., Дороничев В. Б.* Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 3–44.

Городцов 1940 — *Городцов В. А.* Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 года // БКИЧП. М.; Л., 1940. № 6–7. С. 89–92.

Городцов 1941 — *Городцов В. А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение) // МИА. 1941. № 2. С. 7–25.

Грищенко 1965 — *Грищенко М. Н.* Геология волгоградской стоянки Сухая Мечетка на Волге и стоянки Рожок 1 в Приазовье // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965. С. 141–156.

Дмитриева 1986 — *Дмитриева Т. Н.* О технике обработки камня на Ильской мустьерской стоянке // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 64–69.

Ефименко 1953 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.

Замятнин 1934 — *Замятнин С. Н.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 207–218.

Иванова 1982 — *Иванова И. К.* Ископаемый человек и его культура // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. М., 1982. Т. 1. С. 382–412.

Любин 1977 — *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.

Любин 1994 — *Любин В. П.* Итоги исследования Баракаевской пещерной стоянки // Неандертальцы Гупсского ущелья. Майкоп, 1994. С. 151–164.

Муратов 1969 — *Муратов В. М.* Геологический возраст палеолитических стоянок. Северный Кавказ // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969. С. 33–37.

- Несмеянов 1999 — *Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М., 1999.
- Нехорошев 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Праслов 1964 — *Праслов Н. Д.* Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г. // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 74–76.
- Праслов 1984 — *Праслов Н. Д.* Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита // Палеолит СССР. М., 1984. С. 23–40 (Археология СССР).
- Праслов, Муратов 1970 — *Праслов Н. Д., Муратов В. М.* О стратиграфии Ильской стоянки // АО 1969 года. 1970. С. 83–85.
- Рогачев 1957 — *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9–134.
- Формозов 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Чепалыга и др. 1989 — *Чепалыга А. Л., Михайлеску К. Д., Измайлов Я. А., Маркова А. К., Кац Ю. И., Янко В. В.* Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Черного моря // Четвертичный период. Стратиграфия. М., 1989. С. 113–120.
- Щелинский 1980 — *Щелинский В. Е.* Новая мустьерская стоянка в поселке Ильском // АО 1979 года. 1980. С. 130.
- Щелинский 1982 — *Щелинский В. Е.* Новые данные о хронологии раннего палеолита Прикубанья // XI Конгресс INQUA: ТД. М., 1982. Т. 3. С. 356–357.
- Щелинский 1984 — *Щелинский В. Е.* Некоторые особенности изготовления и эффективность раннепалеолитических орудий из разных пород камня // III Seminar in retroarchaeology. Plovdiv, Bulgaria: Reports. Plovdiv, 1984. P. 185–191.
- Щелинский 1985 — *Щелинский В. Е.* Новые данные о многослойной раннепалеолитической стоянке Ильская 2 в предгорьях Северо-Западного Кавказа // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения археологии в XI пятилетке»: ТД. Баку, 1985. С. 377–379.
- Щелинский 1993 — *Щелинский В. Е.* Исследование мустьерской стоянки Ильская II в Прикубанье // Новые открытия и методологические основания археологической хронологии: ТД конференции. СПб., 1993. С. 7–10.
- Щелинский 2005 — *Щелинский В. Е.* О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 309–316.
- Щелинский 2009 — *Щелинский В. Е.* Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия. 2009. С. 23–34.
- Щелинский, Кулаков 2005 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920-х — 1930-х годов. СПб., 2005.
- Эрнст 1934 — *Эрнст Н. Л.* Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 184–206.
- Baryshnikov, Hoffecker 1994 — *Baryshnikov G., Hoffecker J. F.* Mousterian Hunters of the NW Caucasus: Preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archeology. 1994. No 21. P. 1–14.
- Bosinski 1967 — *Bosinski G.* Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A/4. Kůln, 1967.
- Bosinski 2000–2001 — *Bosinski G.* El Paleolítico medio en Europa Central // Zephyrus. 2000–2001. No 53–54. P. 79–142.
- Gábori 1976 — *Gábori M.* Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Budapest, 1976.
- Gromova 1932 — *Gromova V.* Der Säugetierfauna der mittelpaläolithischen station bei Il'skaja im nördlichen Kaukasus // Труды ЗИН. 1932. Т. 1. С. 305–347.
- Hoffecker, Baryshnikov, Potapova 1991 — *Hoffecker J. F., Baryshnikov G., Potapova O.* Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaja I (Northern Caucasus, U. S. S. R.): New analysis and interpretation // Journal of Archaeological Science. 1991. No 18. P. 113–147.

Jöris 2001 — *Jöris O.* Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–1969): Stratigraphie, Steinartefakte und Fauna des Oberen Fundplatzes. Bonn, 2001 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 73).

Jöris 2004 — *Jöris O.* Zur chronostratigraphischen Stellung der Keilmessergruppen. Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formengruppe im europäischen Kontext // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 2004. Bd 84. S. 49–153.

Ščelinskij 1998 — *Ščelinskij V. E.* Der mittelpaläolithische Fundplatz Il'skaja II im westlichen Kubangebiet. Zur Charakterisierung des Mittelpaläolithikums im Kaukasusvorland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1998. Bd 45. S. 131–161.

Zamiatnine 1929 — *Zamiatnine S. N.* Station moustérienne a Il'skaia, province de Kouban (Caucase du Nord) // Revue Anthropologique. 1929. No 39. P. 282–295.

RAW MATERIALS AND STONE TOOL MANUFACTURE AND USE PATTERNS ON THE ILSKAYA MOUSTERIAN SITE (NORTHWESTERN CAUCASUS)

V. E. Shchelinsky

The materials of Ilskaya are of outstanding importance for the study of the Middle Paleolithic period in the south of Russia. The lower cultural layers of the site (layers 5–7 of its eastern section) occur in alluvial deposits of the third terrace, which can be synchronized with the last (Eem or Mikulino) interglacial and dated to OIS 5e. The upper cultural layers (layers 1–4 of the eastern section) are associated with deluvial deposits of the same terrace and formed in the beginning of Wurm (Valdai). Cultural layers 3 and 4 can be provisionally correlated with OIS 5b–5d, whereas cultural layer 2 appears to be coeval with the Odderade interstadial (OIS 5a). The uppermost cultural layer 1 is dated to the first cold maximum of the Valdai glaciation (OIS 4) or early OIS 3. The industry of the site can be defined as Mousterian or Levallois-Mousterian with a small component of bifacial tools (Ilskaya type industry). Primary flaking was based on the Levallois technology. To produce their stone artifacts the inhabitants of the site used dolomite, various kinds of flint, as well as lydite and silicified varieties of aleurolite and sandstone. The unequal quality of raw materials conditioned the differences in their use. The main categories of tools, represented by various points, side-scrapers, and backed bifacial knives (*Keilmesser*) are made of flint and silicified rocks. They had long lives. Due to periodical rejuvenation they decreased in size, while their forms remained almost unchanged. By contrast, the artifacts of dolomite (mainly flakes and intermittently retouched blades) were not resharpened after use, but merely discarded and replaced with new ones. Best of all this is reflected in the materials of cultural layer 3, which were studied completely. In technological and typological respects the stone inventory of this layer differs from those of the other cultural layers of Ilskaya, though there are some common traits, too. The available evidence shows that the inhabitants of the site had to adjust their technologies to the peculiarities of the raw materials they used.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ БЕРЕЛЁХСКОГО КОМПЛЕКСА

В. В. ПИТУЛЬКО

Введение

Несмотря на длительную историю изучения Берелёхского «кладбища» мамонтов, этот уникальный геoarхеологический комплекс продолжает привлекать внимание исследователей. Тщательное знакомство с историей вопроса (Питулько 2008; Pitulko 2011) позволяет заключить, что лишь палеонтологическая составляющая была изучена систематически, а вопросы геологического строения, хронологии и взаимосвязи объектов, составляющих Берелёхский комплекс, во многом остались открытыми. Археологический материал, открытый Н. К. Верещагиным вблизи костыща в 1970-е гг., был введен в научный оборот как «стоянка Берелёх» (Верещагин, Мочанов 1972), однако представления о его возрасте, культурной принадлежности и связи с «кладбищем» мамонтов до сих пор носят весьма предварительный характер.

С целью выявления взаимоотношения «кладбища» мамонтов и «стоянки Берелёх» в 2009 г. были проведены детальные стратиграфические и палеогеографические исследования (Питулько 2010).¹ Основная задача этих работ сводилась к построению подробного геологического профиля четвертичных отложений, вмещающих объекты Берелёхского комплекса. Путем дробного расчленения этих отложений на основании генетических и структурных особенностей удалось в деталях выявить геологическое строение участка реки, в пределах которого расположен этот уникальный геoarхеологический комплекс. Результаты массового радиоуглеродного датирования органических остатков, залегающих *in situ*, позволили существенно уточнить хронологию формирования четвертичной толщи, костыща и стоянки (Питулько и др. 2011).

Условия залегания и возраст археологического материала Берелёхского комплекса

Как и большинство рек Восточной Сибири, р. Берелёх не имеет выраженного на всем ее протяжении террасового комплекса. Различные террасовые уровни наблюдаются, как правило, фрагментарно на различных отрезках долины, что связано как

¹ Исследования Берелёхского геoarхеологического комплекса были проведены в сентябре 2009 г. в рамках очередного этапа исследовательского проекта «Жохов-2000» (ИИМК РАН, ГИН РАН, ААНИИ при участии РГМАА). Начиная с 2000 г. эти работы поддерживаются научно-исследовательским неправительственным фондом Rock Foundation (Нью-Йорк, США). Работы 2009 г. осуществлялись при поддержке Программы Фундаментальных исследований Президиума РАН № 25 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Автор благодарит Rock Foundation за поддержку, оказанную при ¹⁴C-датировании образцов, отобранных из разрезов на Берелёхе, а также А. О. Машезерскую, Н. А. Цветкову и В. Я. Стеганцеву за помощь в подготовке иллюстраций. Отдельное спасибо участникам поездки на Берелёх П. И. Пульманену, С. О. Ремизову, К. П. Филоненко и жителям поселка Берелёх — И. В. Горохову и Э. В. Колесову.

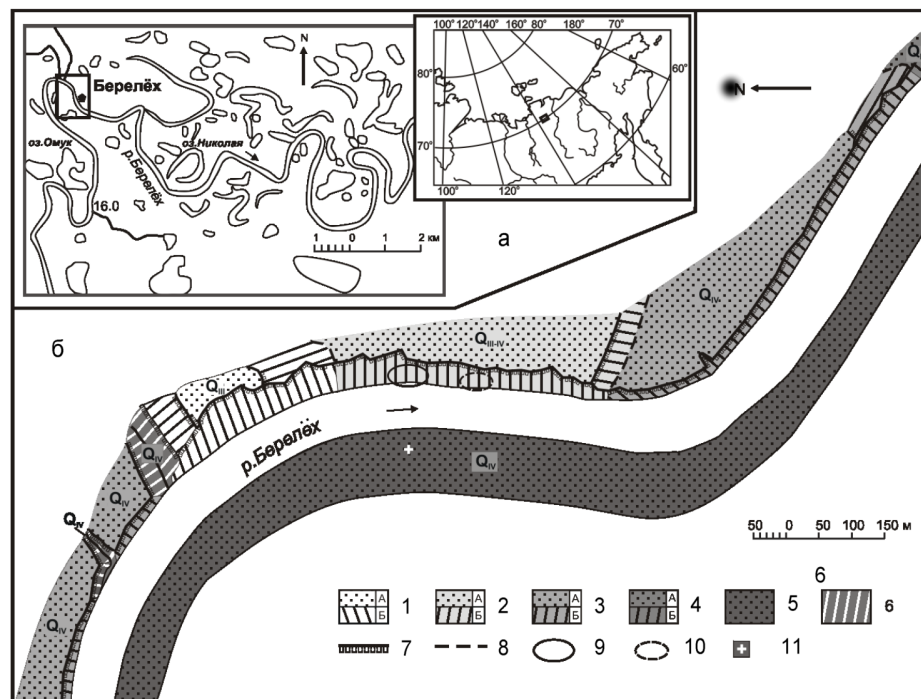

Рис. 1. Берелёхский геоархеологический комплекс объектов: а — карта-схема местоположения; б — геоморфологическая карта-схема района. Условные обозначения: 1–5 — аллювиальный эрозионно-аккумулятивный рельеф (1 — третья надпойменная терраса, относительная высота — 20–20,5 м над уровнем реки, возраст Q_{III} , А — площадка, Б — склон; 2 — вторая надпойменная терраса, относительная высота — 13,5–12,5 м над уровнем реки, возраст Q_{III-IV} , А — площадка, Б — склон; 3 — первая надпойменная терраса, относительная высота — 7,5–8,5 м над уровнем реки, возраст Q_{IV} , А — площадка, Б — склон; 4 — высокая пойма, относительная высота 6–7 м над уровнем реки, возраст Q_{IV} , А — площадка, Б — склон; 5 — пойма и комплекс современных речных форм, возраст Q_{IV}); 6 — эрозионный рельеф (эрозионные и термоэрозионные склоны малых водотоков, возраст Q_{IV}); 7, 8 — морфологические элементы (7 — бровка; 8 — тыловой шов); 9–11 — прочее (9 — высыпки фаунистических остатков Берелёхского «кладбища» мамонтов; 10 — ареал находок подъемного археологического материала — «стоянка Берелёх»; 11 — места складирования фаунистических остатков из мамонтова «кладбища», устроенные Н. К. Верещагиным в 1970 г.)

с деятельностью самой реки, так и с иными, прежде всего термокарстовыми процессами.

Берелёхский геоархеологический комплекс находится в южной части Яно-Инди-гирской низменности в среднем течении р. Берелёх — левого притока р. Индигирки, в непосредственной близости от урочища Угамыт (рис. 1, а). Скопления костных останков мамонтов на бечевнике и высыпки археологического материала приурочены к подбойному левому берегу реки (координаты: $70^{\circ}30'$ с. ш., $144^{\circ}02'$ в. д.).

В районе Берелёхского геоархеологического комплекса в строении долины был прослежен и впервые зафиксирован крупномасштабной топографической съемкой комплекс террас р. Берелёх, включающий три надпойменные террасы, высокую пойму,

пойму и современные речные формы (рис. 1, б). Надпойменные террасы развиты по левому берегу, представляющему вершину излучины реки, и находятся в зоне активного эрозионного воздействия. Для правого берега характерно формирование исключительно современных аллювиально-аккумулятивных форм (высокой поймы, поймы, речных кос).

Третья надпойменная терраса, имеющая максимальные относительные превышения над урезом реки 20–20,5 м, наблюдается на верхнем по течению участке исследованного района. Ее возраст Q_{III} . Она представлена локально в виде останца, вытянутого вдоль русла реки в северо-западном направлении на протяжении 250 м. Северо-западный и северный склоны останца крутые, сформированы некогда активным термоэрозионным размывом ручья, который прорезает третью надпойменную террасу и впадает в р. Берелёх. Северо-восточный и восточный склоны довольно пологие. Юго-восточный склон останца полого опускается вдоль реки до относительных отметок 13,5 м. Склоны залесены. Юго-западный склон, обращенный к вершине излучины р. Берелёх, находится в зоне активного термоэрозионного воздействия и довольно круто обрывается к реке.

Вторая надпойменная терраса (возраст Q_{III-IV}) прослеживается вдоль реки на протяжении 400 м. В своей северной части она примыкает к останцу третьей надпойменной террасы, где имеет относительные превышения над урезом реки 13,5–12,5 м. В южном направлении терраса полого понижается до отметки 10,5 м.

Голоценовая первая надпойменная терраса характеризуется относительными превышениями 7,5–8,5 м над урезом и развита в северо-западной и юго-восточной частях исследованного участка. Все террасы залесены. Высокая пойма и пойма поросли ивняком.

Картированием археологического подъемного материала установлено, что он встречается узким фронтом на поверхности берегового склона второй надпойменной террасы вблизи береговых высыпок, несколько растянутых вниз по течению вследствие деятельности реки. С целью поиска культурного слоя на участках с наибольшей концентрацией находок были поставлены расчистки ВА1, ВА2, ВА3.

В строении второй террасы участвует русловой, пойменный и старичный аллювий и озерно-болотные отложения (рис. 2). На начальном этапе ее формирования

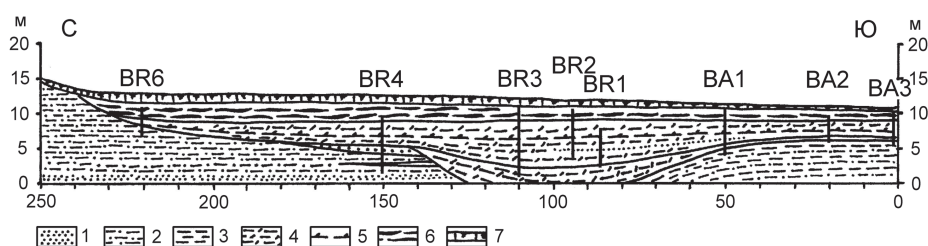

Рис. 2. Детальный геологический профиль тыловой части II террасы. Условные обозначения: 1–3 — пойменные отложения (1 — пески; 2 — песчаные алевриты; 3 — алевриты); 4, 5 — старичные отложения (4 — алевриты, обогащенные травянистыми растительными остатками; 5 — прослой, вмещающий артефакты); 6 — озерно-болотные отложения (аледриты с прослоями торфа); 7 — современный растительно-почвенный слой и СТС

меандрирующая река активно размывала северный берег. Позднее, около 23 тыс. л. н., река здесь текла по широкому руслу, формируя песчаные косы и откладывая разрозненные кости животных. Затем произошло переуглубление русла с размывом его ложа и формированием высокой поймы на южном берегу. Приблизительно к 14–13 тыс. л. н. сформировалось русло шириной 60–80 м, сток воды в котором осуществлялся с запада на восток. Таким образом, высокий северный берег русла реки был левым, а низкий — правым. К 12,5 тыс. л. н. это русло начинает заполняться старичными отложениями. Видимо, во время паводков у подножья левого берега откладывались костеносные линзы, охарактеризованные датировками древнее 20 тыс. л. н. (Питулько и др. 2011). Начало формирования Берелёхского костяка относится к 13 тыс. л. н., а эпизод интенсивного накопления костных останков мамонтов охватывает временной интервал 12,5–12,18 тыс. л. н. (Питулько и др. 2009; Nikolskiy et al. 2010b). В дальнейшем кости частично переоткладывались в толщу более молодых старичных отложений, что, судя по всему, наблюдалось в расчистках Н. К. Верещагина (1977).

На правом (южном) берегу существовавшего русла формировались пойменные осадки, впоследствии перекрытые старичными отложениями (рис. 2, 3). В кровле пойменных осадков встречены следы пребывания человека (слой 2 в расчистках ВА1, ВА2 и ВА3), которые были частично переработаны паводковыми водами.

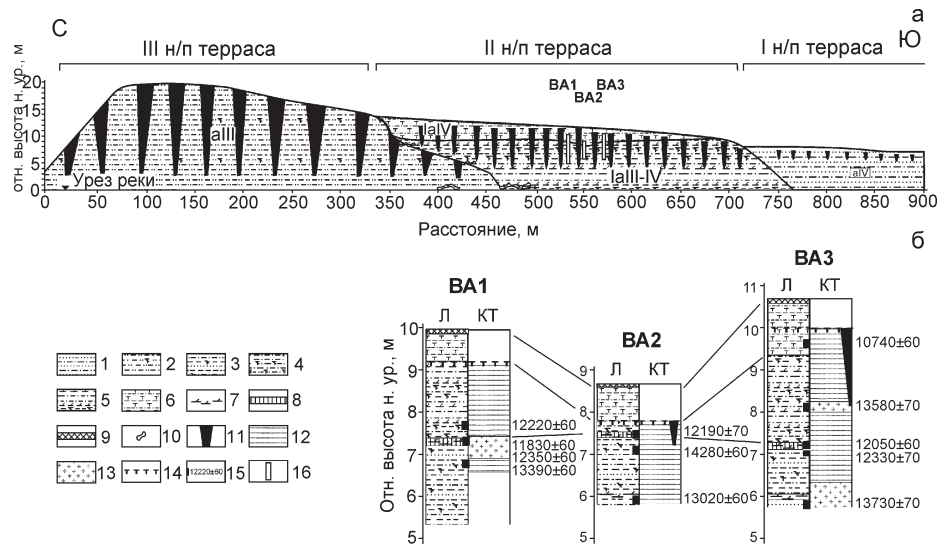

Рис. 3. Геологическое строение Берелёхского георхеологического комплекса объектов: а — схематический геологический разрез левого берега р. Берелёх и местоположение расчисток; б — схема корреляции расчисток. Условные обозначения: 1 — переслаивание алеврита и песка; 2 — песчанистый алеврит; 3 — глинисто-песчаный алеврит с прослойками тонкозернистого песка; 4 — алеврит; 5 — алеврит и глинистый алеврит с большим содержанием органики в виде обрывков корешков, корней, веточек; 6 — торфяно-суглинистая толща; 7 — прослой веток и веточек; 8 — прослой с археологическим материалом; 9 — почвенно-растительный слой; 10 — фаунистические остатки (кости); 11 — ПЖЛ; 12, 13 — КТ (12 — тонкошлифовая, 13 — массивная); 14 — граница сезонно-талого слоя; 15 — место отбора образца и радиоуглеродная датировка; 16 — местоположение расчисток; КТ — криотекстура; Л — литология

В месте расчистки ВА1 бровка террасы снижена до 10,7–11 м, а бровка расчищенного байджараха снижена до 10 м. Расчисткой вскрыты отложения на глубину 4,7 м от вершины байджараха, т. е. до 5,3 м над урезом реки (рис. 3). Описание расчистки ВА1 приведено сверху вниз в относительных высотах над урезом реки.

Высота	Литология	Криогенная характеристика
10–9,9 м	Почвенно-растительный слой	Сезонно-талый слой (далее СТС)
10–9,25 м	Суглинистая толща рыжевато-серого цвета с изометричными субгоризонтально вытянутыми линзами и прослоями торфа (мощностью до 20 см) бурого цвета, насыщенного органическими остатками в виде корней, веточек.	СТС
9,25–8,8 м	Торфяно-суглинистая толща переслаивания серо-бурого цвета. Толща представляет собой чередование прослоев глинистого алевролита темно-серого цвета мощностью 7–16 см, содержащих редкие тонкие корешки травянистых растений, и горизонтально вытянутых прослоев бурого торфа мощностью 2–3 см. В толще встречается множество древесных корешков и веточек.	КТ — микротонкошлировая
8,8–7,5 м	Алеврит темно-серого цвета с корнями, корешками и веточками древесных растений и нитевидными корешками травянистых растений. ^{14}C датировка — 12220 ± 60 (Beta-269469).	КТ — микротонкошлировая
7,5–6,9 м	Алеврит буро-серого цвета с рассеянными корешками и веточками древесных и травянистых растений. Включает в себя отчетливый наклонный прослой, насыщенный корнями, корешками и веточками древесных растений, корешками и стеблями травянистых растений, содержащий большое число костей зайца и песка. В слое встречены артефакты: осколки бивня, отщепы и единичные изделия со вторичной обработкой. Угол падения прослоя $40^\circ\text{СВ}-\text{ЮЗ}$. ^{14}C датировки — 12350 ± 60 (Beta-269468); 11830 ± 60 (Beta-269447); 11830 ± 60 (Beta-269440).	КТ — массивная
6,9–6,6 м	Алеврит серого цвета с редкими нитевидными корешками травянистых растений и отдельными веточками и корешками древесных растений. ^{14}C датировка — 13390 ± 60 (Beta-269467).	КТ — частослоисто-микрошлировая
6,6–6,4 м	Алеврит рыжевато-коричнево-серого цвета с редкими нитевидными корешками травянистых растений, рассеянными корнями и веточками древесных растений. Контакт неровный размытый.	Здесь и ниже по разрезу расчистка до мерзлого слоя не производилась

Высота	Литология	Криогенная характеристика
6,4–6,3 м	Горизонтально-волнистый прослой серого глинистого алевролита с редкими веточками и корешками травянистых растений. Контакт неровный размытый, довольно четкий.	
6,3–6,25 м	Горизонтально-волнистый прослой песчаного алевролита с тонкозернистым песком рыжевато-палевого цвета.	
6,25–6,05 м	Алеврит серого цвета с корешками травянистых растений, рассеянными корнями и веточками древесных растений.	
6,05–5,3 м	Толща алевролита рыжевато-коричнево-серого цвета с веточками и корешками травянистых растений, в том числе хвоща. В толще отмечаются отдельные горизонтально-волнистые прослои глинистого алевролита серого цвета мощностью 2–3 см.	

В месте расчистки ВА2 бровка террасы снижена до 10,7–11 м, бровка расчищенного байджараха снижена до 8,65 м. Расчисткой вскрыты отложения на глубину 2,85 м от бровки, т. е. до 5,8 м над урезом реки (рис. 3). Описание расчистки ВА2 приведено сверху вниз в относительных высотах над урезом реки.

Высота	Литология	Криогенная характеристика
8,65–8,55 м	Почвенно-растительный слой	СТС
8,55–8 м	Суглинистая толща рыжевато-серого цвета с изометричными субгоризонтально вытянутыми линзами торфа бурого цвета, насыщенного органическими остатками в виде корней, веточек.	СТС
8–7,8 м	Суглинок серого цвета с наклонно вытянутыми линзами буро-коричневого торфа мощностью 2–3 см протяженностью 15–20 см.	СТС
7,8–7,2 м	Алеврит темно-серого цвета, насыщенный корнями, корешками и веточками древесных и травянистых растений с отдельными линзами торфа бурого цвета. В нижней части — горизонтально вытянутый прослой с веточками. ^{14}C датировка — 12190 ± 70 (Beta-269473).	КТ — микротонкошлировая. В толще наблюдается ПЖЛ
7,2–6,7 м	Алеврит серого цвета с редкими нитевидными корешками травянистых растений и отдельными веточками. ^{14}C датировка — 14280 ± 60 (Beta-269472).	КТ — частослоистомикрошлировая
6,7–6,2 м	Алеврит рыже-серого цвета с рассеянными веточками.	КТ — частослоистомикрошлировая
6,2–6 м	Алеврит серого цвета с редкими нитевидными корешками травянистых растений. В нижней части — прослой, набитый веточками, мощностью 1,5–2 см.	КТ — частослоистомикрошлировая

Высота	Литология	Криогенная характеристика
6–5,8 м	Алеврит рыжевато-серого цвета с редкими веточками и множеством травянистых растительных макроостатков в виде стебельков злаковых, травянистых корешков в прижизненном положении. ^{14}C датировка — 13020 ± 60 (Beta-269471).	КТ — массивная

В месте расчистки ВА3 бровка террасы снижена до 10,7 м. Отложения вскрыты на глубину 5,6 м от бровки, т. е. до 5,1 м над уровнем реки (рис. 3). Описание расчистки ВА3 приведено сверху вниз в относительных высотах над урезом реки.

Высота	Литология	Криогенная характеристика
10,7–10,6 м	Почвенно-растительный слой	СТС
10,6–10 м	Торфяно-суглинистая толща переслаивания серо-бурого цвета. Толща представляет собой чередование прослоев глинистого алеврита темно-серого цвета, содержащих травянистые корни растений, и прослоев и горизонтально вытянутых линз бурого торфа, насыщенного органическими остатками в виде корней, веточек.	СТС
10–9 м	Торфяно-суглинистая толща переслаивания серо-бурого цвета. Толща представляет собой чередование прослоев глинистого алеврита темно-серого цвета мощностью 7–16 см, содержащих редкие тонкие корешки травянистых растений, и горизонтально вытянутых прослоев бурого торфа мощностью 2–3 см. ^{14}C датировка — 10740 ± 60 (Beta-269477).	КТ — частослоистая-микрошлировая (шлиры льда 0,2–0,3 мм, грунта — 0,2–0,5 мм). В толще вскрыта эпигенетическая жила ПЖЛ
9–8,25 м	Алеврит серого цвета с корнями древесно-кустарниковых растений, отмечаются в том числе и крупные корни.	КТ — частослоистая-микрошлировая (шлиры льда 0,2–0,3 мм, грунта — 0,2–0,4 мм). В толще вскрыта эпигенетическая жила ПЖЛ
8,25–8 м	Алеврит серого цвета с древесными корнями и множеством корешков травянистых растений, в том числе хвоща. ^{14}C датировка — 13580 ± 70 (Beta-269476).	КТ — массивная. На уровне 8,15 м отмечается окончание ПЖЛ

Высота	Литология	Криогенная характеристика
8–7,8 м	Алеврит серого цвета с единичными древесными корешками бурого цвета. Контакт с нижележащей толщей постепенный.	КТ — частослоисто-микрошлировая (шлиры льда 0,3 мм, грунта — 0,3 мм)
7,8–7,1 м	Пылеватый алеврит серого цвета с древесными корнями, довольно равномерно распределенными в толще, и тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении. На уровне 7,18 м — четко выраженный горизонтальный прослой, обогащенный веточками в виде растительного детрита. ¹⁴ C датировка — 12330 ± 70 (Beta-269475).	КТ — частослоисто-микрошлировая. На уровне 7,1 м — горизонтальный шликр льда 2–3 мм
7,1–6,55 м	Горизонтально-слоистая толща переслаивания прослоев алеврита серого цвета с прослоями глинистого алеврита рыжевато-коричнево-серого цвета. В толще отмечается довольно большое число древесных корешков.	КТ — среднеслоисто-тонкошлировая (шлиры льда 0,5–1 мм, грунта — 0,5–2 мм)
6,55–6,3 м	Глинистый алеврит рыжевато-светло-коричневого цвета с редкими корешками.	КТ — частослоисто-микро-тонкошлировая (шлиры льда от 0,2–0,3 мм до 0,5–0,7 мм, грунта — 0,3–0,4 мм)
6,3–6 м	Алеврит серого цвета с редкими корешками в прижизненном положении.	КТ — массивная
6–5,9 м	Горизонт глинистого алеврита рыжевато-светло-коричневого цвета, чрезвычайно обогащенный (набитый) веточками.	КТ — массивная
5,9–5,7 м	Алеврит рыжевато-серого цвета, опесчаненный тонко-зернистым песком с редкими веточками и тонкими нитевидными корешками травянистых растений в прижизненном положении. ¹⁴ C датировка — 13730 ± 70 (Beta-269474).	КТ — массивная

К сожалению, документация, опубликованная Н. К. Верещагиным и Ю. А. Мочановым (Верещагин, 1977; Верещагин, Мочанов 1972; Верещагин, Украинцева 1985; Мочанов 1974; 1977), не дает представления о местоположении заложенных в те годы расчисток, шурфов и раскопов. Как было показано (Питулько 2008), сопоставление этих работ представляет собой отдельную творческую задачу. В любом случае, движение берегового склона за 40 лет, прошедших после окончания систематических работ на Берелёхе, не позволяет надеяться на совмещение каких бы то ни было искусственных границ.

Картированием археологического материала и изучением особенностей его распределения в расчистках установлено, что он встречается в небольших по площади, различных по мощности (от 2–3 до 25–20 см) линзах растительной трухи и веточек, типичных для пойменных осадков (рис. 3). Очевидно, что материал захоронен в переотложенном состоянии. Встречен он был лишь в пределах расчистки ВА1 (Питулько 2010). Расположенные рядом расчистки ВА2 и ВА3 археологического материала не дали, при этом их литостратиграфическая характеристика практически идентична таковой для ВА1 (рис. 3). Можно сказать, что распространение культуросодержащего горизонта по фронту обнажения не превышает 3–5 м, т. е. горизонт, содержащий переотложенные на рубеже голоцена (?) археологические остатки, вскрывается в берегу реки в крест простирания. Линзы прибрежных отложений содержат многочисленные костные останки зайцев, мелких хищников, волка, северного оленя, птиц и редкие артефакты, к которым отнесены также обломки костей и бивней мамонтов и изделия из них. Аккумуляция бивней и костей мамонтов несинхронна человеческой деятельности. Этот вывод представляется хорошо обоснованным имеющейся серией из 36 радиоуглеродных датировок (Питулько и др. 2009), подкрепленных результатами датирования разрезов, подъемного и археологического материала (Питулько и др. 2011).

Наряду с ранее выделенным пиком аккумуляции костного материала в интервале 12600–12200 ^{14}C л. н., синхронным потеплению беллинг, выявлен пик аккумуляции останков мамонтов в интервале 12000–11800 л. н. (рис. 4), связанный с потеплением аллеред (11900–11000 ^{14}C л. н.). Необходимо подчеркнуть, что эти датировки получены в основном по артефактам и/или обработанным кускам бивня мамонта, происходящим из шлейфов подъемного материала, связанных со «стоянкой Берелёх». В то же время не вполне ясно, в какой мере здесь удалось избежать дублирования (датирования остатков одной и той же особи, которые могли быть использованы человеком в древности). Тем не менее очевидна высокая чувствительность этих животных к изменениям внешних условий, даже кратковременным, что подтверждает сделанные ранее предположения (Nikolskiy et al. 2010a; 2010b).

Не имеется никаких свидетельств возможного антропогенного вклада в формирование костяка. Ряды датировок по мамонтам практически не пересекаются с ^{14}C датами, относящимися к достоверным эпизодам человеческой деятельности вблизи костяка (рис. 4). Время активности людей вблизи костяка ограничено интервалом 12100–11800 л. н. с возможным удревнением до 12150 л. н. Эпизоды человеческой деятельности вблизи него связаны с эксплуатацией костяка как сырьевого источника, при этом людьми преимущественно использовались кости мамонтов, ближайшие по возрасту ко времени обитания, определяемому, прежде всего, на основании результатов датирования костей зайца, куропатки и окатышей очажной массы (рис. 4). Датировки костей мамонтов, давшие значения моложе 12000 ^{14}C л. н., скорее всего, являются омоложенными, о чем говорят измеренные для этих образцов отношения $\text{C}12/13$, указывающие на дополнительное изотопное фракционирование. Во всяком случае, на севере Яно-Индибирской и Колымской низменностей подобные находки мамонтов нигде более не известны (Sher et al. 2005; Nikolskiy et al. 2010a).

Характеристика археологического материала, полученного в 2009 г.

Рассматриваемый археологический материал получен из сборов и из расчистки ВА1. Коллекция содержит все типы предметов и изделий, отмеченные на памятнике прежними сборами и раскопками (Верещагин, Мочанов 1972; Верещагин, Украинцева 1985; Мочанов 1977), за исключением каких-либо следов торцово-клиновидного расщепления, о котором пишет Ю. А. Мочанов (1977 и др.). Весьма характерно, что материал из сборов и в наших работах оказался намного богаче, чем таковой из расчистки. Это вполне объяснимо тем, что при слабой насыщенности культуросодержащего слоя археологическим материалом (помимо фаунистических остатков, которых действительно много и среди которых преобладают кости зайцев) при его вымывании происходит постепенное обогащение при переходе в условия залегания в поверхностных и приповерхностных шлейфах (таблица).

Таблица

Археологический материал «стоянки Берелёх» по работам 2009 г.

Материалы из сборов	Кол-во (экз.)
Фаунистические остатки	113
Осколки бивня мамонта	4
Подвеска	1
Острия на отщепях	2
Обломок двусторонне обработанного орудия	1
Отщепы, осколки камня	51
Изделия на ребрах мамонта	2
Материалы из расчистки ВА1, включая шлейф ниже по склону	
Фаунистические остатки	103
Отщепы, осколки камня	25
Обломок черешка	1
Обломок двустороннего изделия	1
Острие на отщепе	1
Подвеска	1
Долотовидные орудия на ребрах	2
Осколки бивня мамонта	5

Все основные типы изделий, включая диагностичные каменные острия и подвески (рис. 5), а также долотовидные орудия на фрагментах ребер мамонта (рис. 6, 1–3), представлены и в материалах из расчистки, и в подъемных материалах (табл. 1). Все каменные изделия, включая подвески, изготовлены из местного сырья (выходы аргиллитов в щетке на перекате примерно в 200 м ниже по течению от стоянки). Они невелики по размерам, отщепы и чешуйки не превышают 2 см (рис. 5, 1) и получены при переоформлении каких-то предметов либо при их производстве из плитчатых отдельностей окремненного аргиллита.

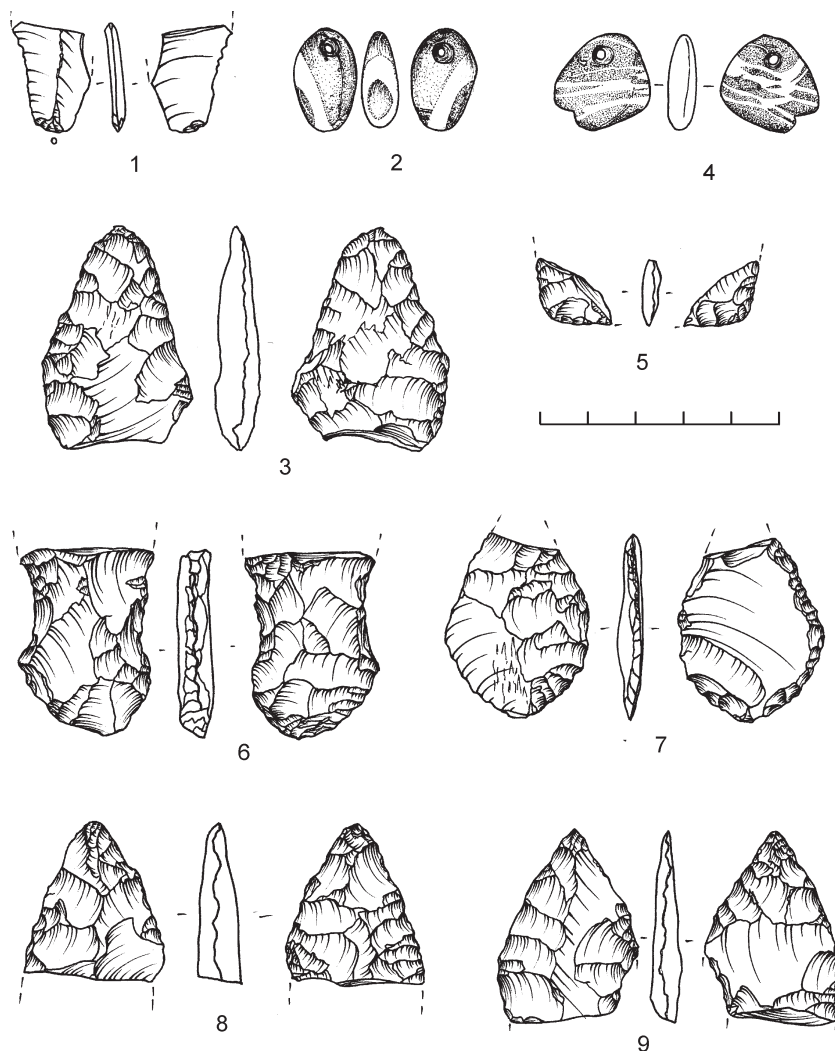

Рис. 5. «Стоянка Берелёх». Предметы и изделия из камня (материал — окремненный аргиллит низкого качества). Материал из сборов (1–3, 8, 9) и расчистки ВА1 (4–7): 1 — чешуйка; 2, 4 — каменные подвески с биконическим сверлением; 3, 9 — острия на отщепях; 5 — обломок двусторонне обработанного орудия; 6 — черешок (?) крупного двусторонне обработанного предмета; 7 — двусторонне обработанное острие на отщепе; 8 — фрагмент относительно массивного двусторонне обработанного орудия с линзовидным поперечным сечением

Какую-либо технологию получения сколов диагностировать невозможно. Очевидно, что здесь не представлены следы пластинчатого (параллельного) расщепления, в том числе и торцово-клиновидного. Ввиду того, что эта технология отличается специфическими отходами производства, даже при отсутствии ядрищ можно судить о ее наличии или отсутствии. В собранных материалах ее признаки отсутствуют полностью.

Рис. 6. «Стоянка Берелёх», предметы из сборов (1, 4) и расчистки ВА1 (2, 3): 1–3 — орудия на ребрах; 4 — осколок бивня

В коллекции 2009 г. представлены предметы из камня (рис. 5) и кости (рис. 6). Среди первых, помимо отщепов, подвески с биконическим сверлением (рис. 5, 2, 4), изготовленные шлифовкой (?), фрагменты двусторонне обработанных орудий (рис. 5, 5, 6), выразительные целые изделия. С учетом изделий, ранее собранных Н. К. Верещагиным и Ю. А. Мочановым (Верещагин, Мочанов 1972; Верещагин, Украинцева 1985; Мочанов 1977), можно выделить серийные формы.

Так, типичной формой для памятника являются острия на относительно крупных отщепках, использовавшиеся как ножи или резчики (рис. 5, 3, 9). Острие сформировано двумя сходящимися двусторонне ретушированными краями. Аналогичным образом изготовлено острие каплевидной формы (рис. 5, 7), сформированное неполной двусторонней ретушью. Подобные изделия были встречены ранее Ю. А. Мочановым (Мочанов 1977; Мочанов и др. 1991) и Н. К. Верещагиным (Верещагин, Украинцева 1985). В обломках представлены еще два двусторонне обработанных орудия — фрагмент относительно крупного наконечника (?) с уплощенно-линзовидным поперечным сечением (рис. 5, 8) и «уголок» тонкого предмета (скорее всего, базальная часть), изготовленного плоской двусторонней ретушью. Одно изделие (рис. 5, 9) является, скорее всего, массивным черешком крупного двусторонне обработанного орудия.

Изделия из бивня и кости также продолжают серии находок, известные по прежним работам. Среди них обычны осколки бивня со следами обработки (рис. 6, 4) и долотовидные орудия на обломках ребер мамонта (рис. 6, 1–3). Размер кусков бивня варьирует. Изделия на ребрах, напротив, имеют довольно выдержанный размер — около 20 см, что, видимо, следует связывать с удобством захвата при работе.

Берелёхский комплекс имеет ряд интересных черт, роднящих его с территориально (а иногда и хронологически) удаленными объектами. Так, единственный целый двусторонне обработанный предмет из Берелёха (Верещагин, Украинцева 1985: рис. 5) — наконечник с закругленным и уплощенным основанием — идентичен находкам из стоянки Тарачиха в Северо-Минусинской котловине (Абрамова 1989: рис. 18, 6). Среди предметов, собранных на «стоянке Берелёх» Ю. А. Мочановым, есть, по крайней мере, еще один обломок бифаса (Мочанов 1977: табл. 24, 29), аналогичный находке Н. К. Верещагина и нашей (изображение перевернуто, однако предмет узнаваем), а также изделие из сборов на Берелёхе (рис. 7А, 6). Для стоянки Тарачиха имеются датировки по кости северного оленя — 19850 ± 180 (Ле-3821) и по кости мамонта — 18930 ± 320 (Ле-3834) (Лисицын 2000: 33). В Восточной Сибири подобные изделия не встречаются более нигде, и, возможно, данная аналогия указывает на их исходный ареал. В то же время подобные изделия распространены в прибрежительно одновременных Берелёху памятниках Аляски (стоянки Nealy Lake, Chugwater, Walker Road и др.), где они были отмечены Т. Гейблом в качестве нового *fossile directeur* для финально-плейстоценовых памятников Берингии (Goebel 1992). Эти небольшие (до 70 мм длиной) неполные бифасы каплевидной формы, изготовленные на отщепках, получили название остриев типа чиндадн (Ibid.). Наблюдаемое сходство орудий вряд ли является случайным и, вероятно, отражает какие-то трансберингийские культурные связи конца плейстоцена.

Нелишним будет подчеркнуть, что комплекс берелёхских находок — как прежних, так и новых — не дает никаких оснований для помещения его в контекст дюктайской культуры. Пространственное положение этой культуры было и остается туманным (Питулько, Павлова 2010), так как ее гипотетический ареал (Мочанов 1977) не имеет насыщения памятниками, которые могли бы быть отнесены к ней, за исключением собственно Дюктайской пещеры, Эжанцов (Там же) и памятников Байкало-Патомского нагорья (Инешин, Тетенькин 2010). Неясен и облик ее инвентаря,

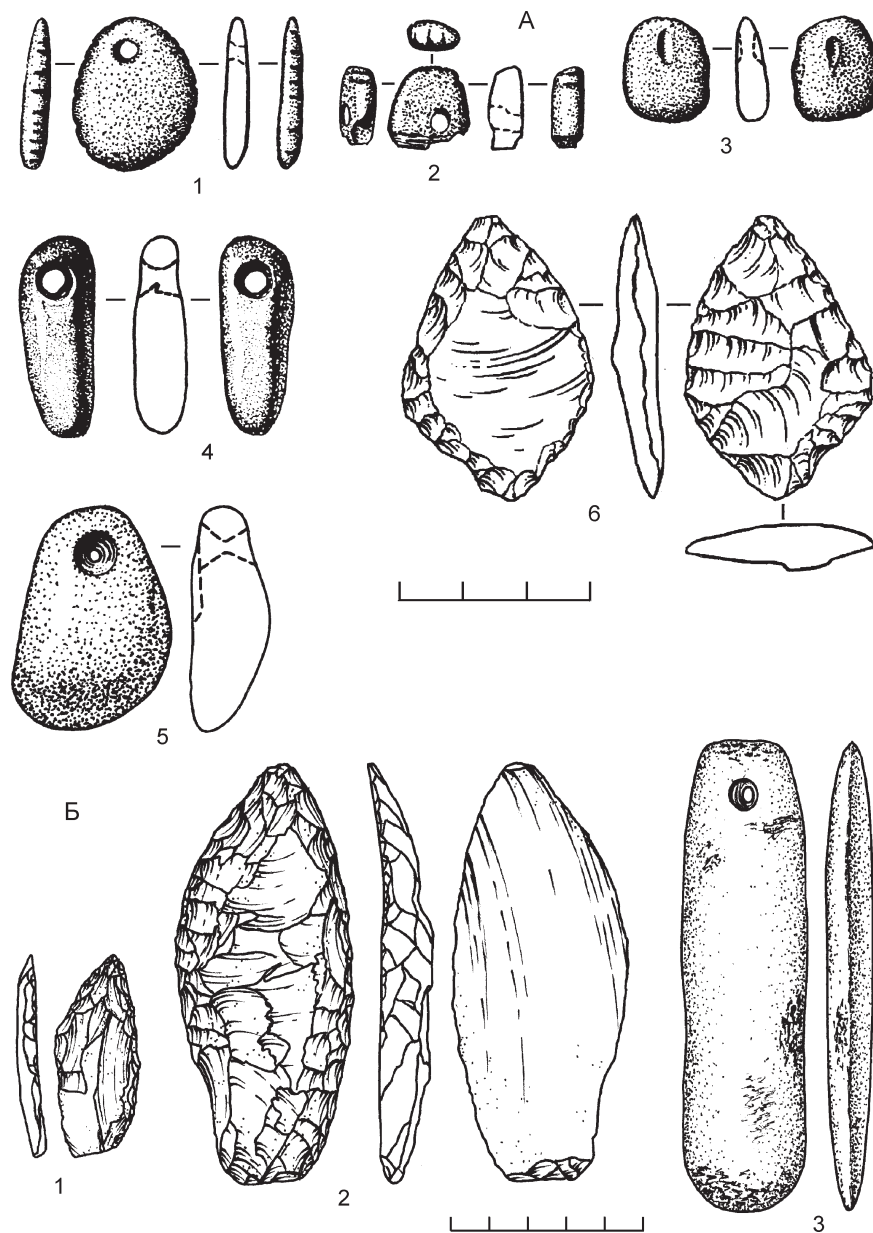

Рис. 7. Археологический материал из финальноплейстоценовых памятников Сибирской Арктики. А — находки со «стоянки Берелёх» (по Мочанов и др. 1991): 1–5 — каменные подвески с биконическим сверлением (1 и 2 — с насечками по краю); 6 — неполный каплевидный бифас на массивном отщепе; Б — из сборов у Аччагый-Аллаиховского скопления костных остатков мамонтов (прорисовки по фотографиям П. А. Никольского, сделанным в музее пос. Чокурдах): 1, 2 — орудия (скребла?) на массивных отщепах аргиллита с односторонней обработкой; 3 — шлифованная подвеска из аргиллитоподобного материала со сверленным отверстием

поскольку сочетание производства микропластин в торцово-клиновидной технологии и двусторонне обработанных орудий является довольно распространенным и обычным. В любом случае, в берелёхской коллекции следы производства микропластинок отсутствуют и нет признаков торцово-клиновидного расщепления. Двусторонне обработанные орудия присутствуют, как правило, в виде неполных бифасов. Как чрезвычайно интересный факт можно отметить наличие обломка массивного черешка (рис. 5, 6).

Не меньший интерес представляют каменные подвески, на Берелёхе уже довольно многочисленные. Серия каменных подвесок, открытых здесь, долгое время оставалась практически уникальной для Северо-Востока России. В памятниках дюктайской культуры, охарактеризованных Ю. А. Мочановым (1977), они вообще нигде не представлены. За исключением существенно более древней Янской стоянки, сверленные подвески из камня известны на Северо-Востоке в нескольких финально-плейстоценовых памятниках — на стоянке Хета в Верхнем Приколмые (Слободин 1999) и в Ушковских стоянках на Камчатке, в слоях VI и VII (Диков 1977; 1979). Известно подобное изделие и из материалов раннеголоценовой стоянки Уптар I (Слободин 1999), где его возраст оценивается древнее 8600 ¹⁴C л. н. С. Б. Слободин, сравнивая эти находки, пришел к выводу об их большей схожести между собой, нежели с берелёхскими (Там же: 161). Интересной общей чертой этих изделий, на мой взгляд, является наличие у некоторых из них насечек по краю — таковы подвески из Берелёха (рис. 7А, 1, 2), Ушков, слой VII (Диков 1979: рис. 11, 3, 9), Уптара I (Слободин 1999: рис. 20, 3). Любопытно, что аналогичная каменная подвеска с зубчатым краем известна также в финальном палеолите Забайкалья, на стоянке Ошурково (Абрамова 1989). Следует подчеркнуть, что все эти изделия изготовлены из доступного каменного сырья, вне зависимости от наличия галек. Так, например, на Берелёхе галька полностью отсутствует в русле на участке «стоянки» и «кладбища» мамонтов, и этим можно было бы объяснять производство каменных подвесок из подручного материала. Однако в окрестностях Ушковских стоянок имеются великолепные галечники на р. Камчатке, галька в изобилии есть в районе Уптара, но и в Ушках, и в Уптаре она не использовалась для производства подвесок. Во всех случаях, когда это можно понять из описания предметов, речь идет о намеренно изготовленных вещах, в том числе — в форме гальки, как на Берелёхе (рис. 5, 2, 4).

Эту небольшую серию дополняет удлиненная подвеска (рис. 7Б, 3) из находок на Аччагый-Аллаиховском косте, расположенном в долине р. Индигирки в 50 км выше по течению от пос. Чокурдах, примерно в 150 км к ВЮВ от Берелёхского комплекса. Она была найдена местными жителями среди костей мамонтов в сопровождении архаично выглядящих односторонне обработанных изделий на массивных отщепках (рис. 7Б, 1, 2). Их возраст, судя по серийным датировкам костей мамонтов из Аччагый-Аллаихи (Nikolskiy et al. 2010b), должен быть не древнее 12400–12500 ¹⁴C л. н. Можно отметить сходство этих предметов с каменным инвентарем Янской стоянки (Pitulko et al. 2004; Питулько 2010). Удлиненные подвески из камня в памятниках финального палеолита Северо-Востока России нигде более не представлены, кроме стоянки Ушки I (слой VI) на Камчатке (Диков 1979: рис. 21, 5).

Как представляется, эта сравнительно редко встречающаяся категория находок, происходящая из примерно одновозрастных памятников (12000 ^{14}C л. н. и моложе), может служить одним из немногих индикаторов культурного единства финального плейстоцена, существовавшего на Северо-Востоке Азии (берингийской культурной традиции, по Ф. Уэсту 1979). Технично-типологические показатели индустрий, включаемых в это единство, абсолютно различны, а в некоторых случаях — уникальны, как, например, в культуре VII слоя Ушков с черешковыми наконечниками, или в Берелёхе с острьями чиндадн, или в Упгаре с желобчатыми, по С. Б. Слободину, метальными острьями. Этим изделиям может сопутствовать торцово-клиновидное расщепление (в Хете или Ушках, слой VI), могут присутствовать следы микропризматического расщепления, или же индустрия может носить ярко выраженный отщеповый характер (например, Упгар I). Она может быть бифасиальной (как в Хете, Ушках, Упгаре) или унифасиальной (как в Аччагый-Аллаихе). Вероятнее всего, эти различия следует относить на счет локальных адаптаций и функций стоянок. Зримо связывает все эти памятники только традиция производства украшений из камня, и, очевидно, это важная черта, коль скоро при общей малочисленности памятников финального палеолита на этой гигантской территории мы обязательно встречаем такие подвески.

Выводы

По результатам работ, проведенных на Берелёхском геoarхеологическом комплексе в 2009 г., можно сделать следующие основные выводы:

1. Археологическая стоянка Берелёх, вопреки слухам о ее разрушении, сохранилась и доступна для изучения, хотя и разрушается постепенно береговой эрозией.

2. Ее «культурный слой» на самом деле представляет собою культуросодержащий горизонт, сформировавшийся в результате переотложения культурного материала в пойменные осадки, видимо, на рубеже голоцена. Этот горизонт вскрыт в крест простирается в береговом обнажении, на фронте примерно 3–5 м. Как далеко он простирается вглубь берега, остается неизвестным.

3. В археологическом отношении Берелёхский комплекс весьма своеобразен. Основные типы найденных здесь серийных изделий на памятниках Северо-Востока России нигде более не встречаются и вряд ли могут быть сопоставлены с «доктайской культурой» позднего палеолита Северо-Востока Азии. С другой стороны, каменные украшения-подвески, имеющиеся на Берелёхе и ряде других памятников Северо-Востока, несмотря на малочисленность, достаточно узнаваемы и, вероятно, могут рассматриваться как индикатор культурного единства.

4. Появление археологического памятника вблизи костяка не связано с охотой человека на мамонтов; людьми использовался лишь источник ценного сырья — «кладбище» мамонтов, сформированное естественными процессами. Этот вывод обоснован серийными определениями радиоуглеродного возраста костяка, культурных остатков и вмещающих отложений (Питулько и др. 2009; 2011). В то же время высказанное ранее предположение о возможном наличии на Берелёхе древнего (древнее достоверно известного эпизода обитания) компонента сохраняет свою силу.

5. Изучение объекта представляется перспективным с точки зрения дальнейшего уточнения его геологии и стратиграфии, а также культурной характеристики. Несмотря на относительную стабильность берега, памятник может быть довольно скоро утрачен, что также должно быть принято во внимание при планировании дальнейших работ.

-
- Абрамова 1989 — *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 145–255.
- Верещагин 1977 — *Верещагин Н. К.* Берелёхское «кладбище» мамонтов // Тр. ЗИН. 1977. Т. 72. С. 5–50.
- Верещагин, Мочанов 1972 — *Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита // СА. 1972. № 3. С. 332–336.
- Верещагин, Украинцева 1985 — *Верещагин Н. К., Украинцева В. В.* Происхождение и стратиграфия Берелёхского «кладбища» мамонтов // Тр. ЗИН. 1985. Т. 131. С. 104–113.
- Диков 1977 — *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
- Диков 1979 — *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Инешин, Тетенькин 2010 — *Инешин Е. М., Тетенькин А. В.* Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск, 2010.
- Лисицын 2000 — *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Мочанов 1974 — *Мочанов Ю. А.* Отчет о работах Приленской археологической экспедиции в 1974 г. Якутск, 1975 // Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. 5882.
- Мочанов 1977 — *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск. 1977.
- Мочанов и др. 1991 — *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Константинов И. В., Антипина Н. В., Арсунов В. Г.* Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилоя, Анабара и Оленека. М., 1991.
- Питулько 2008 — *Питулько В. В.* Загадки Берелёха // ЗИИМК. 2008. № 4. С. 98–117.
- Питулько 2010 — *Питулько В. В.* Отчет о разведках Восточно-Якутской (Яно-Индибирской) экспедиции ИИМК РАН в 2009 г. // Архив ИА РАН.
- Питулько и др. 2009 — *Питулько В. В., Никольский П. А., Басилян А. Э.* Радиоуглеродный возраст Берелёхского комплекса объектов // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы VI Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 2009. С. 474–478.
- Питулько и др. 2011 — *Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Результаты изучения Берелёхского геоархеологического комплекса объектов в 2009 году // Болиховская Н. С., Фаустов С. С. (ред.). Актуальные проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: Материалы Всероссийской научной конференции «Марковские чтения 2010 года». М., 2011. С. 1–18.
- Питулько, Павлова 2010 — *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.
- Слободин 1999 — *Слободин С. Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999.
- Уэст 1979 — *Уэст Ф.* Берингийская традиция // XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет L: ТД. М., 1979. С. 215.
- Goebel 1992 — *Goebel T.* The Chindadn point: A new type fossil for the Paleolithic of Beringia // Paleocology and Migrations of the Ancient Men in Northern Asia and America: Abstracts of the International Symposium. Krasnoyarsk, 1992. P. 277–279.

Nikolskiy et al. 2010a — *Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberian mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *Quaternary Science Reviews*. 2010. DOI:10.1016/j.quascirev.2010.10.017.

Nikolskiy et al. 2010b — *Nikolskiy P. A., Basilyan A. E., Sulerzhitskiy L. D., Pitulko V. V.* Prelude to the Extinction: Revision of the Achchagyi-Allaikha and Berelyokh mass accumulations of mammoth // *Quaternary International*. 2010. Vol. 219. P. 16–25. DOI:10.1016/j.quaint.2009.10.028.

Pitulko 2011 — *Pitulko V. V.* The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // *Geoarchaeology*. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 5–32. DOI:10.1002/gea.20342.

Pitulko et al. 2004 — *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Girya E. Yu., Basilyan A. E., Tumskey V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Yu., Anisimov M. A.* The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // *Science*. 2004. Vol. 303. No. 5654. P. 52–56.

Sher et al. 2005 — *Sher A., Kuzmina S., Kuznetsova T.V., Sulerzhitsky L.* New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants, and mammals // *Quaternary Science Reviews*. 2005. Vol. 24. P. 533–569.

ARCHAEOLOGICAL COMPONENT OF THE BERELEKH COMPLEX

V. V. Pitulko

In 2009 the Berelekh geoarchaeological complex became an object of thorough stratigraphic and paleogeographic research aimed at the establishment of the relationship between the mammoth «cemetery» and the «Berelekh occupation site». The geological setting of the complex was described in detail, and numerous radiocarbon dates were obtained on bone and plant samples taken from the Quaternary deposits. The archaeological materials proved to be associated with small lenses of vegetal rot and twigs, and appear to have been buried in a redeposited condition in flood-plain sediments. The length of the artifact-bearing horizon along the front of the exposure does not exceed 3–5 m. The appearance of an archaeological site near the bone-bed had nothing to do with mammoth hunting; in fact the mammoth «cemetery» was formed by natural processes and humans used it only as a source of a high value raw material. The archaeological assemblage of Berelekh is very original. The main types of serial tools found here are unknown in the rest of North-East Russia and cannot be compared to the inventory of the Dyuktai Late Paleolithic culture.

СТОЯНКА ВАШАНА И ВОПРОСЫ ХРОНОСТРАТИГРАФИИ РАННЕГО МЕЗОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

С. Н. ЛИСИЦЫН

Стоянка Вашана расположена в бассейне р. Оки, на ее правом притоке р. Вашана, вблизи дер. Саломасово Алексинского р-на Тульской обл. Памятник открыт в 2001 г. Алексинским палеолитическим отрядом ИИМК РАН под руководством Н. К. Анисюткина. Новые раскопки проведены в 2009 г. Правый берег р. Вашаны представляет собой мощный крутой известняковый массив высотой 40–45 м от уреза р. Вашаны (цоколь высокой террасы), рассеченный глубокими оврагами с водотоками. Высота прислоненной речной террасы, к которой приурочен памятник, составляет 5–6 м и гипсометрически соответствует первой надпойменной террасе Оки.

Разведочный шурф в 2001 г. позволил установить наличие хорошо сохранившегося культурного слоя (вскрытого на площади 1 м²) с углистым заполнением, который залегал на глубине около 3,5 м от поверхности. Культурные остатки включали изделия из кремня и обломки костей. В 2002 г. раскопки были продолжены на площади 5 м², из которых до уровня культурного слоя доведено лишь 2 квадрата. Археологические находки в своей массе были связаны с одним культурным слоем, выше которого по разрезу встречены единичные артефакты. Культурный слой в 2002 г. был зафиксирован на глубине 3,4–3,5 м от современной поверхности. Он состоял из двух литологически неразделимых горизонтов, связанных с концентрацией кремневых изделий и костных остатков. Каменный инвентарь (всего из раскопок 2001–2002 гг. — 323 экз.) сочетал признаки отжимного пластинчатого расщепления и одновременно техники жесткого отбойника (рис. 1). Среди орудий были представлены типичные изделия мезолитического облика (угловые резцы, вкладыши, сечения пластин), включая отщеп, сколотый со шлифованного топора. Найденные кости животных, по определению Н. Д. Буровой, принадлежат первобытному быку или бизону, северному оленю и зайцу. Для культурного слоя в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН были получены две ¹⁴C даты: по древесному углю — 9600 ± 450 (Je-6285), а по кости — 9680 ± 160 (Je-6644). Первоначально эти датировки расценивались как омоложенные. Учитывая глубину залегания от поверхности культурного слоя (3,5 м) и плейстоценовый набор фауны, памятник предварительно был отнесен к концу палеолита. Однако выраженный мезолитический облик части кремневого инвентаря, не находивший аналогий в палеолитических индустриях, поставил ряд вопросов, решение которых было оставлено до новых раскопок (Анисюткин, Лисицын 2007). Целью работ 2009 г. было уточнение стратиграфической позиции культурных остатков на памятнике, получение новых археологических и фаунистических материалов, а также отбор образцов для естественнонаучных анализов.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», проект «Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена—голоцена на северо-западе Русской равнины».

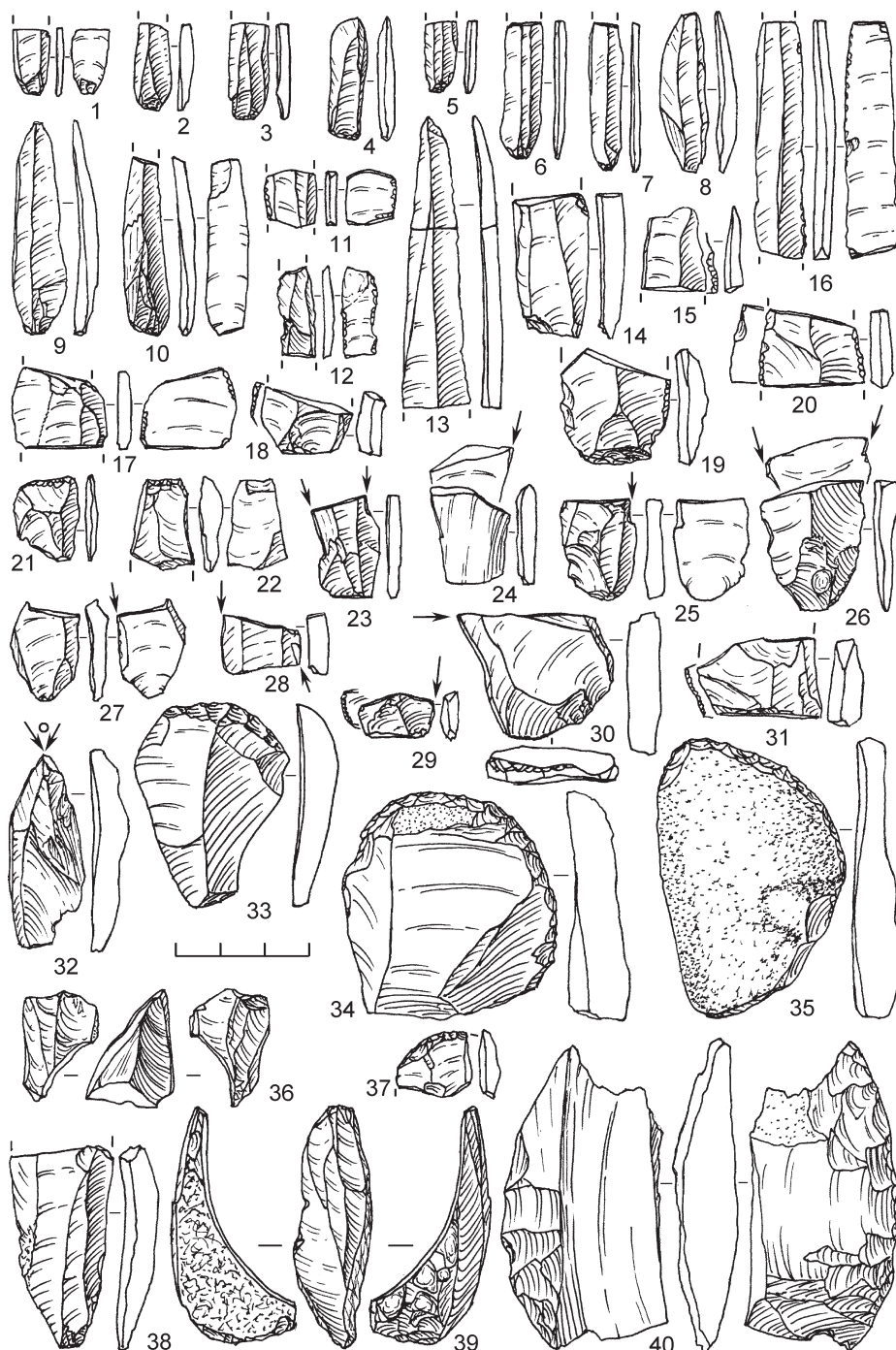

Рис. 1. Стоянка Вашана, каменный инвентарь из смешанной коллекции из раскопок 2001–2002 гг. (по Анисюткин, Лисицын 2007)

Стратиграфия. В шурфе 2009 г. площадью 6 м², прирезанном к раскопу Н. К. Аниюткина 2001-2002 гг., удалось более подробно описать стратиграфию и уточнить положение всех находок (номера слоев соответствуют рис. 2):

1. 0–0,25 м — дерн и современная подзолисто-луговая почва со следами распашки;
2. 0,35–0,5 м — суглинок коричневатого-темно-серого цвета однородный;
3. 0,50–1,05 м — суглинок коричневый, со слабо выраженными перемежающимися слабо гумусированными и светло-известковистыми с мелким окатанным гравием линзовидными прослойками (в средней части мощностью до 10 см); в основании прослеживаются линзы слабо гумусированного серого суглинка мощностью 5–20 см, проникающие затеками в нижележащий слой;
4. 1,05–1,3 м — брекчия из обломков известняка, гравия и осколков кремня, сложенная обломочным материалом, снесенным с коренного известнякового склона берега. В основании на контакте с нижележащим слоем залегает культурный слой 1;
5. 1,3–1,5 м — палево-коричневый оглееный суглинок с прослоем (мощностью до 5 см) перемежающихся гумусных и светло-известковистых линз в верхней части;
6. 1,5–1,8 м — погребенная почва лугового типа, насыщенно-черная (гумус), с включениями редких осколков известняка;
7. 1,8–2 м — суглинок неоднородный, светло-коричневый (до палевого), комковатый, с крошкой известкового щебня;
8. 2–2,25 м — суглинок плотный, неоднородный, коричневый до рыжеватого, комковатый;
9. 2,25–2,6 м — суглинок серо-бурый, неоднородно-слоистый;
10. 2,6–3 м — брекчия из обломков известняка, гравия и осколков кремня, сложенная обломочным материалом, снесенным с коренного известнякового склона берега: истончается и выклинивается в северном направлении, залегая линзами в подстилающем суглинке;
11. 3–3,1 м — суглинок плотный, неоднородный, бурый, комковатый, в котором залегает культурный слой 2;
12. 3,1–3,3 м — суглинок темно-серый, гумусированный, однородный, комковатый (погребенная почва), в котором залегает культурный слой 3;
13. 3,3–3,7 м — суглинок плотный, неоднородный, буро-коричневый, комковатый;
14. 3,7–3,8 м — суглинок темно-серый, гумусированный, однородный, комковатый (погребенная почва), в котором залегает культурный слой 4;
15. 3,8–4 м — суглинок плотный, неоднородный, коричневый, комковатый;
16. 4–4,45 м и ниже — суглинок неоднородный, буро-коричневый, слоистый, с тонкими линзами окатанного гравия в кровельной части (материк).

Как видно из описания, отложения террасы имеют смешанный генезис: в накоплении толщи суглинков принимали активное участие высокие паводки р. Вашаны и эрозийные процессы склонового цикла. Большая глубина залегания культурных остатков объясняется особенностями местного осадконакопления. Именно благодаря особому сочетанию природных факторов культурные остатки оказались быстро запечатаны суглинками, что обусловило хорошую сохранность костей.

Артефакты в шурфе 2009 г. были зафиксированы на 4 уровнях залегания.

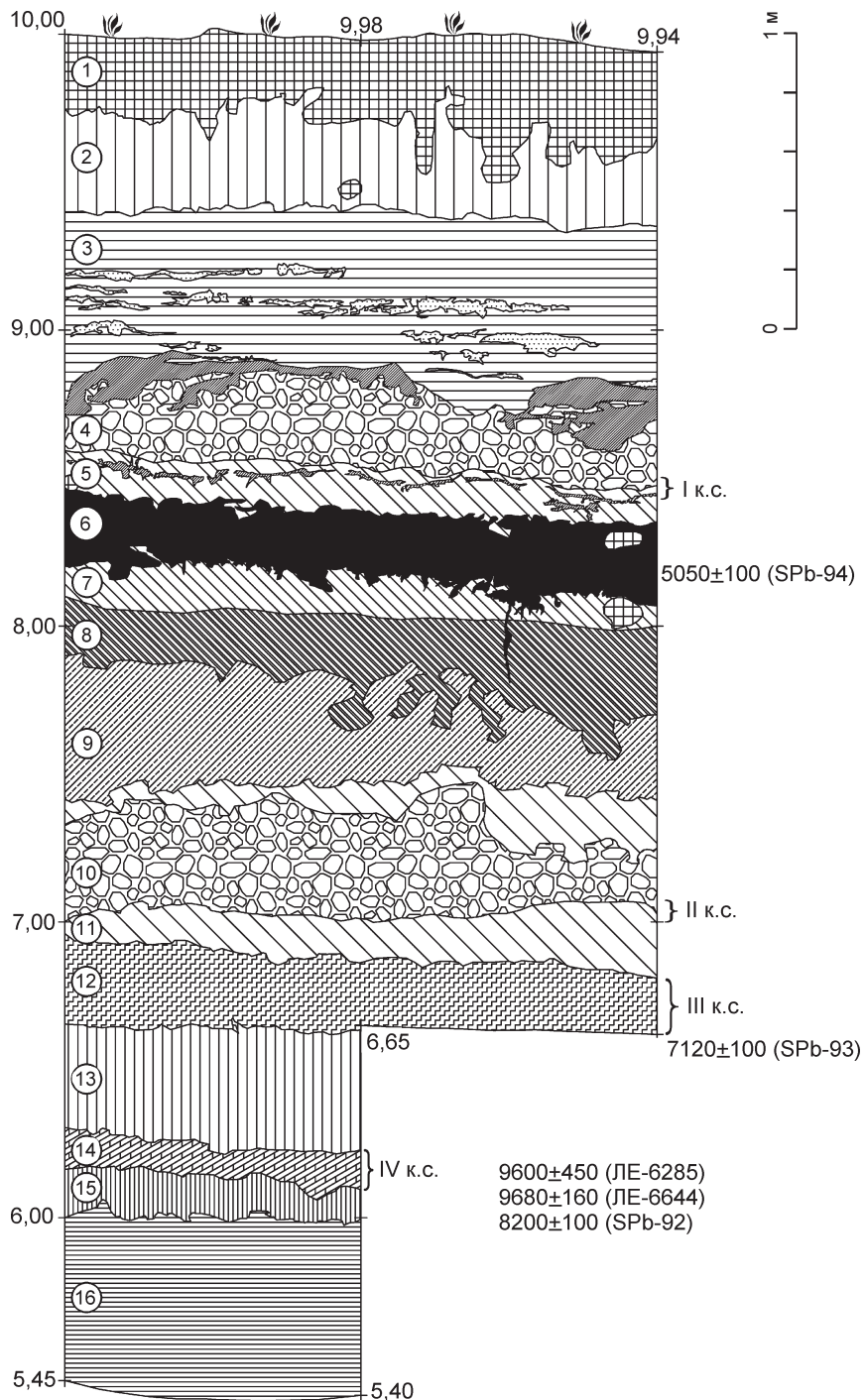

Рис. 2. Стоянка Вашана, южный профиль шурфа 2009 г.

Культурный слой 1 залегал на глубине 1,3–1,5 м от поверхности и соотносился с основанием щебнисто-обломочной известняковой брекчии мощностью 0,2–0,3 м. Отмечена слабая окрашенность в виде тонких (1–2 см) линз переслаивавшегося слабо гумусированного суглинка. Первый культурный слой подстилал черно-гумусный горизонт мощностью 20–25 см, представляющий собой погребенную почву лугового типа, не содержащую артефактов. Находки были единичны и залегали между камнями известняковой брекчии. Найдены 7 отщепов кремня, двусторонне обработанный иволистный наконечник стрелы со слабо выраженными срединными шипами по обоим краям, а также мелкий фрагмент сероглиняной керамики (без орнамента) с примесью в тесте органики и толченой раковины и отслоившейся внешней поверхностью. Судя по форме наконечника, слой можно отнести к эпохе энеолита–бронзы или концу неолита. Для определения возраста верхнего культурного слоя имеет значение радиоуглеродная дата 5050 ± 100 (SPb-94), полученная по образцу гумуса из нижележащей погребенной почвы в Лаборатории кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ им. Герцена.

Культурный слой 2 залегал на глубине 2,5–2,7 м от поверхности и был связан с основанием второй щебнистой толщи мощностью 0,2–0,4 м. В отличие от верхнего слоя 1, культурный слой 2 залегал не между камнями брекчии, а непосредственно на контакте с ней, во вмещающем и подстилающем ее буром суглинке. Было найдено 7 отщепов кремня, в том числе 2 экз. с ретушью. Учитывая близкое залегание нижележащего культурного слоя 3, нельзя исключить попадание в слой 2 артефактов из слоя 3.

Культурный слой 3 зафиксирован на глубине 3,1–3,3 м от современной поверхности и связан с прослойкой слабо гумусированного суглинка (погребенной почвой). Возможно, темная окрашенность слоя определена человеческой деятельностью, а не почвообразовательными процессами, так как в составе слоя встречались древесные угольки и зольные разводы. Находки в культурном слое 3 шурфа 2009 г. распределены неравномерно: восточная часть шурфа не содержала находок, а концентрация кремня была связана с юго-западным углом. Кремневые артефакты культурного слоя 3 представлены 86 отщепами и 3 грубопризматическими одноплощадочными нуклеусами полукругового снятия с негативами скалывания широких отщепов. Судя по нуклеусам с прямыми и слабоскошенными площадками и отщепам с сильно выраженным ударным бугорком, применялась исключительно техника жесткого отбойника.

Правильные пластины и микропластины среди находок из культурного слоя 3 отсутствуют. Радиоуглеродная дата, полученная в той же лаборатории по древесному углю, относится к рубежу мезолита и неолита — 7120 ± 100 (SPb-93).

Культурный слой 4 залегал на глубине 3,7–3,8 м от поверхности и соотносился с погребенной почвой мощностью 10–15 см, аналогичной по составу почве, в которой залегал культурный слой 3. От последнего слой 4 отделен 40-сантиметровой толщиной стерильного суглинка (рис. 2). В отличие от трех вышележащих культурных слоев, слой 4 в шурфе 2009 г. был вскрыт лишь на площади 3 м² вдоль восточной стенки, так как вдоль западной стенки пришлось оставить ступеньку. В слое встречены древесные угольки, небольшое зольное пятно (30 × 15 см), кусочки охры, осколки костей животных (ребер, фаланг, трубчатых костей) и кремневые изделия.

Культурные остатки концентрировались в северной части вскрытой площади, что соответствует наблюдениям в раскопе 2002 г., где их концентрация также увеличивалась с юга на север. Каменные артефакты (43 экз.) включали отщепы, пластинки и микропластинки (в обломках). Один отщеп имел ретушь утилизации. Из орудий был найден лишь резец на углу сломанной пластинки (рис. 3, 2); нуклеусов нет. Среди микропластин имеются очень тонкие экземпляры, снятые, вероятно, с помощью отжима (рис. 3, 4–5, 7–8, 10–11). Датировка по древесному углю из культурного слоя 4, полученная в той же лаборатории, дала поздний возраст: 8200 ± 100 (SPb-92).

Фауна. В шурфе 2009 г. лишь в 4-м культурном слое найдены обломки костей животных, среди которых Н. Д. Буровой (ИИМК РАН) и Е. А. Петровой (ЗИН РАН) определены следующие виды (табл. 1):

Таблица 1

Состав фауны культурного слоя 4 стоянки Вашана

Вид животного	Количество костей/особей
Полевка (<i>Microtus arvalis</i>)	2/1
Лось (<i>Alces alces</i>)	5/1
Рыба (вид не определен)	1/1
Неопределимые	358
Итого	366

Видовой набор фауны, который не находит соответствия в материалах предыдущих раскопок, а также противоречие старых и полученных новых ^{14}C дат заставляют вернуться к проблеме интерпретации памятника и по-новому оценить хроностратиграфическую позицию культурных остатков. Кости из раскопок 2001–2002 гг., согласно первичному определению, показали плейстоценовый состав животных: северный олень, бизон и заяц. Фауна из шурфа 2009 г., напротив, дала типичных представителей голоценового лесного сообщества: лось, полевка и крупная рыба (позвонок). Консультации с Н. Д. Буровой показали, что в 2001–2002 гг. в ее распоряжении были лишь очень мелкие обломки костей, и она проводила определение костей, не сверяясь с эталонными коллекциями, хранящимися в Зоологическом институте РАН. В 2009 г. при активном содействии Е. А. Петровой удалось изучить вновь полученные фаунистические материалы по эталонным коллекциям. Поэтому последним определениям можно доверять в гораздо большей степени. К тому же обломки костей из шурфа 2009 г. отличались более крупными размерами, чем из раскопок 2001–2002 гг., где большинство фрагментов не превышало 1 см. К сожалению, кости из раскопок 2001–2002 гг. нельзя переопределить, так как все они без остатка были использованы для получения ^{14}C датировок. Однако Н. Д. Бурова, изучившая коллекцию костей из раскопок 2009 г., согласилась, что ее первичные определения фауны, скорее всего, были неверны. Таким образом, присутствие костей северного оленя и бизона в Вашане нельзя считать достоверным. Присутствие зайца (определение было сделано по зубам), а также лося, полевки и рыбы сомнению не подлежит. По совокупности фаунистических данных 4-й культурный слой соответствует типичному природному окружению лесной зоны.

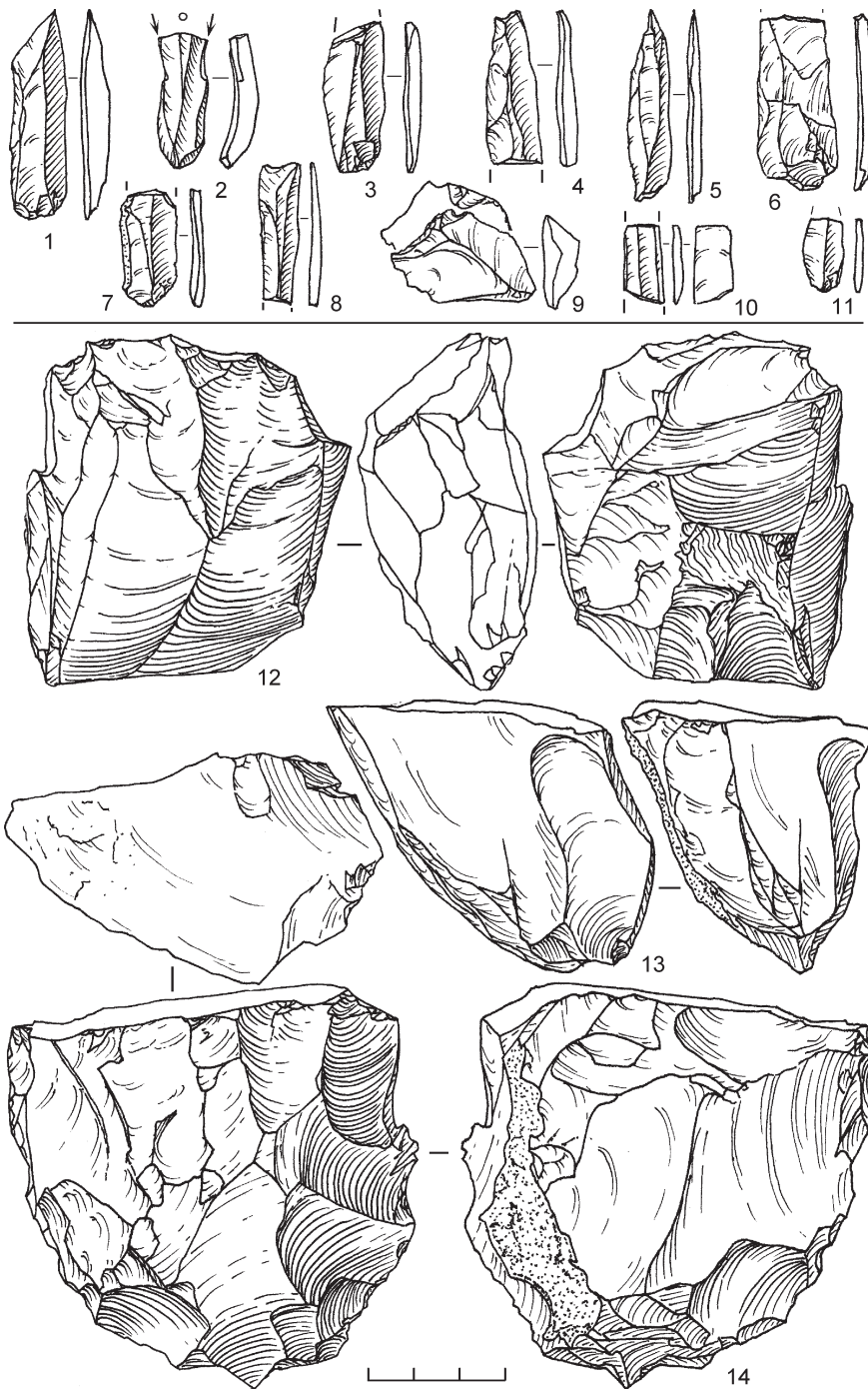

Рис. 3. Стоянка Вашана, 2009 г., каменный инвентарь: 1–11 — из культурного слоя 3; 12–14 — из культурного слоя 4

Датировка. ^{14}C даты из раскопа 2001–2002 гг. (9600 ± 450 ВР по углю и 9680 ± 160 ВР по кости) в связи с новыми находками необходимо увязать с конкретным культурным слоем. По-видимому, оба образца относились к культурному слою 4, так как в вышележащем слое 3 кости в шурфе 2009 г. не зафиксированы. К этому же выводу склоняет и свидетельство Н. К. Анисюткина о том, что датировка по углю была сделана по образцу из углистого скопления, залегавшего в основании культуросодержащего горизонта. Обе даты были первоначально восприняты как омоложенные, но, как указано выше, по углю из шурфа 2009 г. были получены еще более поздние даты — 7120 ± 100 л. н. для слоя 3 и 8200 ± 100 л. н. для слоя 4, противоречащие стратиграфическим и археологическим данным. До получения новых дат (желательно в разных лабораториях), по-видимому, вопрос об абсолютном возрасте следует оставить открытым. Стоит отметить лишь близкое соответствие между собой двух первых полученных датировок и явный разброс двух последних.

Культурная интерпретация. В первичной интерпретации находки из нижнего слоя стоянки Вашана были причислены к «золоторучьинской традиции» финального палеолита (Анисюткин, Лисицын 2007; Жилин, Кольцов 2008), выделенной М. Г. Жилиным по материалам нижнего слоя стоянки Золоторучье 1 в Ярославской обл. Согласно М. Г. Жилину, «золоторучьинская традиция» является специфическим местным вариантом палеолитической индустрии в конце плейстоцена, давшим начало бутовской раннемезолитической культуре. По фаунистическим остаткам и геоморфологической привязке исследователь отнес эти комплексы к началу позднего дриаса ~10,5–11 тыс. л. н. (Жилин 2004а; 2004б; 2007; Кольцов, Жилин 2008).

После работ 2009 г. считавшийся единым нижний культурный слой Вашаны разделился на два слоя с непохожим инвентарем. Комплекс культурного слоя 3 характеризуется отщеповой техникой жесткого отбойника, а слоя 4 — преобладанием пластинчатой техники расщепления с применением отжима (табл. 2).

Таблица 2

Инвентарь культурных слоев 3 и 4 стоянки Вашана

Артефакты	Культурный слой 3	Культурный слой 4
Отщепы	59 (60,8 %)	17 (36,2 %)
Чешуйки	28 (29 %)	5 (10,6 %)
Осколки	3 (3,1%)	2 (4,3 %)
Пластины	2 (2 %)	13 (27,7 %)
Микропластины	—	9 (19,1 %)
Нуклеусы	3 (3,1 %)	—
Краевые сколы	2 (2 %)	—
Орудия	—	1 (2,1 %)
Итого	97 (100 %)	47 (100 %)

Необычное сочетание разнородных черт, которое отмечалось в первой публикации Вашаны, объясняется, видимо, механическим смешением разнокультурных комплексов. Вопрос атрибуции осложнен тем, что орудия в материалах 2009 г. практически не представлены. Голоценовая дата и особенности техники расщепления кам-

ня из культурного слоя 3 позволяют искать ближайшие аналогии данному комплексу в иеневской культуре. В таком случае, согласно хроностратиграфической позиции находок, комплекс культурного слоя 4, имеющий выраженный пластинчатый облик и содержащий отжимные пластинки и угловой резец, может иметь ближайшие аналогии в бутовской культуре. Благодаря фактически противоположному технологическому контексту обеих культур, бедные материалы 3-го и 4-го слоев, полученные на Вашане, поддаются археологической атрибуции. Безусловно, ни бутовская индустрия не является в абсолютном выражении полностью пластинчатой, ни иеневская — отщеповой, однако данные технологические тенденции в первичном расщеплении неизменно выступают для них обеих в качестве диагностирующих признаков (Агеева, Леонова 2005). Если принять датировку нижнего бутовского культурного слоя Вашаны первой половиной пребореала (согласно датам лаборатории ИИМК РАН), то вышележащий иеневский комплекс в соответствии с хронологией большинства иеневских памятников (Кравцов, Леонова 2001; Зарецкая 2005; Леонова 2007; Кравцов 2009) должен относиться к середине—второй половине пребореала или началу бореала.

Вашана и вопрос о «золоторучьинской традиции». Опубликованное ранее мнение об ассоциации Вашаны с «золоторучьинской традицией» заставляет по-иному взглянуть и на материалы эпонимного памятника. Исследования Золоторучья 1 в разные годы проводились О. Н. Бадером и М. В. Воеводским (Бадер, Воеводский 1935), П. Н. Третьяковым (1950), основные работы проведены Д. А. Крайновым (1959; 1964), а последние — М. Г. Жилиным (2007). Золоторучье 1, ныне уничтоженное береговой эрозией, было приурочено к краю первой надпойменной террасы Волги при устье балки Сухой Ручей. Памятник содержал материалы средневековья, железного и бронзового веков, а также неолита, залежавшие в отложениях береговой дюны вплоть до ее основания. Наиболее ранние находки каменного века залежали отдельно от вышележащих, с большим отрывом (местами более 1 м). Работами Д. А. Крайнова в 1956—1970 гг. было вскрыто около 900 м² нижнего культурного слоя, который сначала интерпретировался как мезолитический, а потом как палеолитический (Крайнов 1959; 1964). Культурные остатки были приурочены к слою красно-бурого суглинка с песчаными прожилками, перекрывавшегося пачкой археологически немых тонко слоистых чередующихся суглинков и супесей аллювиально-делювиального происхождения. В культуровмещающем суглинке были прослежены две зольно-углистые прослойки разной мощности, разделенные почти стерильным горизонтом мощностью 10—15 см. Суглинок подстилался в центральной части памятника валунной глиной, а на периферии супесями и песками. На некоторых наиболее низких участках между красно-бурым суглинком и материковой глиной прослеживался горизонт торфо-болотных отложений, а ближе к борту Сухого Ручья — горизонт ила (Жилин 2007: 61—62).

Наиболее подробные данные о геоморфологическом строении первой террасы Волги в Ярославском Поволжье в относительной близости от дер. Золоторучье опубликовал В. А. Новский (1975: 20—24). Им были изучены два разреза в г. Рыбинске и еще один ниже по течению, вблизи впадения в Волгу р. Сонохты. В разрезах прослеживается однотипное строение: в основании находился древний аллювий (русовые

пески на гальке и гравии, подстилаемые илистыми суглинками), поверх них залежали пески, переслаивающиеся с суглинком и переходящие в монолитный моренный суглинок (нижняя пачка), в средней пачке залежала погребенная почва (р. Сонохта) или линза торфа (г. Рыбинск), которые выше по разрезу вновь перекрывались пачкой слоистых аллювиальных суглинков (верхняя пачка). Поверх последних залежала современная почва. За исключением отсутствующих здесь песчаных дюнных образований в покровной части разреза, такая последовательность в целом повторяет разрез на Золоторучье 1, где нижний культурный слой и подстилается (нижняя пачка), и перекрывается (верхняя пачка) субаквальными отложениями. Погребенная линза старичного торфяника в г. Рыбинске (ниже по течению Волги от памятника), стратиграфически соответствующая уровню залегания нижнего культурного слоя в Золоторучье 1 (который местами тоже подстилался торфяной прослойкой), имеет спорово-пыльцевую характеристику. Палинология разреза в г. Рыбинске показала, что торфяник начал формироваться в период преобладания березы над сосной с незначительным участием ели и ивы. Вверх по колонке отмечается резкое уменьшение количества пыльцы березы вместе с увеличением процентного содержания ольхи, липы, дуба и ели. В. А. Новский сделал вывод, что период накопления длился с раннего голоцена до его оптимума (Там же: 23), т. е. от начала пребореала до начала атлантикума. Следовательно, судя по стратиграфическим и спорово-пыльцевым наблюдениям, эпизод раннего заселения стоянки Золоторучье 1, приуроченный к уровню чуть выше кровли основного аллювия первой террасы, должен соответствовать скорее началу голоцена, чем финалу плейстоцена.

Как видно из скрупулезного исследования находок из раскопок Д. А. Крайнова, проведенного М. Г. Жилиным, каменная индустрия памятника отличается весьма эклектическим по технико-типологическому составу инвентарем, сильно разнящимся от скопления к скоплению, которых всего насчитывается пять. Согласно М. Г. Жилину, «техника отжима пластин и микропластинок правильной огранки максимально развита в скоплении 5, а скопление 3 — единственное, где таких пластин нет. С другой стороны, в последнем найдена большая серия рубящих орудий с перехватом, есть они и в скоплениях 4 и 5, а в скоплениях 1 и 2 их нет. Двугранные и комбинированные резцы есть только в скоплениях 2 и 5. В скоплении 2 наибольшей серией представлены резцы с «подтеской» дорсальной поверхности от края резцового скола, которые отсутствуют в скоплениях 1 и 4. В скоплениях 1 и 2 преобладают ретушные резцы, а в остальных — на сломе заготовки. В скоплении 5 нет округлых скребков, зато есть нож с затупленным обушком, напоминающий крупные острия типа федер-мессер» (Жилин 2007: 31).

Средний индекс пластинчатости (3–5 %) по всем скоплениям, даже с учетом предполагаемого функционального профиля памятника как стоянки-мастерской по расщеплению кремня, соответствует целиком отщеповой, а не пластинчатой индустрии. Тем удивительнее присутствие здесь совершенной техники получения правильных пластин с помощью посредника или отжимом и серии микропластин-вкладышей. Нуклеусы представлены одновременно аморфными кубовидными ядрищами для отщепов и правильными подконическими, с замкнутым и полузамкнутым фронтом,

оформленным негативами узких пластинчатых снятий. Интересно и то, что регулярные и даже двойные резцы на сечениях пластин здесь сочетаются с нестандартизированными массивными изделиями с широкой резцовой кромкой и с многофасеточными изделиями. Среди скребков встречаются как концевые на правильных пластинах, так и аморфные, а также высокие на отщепках. М. Г. Жилин предположил, что столь парадоксальные сочетания внутри комплекса «говорят об индивидуальной вариативности инвентаря скоплений, оставленных населением, единым в культурном отношении» (Там же).

С такой интерпретацией категорически нельзя согласиться. Если суммировать все признаки — отсутствие прямых аналогий данной индустрии, взаимоисключающие технологические признаки внутри комплекса, отмеченное в профилях разделение культурных остатков на две четкие углистые прослойки, из которых верхняя была несколько мощнее нижележащей, то остается лишь одно-единственное логическое объяснение — комплекс не может рассматриваться как стратиграфически и археологически гомогенный. На Золоторучье 1 представлены два разных культурных комплекса, отделяющихся друг от друга как в технико-типологическом, так и в хроностратиграфическом отношении. Эклектичная характеристика инвентаря является следствием наложения одного комплекса на другой и частичного смешения материалов, что уже неоднократно наблюдалось на мезолитических памятниках Верхневолжья, раскопанных в прежние годы по несовершенной методике. Сомнения в гомогенности «золоторучьинской традиции» уже ранее высказывали А. Н. Сорокин (2006: 78) и Л. Л. Зализняк (2009: 46).

Для удобства сравнения один комплекс можно назвать «отщеповым», а другой — отжимным «пластинчатым». Как следует из выводов М. Г. Жилина, наибольшая «пластинчатость» была отмечена в скоплении 5, а «отщеповость» — в скоплении 3. Таким образом, каждое из этих скоплений является наиболее чистым в культурном отношении. Их взаимозалегание в стратиграфической последовательности позволяет оценить, какой из комплексов был более ранним, а какой — поздним.

В планиграфическом отношении скопление 5 было расположено дальше всего от обрыва террасы и выше остальных по склону от Волги. Скопление 3, напротив, занимало позицию ближе к краю террасы. Учитывая привязку стоянки к речному берегу и эрозионную фазу речной деятельности в период существования поселений (непрерывное отложение пойменного аллювия началось уже после ухода людей), логично считать, что расположенное гипсометрически выше «пластинчатое» скопление 5 относится к более раннему этапу заселения мыса, а пониженное «отщеповое» скопление 3 — к более позднему. Подтверждением такой интерпретации служит и разная мощность углистых прослоек. Нижняя тонкая прослойка может ассоциироваться с «пластинчатым» комплексом, а наиболее мощная верхняя — с преимущественно преобладающим «отщеповым». Только последним обстоятельством можно объяснить процентное соотношение сколов, подсчитанное М. Г. Жилиным, — с огромным перевесом в пользу «отщепового» комплекса. Культурный слой последнего был мощнее вследствие более активной и/или более продолжительной деятельности его обитателей.

Важным признаком, который отличал Золоторучье 1 от других мезолитических памятников, считается фауна, которая, согласно полученным ранее данным, носит не голоценовый (мезолитический), а плейстоценовый (палеолитический) облик. Д. А. Крайнов упоминал о находках ребер крупных млекопитающих в верхней углистой прослойке (Крайнов 1959: 68), а также костей первобытного быка и северного оленя без привязки к той или иной прослойке нижнего культурного слоя (Крайнов 1964: 4). Из его публикаций неясно, кто из специалистов определял кости.

М. Г. Жилин среди фаунистических остатков, упомянутых в отчетах Д. А. Крайнова, называет часть бедренной кости первобытного быка и челюсть северного оленя из скопления 4 (раскоп 1 1962 г.), а в составе скопления 5 (раскоп 1 1964 г.) — фрагмент бедренной или берцовой кости бизона (*Bison Priscus*), атрибуированного П. А. Косинцевым (Жилин 2007: 16–17). Таким образом, фаунистический состав в целом (без привязки к «пластинчатому» или «отщеповому» комплексам) охарактеризован как позднеплейстоценовый перигляциальный и, по мнению М. Г. Жилина, соответствует наиболее холодной фазе первой половины молодого дриаса (Там же: 39).

В архиве Д. А. Крайнова, хранящемся в Музее археологии Ивановского государственного университета,² сохранилось ранее не публиковавшееся заключение по определению костных остатков с Золоторучья 1, сделанное Л. А. Алексеевой (Геологический институт АН СССР). Привожу текст ее письма к Д. А. Крайнову от 28.03.1964 г.:

«Костные остатки из стоянки Золоторучье 1 у Углича, переданные на палеонтологическое определение в отдел четвертичной геологии ГИН АН, позволили определить следующее:

1. *Alces alces* L. — маленький обломок левой половины нижней челюсти с тремя предкоренными зубами.

2. *Bison* (?) sp. — обломок нижнего конца метакарпальной кости очень плохой сохранности (более точное определение невозможно).

Возраст: верхний плейстоцен.

Примечания: В настоящее время лось является типичным лесным животным (таежным). В пределах СССР южная граница лося совпадает с южным пределом сплошных хвойных и смешанных лесов, огибая с севера степные районы. Зубр на Русской равнине до недавнего времени обитал в районе смешанных лесов. Имеются предположения, что некоторые ископаемые расы первобытного зубра жили в условиях степи».

По-видимому, на определение в ГИН попали те самые фаунистические остатки из 1-го раскопа 1962 г., которые упоминали Д. А. Крайнов и М. Г. Жилин. Примечательной является их относительная датировка Л. А. Алексеевой — «верхний плейстоцен», хотя оба определенных вида (зубр и лось), как видно из комментария, являются скорее лесными животными. На такую хронологическую оценку, вероятно, повлия-

² Выражаю глубокую признательность доценту кафедры дореволюционной отечественной истории исторического факультета ИвГУ к. и. н. Е. Л. Костылевой за возможность ознакомиться с архивом Д. А. Крайнова.

ло заключение по Золоторучью, сделанное в 1962 г. А. А. Величко, который отнес культуровмещающие отложения памятника к позднему валдаю.

Как видно из приведенных данных, нижние культурные слои Золоторучья I были оставлены охотниками лесной зоны раннего голоцена. Отнесение двух культурных комплексов Золоторучья I к началу голоцена подтверждается и полученными недавно абсолютными датировками: 10240 ± 37 (KIA-39314) по кости (*Bison priscus* — определение П. А. Косинцева) из скопления 5 и 9990 ± 62 (KIA-39315) по древесному углю из скопления 3 (Hartz et al. 2010). Поэтому аналогии «пластинчатому» и «отщеповому» комплексам нужно искать не среди финальнопалеолитических, а среди раннемезолитических памятников. Таковые в Верхневолжье представлены бутовской и иеневской культурами, технико-типологические характеристики которых полностью соответствуют описанным характеристикам «пластинчатого» и «отщепового» комплексов.

К «пластинчатому» ботовскому инвентарю относятся конические и торцовые нуклеусы и соответствующие данному типу расщепления правильные пластины и отжимные микропластины. Орудия ботовского облика представлены миниатюрными угловыми и ретушными резцами на правильных пластинках, а также, вероятно, скребками, выполненными на сечениях правильных пластин. Данный набор изделий может быть целиком проиллюстрирован скоплением 5, практически не содержащим чужеродных примесей (Жилин 2007: 115, рис. 78).

Иеневские изделия, которые неравномерно распределены по площади между всеми пятью скоплениями, включают одно- и двухплощадочные кубовидные нуклеусы для отщепов и укороченных пластин (техника жесткого отбойника). Среди изделий с вторичной обработкой выделяются изделия с обушком, в том числе крупный нож на массивном первичном отщепе (единственное исключение из «пластинчатого» скопления 5), аморфные скребки на отщепах, нестандартизированные (в том числе нуклеовидные) резцы с широкой кромкой. Кроме того специфическими иеневскими в данном контексте могут считаться топоры с перехватом и, по крайней мере, один геометрический микролит (треугольник или обломок трапеции из скопления 4), с усеченным встречной ретушью краем, который опубликован как «заготовка для резца» (Там же: 26, 109, рис. 72, 9).

Хроностратиграфическая последовательность залегания находок иеневского и раннего ботовского облика была также зафиксирована М. Г. Жилиным на многослойном торфяниковом памятнике Становое 4 в Ивановской обл., обеспеченном целой серией радиоуглеродных дат раннего пребореального возраста. Иеневский слой IIIa на Становом 4 залегал выше раннего ботовского слоя IV (Жилин 2002; Зарецкая и др. 2002; Зарецкая 2005; Hartz et al. 2010), так же как на Вашане и, вероятно, на Золоторучье I.

Таким образом, выделение особой «золоторучьинской традиции» как отдельной культурной единицы по материалам Золоторучья I и Вашаны следует считать ошибочным. Представленные выше данные заставляют отказаться от концепции М. Г. Жилина, поддержанной мною ранее (Анисюткин, Лисицын 2007; Лисицын 2010). Очевидно, что «традиция», сконструированная из механически смешанных

материалов, не может являться аргументом в пользу происхождения раннего волго-окского мезолита из какого-то особого автохтонного варианта финального палеолита, тем более, что естественнонаучный контекст этих находок не подтверждает их плейстоценовый возраст.

Агеева, Леонова 2005 — *Агеева К. Е., Леонова Е. В.* К характеристике пластинчатых сколов в мезолитических индустриях Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 130–147.

Анисюткин, Лисицын 2007 — *Анисюткин Н. К., Лисицын С. Н.* Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене—раннем голоцене. М., 2007. С. 134–148.

Бадер, Воеводский 1935 — *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки родового общества. Участок Скнятино-Молога // Археологические работы Академии на новостройках. 1935. С. 145–156 (ИГАИМК. Вып. 109).

Жилин 2002 — *Жилин М. Г.* Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 107–116.

Жилин 2004а — *Жилин М. Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.

Жилин 2004б — *Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 92–139.

Жилин 2007 — *Жилин М. Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М., 2007.

Жилин, Кольцов 2008 — *Жилин М. Г., Кольцов Л. В.* Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.

Залізник 2009 — *Залізник Л. Л.* Мезоліт заходу Східної Європи. Київ, 2009 (Кам'яна доба України. Т. 12).

Зарецкая 2005 — *Зарецкая Н. Е.* Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяниковых поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 113–129.

Зарецкая и др. 2002 — *Зарецкая Н. Е., Успенская О. Н., Жилин М. Г.* Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 117–122.

Кравцов 2009 — *Кравцов А. Е.* Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит — мезолит Волго-Окского бассейна) // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия. 2009. С. 60–72.

Кравцов, Леонова 2001 — *Кравцов А. Е., Леонова Е. В.* Структура памятников и вопрос о периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин: Материалы международной конференции. Сергиев Посад, 2001. С. 133–141.

Крайнов 1959 — *Крайнов Д. А.* Дюнная стоянка Золоторучье 1 // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 63–69.

Крайнов 1964 — *Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 3–19.

Леонова 2007 — *Леонова Е. В.* К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского междуречья // Проблемы археологии каменного века. М., 2007. С. 119–154.

Лисицын 2010 — *Лисицын С. Н.* Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 52–62.

Новский 1975 — *Новский В. А.* Плейстоцен Ярославского Поволжья. М., 1975.

Сорокин 2006 — *Сорокин А. Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006.

Третьяков 1950 — *Третьяков П. Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. 1950. Вып. 13. С. 15–25.

Hartz et al. 2010 — *Hartz S., Terberger T., Zhilin M.* New AMS-dates for the Upper Volga Mesolithic and the origin of microblade technology in Europe // *Quartar*. 2010. Vol. 57. P. 155–169.

SITE OF VASHANA AND THE QUESTIONS OF CHRONOSTRATIGRAPHY OF THE EARLY MESOLITHIC IN THE VOLGA-OKA INTERFLUVE

S. N. Lisitsyn

The site of Vashana is situated on the Upper Oka. The cultural layer exposed for the first time by N. K. Anisutkin's excavations in 2001–2002 at a depth of 3,5–4 m from the present day surface was originally dated to the Paleolithic. New excavations undertaken by the present author in 2009 have demonstrated the presence of several occupation levels, and the cultural layer formerly thought to be single has broken down into two. The lowermost cultural layer 4 is characterized by the dominance of blade technology with the use of pressure flaking, while the incumbent layer 3 is characterized by a flake oriented technology with the use of hard hammer. Taking into account a typically boreal character of the fauna associated with layer 4 (elk, fish), as well as the fact that the available radiocarbon dates point to the Early Holocene age, the analogies to both assemblages should be sought among the Early Mesolithic and not the Final Paleolithic sites. In the Upper Volga area the Early Mesolithic is represented the Butovo and Ienevo cultures, whose characteristics coincide with those described for Vashana layers 4 and 3, respectively. Previously the materials of Vashana were thought to form a single Final Paleolithic tradition with the industry of Zolotoruchie 1. However, the new data on the fauna of Zolotoruchie 1, the published pre-Boreal ^{14}C dates for this site, as well as clear stratigraphic and archaeological analogies with Vashana, make it possible to date these materials to the Early Mesolithic.

ТЕРРАКОТОВЫЕ, ГЛИНЯНЫЕ И КАМЕННЫЕ «НАВЕРШИЯ» АЛТЫН-ДЕПЕ

В. А. АЛЁКШИН

Настоящая статья продолжает серию публикаций автора (Алёкшин 2010а; 2010б; 2010в), посвященную определению абсолютной хронологии строительных горизонтов Алтын-депе, крупнейшего поселения эпохи энеолита и бронзового века на юго-востоке Туркменистана, и их синхронизации с культурными слоями важнейших археологических памятников Центральной Азии и Среднего Востока конца IV—III тыс. до н. э.

Главную роль в установлении возраста строительных горизонтов рассматриваемого памятника играют артефакты, найденные в закрытых комплексах (наборы погребального инвентаря, клады, а также вещи, обнаруженные на полах жилых помещений), которые имеют аналогии в материалах надежно датированных поселений и могильников сопредельных территорий. Однако далеко не все отвечающие этим требованиям предметы, которые были обнаружены во время раскопок Алтын-депе, могут быть надежными хронологическими индикаторами.

Рассмотрим в связи с этим небольшие терракотовые, реже — каменные или глиняные «навершия», выявленные на городище. Эти изделия, высота которых колеблется, как правило, от 1,5 см до 2,5 см, а диаметр составляет около 3 см (Кирчо 2005а: 389; хотя иногда встречаются и более крупные экземпляры), найдены в погребениях, постройках и в заполнении строительных горизонтов памятника. Л. Б. Кирчо выделяет три типа «наверший»: уплощенно-сферические, сфероконические и усеченно-конические (Там же; Кирчо 2008: 106). Характерной особенностью таких артефактов является наличие центрального отверстия, которое не было просверлено до конца. Диаметр отверстия колеблется от 0,6 см до 1 см (Кирчо 2005а: 389).

Впервые эти предметы появляются на юге Туркменистана в слоях времени Анау IA, относящихся к начальному этапу раннего энеолита. «Навершия» были обнаружены во время исследования поселения Гавыч-депе (рис. 1, 1, 2). К сожалению, опубликованы лишь две такие поделки, причем одна из них имеет усеченно-коническую форму (Бердыев 1976: 49, 50, 79, рис. 17, 25), а другая — сфероконическую (Бердыев 1974: 30, рис. 11, 19). Комплекс Анау IA сменил на юге Туркменистана джейтунскую неолитическую культуру, поздний этап которой датируется VI тыс. до н. э. (Коробкова 1996: 93). Нельзя, однако, исключить вероятности того, что обе культуры сосуществовали непродолжительное время. Поскольку толщина культурных отложений времени Анау IA составляет от 3 м до 4 м (Северный холм Анау и Каушутское поселение; Бердыев 1972: 20, 21; Ершов 1956: 33; Курбансахатов 1987: 18, 42, 43, 116; Массон 1982: 17), то можно предположить, что начальная пора раннего энеолита длилась на юге Туркмении около 400 лет, охватывая временной интервал от рубежа VI/V тыс. до н. э. до середины второй четверти V тыс. до н. э.

В напластованиях времени позднего Намазга I зафиксированы уже все три типа «наверший»: уплощенно-сферические — Дашлыджи-депе (рис. 1, 3; Хлопин 1963:

табл. XXII, 2, 7, 17), сфероконические — Северный холм Анау (рис. 1, 6; Там же: табл. XXI, 35), Дашлыджи-депе (рис. 1, 5; Там же: табл. XXII, 4) и усеченно-конические — Дашлыджи-депе (рис. 1, 4; Там же: табл. XXII, 3). Начало периода Намазга I (Анау IB) относится примерно к 4650 г. до н. э. Благодаря раскопкам К. Курбансахатова было выяснено, что на Северном холме Анау толщина культурных напластований периода Намазга I составляет не менее 8 м (Курбансахатов 1987: 30–42). Из этого вытекает, что поздний этап периода Намазга I датируется, видимо, последней третью V тыс. до н. э. — началом IV тыс. до н. э.

Эти же типы «наверший» характерны и для эпохи среднего энеолита (вторая четверть—середина последней четверти IV тыс. до н. э.). На поселении Алтын-депе они известны на раскопе 1 в отложениях яруса XXXVII (рис. 1, 8) и в горизонте Алтын 15 (рис. 1, 9; Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 3, 8, 32). Найденная в этих напластованиях керамика типична для ялангачского комплекса (Массон, Кирчо 2008: 17), который в стратиграфической колонке анауской культуры соответствует большей части периода Намазга II (его ранней и развитой фазам). Кроме того, «навершие» были выявлены в горизонте Алтын 13 на раскопах 1 и 5 (рис. 1, 10–12; Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 4, 19; 11, 2–4; 68, 16, 17). Этот горизонт исследователи относят либо ко времени позднего Намазга II (Массон 1981: 18–20, рис. 5), либо к периоду раннего Намазга III (Массон, Кирчо 2008: 48, рис. 17). Вторая точка зрения основана на том, что в горизонте 13 (раскоп 5) обнаружен фрагмент керамики типа Кара 1А (Там же: 34). Однако нельзя исключить вероятности того, что этот черепок расписной посуды периода Намазга III попал в горизонт 13 из вышележащих культурных отложений. Следует также обратить внимание на то, что в случае отнесения горизонта 13 ко времени раннего Намазга III в стратиграфической колонке Алтын-депе период позднего Намазга II будет представлен лишь одним культурным отложением — горизонтом 14 (раскоп 1), что представляется маловероятным. Исходя из этих соображений, горизонт 13 раскопов 1 и 5 нужно связывать с периодом позднего Намазга II. Справедливости ради необходимо указать, что окончательную точку в деле установления культурно-хронологической принадлежности горизонта 13 (раскоп 5) можно будет поставить лишь после его полного вскрытия, так как к настоящему времени он раскопан на площади, не превышающей 25 м² (Там же: 28).

Глиняное «навершие» было найдено и на поселении Ялангач-депе (рис. 1, 7; Хлопин 1969: табл. XVI, 31), а терракотовые и каменные изделия такого рода зафиксированы в поздних ялангачских и ранних геоксюрских отложениях поселения Илгынлы-депе (устные сообщения Н. Ф. Соловьевой и Ю. Е. Березкина).

Традиция изготовления этих поделок сохраняется и в пору позднего энеолита (конец IV — первая четверть III тыс. до н. э.). Большая коллекция рассматриваемых артефактов времени Намазга III была получена при раскопках Алтын-депе. Она включает находки из культурного слоя горизонта Алтын 12 (рис. 1, 13–15; Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 74, 16–24, 38), Алтын 11/12 (Там же: табл. 4, 6; 12Б, 6, 7, 12, 15), Алтын 11 (рис. 1, 16–18; Там же: табл. 94, 9–12; 97, 12–25), Алтын 10–11 (Там же: табл. 109, 14–23), Алтын 11 или Алтын 10 (Там же: табл. 55Б, 3), Алтын 10 (рис. 1, 19–24; Там же: табл. 31Б, 11–13, 17, 18; 59, 10, 11; 126, 12–48; 127; 128, 1–26, 28, 29),

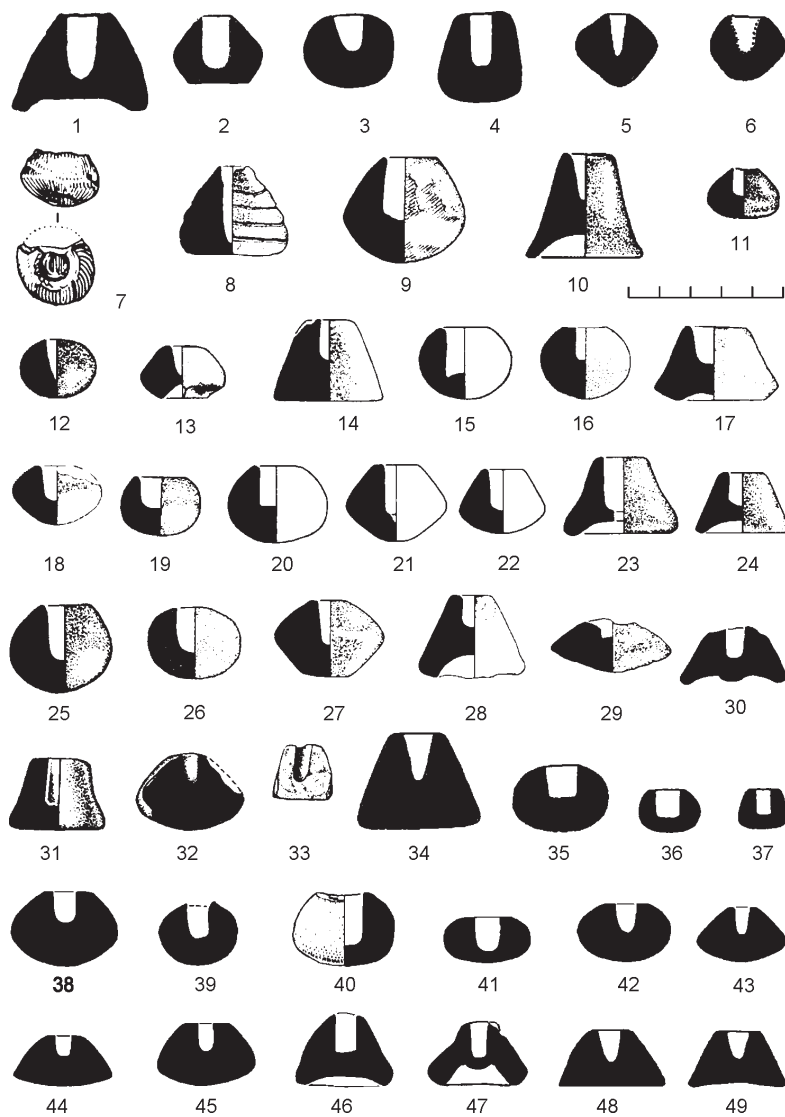

Рис. 1. Терракотовые, глиняные (7) и каменные (6, 12, 28, 34, 38, 41–46, 48, 49) «навершия» (36, 37 — материал и масштаб не указаны) Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века: 1, 2 — Гавыч-депе; 3–5 — Дашлыджи-депе; 6 — Северный холм Анау; 7 — Ялангач-депе; 8 — Алтын-депе, ярус XXXVII; 9 — Алтын 15; 10–12 — Алтын 13; 13–15 — Алтын 12; 16–18 — Алтын 11; 19–24 — Алтын 10; 25–30 — Алтын 9; 31, 32 — Геоксюр 1; 33 — Чонг-депе; 34, 35 — Кара-депе, Кара 1А; 36, 37 — Хапуз-депе; 38–49 — из захоронений Алтын-депе (38 — Алтын 10, погр. 725; 39 — Алтын 9, погр. 282; 40–42 — Алтын 8, погр. 736, 845, 828; 43 — Алтын 6, погр. 651; 44 и 45 — Алтын 5, погр. 543 и 510; 46 — Алтын 3, раскоп 7, пом. 32, погребальная камера; 47 — Алтын 2, раскоп 9, пом. 11, погребальная камера; 48, 49 — Алтын 0₂, погр. 695). 1 и 2 — по Бердыев 1976 и 1974; 3–6 — по Хлопин 1963; 7 — по Хлопин 1969; 8–30 — по Кирчо, Коробкова, Массон 2008; 31–33 — по Сарияниди 1965; 34, 35 — по Массон 1960; 36, 37 — по Сарияниди 1964; 38–49 — по Кирчо 20056

Алтын 10 или Алтын 9 (Там же: табл. 12А, 11) и Алтын 9 (рис. 1, 25–30; Там же: табл. 5, 8, 9, 23, 25; 31А, 7–12; 153, 1–24).

Некоторые «навершия» были обнаружены в позднеэнеолитических захоронениях, исследованных на этом городище. Так, в погребальной камере 2 раскопа 15 (позднее Намазга III, Алтын 10) возле останков девочки 8 л. (захоронение № 725) находилось сфероконическое «навершие» (рис. 1, 38; Алёкшин, Кирчо 2005: 62, Кирчо 2005а: 389; 2005б: табл. 114, 3). Фрагмент терракотового уплощенно-сферического «навершия» найден у черепа девочки (позднее Намазга III, Алтын 9, погребение № 282) в погребальной камере раскопа 1 (рис. 1, 39; Алёкшин 2005: 424; Алёкшин, Кирчо 2005: 36; Кирчо 2005б: табл. 57Б, 5).

Аналогичные изделия были обнаружены при раскопках верхних слоев поселений Геоксюр 1 (рис. 1, 31, 32; Сарияниди 1965: 39, табл. XXV, 18, 23, 40; XXVII, 14, 15, 25) и Чонг-депе (рис. 1, 33; Там же: 39, табл. XXV, 5), а также в слое Кара 1А на Кара-депе (рис. 1, 34, 35; Массон 1960: табл. XIV, 7, 11, 12; 1982, табл. XXI, 3). Следует отметить, что, хотя на памятниках позднего энеолита известны «навершия» всех трех типов, большинство находок представлено уплощенно-сферическим поделками.

«Навершия» широко известны и в напластованиях поселений раннего и среднего бронзового века Юго-Восточного Туркменистана (III тыс. до н. э.). К настоящему времени опубликованы те из них, которые найдены в захоронениях Алтын-депе, а также две поделки из Хапуз-депе. Шесть «наверший», относящихся к раннему бронзовому веку, выявлено на Алтын-депе, причем три из них зафиксированы в горизонте Алтын 8 (раннее Намазга IV): погребение № 736 (девочка 11 л.; рис. 1, 40), захоронение № 828 (женщина; рис. 1, 42), погребение № 845 (женщина 55–60 л.; рис. 1, 41), одно $\bar{\text{I}}$ в горизонте Алтын 6 (среднее Намазга IV): захоронение № 651 (женщина; рис. 1, 43) и два $\bar{\text{I}}$ в горизонте Алтын 5 (среднее Намазга IV): погребение № 510 (женщина; рис. 1, 45) и захоронение № 543 (женщина 50–60 л.; рис. 1, 44; Алёкшин, Кирчо 2005: 50, 55, 57, 63, 69, 71; Кирчо 2005б: табл. 90, 8; 96, 3; 102, 6; 116, 2; 132А, 4; 135, 6).

В культурных отложениях поселения Хапуз-депе, которые, вероятно, датируются ранним бронзовым веком, также представлены «навершия» (рис. 1, 36, 37; Сарияниди 1964: 61, рис. 15, 39, 40). К сожалению, в публикации не указано сырье, из которого они были сделаны.

Пять «наверший» обнаружено на Алтын-депе в погребениях среднего бронзового века, причем одно из них найдено в горизонте Алтын 3 (раннее Намазга V): погребальная камера в помещении 32 на раскопе 7 (рис. 1, 46), другое $\bar{\text{I}}$ в горизонте Алтын 2 (среднее Намазга V): погребальная камера в помещении 11 на раскопе 9 (рис. 1, 47), третье $\bar{\text{I}}$ в горизонте Алтын 0 (позднее Намазга V): захоронение № 329 (женщина), четвертое и пятое $\bar{\text{I}}$ в горизонте Алтын 0₂ (позднее Намазга V): погребение № 695 (женщина 40–50 л.; рис. 1, 48, 49; Алёкшин 2005: 424; Алёкшин, Кирчо 2005: 23, 24, 27, 28, 39, 60; Кирчо 2005б: табл. 23, 4; 37, 19; 63Б, 1; 107А, 3, 4). Большинство «наверший» эпохи бронзы выполнено из камня.

Следует отметить, что в археологической литературе нет упоминаний о находках «наверший» в археологических комплексах развитого и позднего Намазга V в Мургабском оазисе Туркменистана. Они не были обнаружены ни при исследовании 15 захоронений Тахтабазарского могильника (Удеумуратов 1994: 69, 70), ни при разведоч-

ных работах на поселениях Келлелинского оазиса (Масимов 1980), ни при раскопках некрополя Гонур-депе и синхронных ему жилых и общественных сооружений поселения Гонур-депе (устные сообщения В. И. Сарияниди и Н. А. Дубовой). Связано ли это с локальной особенностью мургабского варианта анауской культуры или же является свидетельством того, что рассматриваемые поделки вышли из употребления на позднем этапе развития культуры времени Намазга V, еще предстоит выяснить. Показательно, однако, отсутствие информации о находках «наверший» на поселениях времени Намазга VI как в подгорной полосе Копетдага, так и в дельте реки Мургаб (Масимов 1976; Массон 1959: 12–28; 1966: 169–173; Сарияниди 1990).

Вне ареала анауской культуры эти изделия распространены преимущественно на юге Центральной Азии. Они найдены во всех слоях поселения Саразм (Северо-Западный Таджикистан), т. е. в хронологическом диапазоне от второй половины IV тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. (Исаков 1991: 82, 92, вклейка между с. 64 и с. 65, рис. 22, 5, 6, 11–14; 53, 12, 13; 61, 7, 8, 12–14; 74, 6–8, 10–14). На этом городище встречаются каменные и глиняные «навершия» всех трех вышеупомянутых типов (рис. 2, 1–4).

Несколько «наверший» обнаружено на поселении I (жилище № 1, яма № 9; рис. 2, 5, 6) и в могильнике (погребения № 12, 13, 17, 38; рис. 2, 7–10) культуры Заманбаба в низовьях Зеравшана (Юго-Западный Узбекистан), причем в захоронениях были представлены глиняные и каменные «навершия», а на поселении I глиняные и терракотовые (Гулямов и др. 1966: 122, 123, 126, 127, 133, 134, 136, 137, табл. XVII, 22–25; XVIII, 28–30; ХХБ, 15, 17, 20, 21). На этих памятниках, относящихся к середине III тыс. до н. э. (Алёкшин 2010а), найдены «навершия уплощенно-сферического и усеченно-конического типов.

Два каменных «навершия» происходят из погребальной камеры № 262 могильника Пархай II (Юго-Западный Туркменистан; рис. 2, 11, 12). Этот склеп относится к периоду ЮЗТ-II (второй этап развитой бронзы; Хлопин 2002: 64, 65, 303, табл. 103, 5, 6). И. Н. Хлопин, полагая, что данный этап занимал промежуточное место между периодами Намазга V и Намазга VI, датировал его серединой II тыс. до н. э. (Хлопин 1983: 132). Однако в настоящее время установлено, что керамический комплекс этапа ЮЗТ-II можно синхронизировать с глиняной посудой верхних слоев поселения Алтын-депе (горизонты 0–2) и могильника Гонура (Кутимов 2009: 17, 18). Следовательно, период ЮЗТ-II датируется концом III тыс. до н. э. Обе находки из камеры № 262 принадлежат к наиболее широко распространенному уплощенно-сферическому типу рассматриваемых изделий.

Терракотовые «навершия» представлены также в Северо-Восточном Иране, причем в этом регионе они появляются еще в V тыс. до н. э. в культурных отложениях памятников, предшествующих комплексу Гиссар I (Кирчо 2008: 106, примечание 49). Они найдены также во всех трех слоях поселения Гиссар (рис. 2, 13; Schmidt 1937: 54, 117, 186, pl. XIV, H 2971), доживая, таким образом, до рубежа III и II тыс. до н. э. Найденные в Северо-Восточном Иране поделки имели уплощенно-сферическую форму.

Еще одно «навершие» своеобразной формы, выполненное из «фаянса», было обнаружено при раскопках поселения Шах-тепе в погребении S², которое было расчищено в поздней части (a²) слоя II шурфа G (рис. 2, 14; Arne 1945: 71, 162, 289, figs. 57,

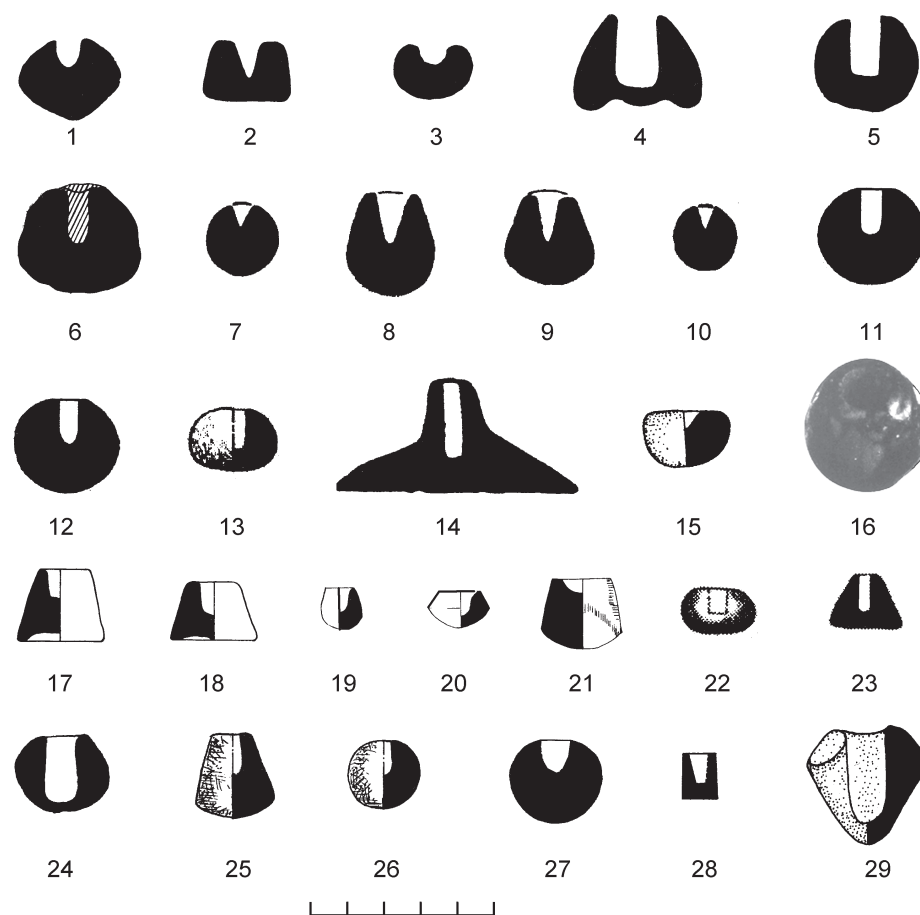

Рис. 2. Терракотовые (1, 4–6, 8, 13, 17, 18, 20, 22–24, 29), каменные (2, 3, 7, 9–12, 16, 19, 21, 25–27), «фаянсовое» (14), глиняное (15) и «стекловидной пасты» (28) «навершия» Центральной Азии и Среднего Востока эпохи энеолита и бронзового века: 1–4 — Саразм (1 — Саразм III; 2, 3 — Саразм IV; 4 — случайная находка); 5, 6 — поселение Заманбаба I; 7–10 — могильник Заманбаба, погр. 12, 13, 17, 38; 11, 12 — могильник Пархай II, погребальная камера 262; 13 — Тепе Гиссар (Гиссар I–III); 14 — Шах-тепе II, шурф G, погр. S²; 15, 16 — Шахри-Сохте (15 — Шахри-Сохте II; 16 — с поверхности); 17–21 — Мундигак (17 — Мундигак I, 4–III, 4; 18 — Мундигак II, 2; 19 — Мундигак I, 5–III, 6; 20 — Мундигак I, 3–III, 6; 21 — Мундигак V); 22, 23 — Дашлы 3; 24 — Шортугай I–II; 25, 26 — Северный Афганистан, из разграбленных погребений бронзового века; 27 — Чанху-Даро Ib; 28 — Мохенджо-Даро Ib; 29 — Рожди С. 1–4 — по Исакову 1991; 5–10 — по Гулямову и др. 1966; 11, 12 — по Хлопину 2002; 13 — по Schmidt 1937; 14 — по Arne 1945; 15 — по Salvatori, Vidale 1997; 16 — по Jarrige C., Tosi 1981; 17–21 — по Casal 1961; 22, 23 — по Сарияниди 1976; 24 — по Francfort 1989; 25, 26 — по Pottier 1984; 27 и 28 — по Mackay 1943 и 1938; 29 — по Possehl, Raval 1989

64, 608, 642, *верхний ряд, второе справа*). Слой Шах-тепе II, вероятно, синхронен периоду Намазга V на юге Туркменистана (Массон 1956: 318, 323).

На юго-востоке Ирана глиняное изделие неизвестного назначения, по всей вероятности «навершие» (рис. 2, 15), найдено на поселении Шахри-Сохте в мусорной свал-

ке периода II (фаза 5). Эта фаза относится к 2600–2500 гг. до н. э. (Salvatori, Tosi 2005: fig. 13). Упомянутая поделка имеет уплощенно-сферическую форму (Salvatori, Vidale 1997: 75, 76, fig. 240, 6). Каменное «навершие» такой же формы было обнаружено и в поверхностном слое Шахри-Сохте (Jarrige C., Tosi 1981: 133, 134, fig. 5d). Стратиграфическая позиция последней находки (рис. 2, 16) не ясна, однако ее нельзя датировать позднее фазы 0 (период IV), к концу которой городище было заброшено. Фаза 0 длилась от 1850 г. до н. э. до 1700-х гг. до н. э. (Salvatori, Tosi 2005: fig. 13).

Терракотовое «навершие» уплощенно-сферической формы (рис. 2, 24) найдено на севере Афганистана, на поселении Шортугай (Francfort 1989: 170, 171, pl. 83, 3) в культурных отложениях периода I или II, которые относятся к хараппской эпохе Шортугай, начавшейся около 2200 г. до н. э. и длившейся до конца III тыс. до н. э. (Francfort 1983: 518; 1989: 241, 242).

Усеченно-конические терракотовые «навершия» были обнаружены на юге Афганистана во время исследования поселения Мундигак (рис. 2, 17, 18). Они появляются здесь в горизонте 4 периода I (третья четверть IV тыс. до н. э.) и представлены вплоть до начала III тыс. до н. э. (период III, горизонт 4; Casal 1961: 232, fig. 133, 2, 2a). Следует отметить, что Ж. Касаль считал эти артефакты пряслищами, хотя на опубликованных им рисунках отчетливо видно, что рассматриваемые изделия не имеют сквозного отверстия. Сфероконические «навершия» Мундигака выполнены из обожженной глины и камня. Терракотовые поделки (рис. 2, 19, 20) зафиксированы в горизонтах I, 3–III, 6 (конец второй четверти IV тыс. до н. э.—первая четверть III тыс. до н. э.; Ibid.: 227, fig. 130, 3), а каменные I в горизонтах I, 5–III, 6 (третья четверть IV тыс. до н. э.—первая четверть III тыс. до н. э.; Ibid.: 227, fig. 130, 3a). Еще одно каменное сфероконическое «навершие» (рис. 2, 21), которое Ж. Касаль ошибочно счел маленькой чашечкой, происходит из слоя периода V (Ibid.: 237, fig. 135, 14), относящегося, видимо, к первым векам II тыс. до н. э.

Усеченно-конические терракотовые «навершия» и, по меньшей мере, одно уплощенно-сферическое были найдены во время раскопок монументального круглого здания на поселении Дашлы 3 (рис. 2, 22, 23) в Северном Афганистане (Сарианиди 1976: 78, рис. 50, 15; 51, 8), которое датируется рубежом III и II тыс. до н. э. (Алёкшин 2010б: 38).

При исследовании хараппского городища Чанху-Даро были обнаружены каменные поделки сфероконической формы с не просверленным до конца центральным отверстием. По мнению Э. Маккея, все они являлись навершиями булав (Maskay 1943: 224, 225). Однако один из этих предметов (рис. 2, 27) настолько мал (диаметр 4 см, высота 3,5 см), что его можно рассматривать в качестве изделия, аналогичного «навершиям» Алтын-депе. Речь идет о поделке из светло-желтого известняка (Ibid.: 57, 224, 316, pl. LXXXIX, 26), найденной в слое Чанху-Даро Ib, в котором представлена керамика типа Наушаро III, датирующаяся в интервале от 2400/2300 г. до н. э. до 2100 гг. до н. э. (Jarrige C. 1994: 282; Jarrige 1996: 859; Quivron 2000: 162, 163).

При раскопках другого хараппского памятника, Мохенджо-Даро в слое Ib найден артефакт, который, по мнению публикатора, являлся миниатюрным сосудиком из «стекловидной пасты» (Maskay 1938: 83, 133, 319, pl. CXXXVII, 14). Однако по своей форме и размерам (высота около 2 см) этот предмет (рис. 2, 28) близок усеченно-

коническим «навершиям» Геоксюра, Кара-депе, Алтын-депе, Дашлы 3 и, вероятно, имел сходное с ними функциональное назначение. Слой Мохенджо-Даро Ib синхронен периоду Наушаро IV и датируется концом III–началом II тыс. до Р. Х. (Jarrige 1994: 304; Quivron 2000: 180).

Еще одно усеченно-коническое терракотовое «навершие» представлено в слое С поселения Рожди (рис. 2, 29), расположенного в Гуджарате (Индия) на южной периферии хараппской цивилизации (Possehl, Raval 1989: 158, fig. 82, 3). Археологический комплекс указанного памятника (периоды А и В) представляет собой региональный вариант культуры городов долины Инда. Слой С, в котором было обнаружено «навершие», датируется 1900–1700 гг. до н. э. и относится уже к постхараппскому времени (Possehl 2002: 82–85; Possehl, Raval 1989: 15, 171).

Территориальное и хронологическое распространение терракотовых и каменных «наверший» в археологических комплексах Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 3) позволяет сделать четыре вывода.

Во-первых, эта категория артефактов, существующая в широком хронологическом диапазоне от начала V тыс. до н. э. до первой четверти II тыс. до н. э., не может рассматриваться в качестве хронологического репера для датировки того или иного археологического комплекса, в том числе и для датирования культурных отложений Алтын-депе эпохи позднего энеолита и бронзового века.

Во-вторых, «навершия» появляются на юге Центральной Азии в период Анау IA, в материальной культуре которого отчетливо прослежены технологические и культурные новшества (использование в домостроительстве сырцового кирпича, металлургия меди, появление пряслиц и каменных мотыг, полная смена кремневой индустрии, орнаментация расписной посуды), источником которых были племена, населявшие районы Северо-Восточного и Центрального Ирана. Исследователи даже предполагают миграцию части населения из этих областей на юг Туркменистана (Бердыев 1974: 35–37; Массон 1982: 19, 20). Вероятно, наряду с другими технологическими и культурными инновациями, «навершия» были также принесены в подгорную полосу Копетдага переселенцами из Ирана, которые уже умели изготавливать эти новые для юга Туркменистана орудия труда.

В-третьих, основной ареал «наверший» охватывает территорию Северо-Восточного Ирана и юга Центральной Азии (подгорная полоса Копетдага), причем в этой обширной зоне они известны уже с V тыс. до н. э. В Южном Афганистане (Мундигак) рассматриваемые поделки появляются гораздо позже (около середины IV тыс. до н. э.). Традиция их изготовления здесь могла возникнуть в эпоху энеолита в результате культурного взаимодействия местного древнеземледельческого населения с оседлыми племенами как Северо-Восточного Ирана, так и Южного Туркменистана. Десятки экземпляров каменных «наверший» (рис. 2, 25, 26) происходят из разграбленных крестьянами могильников бронзового века на севере Афганистана (Pottier 1984: 25, 26, 93, fig. 17, pl. XVII, 109–112). Однако в древнеземледельческих памятниках Пакистана эти находки почти отсутствуют. Единичные экземпляры «наверший», выявленные в памятниках культуры Хараппа (Шортугай, Чанху-Даро, Мохенджо-Даро), вероятно, являются еще одним свидетельством культурных контактов хараппского на-

Рис. 3. Археологические памятники Центральной Азии и Среднего Востока (V—начало II тыс. до н. э.) с находками «наверший»

селения с древнеземледельческими племенами Южного и Северного Афганистана в конце III—начале II тыс. до н. э.

В-четвертых, собственно в Центральной Азии рассматриваемые артефакты сравнительно часто находят только в тех областях, с которыми земледельцы Южного Туркменистана имели тесные контакты: долина Зеравшана (поселение Саразм, могильник и поселение культуры Заманбаба), тогда как в Юго-Западной Туркмении, являвшейся частью иной культурной провинции, такие находки почти неизвестны (Пархай II).

Рассматриваемые «навершия», по мнению Л. Б. Кирчо, являются орудиями прядения или ткачества (Кирчо 2005а: 389). Исследовательница разделяет точку зрения

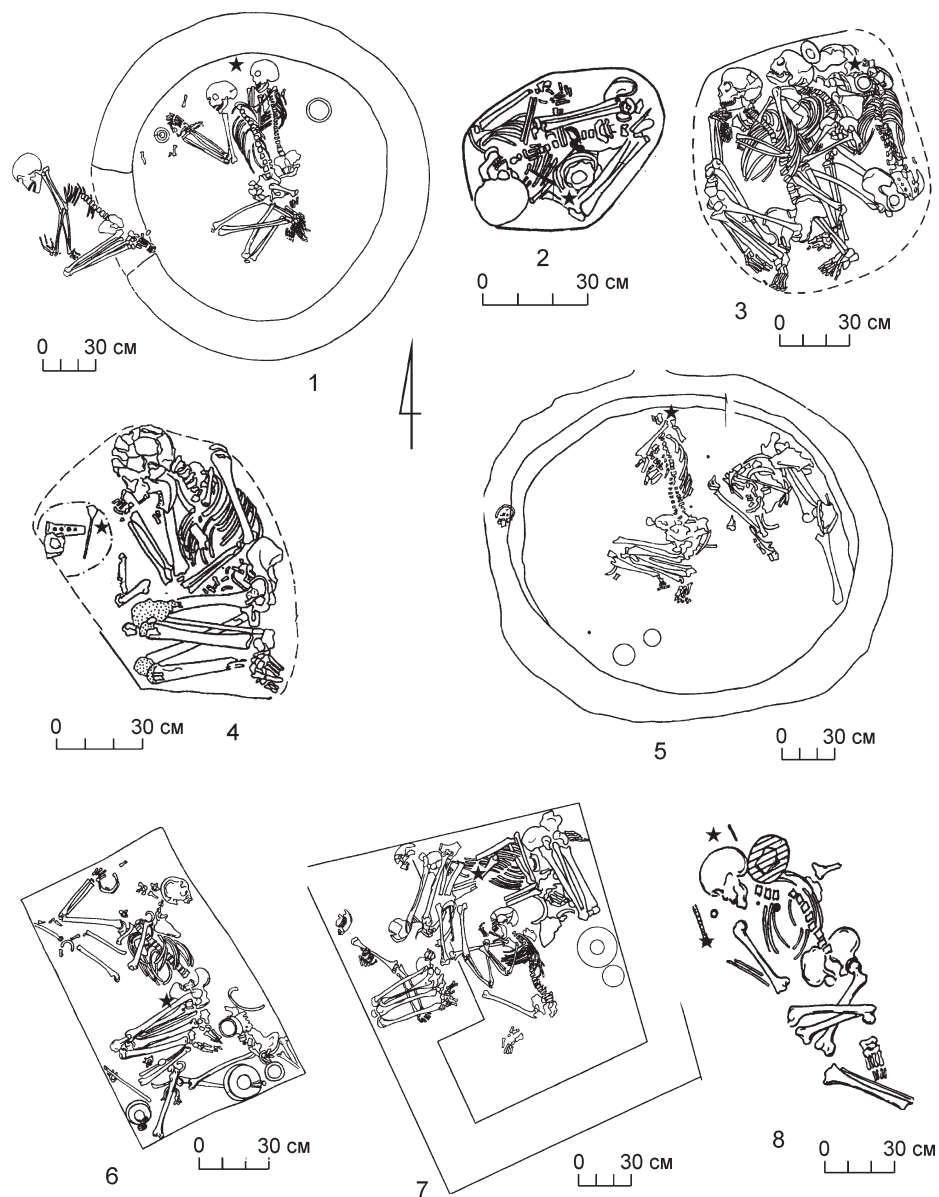

Рис. 4. Погребения Алтын-депе с «навершиями» (по Кирчо 2005б; местонахождение «навершия» в могиле отмечено звездочкой): 1 — Алтын 9, погр. 282; 2 — Алтын 8, погр. 736; 3 — Алтын 8, погр. 845; 4 — Алтын 8, погр. 828; 5 — Алтын 6, погр. 651; 6 — Алтын 5, погр. 510; 7 — Алтын 5, погр. 543; 8 — Алтын 0₂, погр. 695

доктора И. Гуд (Пенсильванский университет, США), в соответствии с которой эти орудия использовали для соединения нескольких тонких нитей в одну, причем «навершие», надетое в виде стопора на конец веретена превращало его в шпульку, с которой спряденную нить легко сматывали (Кирчо 2008: 106, 107).

У двух «наверший», найденных при раскопках памятников культуры Заманбаба, внутри центрального отверстия сохранились зеленоватые следы окиси и даже тонкий кусок меди (Гулямов и др. 1966: 156, 157). Возможно, что в данном случае мастерицы использовали металлические веретена.

Л. Б. Кирчо, учитывая тот факт, что одно из двух «наверший», найденных в погр. 695 (Алтын-депе, горизонт 0₂), являлось частью составного каменного «жезла», допускает также возможность употребления этих изделий в качестве «наверший» престижных или культовых предметов (Кирчо 2005а: 389).

Еще одну интерпретацию данных артефактов предложили французские и итальянские археологи. Они считают, что с помощью «навершия», насаженного на верхнюю часть сверла, последнее удерживали в вертикальном положении ладонью, другой же рукой орудие поворачивали, совершая таким образом сверление какого-либо предмета (Jarrige С., Tosi 1981: 133, 134; Pottier 1984: 25, fig. 17).

С моей точки зрения, такая деталь погребального ритуала захоронений Алтын-депе как размещение «наверший» в могилах женщин и девочек свидетельствует в пользу первой из предложенных интерпретаций. Отсутствие рассматриваемых изделий в мужских погребениях указывает на то, что эти поделки относятся к сфере женской субкультуры, формирующейся под воздействием многих факторов, включая и трудовую деятельность, специфическими формами которой являлись прядение и ткачество. Не исключено, что «навершие», будучи, вероятно, частью ткацкого снаряжения, в похоронном обряде стало символизировать пол усопшей, независимо от ее возраста (женщина, девушка или девочка). В могилах Алтын-депе эти орудия лежали перед лицом, возле затылка, за спиной, в районе груди и у таза погребенных (рис. 4).

Алёкшин 2005 — *Алёкшин В. А.* Захоронения Алтын-депе (основные компоненты погребального обряда) // *Хронология эпохи позднего энеолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)*. СПб., 2005. Ч. 2. Гл. 4. С. 422–511.

Алёкшин 2010а — *Алёкшин В. А.* Датировка могильника Заманбаба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века) // *Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы международной конференции. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г.* Самарканд; Ташкент, 2010. С. 80–89.

Алёкшин 2010б — *Алёкшин В. А.* Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // *Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама*. СПб., 2010. С. 34–43.

Алёкшин 2010в — *Алёкшин В. А.* О функциональном назначении терракотовых «реликвариев» Алтын-депе // *ЗИИМК*. 2010. № 5. С. 105–116.

Алёкшин, Кирчо 2005 — *Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б.* Каталог погребений Алтын-депе // *Хронология эпохи позднего энеолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)*. Ч. 1. СПб., 2005. С. 11–146.

- Бердыев 1972 — *Бердыев О.* Стратиграфия Каушутского поселения в связи с происхождением культуры Анау IA // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1972. № 5. С. 19–27.
- Бердыев 1974 — *Бердыев О.* Керамика времени Анау IA // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1974. Вып. 2. С. 5–38.
- Бердыев 1976 — *Бердыев О.* Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С. 14–81.
- Гулямов и др. 1966 — *Гулямов Я. Х., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966 (Труды Махандарьинского отряда Узбекистанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. 1).
- Ершов 1956 — *Ершов С. А.* Северный холм Анау (отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Материалы по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1956. Т. 2. С. 24–36.
- Исаков 1991 — *Исаков А. И.* Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины, раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Кирчо 2005а — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 2. Гл. 3. С. 347–421.
- Кирчо 2005б — *Кирчо Л. Б.* Таблицы // Там же. Ч. 1. С. 147–313.
- Кирчо 2008 — *Кирчо Л. Б.* Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху энеолита // *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008. С. 72–108.
- Кирчо, Коробкова, Массон 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.
- Коробкова 1996 — *Коробкова Г. Ф.* Неолит юга. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 87–133 (Археология СССР).
- Курбансахатов 1987 — *Курбансахатов К.* Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
- Кутимов 2009 — *Кутимов Ю. Г.* Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Масимов 1976 — *Масимов И. С.* Материальная культура Южной Туркмении в период развитой и поздней бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С. 123?152.
- Масимов 1980 — *Масимов И. С.* Келлели — новый оазис эпохи бронзы в низовьях Мургаба // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 3–21.
- Массон 1956 — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. 7. С. 291–373.
- Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА. № 73).
- Массон 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 319–463.
- Массон 1966 — *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 151–178.
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981 (ТЮТАКЭ. Т. 18).
- Массон 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982. С. 9–92 (Археология СССР).
- Массон, Кирчо 2008 — *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение энеолитических комплексов Алтын-депе // *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008. С. 13–71.
- Сарианиди 1964 — *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. БЗ-8. Ч. 4).

- Сарианиди 1976 — *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976. С. 21–86.
- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Удеумурадов 1994 — *Удеумурадов Б. Н.* Древние земледельцы Южной Маргианы (юго-восток Туркмении) // АВ. СПб., 1994. № 3. С. 69–74.
- Хлопин 1963 — *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л., 1963 (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8. Ч. 1).
- Хлопин 1969 — *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л., 1969 (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8. Ч. 3).
- Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западный Туркменистан в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.
- Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана / Завьялов В. А., Хлопина Л. И., Бобровская Е. В., Громов А. В. (редакционная коллегия). СПб., 2002 (ТЮТАКЭ. Т. 21).
- Arne 1945 — *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran. Reports from the scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 27. VII. Archaeology. 5. Stockholm, 1945.
- Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).
- Francfort 1983 — *Francfort H.-P.* Excavations at Shortughan in northeast Afghanistan // American Journal of Archaeology. 1983. Vol. 87. No 4. P. 518–519.
- Francfort 1989 — *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris, 1989 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. 2).
- Jarrige C. 1994 — *Jarrige C.* The mature Indus phase at Nausharo as seen from a block of period III // Parapola A., Koskikallio P. (eds.). SAA 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University, 5–9 July 1993. Helsinki, 1994. Vol. 1. P. 281–294.
- Jarrige C., Tosi 1981 — *Jarrige C., Tosi M.* The natural resources of Mundigak. Some observations on the location of the site in relation to its economical space // Härtel H. (ed.) SAA 1979. Papers from the Fifth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe held in the Museum für indische Kunst der staatlich Museum preußischer Kulturbesitz. Berlin, 1981. P. 115–142.
- Jarrige 1994 — *Jarrige J.-F.* The final phase of the Indus occupation at Nausharo and its connection with the Following cultural complex of Mehrgarh VIII // Parapola A., Koskikallio P. (eds.). SAA 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University, 5–9 July 1993. Helsinki, 1994. Vol. 1. P. 295–313.
- Jarrige 1996 — *Jarrige J.-F.* Les fouilles de Nausharo au Balochistan Pakistanais et leur contribution à l'étude de la civilisation de l'Indus // Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1996. Juillet-October. Fsc. III. P. 821–877.
- Mackay 1938 — *Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohenjo-daro. New Delhi, 1938.
- Mackay 1943 — *Mackay E. J. H.* Chanhu-daro excavations 1935–36. New Haven, Connecticut, 1943.
- Possehl 2002 — *Possehl G. L.* The Indus civilization. A contemporary perspective. New Delhi, 2002.
- Possehl, Raval 1989 — *Possehl G. L., Raval M. H.* Harappan Civilization and Rojdi. New Delhi, 1989.
- Pottier 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactrienne méridionale de l'âge du bronze. Paris, 1984.
- Quivron 2000 — *Quivron G.* The evolution on the mature Indus pottery style in the light of the excavations at Nausharo, Pakistan // East & West. 2000. Vol. 50. Nos. 1–4. P. 147–190.
- Salvatori, Tosi 2005 — *Salvatori S., Tosi M.* Shahr-i Sokhta revised sequence // Jarrige C., Lefèvre V. (eds.). SAA 2001. Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in Collège de France. 2–5 July 2001. Paris, 2005. Vol. 1. P. 281–292.
- Salvatori, Vidale 1997 — *Salvatori S., Vidale M.* Shahr-i Sokhta 1975–1978: central quarters excavations. Preliminary report. Roma, 1997 (Istituto italiano per l' Africa e l' Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Series minor. V).
- Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

TERRACOTTA, CLAY AND STONE «FINIALS» FROM ALTYN-DEPE

V. A. Alekshin

The excavations of Altyn-depe and some other Eneolithic and Bronze Age sites in Central Asia and Middle East have yielded terracotta and stone «finials» with an under drilled hole in the central part (fig. 1–2). They are about 3 cm in diameter, while their height varies from 1,5 to 2,5 cm. The geographical and chronological distribution of these objects (fig. 3) allows for four generalizations.

First, this category of artifacts, which existed from the beginning of the Vth millennium BC to the first quarter of the IInd millennium BC, cannot serve as a chronological benchmark for dating any archaeological assemblage.

Second, the «finials» appeared in the south of Central Asia during the Anau 1A period. They were brought to the piedmont zone of Kopetdagh by the incomers from Northeastern Iran.

Third, in Southern Afganistan (Mundigak) these objects appeared much later, about the middle of the IVth millennium BC. Here the tradition of their manufacture emerged as a result of the interaction of the indigenous population with the tribes of Northeastern Iran and Southern Turkmenistan. In Pakistan the finds of these objects are almost absent. Single «finials» from the Harappan sites of Shortugai, Chandu-Daro, and Mohenjo-Daro are probably indicative of some contacts between the Harappan people and the inhabitants of Southern and Northern Afganistan in the late IIIrd–early IInd millennia BC.

Fourth, the «finials» are found also in the areas which had close contacts with the farmers of Southern Turkmenistan, like the Zeravshan valley (Sarazm settlement, Zamanbaba culture sites). At the same time, they are nearly unknown in the southwestern Turkmenia (Parkhai II), which was a part of another cultural province.

In L. B. Kircho's opinion, the «finials» were spinning or weaving tools. This interpretation is supported by the fact that at Altyn-depe «finials» were placed into women's and girls' graves (fig. 4). The absence of these artifacts in men's burials is indicative of their belonging to the realm of women's subculture. Being a part of weaving equipment, the «finials» symbolized the gender of the deceased person independently of her age.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СТЕПЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

А. А. КАЗАРНИЦКИЙ

История формирования антропологического состава населения, проживавшего в IV–II тыс. до н. э. в степях, примыкающих к северо-западному побережью Каспийского моря, на сегодняшний день изучена достаточно подробно. Первые работы, посвященные краниологии носителей ямной, катакомбной и срубной культур азово-каспийских степей, появились в конце 1960-х–начале 1970-х гг. В первую очередь исследователями было отмечено своеобразие морфологии черепов из погребений ямной культуры (Фирштейн 1967; Шевченко 1974), ныне датируемой концом IV–второй половиной III тыс. до н. э. (Черных 2008). Дальнейшие исследования подтвердили, что краниологическая выборка ямной культуры Северо-Западного Прикаспия отличается от всех известных серий черепов с той же культурной атрибуцией из Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья (Шевченко 1986; Романова 1991; Хохлов 2006). Этот краниологический комплекс характеризуется массивностью, значительными широтными размерами мезобрахикранный черепной коробки и невысокого лицевого скелета, ортогнатного в вертикальной плоскости с резкой горизонтальной профилированностью, сильно выступающим носом и низкими орбитами.

В последние столетия существования ямной культуры в Северо-Западном Прикаспии сформировалась новая погребальная традиция, соответствующая раннекатакомбной археологической культуре, которая существовала в III тыс. до н. э. в течение нескольких веков (Шишлина 2007). Морфология черепов из раннекатакомбных погребений полностью повторяет черты носителей ямной культуры этого региона (Казарницкий 2009).

Во второй половине III тыс. до н. э. в степной полосе Восточной Европы распространяются памятники катакомбной культурно-исторической общности. Ее региональное разнообразие позволило выделить ряд локальных вариантов или самостоятельных культур, объединенных общностью происхождения (Клейн 1970). Соответствующие погребальные памятники Северо-Западного Прикаспия получили название предкавказской или волго-маньчской, а позднее — восточноманьчской катакомбной культуры (Попова 1955; Иерусалимская 1958; Державин 1991; Гей 1999). Черепа ее представителей имеют, как правило, более узкие мозговой и лицевой отделы при более резкой горизонтальной профилированности лица по сравнению с краниологическими сериями предшествующих культур — ямной и раннекатакомбной. Специфическая черта краниологических выборок катакомбной культуры — прижизненная деформация головы. Процент искусственно деформированных черепов достигает максимума в сериях из наиболее южных районов Северо-Западного Прикаспия (70 % среди женщин и 30 % среди мужчин) и постепенно уменьшается с юга на север. Тот же тренд наблюдается и в процентном соотношении субстратного ямного и нового катакомбного населения (оба компонента достаточно хорошо различимы бла-

годаря очевидным отличиям в широтных размерах): в наиболее южных прикаспийских выборках число черепов с новым, более лептоморфным строением достигает максимума и постепенно сокращается по мере приближения к доно-волжскому междуречью (Казарницкий 2011б).

В последующие периоды финальной средней и поздней бронзы в течение II тыс. до н. э. в азово-каспийских степях сменяют друг друга лолинская и срубная культуры (Шарафутдинова 1985; 1987; Мимоход 2007). В соответствующих краниологических выборках наблюдается морфологический комплекс, находящий прямые аналогии в серии восточноманычской катакомбной культуры, но выраженный еще более ярко. Черепа носителей лолинской и срубной культур имеют длинные и узкие долихокраничные мозговые коробки, ортогнатные лица средней ширины и высоты, резко или очень резко профилированные в горизонтальной плоскости, с очень сильно или сильно выступающим носом и очень высоким переносьем. Важной особенностью хронологически наиболее поздней серии срубной культуры является ее морфологическая однородность, что не свойственно восточноманычской катакомбной и лолинской выборкам, имеющим повышенную внутригрупповую изменчивость (Казарницкий 2010а).

В результате остеометрического исследования было установлено, что представители ямной культуры эпохи ранней бронзы выделяются большей высокорослостью и большей массивностью посткраниального скелета по сравнению с носителями восточноманычской катакомбной и срубной культур. При этом остеологические выборки средней и поздней бронзы не обнаруживают между собой статистически значимых различий и в равной степени достоверно отличаются от населения эпохи ранней бронзы (Казарницкий 2010б). Дополнительное подтверждение различного антропологического состава населения ямной и катакомбной культур азово-каспийских степей удалось получить и в результате изучения краниоскопических особенностей черепов ранней и средней бронзы (Казарницкий 2011а).

Итак, в Северо-Западном Прикаспии в середине III тыс. до н. э. начался процесс смены состава населения, что на палеоантропологических материалах подтверждается сокращением широтных размеров черепов при усилении горизонтальной профилировки лица, уменьшением размера посткраниального скелета, а также изменением частот дискретно-варьирующих признаков черепа. Несмотря на сложную историю формирования и смены археологических культур этого региона, биологическая история человеческих популяций укладывается в более простую схему постепенного вытеснения и ассимиляции субстратного населения IV и первой половины III тыс. до н. э. группами иного происхождения, которые и сформировали антропологический покров региона в следующие полтора тысячелетия.

На современном этапе палеоантропологического исследования в принципе можно и отказаться от археологической номенклатуры и на основе морфологических различий разделить все население эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия на два блока. Это «популяции IV–III тыс. до н. э.» (носители ямной и раннекатакомбной культур) и «популяции второй половины III–II тыс. до н. э.» (носители восточноманычской катакомбной, лолинской и срубной культур). Внутри каждого такого блока разница между более ранними и более поздними коллективами невелика или вовсе

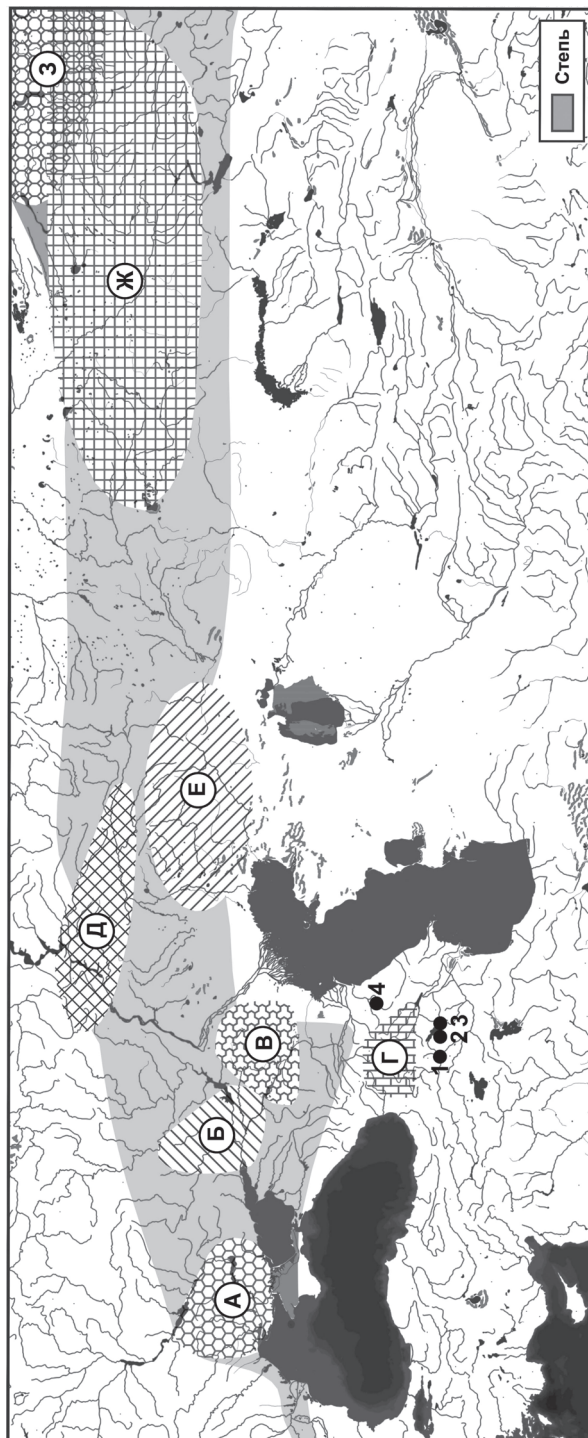

Рис. 1. Ареал крааниологических серий эпохи бронзы Закавказья и степной полосы Евразии: А — ямная и катакомбная культуры Северного Причерноморья (по Круц 1984); Б — катакомбная культура Нижнего Подонья (неопубликованные материалы Е. Ф. Батиевой); В — ямная, раннекатакомбная, восточноманьчжурская катакомбная, лопинская и срубная культуры Северо-Западного Прикаспия; Г — куро-аракская культура Грузии (по Абдушелишвили 1982); Д — ямная и ямно-полтавкинская культуры Волго-Уральского региона (по Хохлов 1999); Е — андроновская (алакульская) культура Западного Казахстана (по Дремов 1997); Ж — андроновская (федоровская) культура Северо-Восточного Казахстана и Верхнего Приобья (Там же); З — афанасьевская культура Горного Алтая (Там же). Могильники: 1 — Шенгавит, Армения (по Алексеев 1974); 2 — Лчашен (по Мкртчян 2001) и Севан (по Алексеев 1974), Армения; 3 — Цамакаберд, Армения (Там же); 4 — Гинчи, Дагестан (по Гаджиев 1975)

Таблица 1

Мужские краниологические серии Северо-Западного Прикаспия

№ признака по Мартину и др.	Ямная культура			Раннекатакомбная культура			Восточноманычская катакомбная культура			Лолинская культура			Срубная культура		
	n	X	sd	n	X	sd	n	X	sd	n	X	sd	n	X	sd
1	57	186.7	7.1	16	187.7	5.6	48	190.6	8.2	20	196.7	7.2	30	192.8	4.9
8	58	148.2	6.0	18	151.0	5.2	47	139.7	8.0	17	135.4	5.3	31	138.9	5.7
17	42	138.3	6.2	16	140.3	4.9	41	139.5	4.3	13	139.8	5.1	27	137.8	6.1
45	56	140.8	6.4	17	141.7	4.8	44	136.3	5.0	16	133.8	5.7	32	133.8	5.8
48	55	70.7	4.3	18	68.9	3.6	50	71.1	3.2	14	71.5	5.2	32	71.0	4.0
55	55	51.1	3.0	18	50.3	3.0	49	51.1	2.2	17	52.1	3.6	32	50.9	3.0
54	57	25.5	2.2	18	25.6	1.7	48	24.9	1.7	16	25.6	2.1	32	25.6	1.6
51	57	43.9	1.8	18	44.6	1.8	50	43.9	1.6	17	43.6	1.5	32	43.3	2.0
52	57	31.3	1.9	18	31.6	2.3	49	32.1	2.1	17	31.8	2.4	32	31.7	2.2
77	58	138.9	5.3	17	139.6	4.8	45	137.3	4.9	17	135.4	5.8	32	137.1	6.7
zm	52	126.0	4.6	17	126.2	4.1	42	124.8	5.1	14	124.8	6.2	30	125.2	4.6
SC	50	8.9	1.7	16	8.8	1.5	46	8.9	1.9	16	9.1	2.2	23	8.6	2.1
SS	49	5.5	1.3	17	5.5	0.9	45	5.5	1.3	15	5.4	1.5	22	5.1	1.3
72	43	86.0	3.0	17	86.6	4.2	41	85.6	3.7	8	87.0	3.5	30	86.4	3.3
75 (1)	45	36.7	5.4	17	36.5	4.9	41	35.4	4.3	14	32.7	3.7	24	33.9	5.5
8:1	57	79.4	4.8	16	80.6	3.5	47	73.6	5.6	17	69.0	3.1	30	72.2	3.5
17:1	42	74.1	3.6	15	74.8	2.7	40	73.4	3.3	13	72.1	3.4	26	71.4	2.4
48:45	53	50.3	3.7	17	48.4	2.4	44	52.2	2.3	13	53.0	4.8	32	53.1	3.0
54:55	55	50.0	4.9	18	51.0	3.7	48	48.6	3.4	15	49.5	4.8	32	50.4	4.0
52:51	57	71.3	4.4	18	71.0	6.4	49	73.0	4.7	16	73.0	4.8	32	73.2	6.1
SS:S C	49	61.7	11.7	16	64.0	9.2	45	63.0	11.9	14	60.4	7.8	22	61.0	11.1

отсутствует, друг от друга же блоки отличаются с очень высокой степенью достоверности. Граница между блоками носит, разумеется, статистический характер: население раннего этапа второго блока популяций сохраняло еще некоторые черты местных жителей предшествующего времени.

Подобный подход к группировке материала, возможно, имеет смысл в тех случаях, когда реальность существования некоторых археологических культур дискуссионна. Тем не менее для удобства изложения и следуя устоявшейся традиции, краниологические материалы все же были сгруппированы по культурам. Необходимо учитывать, что

культурная принадлежность используется в данной работе исключительно для получения информации о месте и времени проживания той или иной популяции.

Целью настоящего этапа исследования является поиск территорий, жители которых могли принять участие в формировании нового состава населения Северо-Западного Прикаспия в период со второй половины III и до последних столетий II тыс. до н. э.

Итак, мужские краниологические выборки ямной, раннекатакомбной, восточноманьчжурской катакомбной, лолинской и срубной культур Северо-Западного Прикаспия (табл. 1) были сопоставлены с сериями мужских черепов эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа и Закавказья, Северного Причерноморья, Нижнего Подонья, Волго-Уралья, Южного Урала, Западной и Южной Сибири (рис. 1). Сравнение проводилось при помощи канонического анализа по 13 краниометрическим признакам (продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, скуловой диаметр, верхняя высота лица, высота и ширина орбиты и носа, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа).

В результате анализа были получены два канонических вектора (КВ), отразивших в совокупности 68 % общей изменчивости (табл. 2). В КВ I (41 % изменчивости) максимальные нагрузки легли на продольный, поперечный и скуловой диаметры, верхнюю высоту лица, высоту орбиты и зигомаксиллярный угол, в КВ II — на ширину носа, угол выступания носа и снова на зигомаксиллярный угол. Нагрузки на поперечный и продольный размеры черепной коробки, а также на поперечный и высотный размеры лицевого отдела черепа имеют противоположные знаки, что позволяет определить основное направление изменчивости.

Таблица 2

Элементы первых четырех канонических векторов			
№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II
1	Продольный диаметр	-0.787	0.277
8	Поперечный диаметр	0.671	0.541
17	Высотный диаметр	-0.185	0.269
45	Скуловой диаметр	0.744	0.523
48	Верхняя высота лица	-0.631	0.551
55	Высота носа	-0.557	0.277
54	Ширина носа	0.398	-0.621
51	Ширина орбиты от mf	0.207	0.283
52	Высота орбиты	-0.664	-0.039
77	Назомалярный угол	0.559	-0.383
zm	Зигомаксиллярный угол	0.602	-0.608
SS : SC	Симотический указатель	-0.082	0.524
75 (1)	Угол выступания носа	-0.012	0.835
Собственные числа		123.563	80.572
Доля в общей дисперсии (%)		40.878	26.656

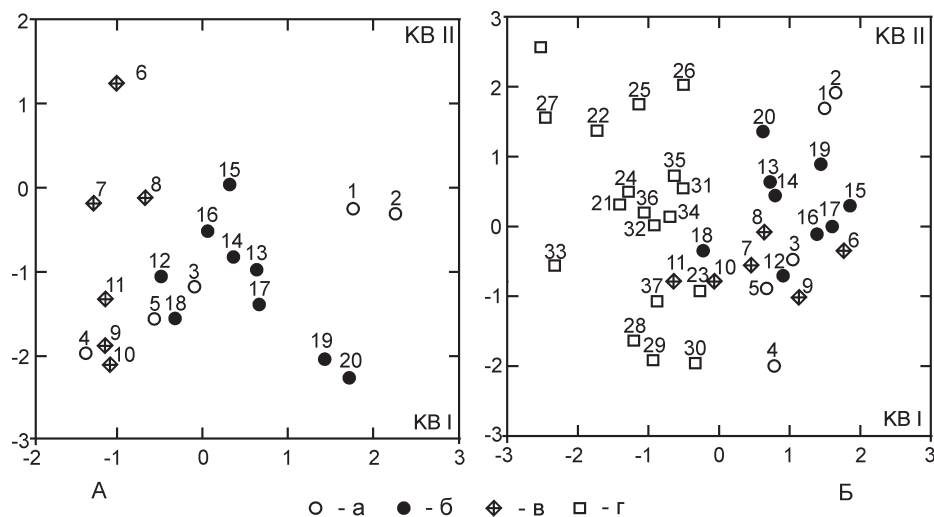

Рис. 2. Положение краниологических серий эпохи бронзы в пространстве первого и второго канонических векторов: а — памятники Северо-Западного Прикаспия; б — степной полосы Евразии; в — Северного Кавказа и Закавказья; г — Западной и Южной Европы.

А: 1–5 — культуры Северо-Западного Прикаспия (1 — ямная, 2 — раннекатакомбная, 3 — восточноманычская катакомбная, 4 — лолинская, 5 — срубная); 6–9 — могильники Армении (6 — Цамакаберд, 7 — Севан, 8 — Лчашен, 9 — Шенгавит); 10 — куро-аракская культура Грузии; 11 — могильник Гинчи, Дагестан; 12 и 13 — ямная и катакомбная культуры Северного Причерноморья; 14 — катакомбная культура Нижнего Подонья; 15 и 16 — ямная и ямно-полтавкинская культуры Волго-Уральского региона; 17 — афанасьевская культура Горного Алтая; 18 — андроновская (алакульская) культура Западного Казахстана; 19 и 20 — андроновская (федоровская) культура Северо-Восточного Казахстана и Верхнего Приобья.

Б: 21 — баденская культура (Австрия); 22 — мегалиты культуры Сены-Уазы-Марны (Франция, Бельгия); 23 — мегалиты Западной Германии и Нидерландов; 24 — мегалитическая гробница Альтендорф (Германия); 25–27 — культура колоколовидных кубков (25 — Чехия, Словакия, 26 — Германия, 27 — Испания); 28–30 — культура шнуровой керамики (28 — Центральная Германия, 29 — Чехия, Словакия, 30 — Польша); 31 — культура Злота (Польша); 32 — энеолит и бронза Швейцарии 33 — культура Винча (Балканы); 34 — ранняя бронза Северной и Центральной Италии; 35 — эпоха бронзы Каталонии (Испания); 36 — ранняя и средняя бронзы Греции; 37 — унетичская культура (Германия, Австрия, Чехия)

В Декартовом пространстве двух канонических векторов (рис. 2А) по первому из них разделились серии Северо-Западного Прикаспия: ямной и раннекатакомбной культур, с одной стороны, и восточноманычской катакомбной, лолинской и срубной — с другой. Первые две группы, благодаря очень большой ширине лица и черепной коробки, не только кардинально отличаются от хронологически более поздних серий из того же региона, но и от всех использованных в анализе выборок, за исключением разве что двух серий андроновской (федоровской) культуры. При этом и от последних ямная и раннекатакомбная группы отдалены по координатам KB II, так как имеют в среднем более широкий нос с большим углом его выступания.

Выборки средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия (восточноманычская катакомбная, лолинская и срубная) расположились среди краниологиче-

ских групп Северного Кавказа и Закавказья, которые, в свою очередь, заняли левую часть графика — здесь сконцентрированы серии, общими особенностями которых являются более лептоморфное строение мозгового и лицевого отделов черепа и более клиногнатное лицо, чем в остальных группах. Лолинская и срубная прикаспийские выборки демонстрируют наибольшее сходство с закавказскими сериями, в особенности с шенгавитской и куро-аракской. Восточноманычская катакомбная несколько удалена от них, что объясняется участием в ее формировании представителей ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. Среди имеющих сходство с населением Северного Кавказа и Закавказья присутствуют выборки ямной культуры Северного Причерноморья и алакульской культуры Западного Казахстана, что неудивительно, так как обе они описаны авторами как носители средиземноморского варианта европеоидной расы (Круц 1984: 95; Дремов 1997: 77).

Ставшая традиционной в антропологической литературе трактовка подобного «средиземноморского» комплекса в краниологических сериях как свидетельство участия в их формировании популяций Передней Азии или Закавказья в недавнее время была подвергнута сомнению по той причине, что такая же лептоморфность и клиногнатность характерны и для западноевропейского населения (Козинцев 2008; 2010). В связи с этим к исследованию были привлечены краниометрические данные о 17 сериях населения Западной и Южной Европы IV–II тыс. до н. э. (Schwidetzky, Rusing 1990). К сожалению, число признаков, по которым проводилось сравнение, было сокращено, так как данные о горизонтальной профилированности лица, высоте переноса и степени выступания носа в сериях зарубежной Европы отсутствуют, а при измерении верхней высоты лица имеются методические расхождения.

В итоге анализ был проведен лишь по восьми линейным размерам: продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, скуловой диаметр, высота и ширина орбиты и носа. Первые два канонических вектора отразили в совокупности 74 % общей изменчивости (табл. 3). В КВ I (40 % изменчивости) максимальные нагруз-

Таблица 3

Элементы первых четырех канонических векторов
с учетом краниологических материалов Западной и Южной Европы

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II
1	Продольный диаметр	0.445	–0.759
8	Поперечный диаметр	0.300	0.846
17	Высотный диаметр	0.029	–0.239
45	Скуловой диаметр	0.891	0.279
55	Высота носа	0.437	–0.134
54	Ширина носа	0.348	–0.158
51	Ширина орбиты от mf	0.938	–0.137
52	Высота орбиты	0.025	–0.348
	Собственные числа	140.331	120.053
	Доля в общей дисперсии (%)	39.805	34.053

ки получили скуловой диаметр и ширина обиты; в КВ II — продольный и поперечный диаметры, причем с противоположными знаками, т. е. по сути черепной указатель.

В координатном пространстве двух канонических векторов (рис. 2Б) серии Западной и Южной Европы отделились от восточноевропейских и сибирских по КВ I из-за меньших широтных размеров лица и орбит. В КВ II долихокрание выборки Северного Кавказа и Закавказья несколько обособились от населения Восточной Европы и Сибири, в большинстве своем — мезокрание. Черепа ямной и раннекатакомбной культур Северо-Западного Прикаспия сохранили своеобразие и в этом масштабе, по-прежнему благодаря очень большой ширине лица и мозговой коробки. Серии восточноманьчской катакомбной, лолинской и срубной культур снова расположились среди закавказских групп, сочетая долихокранию с более широким, чем в западноевропейских сериях, лицом. Уклонением в сторону закавказских групп серия восточноманьчской катакомбной культуры отличается и от катакомбных серий Нижнего Подонья и Северного Причерноморья, которые демонстрируют значительное сходство между собой. Интересным представляется соседство координат выборки афанасьевской культуры Горного Алтая с сериями ранней и средней бронзы Волго-Уралья, а также некоторый западноевропейский сдвиг алакульской группы.

Таким образом, даже наиболее лептоморфные серии Восточной Европы и Закавказья в целом превосходят западноевропейское население по ширине лицевого отдела. Это позволяет в достаточной степени уверенно отказаться от предположения об участии населения Западной Европы в формировании антропологического состава носителей культур эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия (Шевченко 1986). Умеренная в евразийском масштабе лептоморфность строения лицевого отдела в сочетании с долихокранией, отмеченные в выборках восточноманьчской катакомбной, лолинской и срубной культур Северо-Западного Прикаспия, находят близкие аналогии в закавказских краниологических сериях. Следовательно, постепенные изменения в морфологии черепов жителей азово-каспийских степей, произошедшие на рубеже эпох ранней и средней бронзы и продолжавшиеся вплоть до начала раннего железного века, связаны, по всей видимости, с очень продолжительной диффузной миграцией в этот регион населения с юга, из Закавказья.

Абдушелишвили 1982 — *Абдушелишвили М. Г.* Антропология Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982 (Материалы к антропологии Кавказа. Вып. 8).

Алексеев 1974 — *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Гаджиев 1975 — *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975.

Гей 1999 — *Гей А. Н.* О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 78–113.

Державин 1991 — *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.

Дремов 1997 — *Дремов В. А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.

Иерусалимская 1958 — *Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34–48.

Казарницкий 2009 — *Казарницкий А. А.* К вопросу о палеоантропологии Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: Сб. науч. статей. СПб., 2009. С. 103–130.

Казарницкий 2010а — *Казарницкий А. А.* Краниология лолинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 132–140.

Казарницкий 2010б — *Казарницкий А. А.* Остеометрическая характеристика погребенных в курганных могильниках эпохи бронзы юга России // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 218–226.

Казарницкий 2011а — *Казарницкий А. А.* Краниоскопия населения азово-каспийских степей ранней и средней бронзы // Вестник МГУ. Серия 23. Антропология. 2011. № 1. С. 76–83.

Казарницкий 2011б — *Казарницкий А. А.* Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Клейн 1970 — *Клейн Л. С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 165–180.

Козинцев 2008 — *Козинцев А. Г.* Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // АЭАЕ. 2008. № 4 (36). С. 140–144.

Козинцев 2010 — *Козинцев А. Г.* Происхождение андроновцев (по краниометрическим данным) // Человек: его биологическая и социальная история. М.; Одинцово, 2010. С. 119–123.

Круц 1984 — *Круц С. И.* Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984.

Мимоход 2007 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Российская археология. 2007. № 4. С. 143–154.

Мкртчян 2001 — *Мкртчян Р. А.* Палеоантропология Оромского могильника. Ереван, 2001 (Материалы по антропологии Армении. Вып. 1).

Попова 1955 — *Попова Т. Б.* Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры // СА. 1955. № 22. С. 21–60.

Романова 1991 — *Романова Г. П.* Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополья эпохи ранней и средней бронзы // СА. 1991. № 2. С. 160–170.

Фирштейн 1967 — *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы (По материалам раскопок в Волгоградской и Саратовской областях и в Калмыцкой АССР) // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967. С. 100–140.

Хохлов 1999 — *Хохлов А. А.* Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // ВА. 1999. Вып. 6. С. 97–129.

Хохлов 2006 — *Хохлов А. А.* О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // ВА. 2006. Вып. 14. С. 136–146.

Черных 2008 — *Черных Е. Н.* Формирование евразийского степного пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2008. Вып. 6. С. 12–46.

Шарафутдинова 1985 — *Шарафутдинова Э. С.* Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 146–183.

Шарафутдинова 1987 — *Шарафутдинова Э. С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепрпетровск, 1987. С. 27–47.

Шевченко 1974 — *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения. М., 1974. Вып. 7. С. 199–203.

Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.

Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. М., 2007 (Труды ГИМ. Вып. 165).

Schwidetzky, Rösing 1990 — *Schwidetzky I., Rösing F.* Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. 1990. Bd 40. H. 1/2. S. 4–45.

BRONZE AGE POPULATIONS OF THE NORTH-WEST CASPIAN STEPPES

A. A. Kazarnitsky

The paper summarizes the results of the study of craniometric and osteometric characteristics of the people, who lived in the North-West Caspian steppes in the IVth–IInd millennia BC. By the turn of the IIIrd and IInd millennia the early populations, associated with the Pit Grave and Catacomb cultures, had been assimilated and supplanted by new human groups, who left the sites of the East Manych Catacomb, Lolino and Srubnaya cultures. According to the results of the inter-group multivariate analysis, carried out with the use of a considerable number of craniological series of the Bronze Age, the origin of the people associated with the North-West Caspian archaeological cultures of the second half of the IIIrd and IInd millennia BC should be linked exclusively with the Trans-Caucasian region.

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СКОТОВОДОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ¹

Н. А. ДУБОВА

Миграция скотоводов степей в южные земледельческие районы Средней Азии — процесс длительный, постепенный, занявший не одно столетие. Поскольку именно с этим процессом связана одна из до сих пор не решенных однозначно проблем истории и лингвистики — индоарийская, новые данные, проливающие тот или иной свет на нее, всегда востребованы. В результате археологических работ нескольких десятилетий на рубеже XX и XXI вв. на территории Туркменистана и Узбекистана были получены и проанализированы новые антропологические данные, имеющие в этом отношении большое значение. Прежде всего, надо сказать про массовый палеоантропологический материал, увидевший свет благодаря раскопкам Маргианской археологической экспедиции на известном ныне памятнике эпохи бронзы Туркменистана Гонур Дебе (Сарианиди 1990; 2001; 2002; 2005; 2008; Sarianidi 2007 и др.). Материал действительно массовый (ныне вскрыто более 4000 погребений)² и представляет, с одной точки зрения, довольно узкий хронологический диапазон (всего 700 лет — радиоуглеродные даты 2300–1600 лет до н. э.), и достаточно широкий — с другой. На большом некрополе Гонура захоронения проводились с момента основания дворцово-храмового комплекса (т. е. с конца III тыс. до н. э. и преимущественно именно в это время) до времени запустения памятника (середина II тыс. до н. э., малое число погребений). Погребения вблизи и на территории дворцово-храмового комплекса (за исключением царских гробниц) производились не ранее XIX–XVIII вв. до н. э. и до времени окончательного его запустения (условно называемые далее — серия «из руин»). Таким образом, мы имеем возможность на достаточном по численности материале проанализировать самое раннее и более позднее население Гонура.³ Ранее нами уже было показано, что существенных различий между более ранним и более поздним населением не прослеживается (Dubova, Rykushina 2007: 326–327). В тоже время наблюдается определенная тенденция изменения размеров головы и лица: мужские черепа гонурцев с некрополя по основным краниологическим размерам практически не отличаются по продольным и высотным размерам от таковых «из руин», но черепа «из руин» имеют заметно большие широтные размеры. Захороненные в некрополе ближе всего к черепам V и IV слоев из Хасанлу (Иран). Важно подчеркнуть, что практически такая же закономерность отличает более раннюю и

¹ Работа проводится по проекту РФФИ «Природная среда и система жизнеобеспечения населения эпохи бронзы» (№ 10-06-00263-а).

² Первую публикацию антропологических материалов с некрополя Гонура см.: Бабаков и др. 2001.

³ На самом деле надо говорить о том, что мы имеем дело с населением окружающих Гонур населенных пунктов, как это демонстрируется всеми археологическими свидетельствами. На Гонур Дебе практически отсутствуют жилые помещения. Комплекс являлся дворцово-ритуальным, где постоянно жил лишь правитель и какая-то часть жрецов и обслуги, отправлявших ритуалы.

более позднюю серию из иранского Тепе Гиссара, население которого в целом оказывается имеющим чуть меньшие высотные размеры лица, чем гонурцы (Дубова 2008а).

Отнесем объяснение этого факта чуть дальше, после описания ряда других материалов с территории Средней Азии. Здесь же отметим, что археологически на Гонуре, так же как и в Тепе Гиссаре, не прослеживается прибытия каких-либо мигрантов. В самых верхних слоях, практически на поверхности, на Гонуре были встречены единичные находки степной керамики. Один целый лепной степной сосуд был найден в комнате Южного Гонура (теменоса, постройка которого относится к середине II тыс. до н. э.), где, по мнению автора раскопок В. И. Сарияниди (1997), проходил процесс приготовления тонизирующего напитка типа Сомы-Хаомы. Вблизи Гонура была описана также датируемая не ранее XVI в. до н. э. андроновская стоянка (Hiebert, Moore 2004). В 2010 г. итальянские археологи под руководством Б. Черазетти проводили раскопки андроновского памятника № 1744 в 10–12 км к востоку от Гонура, где получено несколько радиоуглеродных дат, все — около 1550 л. до н. э. (Cerasetti, Rouse 2010).⁴ Таким образом присутствие степных племен во второй половине II тыс. до н. э. в ранее чисто земледельческих районах фиксируется достаточно определенно.

В последние годы нам удалось проанализировать антропологические данные еще с одного памятника эпохи бронзы Бустон VI (Южный Узбекистан), который оставлен носителями моллалинского и бустонского этапов сапаллинской древнеземледельческой культуры и является одним из базовых для изучения механизма бактрийского культурогенеза (Аванесова 1995; 2006). Сравнительный анализ бустонского комплекса с аналогичными могильниками выявил своеобразие и ряд принципиально важных черт, отличающих их от погребальных памятников ранних этапов сапаллинской культуры. Особенности этапа являются явное нарастание проявлений степных элементов начиная с середины II тыс. до н. э., а также становление качественно нового периода в жизни этого общества, где постоянными элементами обряда являются знаковые функции. Ярким проявлением таковых является возведение церемониальных (или сакрализованных) площадок для ритуальных действий, где важную роль играют ритуалы, связанные с огнем. Археологические материалы дают возможность предположить, что реальный вектор поиска исходного культурного феномена связан с обрядовыми церемониями пастушеских племен эпохи бронзы Евразии, где прослеживается локализация сакральных площадок (Аванесова 2001: 31–36). Основными ретрансляторами таких новаций, как яркое проявление ритуалов, связанных с огнем (в том числе кремации), применение колесницы, металлургии олова, широкое использование камня для сооружения могильных и внемогильных конструкций, наличие курганной кольцевой схемы размещения захоронений — были носители культур андроновской общности. Помимо преобладания общеандроновских элементов в материальной культуре Бустон VI (керамика, металлические и каменные изделия, украшения) просматривается влияние срубной, тазабагьябской и постандроновской культур. Инокультурное влияние особенно возрастает в бустонское время, хотя отмечается и в моллалинское. Бустон VI, с одной стороны, кардинально отличается от раннеса-

⁴ Погребений, так же как и поселения, пока найдено не было.

паллинских древностей, а с другой — генетически связан с ними. Именно на этом, финальном этапе своеобразным стержнем дальнейшего исторического развития стал степной культурогенез и возрождение местных раннесапаллинских традиций в ритуале и инвентаре (Аванесова, Ташпулатова, 1999).

Серия из Бустон VI представлена останками 34 мужчин, 35 женщин, 16 детей, одного индивида подросткового возраста и одного взрослого, пол которых определить не удалось (Аванесова, Дубова, Куфтерин 2010).⁵ Анализ краниологического материала показал, что как мужские, так и женские черепа дают возможность говорить о том, что серия характеризуется антропологическими параметрами смешанного типа. Один из компонентов можно связать с грацильным долихокранным населением, лептоморфное лицо которого отличалось резкой горизонтальной профилировкой, высоким, узким, хорошо выступающим носом и высокими крупными орбитами. Другой компонент, присутствующий в серии, также характеризуется долихокранией, но имеет значительно более низкое и широкое лицо, более уплощенное в назомалярной, но резко профилированное в зигомаксиллярной области, широкие и низкие орбиты, средневыступающий нос. Вся серия (особенно женская часть) отличается массивностью. Наличие нескольких европеоидных морфологических компонентов типологически выделить затруднительно. Компонент, который увязывается с древним неолитическим населением южных районов Средней Азии, значительно выражен. Палеоевропеоидный низколицый компонент с мезоморфными пропорциями присутствовал в сложении бустонцев не в чистом, а в уже метисированном виде (Там же). Учитывая повышенную вариацию показателей в женской серии по сравнению с мужской (что подтверждается как величинами средних квадратических отклонений, так и данными факторного анализа) и нагрузки на выделившиеся факторы, можно говорить о том, что архаичный массивный европеоидный компонент у женщин выражен сильнее. Это может быть связано и с большей «консервативностью» женского генотипа в целом, и с большей долей палеонаселения в составе женской части популяции Бустон VI.

Третий, значительно менее значимый, чем вышеописанные два памятника, объект, который удалось изучить, — это фрагментированные останки женского костяка (20–25 л.), обнаруженного в 1976 г. при строительстве частного дома на берегу р. Сиаб на окраине г. Самарканда. Исследователь археологического комплекса погребения профессор Самаркандского государственного университета Н. А. Аванесова считает, что таковой имеет явные параллели как с туркменскими земледельческими Геоксюрюм (подвески) и Алтын Депе (бусы), так и с андроновскими степными памятниками (керамические изделия петровского времени). Она считает возможным датировать находку эпохой бронзы (началом II тыс. до н. э.). Костяк представлен фрагментами черепа, нижней челюсти и длинных костей верхних и нижних конечностей, таза, левой ключицы и фалангами кисти. Из костей черепа сохранились лишь левая теменная, височная, фрагмент правой височной кости, фрагмент лицевого скелета и правая половина нижней челюсти (рис. 1, Л).

⁵ Определение пола и возраста проводилось автором совместно с А. И. Нечвалодой и В. В. Куфтериним, основная часть измерений — В. В. Куфтериним, небольшая — Н. А. Дубовой.

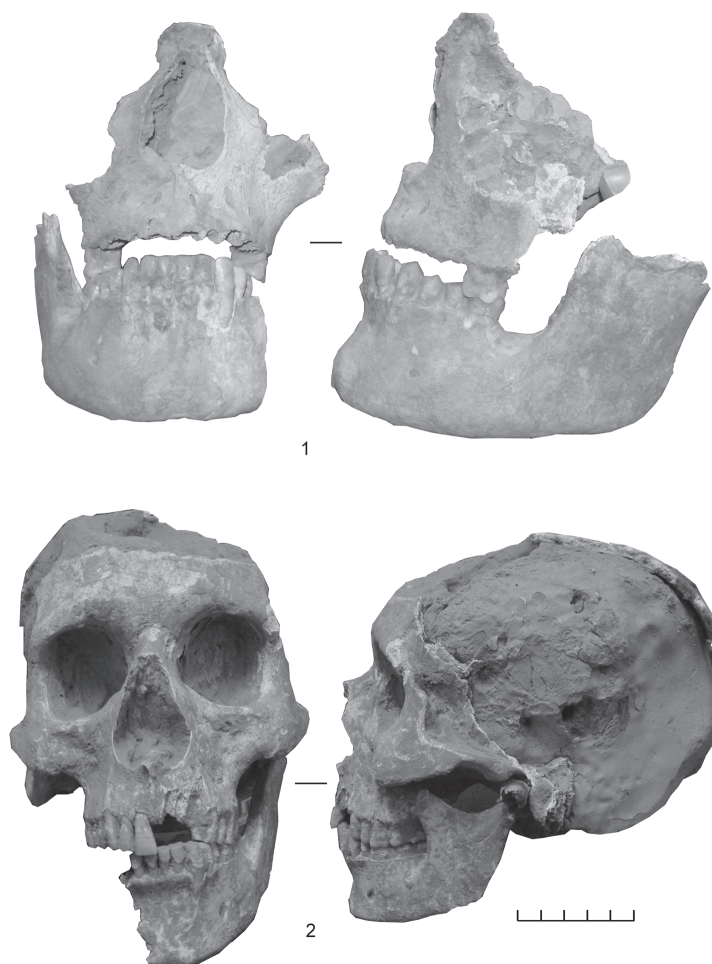

Рис. 1. 1 — фрагменты женского черепа из Сиабского погребения; 2 — мужской череп из Сазагана

Проведенный нами анализ показал, что данные останки вполне могут принадлежать представительнице популяции, широко распространенной на территории Средней Азии и многовариантной восточно-средиземноморской расы южных европеоидов (Дубова 2008б).

Учитывая сильную фрагментированность останков, сопоставление находки с другими популяциями оказывается достаточно трудным, так как информативные признаки, размеры практически отсутствовали. Кроме того, как хорошо известно, сопоставление индивидуальных данных с популяционными также весьма сложно интерпретировать, ибо любой индивид может занимать как срединное, так и маргинальное место на векторе изменчивости каждого признака. Самую ценную информацию для межпопуляционного сопоставления в случае сиабского костяка смогли дать только

два признака, хотя бы в некоторой степени описывающие морфологию лицевого скелета. Это высота альвеолярного отростка верхней челюсти и глубина клыковой ямки. Конечно, оба они не являются наиболее важными диагностическими признаками, но еще Я. Я. Рогинский в одной из своих давних работ отмечал такую особенность южных европеоидов, как очень низкая верхняя губа. Автор данной статьи проверяла гипотезу Якова Яковлевича на современном населении Средней Азии, выяснив, что действительно группы, имеющие в своем составе значительные компоненты южно-европеоидного населения, можно отличить не только от собственно северных, но и от степных популяций именно по высоте верхней губы (Дубова 1971; 1976). Обращал на этот факт внимание и Л. Т. Яблонский, который проанализировал соотношение вертикальных размеров лицевого скелета на некоторых краниосериях с территории Евразии в эпохи палеолита–бронзы (Яблонский 1986: 99–100). Проведенное сравнение фрагментов черепа с известными сериями V–I тыс. до н. э. из земледельческих и скотоводческих памятников региона показало, что сиябская находка имеет более уплощенную нижнюю часть лица и более высокую верхнюю губу (высоту альвеолярного отростка верхней челюсти), чем многие из сравниваемых популяций Среднеазиатского региона, а также общий восточно-средиземноморский облик и лептоморфные пропорции тела. Эта констатация позволила автору (понимая, правда, насколько выводы, базирующиеся на таких неординарных признаках, хрупки), говорить о том, что женский скелет с берега р. Сиаб попадает в пределы вариации тех популяций, которые отличаются от грацильных, лептопрозопных восточных средиземноморцев IV–III тыс. до н. э., известных по многим сериям из Южного Туркменистана. Он оказывается ближе к группам несколько более массивным, с чуть более низким и более широким лицом, иногда несколько менее профилированным в горизонтальной плоскости. Считать этот вариант результатом прямой метисации со степным палеоевропейским типом вряд ли стоит однозначно.

И наконец, еще одна, четвертая в кругу аналогичных вышеописанных материалов, находка — два черепа (мужской — рис. 1, 2 и женский) черепа из Сазагана под Самаркандом (Куфтерин 2010). Археологический инвентарь, по мнению изучившей его Н. А. Аванесовой, обнаруживает яркие черты культурного синтеза урбанистического юга и северной степной бронзы Евразии (Аванесова 2002) и датируется эпохой развитой бронзы.⁶ Автор исследования черепов, проведя их сопоставление с рядом синхронных среднеазиатских серий, делает вывод, что типологически мужской череп можно определить как европеоидный лептодолихоморфный, однако его отнесение к выделяемым Т. К. Ходжайовым в пределах средиземноморского расового типа вариантам затруднительно. Кластерный анализ на основе обобщенных расстояний также демонстрирует его обособленное положение. Но в целом, как подчеркивает В. В. Куфтерин, типологически он тяготеет к средиземноморским формам, наличие связей с представителями степного мира антропологически не фиксируется. Однако в силу единичности изученного материала (сопоставление одного черепа с серийным материалом никогда не дает однозначных выводов) данное заключение следует рассматривать как носящее предварительный характер.

⁶ Устное сообщение Н. А. Аванесовой.

Итак, полученные нами в последнее время и кратко описанные выше материалы характеризуют антропологические особенности населения трех последовательных периодов эпохи бронзы. Данные представляют, конечно, население территорий, несколько удаленных друг от друга. Но все упомянутые, оставленные им памятники представляют разные периоды развития БМАК. Поэтому вполне допустимо использовать наши данные для сравнения динамики антропологических особенностей населения этой культурной общности. Что объединяет это население с антропологической точки зрения? Все серии показывают, что основной характеристикой внешнего облика населения, как это многократно писалось и в классических трудах по палеоантропологии Средней Азии Л. В. Ошанина, В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой, так и их несколько более молодых коллег, является принадлежность к средиземноморскому кругу популяций. Главными особенностями является высокое, узкое, резко профилированное (т. е. не уплощенное в горизонтальной плоскости) лицо с высокими, преимущественно округлыми орбитами, высоким переносьем и сильно выступающим довольно крупным носом. Уже говорилось, что число локальных форм средиземноморцев весьма велико. В самой общей форме можно сказать, что группы, живущие далеко на восток от побережья Средиземного моря (восточные средиземноморцы по антропологической классификации), отличаются от своих западных дальних родственников меньшей грацильностью (т. е. более массивными костями лицевого и мозгового скелетов, более сильно выраженным рельефом, нередко более крупными размерами). Но и эта восточно-средиземноморская общность может быть поделена на значительное число территориально-приуроченных групп. Анализ антропологических материалов эпохи неолита показывает достаточно широкое распространение восточных средиземноморцев по территории Средней Азии и довольно большое сходство между ними. В эпоху бронзы дифференциация населения на описываемой территории усиливается, но все локальные варианты укладываются в усредненное описание именно средиземноморцев (Гинзбург, Трофимова 1972; Ходжайов 1977; 1980; Кияткина 1976; 1987 и мн. др.). В то же время четко прослеживается тенденция увеличения черепного указателя (т. е. головы становятся более брахикефальными, имеющими более округлую форму, чем неолитические долихокефалы с удлиненной и узкой формой головы) и коррелирующим с этим увеличением ширины лица. Широко известна эпохальная тенденция брахикефализации, но вопрос о причинах, вызывающих, запускающих этот процесс, очень сложен.⁷ Одна из гипотез брахикефализации связывает ее в том числе и с метисацией населения (например, Бунак 1927; Vallois 1939; Schwidetzki 1950; Cappieri 1961: 95–11). В приложении к описываемому нами материалу и в рамках затронутой темы главный вопрос к антропологу и состоит в том: имело ли место смешение земледельческого населения с пришедшими скотоводами? Или же фиксируемые изменения физического облика населения могут быть объяснены общими эпохальными изменениями, всегда имеющими место в биологических популяциях?

⁷ Кратко мне приходилось уже останавливаться на этом: Дубова 2010а: 73–74; 2010б: 486–487, 490–491.

Статистика является довольно объективным методом, позволяющим оперировать большим числом краниосерий, охарактеризованных по многим показателям. Тем более, что получаемые в результате анализа графики, схемы, карты могут без длинных объяснений, зачастую понятных только узким специалистам, показать степень сходства и различий сравниваемых выборок. Но, несмотря на то что антропологами для решения своих задач применяются разнообразные, зачастую довольно сложные статистические методы, не должно создаваться иллюзии, что это — панацея, и мы получаем однозначное подтверждение того или иного вывода. Как это хорошо известно, статистические выводы зависят, прежде всего, от набора характеристик, вовлеченных в анализ, подбора сравниваемых групп и степени внутривнутрипопуляционной изменчивости каждой из них. Бывают случаи, когда игнорирование одной—двух популяций или отсутствие (или, наоборот, присутствие) в анализе того или иного признака может привести к серьезным изменениям «красивой картинки» и искажению взгляда на происходящие процессы.

Поскольку любая краниосерия представляет собой часть человеческого сообщества, в котором сложение кругов брачных связей и, соответственно, границ популяций во многом зависит от социальных факторов, подбор выборок для сравнения не может исключать историко-культурных показателей каждой их них. Автором уже проводился факторный анализ антропологических особенностей большой совокупности земледельческих и скотоводческих популяций Евразии (Дубова 2008а; 2010а; 2010б). Здесь же для получения более четкой картины сходства и различий трех перечисленных в начале статьи групп мы ограничились значительно меньшим числом выборок (табл. 1).⁸ Включение в анализ частных, случайных размеров приведет к тому, что за создаваемым ими «шумом» сложно будет разглядеть реально существующие закономерности. Поэтому для получения самых главных различий между сравниваемыми группами предпочтительно использовать генерализованные признаки, т. е. те, изменчивость которых аккумулирует в себе вариабельность частных особенностей. Для черепа человека такими характеристиками в первую очередь являются те, которые представлены в табл. 2.

Всего в соответствии с полученными результатами 5 выделенных факторов описывают 92,1 % разнообразия сравниваемых групп. Как показывает табл. 2, первый, наиболее значимый фактор определяет почти треть (28,4 %) вариабельности групп, включенных в анализ. Самыми «весомыми» признаками в нем оказались поперечный диаметр черепа, наименьшая ширина лба и ширина орбиты, а менее значимым — скуловой диаметр. Все характеристики, как видим, говорят о развитии костей черепа в ширину. Второй фактор описывает не намного меньшую долю вариации (22,7 %). Суммарно оба эти фактора определяют больше половины всей изменчивости. Наибольший вклад во второй фактор вносит высота орбиты, верхняя высота лица, и несколько меньше их — продольный диаметр черепа, т. е. характеристики роста в продольном направлении. Сравнимые группы расположились в пространстве этих

⁸ Факторный анализ проводился методом главных компонент с использованием стандартного статистического пакета Statistica 6.

Таблица 1

Группы, привлеченные для сравнения, и вес пяти выделенных факторов для каждой из них

Номер на графике	Серия	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
1	Гонур, некрополь (Dubova, Rykushina 2007)	-0,96279	-0,73721	-0,37160	-0,49543	0,27204
2	Гонур, «руины» 9 (Dubova, Rykushina 2007)	-0,54295	0,06700	-0,60392	-0,45382	2,51033
3	Алтын-Депе (Кияткина 1987)	-0,23035	-0,01556	0,07567	-0,40414	0,63152
4	Кара Депе (Гинзбург, Трофимова 1972)	-0,86988	-0,34665	1,88710	2,61311	-0,27392
5	Геоксюр (Гинзбург, Трофимова 1972)	0,26258	0,51268	1,43581	0,76194	-0,04062
6	Джаркутан (Ходжайов 2004)	0,37278	1,81234	-0,02521	-0,70629	-1,02421
7	Сапалитепа (Ходжайов 1977)	0,19678	0,83202	0,18205	-1,05647	-0,27231
8	Бустон VI (Аванесова, Дубова, Куфтерин 2010)	-0,17357	0,51252	0,13731	-0,47942	-0,56479
9	Ранний Тулхар (Кияткина 1976)	0,93211	1,93402	-0,28577	1,47553	0,95263
10	Тигровая Балка (Якка Писта) (Кияткина 1987)	0,73067	-0,25414	-0,85892	-1,08932	1,21282
11	Кокча III (Гинзбург, Трофимова 1972)	0,31147	-1,93574	-1,22059	1,20105	1,18146
12	Мохенджо-Даро (Кияткина 1987)	-2,05606	-0,34751	-0,81202	-0,15722	-1,14193
13	Хараппа R 37 (Dutta 1983)	-0,49951	0,83885	1,58536	-1,25068	0,28260
14	Хараппа H (Dutta 1983)	0,18038	-1,74340	1,79274	-1,73908	-0,20299
15	Тепе-Гиссар II (3500–3000 до н. э.) (Кияткина 1987)	-1,31884	-0,59332	0,43620	0,04266	-0,04161
16	Тепе Гиссар III (3000–1750 до н. э.) (Кияткина 1987)	-0,62899	-0,35685	0,54026	-0,02593	-0,00439
17	Тимаргарха (Bernhard 1967)	-1,17773	0,50952	-2,03627	0,13704	-0,22112
18	Елунинская культура, Горный Алтай (Багашев 2000)	0,44134	1,54246	0,30035	-0,00937	0,55929
19	Андроновская общность (федоровская культура), Минусинская котловина (Дремов 1990)	2,19156	-0,79971	0,17040	0,84558	-0,81482
20	Андроновская общность (федоровская культура), Северо-Восточный Казахстан (Багашев 2000)	1,75904	-0,55134	-0,19413	-0,23379	0,84762
21	Андроновская общность (алакульская культура), Западный Казахстан (Багашев 2000)	0,12263	-0,78302	0,02500	0,86041	-0,38585
22	Андроновская общность (алакульская культура), могильник Ермак 4 (Дремов 1977)	1,37225	-0,65419	-1,05071	-0,68211	-2,28795
23	Кривое озеро (синаштинская культура) (Рыкушина 2003)	-0,41291	0,55724	-1,10912	0,84575	-1,17380

Таблица 2

Признаки, включенные в анализ, и их нагрузки на факторы, выделенные в результате анализа⁹

Признаки	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
1. Продольный диаметр черепа	-0,196298	0,595094*	0,204273	0,570854*	0,356153
8. Поперечный диаметр черепа	0,960406	-0,038961	0,072053	0,051120	0,019743
17. Высотный (ba-br) диаметр черепа	0,201912	-0,037064	0,041707	0,938736	0,082531
9. Наименьшая ширина лба	0,901889	-0,219655	0,179521	-0,000073	0,051507
48. Верхняя высота лица	0,066843	0,846160	0,113824	0,308060	0,299808
45. Скуловой диаметр	0,584915*	0,278437	-0,482675	0,505663*	-0,076766
55. Высота носа	0,113052	0,124981	0,209860	0,101098	0,944639
54. Ширина грушевидного отверстия	0,194641	0,178353	0,905322	0,091101	0,231510
51. Ширина орбиты (mf)	0,790807	0,387475	-0,038710	0,303623	0,165538
52. Высота орбиты	-0,010426	0,937198	0,022386	-0,179861	-0,070117
% Описываемой изменчивости	28,4	22,7	11,9	17,0	12,1

двух факторов достаточно хорошо предсказуемо: обособилась половина степных групп (кроме андроновцев Западного Казахстана [№ 21], группы из Кривого Озера [№23], относящейся к населению синташтинской культуры, и группы, представляющей елунинскую культуру Алтая [№ 18]), имеющие большие поперечные размеры головы и лица и меньшие продольные. Обособились группы Джаркутана (№ 6) и Раннего Тулхара (№ 9), с одной стороны, имеющие большие продольные размеры, чем гонурская и бустонская серии, а также из Кокча III (№ 11) и сблизившаяся с ней по более низкому лицу и высоте орбит группа из Хараппы Н (№ 14) — с другой. Серия из Мохенджо-Даро (№ 12) по сравнению со всеми другими группами имеет очень небольшие широтные размеры и средние по величине продольные.

Надо обратить внимание на то, что, как показано стрелками на рис. 2А, закономерно в сериях «из руин» Гонура (№ 2) по сравнению в некрополе этого памятника (№ 1), а также в Джаркутане (№ 6) по сравнению с Сапаллитепа (№ 7) и в более поздних слоях иранского Тепе Гиссара (№ 16) по сравнению с более ранними (№ 15), имеют место одинаковые изменения размеров: при в разной степени увеличении высоты лица и высоты орбит везде широтные размеры также увеличиваются. Характерно, что в случае с двумя гонурскими и бустонской (№ 8) сериями можно выстроить такую линию: самые низкие значения всех размеров имеет группа населения, захороненная на некрополе Гонура; те, кто похоронен в «руинах», — бóльшие, а в Бустоне VI — еще бóльшие. Прежде чем обсуждать эти факты, обратимся к другим признакам, т. е. к четвертому и пятому из выделенных в результате анализа факторов, так как третий отмечает некоторые различия между выборками только по ширине носа (грушевидного отверстия).

Четвертый фактор выделяет группы по высотному (ba-br) диаметру черепа и, в меньшей степени, ширине лицевого скелета (скуловой диаметр), определяющему 17,0 % разнообразия сравниваемых групп, а пятый — высоте носа (12,1 %). Как различаются группы по этим признакам, показано на рис. 2Б.

⁹ Подчеркнуты нагрузки тех признаков, которые вносят самый существенный вклад в вариабельность сравниваемых групп. Звездочкой отмечены показатели для значимых признаков.

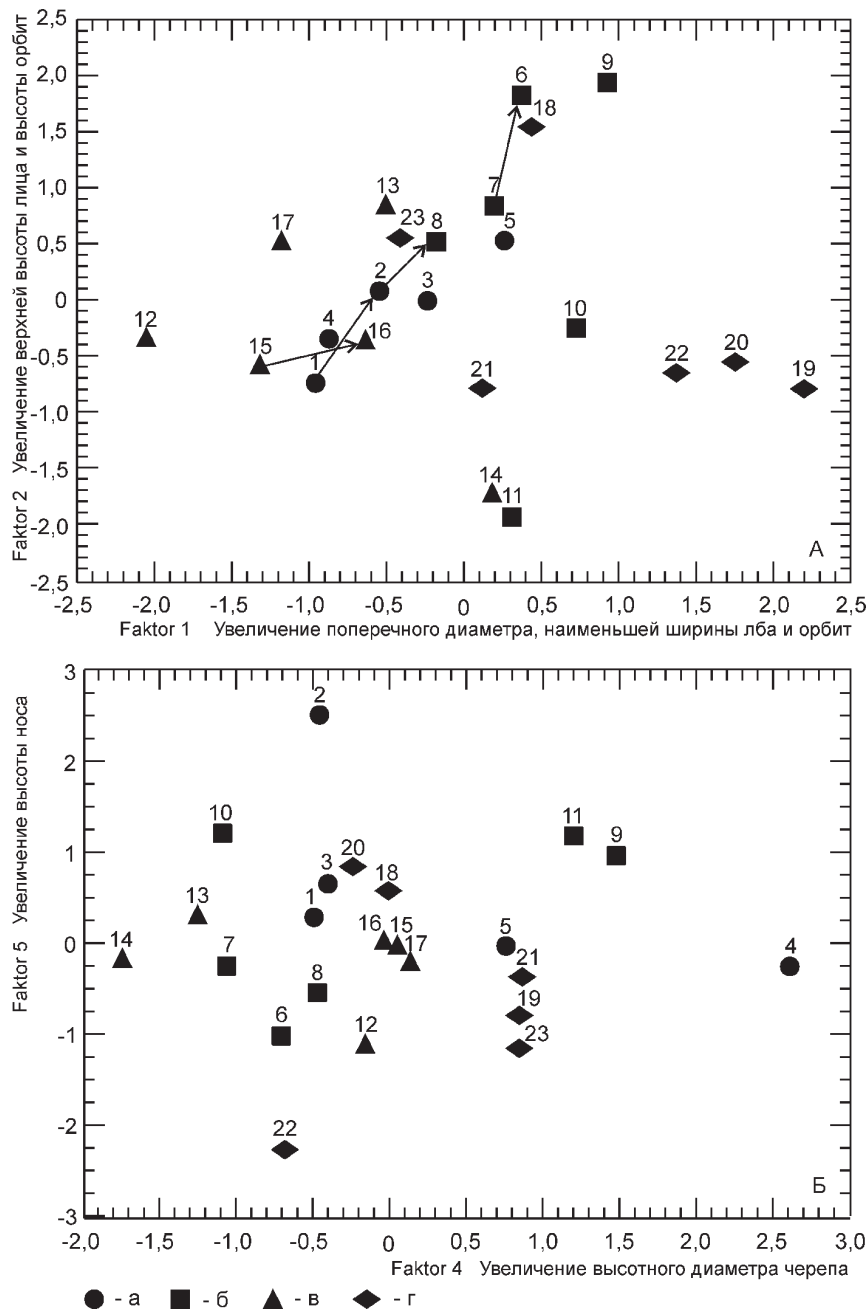

Рис. 2. Расположение сравниваемых краниосерий: А — в пространствах 1-го и 2-го выделенных факторов; Б — в пространствах 4-го и 5-го выделенных факторов. Номера серий на графиках соответствуют номерам в табл. 1. Условные обозначения серий: а — из Туркменистана; б — из Таджикистана и Узбекистана; в — из Индии, Пакистана, Ирана; г — из Казахстана, Южной Сибири и Алтая

Самую низкую мозговую коробку имеют серии из Хараппы (№ 13 и 14), а самую высокую — Кара Депе (№ 4). Большая высота черепа сочетается с высоким носом (что, кроме всего прочего, подтверждает значительную долю участия средиземноморского компонента в их формировании) в сериях из Кокчи III (№ 11) и Раннего Тулхара (№ 9). Весь остальной массив групп попадает в пределы вариации ± 1 д, что в целом говорит об их сходстве по этому показателю (высота черепа). Также малы различия и по абсолютной высоте носа: самый низкий нос имеет алакульская серия из могильника Ермак 4 (№ 22), а самый высокий — черепа «из руин» Гонура (№ 2). Можно отметить также, что по высотному диаметру такие скотоводческие группы, как представители федоровской культуры Минусинской котловины (№ 19), алакульской культуры Западного Казахстана (№ 21) и синташинской из Кривого озера (№ 23), практически не имеют различий. Столь же высокий череп имеет население Геоксюра (№ 5). Главные различия между перечисленными сериями на этом этапе сравнения имеются в высоте носа. Максимальная отмечена в Геоксюре, а наименьшая — в Кривом озере. Обратим внимание, что эти же группы очень близки и по значению второго фактора (верхняя высота лица и высота орбиты при участии продольного диаметра) (рис. 2А). Их дифференцируют поперечные размеры головы и лица.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что большую часть разнообразия взятых для сравнения выборок (51 %) определяют основные размеры головы и лица, характеризующие его рост в поперечном (поперечный диаметр черепа, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр) и в продольном направлениях (верхняя высота лица, продольный диаметр), а также соотношение высоты и ширины орбит. Это те самые признаки, которые и дифференцируют, как это было много раз показано на территории Средней Азии, южные земледельческие и степные скотоводческие группы. Однако следует обратить внимание, что во всех сериях, происходящих из южных районов Узбекистана, где археологически безусловно фиксируется присутствие скотоводов, основным антропологическим компонентом все же является восточно-средиземноморский. Приведенные выше графики (рис. 2) также говорят об этом. Совершенно логично степень выраженности антропологических признаков, говорящих о наличии антропологического типа, который можно связать со скотоводами (далее для простоты изложения — «степные» признаки), усиливается в тех группах, где и археология свидетельствует об их присутствии (например, сравнение гонурской серии с бустонской; бустонской с сапаллинской и джаркутанской; выраженность пары редких признаков на сиябском черепе в сравнении с гонурцами). В то же время степень проявления «степных» признаков далека от таковой, которая была бы в случае смешения «чисто» земледельческих групп с «чистыми» степными скотоводами. Южноевропеоидные особенности, свойственные земледельческим группам, явно доминируют (в том числе во всех сериях и единичных черепках, о которых речь шла выше), несмотря даже на отмеченные выше эпохальные тенденции, которые (прежде всего, касательно увеличения со временем широтных размеров) совпадают с направлением изменения признаков земледельцев при примеси степных скотоводов.

Такая ситуация может быть объяснена прежде всего тем, что те скотоводческие группы, которые постепенно распространялись в южные районы Средней Азии, уже не являлись яркими представителями «чистых» протоевропеоидов (массивного населе-

ния, имеющего относительно более низкое, широкое, несколько уплощенное в горизонтальной плоскости лицо, но хорошо выступающий с высоким переносом нос и относительно узкие и широкие, т. е. прямоугольные, орбиты), а несли в себе весомую долю средиземноморской примеси, которая могла быть получена ими в значительное более раннее, чем эпоха бронзы, время. Ныне уже многократно засвидетельствовано присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским, среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья (например, Шевченко 1974; Хохлов 1998), Южного Приуралья (Юсупов 1989), Западной Сибири (Дремов 1997) и носителей алакульской культуры (Гинзбург 1962; Алексеев 1967). Вполне логично предполагать, что такое сходство указывает на участие близких антропологических пластов в сложении как племен южных оазисов, так и степей Средней Азии и Казахстана. В таком случае проникновение степных племен на юг приводит к смешению групп, в которых присутствуют близкие гены, и потому фенотипическое их проявление оказывается напоминающим предковую для обеих смешивающихся частей форму. В нашем случае — это один из вариантов средиземноморцев. Подчеркнем также, что все имеющиеся данные, в первую очередь подобные описанным выше, говорят о появлении степных племен в южных земледельческих районах не ранее середины II тыс. до н. э. До этого времени антропологических свидетельств присутствия степных групп рядом с городскими или сельскими, но земледельческими центрами, не имеется.

Аванесова 1995 — *Аванесова Н. А.* Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // *АВ.* 1995. № 4. С. 63–72.

Аванесова 2001 — *Аванесова Н. А.* Результаты исследований некрополя Бустон VI // *Археологические исследования в Узбекистане — 2000.* Ташкент, 2001. С. 31–36.

Аванесова 2006 — *Аванесова Н. А.* Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // *Археологические исследования в Узбекистане — 2004–2005.* Ташкент, 2006. Вып. 5. С. 23–30.

Аванесова, Дубова, Куфтерин 2010 — *Аванесова Н. А., Дубова Н. А., Куфтерин В. В.* Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // *АЭАЕ.* 2010. Вып. 1 (41). С. 118–136.

Аванесова, Ташпулатова 1999 — *Аванесова Н. А., Ташпулатова И.* Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры // *История материальной культуры Узбекистана.* Самарканд, 1999. Вып. 30. С. 27–36.

Алексеев 1967 — *Алексеев В. П.* Антропология андроновской культуры // *СА.* 1967. № 1. С. 22–26.

Бабаков и др. 2001 — *Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К.* Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонура // *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132.

Багашев 2000 — *Багашев А. Н.* Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000.

Бунак 1927 — *Бунак В. В.* *Стария арменика.* Исследование по антропологии Передней Азии. М., 1927 (Труды Антропологического НИИ при 1 МГУ. Вып. 2).

Гинзбург 1962 — *Гинзбург В. В.* Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана // *Народы Средней Азии и Казахстана.* М., 1962. Т. 1. С. 159–164.

Гинзбург, Трофимова 1972 — *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Дремов 1977 — *Дремов В. А.* Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // *Проблемы археологии и этнографии.* Л., 1977. Вып. 1. С. 99–110.

Дремов 1990 — *Дремов В. А.* Антропологический состав населения андроновской и андронидной культур Западной Сибири // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 56–62.

Дремов 1997 — *Дремов В. А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (Антропологический очерк). Томск, 1997.

Дубова 1971 — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана. Дипломная работа. Рукопись // Архив кафедры антропологии Биолого-почвенного факультета МГУ. М., 1971.

Дубова 1976 — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 52. С. 169–185.

Дубова 2008а — *Дубова Н. А.* Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н. э. Южного Туркменистана?? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии; Всероссийская научная конференция. Барнаул, 2008. С. 201–205.

Дубова 2008б — *Дубова Н. А.* Еще раз о ранних скотоводах и земледельцах Средней Азии. Антропология Сиабского погребения // Актуальные вопросы антропологии. Минск, 2008. Вып. 3. С. 166–172.

Дубова 2010а — *Дубова Н. А.* Процессы этногенеза на евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // Человек: его биологическая и социальная история; Труды международной конференции, посвященной 80-летию академика В. П. Алексеева. М.; Одинцово, 2010. С. 67–78.

Дубова 2010б — *Дубова Н. А.* Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации; Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 484–503 (ТМАЭ. Т. 3).

Кияткина 1976 — *Кияткина Т. П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.

Кияткина 1987 — *Кияткина Т. П.* Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987.

Куфтерин 2010 — *Куфтерин В. В.* Краниологический материал эпохи бронзы из Сазагана под Самаркандом // На пути открытия цивилизации; Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 504–512 (ТМАЭ. Т. 3).

Рыкушина 2003 — *Рыкушина Г. В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое озеро в южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.

Сарияниди 1990 — *Сарияниди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Сарияниди 1997 — *Сарияниди В. И.* Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1. С. 148–168.

Сарияниди 2001 — *Сарияниди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Сарияниди 2002 — *Сарияниди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте р. Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сарияниди 2005 — *Сарияниди В. И.* Гонур. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.

Сарияниди 2008 — *Сарияниди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.

Ходжайов 1977 — *Ходжайов Т. К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапал-литепа. Ташкент, 1977.

Ходжайов 1980 — *Ходжайов Т. К.* Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

Ходжайов 2004 — *Ходжайов Т. К.* Население Согда по данным краниологии // Расы и народы. М., 2004. Вып. 30. С. 189–215.

Хохлов 1998 — *Хохлов А. А.* Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпоху неолита–бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Шевченко 1974 — *Шевченко А. В.* Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974. С. 123–135.

Юсупов 1989 — *Юсупов Р. М.* Краниология башкир. Л., 1989.

Яблонский 1986 — *Яблонский Л. Т.* Древнейшее население Южного Приаралья // *Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Древнейшее население низовий Амударьи. М., 1986. С. 79–122.

Bernhard 1967 — *Bernhard W.* Human skeletal remains from the cemetery of Timargarha // Pakistan Archaeology. 1967. No 3. P. 291–407.

Cappieri 1961 — *Cappieri M.* Die asiatische Proto-Mediterranen // *Ethnographisch-Archaeol. Zeitschrift.* 1961. No 2. S. 95–11.

Cerasetti, Rouse 2010 — *Cerasetti B., Rouse L. M.* Joint Turkmen-Italian Archaeological Mission in the Murghab Alluvial Fan (Turkmenistan). Report from May 10th to June 04th 2010 // Архив Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры. Ашхабад, 2010.

Dubova, Rykushina 2007 — *Dubova N. A., Rykushina G. V.* New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur and Iranian paganism. 2nd edition. Athens, 2007. P. 296–329.

Dutta 1983 — *Dutta P.* The Bronze Age Harappans. Calcutta, 1983.

Hiebert, Moore 2004 — *Hiebert F. T., Moore K. M.* A Small Steppe Site Near Gonur // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 294–302.

Sarianidi 2007 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur and Iranian paganism. 2nd edition. Athens, 2007.

Schwidetzki 1950 — *Schwidetzki I.* Turaniden Studien. Weisbaden, 1950 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abh. der Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse. No 9).

Vallois 1939 — *Vallois H.* Les ossements humains de Sialk // *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kashan. Paris, 1939. T. 2. P. 111–192.

NEW ANTHROPOLOGICAL DATA TO THE PROBLEM OF THE INTERACTION BETWEEN THE BRONZE AGE FARMERS AND STOCK-BREEDERS OF CENTRAL ASIA

N. A. Dubova

The paper deals with the analysis of new anthropological materials from southern regions of Central Asia (Gonur Depe in Turkmenistan; Buston VI, Sazagan, and Siab in Uzbekistan), dating from different periods of the Bronze Age. The comparative sample consisted of 23 series of crania, representing both land-cultivating and stock-breeding populations. The main characteristic of the whole sample is its belonging to the Mediterranean group of populations. According to the results of the factor analysis, most of the observed variability is linked with the main head and face dimensions, characterizing its increase in transverse (the first of the distinguished factors, responsible for 28,4 % of variability) and longitudinal (the second factor — 22,7 %) directions. It is exactly these traits that are known to differentiate the southern farming and stock-breeding groups of Central Asia. All the series that can be firmly linked (on the basis of archaeological evidence) with stock-breeders are dominated by the East Mediterranean anthropological component. The degree of expressiveness of anthropological characteristics testifying to the presence of a physical type that can be linked with stock-breeders is higher in those groups, which show archaeological indications of stock-breeding. However, the picture is by no means similar to that which could be expected in the case of intermixture of «pure» land-cultivators with «pure» steppe stock-breeders. The stock-breeders, who penetrated into the southern regions of Central Asia in the middle of the IInd millennium BC, bore a substantial Mediterranean admixture, which could have been received in different periods, including those preceding the Bronze Age.

ХИОССКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК МИРМЕКИЯ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА

Планомерное и систематическое исследование Мирмекийского городища началось в 1934 г. и до 1966 г. проводилось Боспорской экспедицией ИИМК РАН под руководством В. Ф. Гайдукевича. В первый же год раскопок на участке «В» был обнаружен культурный слой архаического времени, большая часть находок которого датируется второй четвертью—серединой VI в. до н. э. (Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941: 127–131). Р. В. Шмидт была представлена и подробно изучена греческая расписная керамика, найденная в Мирмекии в 1934–1938 гг. Проанализировав весь найденный материал, она пришла к выводу, что «в Мирмекии навкратийские (то есть хиосские) сосуды совершенно отсутствуют» (Шмидт 1952: 236).

В последующие годы раскопок Мирмекии под руководством В. Ф. Гайдукевича основное внимание уделялось изучению эллинистических и более поздних слоев. Тем не менее был собран довольно значительный керамический материал архаического времени. К сожалению, опубликована была лишь небольшая его часть. Несмотря на то что в числе опубликованного материала хиосская керамика не была представлена, говорить о ее полном отсутствии нельзя. Так, например, в 1958 г. на раскопе «И» был найден фрагмент стенки канфара или чаши хиосского производства, украшенный узкой горизонтальной полоской лака поверх обмазки (рис. 2, 2; Гайдукевич 1958: 20; Наливкина 1958: 12). Несколько позднее на том же участке «И» в культурном слое было обнаружено еще несколько фрагментов стенок и ручка хиосских расписных кубков (М/59–477, 1093; М/61–325, 326, 445; Гайдукевич 1961: 41; 1987: 12, 18–19, 22).

С 1982 г. археологические работы на городище были продолжены Мирмекийским отрядом Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) под руководством Ю. А. Виноградова. Теперь все внимание было сосредоточено главным образом на изучении древнейших (архаических) слоев. В результате был накоплен огромный керамический материал VI—начала V в. до н. э., в том числе были найдены и фрагменты хиосских расписных сосудов (см., например, Виноградов 1992а: 105, рис. 4, 2).

Всего с 1982 по 1994 г. в Мирмекии было найдено около двух десятков фрагментов от разных сосудов хиосского производства, что, конечно же, несопоставимо по численности, например, с березанскими находками, но все же опровергает суждение о полном отсутствии этой группы керамики на городище и, конечно, заслуживает детального изучения.

Сосуды хиосского производства легко узнать, прежде всего, по наличию густой блестящей обмазки хорошего качества, молочно-белого или светло-кремового цвета, а также по ее использованию на внутренней поверхности открытых сосудов, поверх которой нанесен темный лак. Глина хиосской керамики очень плотная, однородная, почти без примесей, серовато-коричневого или розоватого тона. Роспись выполнена блестящим черным или светло-коричневым лаком, иногда красноватого или оранжевого оттенка. Применялись и накладные краски — белая и пурпур (Шмидт

1952: 235; Сидорова 1992: 146; Корпусова 1987: 43; Ильина 2005: 7; Cook, Dupont 1998: 46–47).

Одной из самых интересных находок хиосской расписной керамики из Мирмекия является обломок стенки открытого сосуда, найденный в 1984 г. на участке «Р» при зачистке вымостки позднеархаического помещения IV (M/84-431; рис. 1, I; Виноградов 1984: 21). С обеих сторон фрагмент покрыт плотной белой обмазкой хорошего качества. С внешней стороны поверх обмазки блестящим, неоднородным по густоте коричневым лаком нанесен рисунок — частично сохранилось изображение фигуры животного и элемент дополнительного орнамента. Также в росписи присутствует пурпур (полоса на теле). Под животом животного располагается поясok в виде точек темно-коричневого лака, ограниченный узкими полосками светло-оранжевого лака. Чаще всего подобный ряд точек в области живота встречается при изображении фигур козлов и, как писал Р. М. Кук, похожих на них животных («comparable creatures»; Cook, Dupont 1998: 49). Самый яркий пример — фигуры козлов на «Вюрцбургских киликах» или, как их еще называют, «кубках-кратерах» группы Wild Goat style, датируемых концом VII—началом VI в. до н. э. (Ibid.: 48, fig. 8, 15; Скуднова 1957: 131, рис. 1; Lemos 1991: 88–89, Nos. 140, 145, 176, 237; Pautasso 2009: 81–82, 96–97, Nos. 173–174). Однако такой же поясok точек иногда встречается и на теле других животных (олений, ланей, собак, баранов, львов) и сфинксов, изображенных на сосудах в стиле Дикого Козла (Lemos 1991: figs. 14–17, 22; Boardman 1998: No. 311). Сразу же следует отметить, что под животами львов располагаются не точки, а скорее косые черточки, а на теле ланей и оленей обязательно присутствуют в большом количестве белые округлые пятна, которых нет на теле животного с мирмекийского фрагмента.

Подобная техника продолжала применяться и в более позднее время: в периоды Animal и даже Chalice style (Lemos 1991: Nos. 439, 472, 473, 571, 582, 624, 627; Boardman 1998: No. 317; Ильина 2005: № 38, 61, 64). Однако в период Chalice style вазописцы отказались от использования дополнительного орнамента (Cook, Dupont 1998: 49), а на обломке из Мирмекия он присутствует, располагаясь под фигурой животного. На фрагменте сохранилась лишь его часть. Вероятней всего, это был орнамент в виде «подвески-треугольника» («pendant-triangle»), часто встречаемый в росписи сосудов Wild Goat style (Lemos 1991: 54, figs. 33–34; Boardman 1967: 150, fig. 101). Это довольно сложный элемент украшения, представляющий собой треугольник, разделенный двойными линиями на еще два меньших треугольника и ромб. К этому узору могли добавляться дополнительные линии (как в нашем случае) или, наоборот, удаляться. Треугольники могли либо свешиваться с рамки фриза с изображениями животных, либо, как на фрагменте из Мирмекия, опираться на нижний бордюро фриза, т. е. располагаться вершинами вверх. Интересно, что второй вариант узора встречается значительно реже (Lemos 1991: 54). По мнению А. А. Лемос, такой орнамент в период Middle II Wild Goat располагается всегда под передними ногами козла, в отличие от бессистемного размещения подобного узора на более ранних хиосских вазах или сосудах других восточнореческих школ того же времени (Ibid.: 59, Nos. 124, 236, 237, 252 и т. д.). В этом случае на нашем фрагменте сохранилась бы вторая передняя нога животного. Однако, как отмечает А. А. Лемос, встречаются и исключения, как, на-

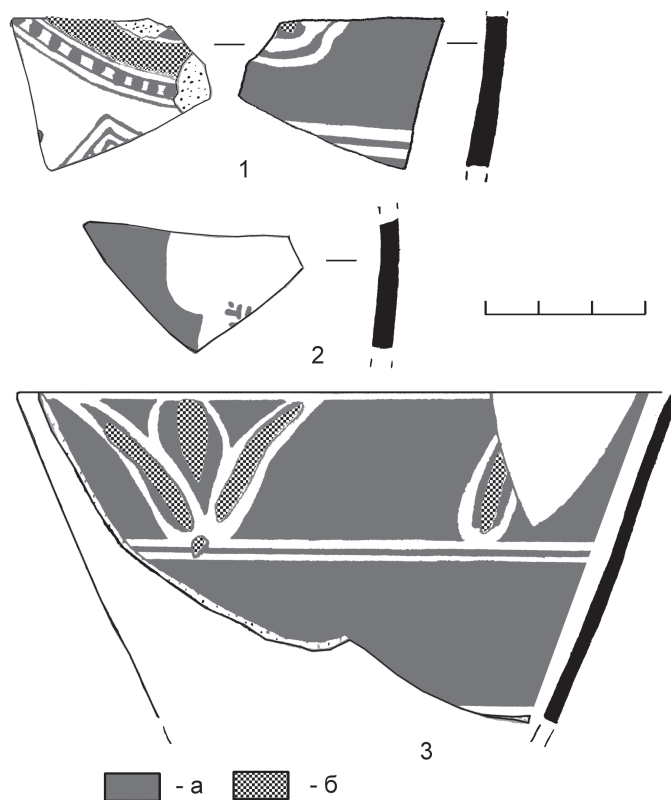

Рис. 1. Мирмекий, хиосская керамика первой половины VI в. до н. э.: а — черный лак; б — пурпур

пример, на ойнохое из Эмпория, где орнамент нанесен довольно хаотично (Ibid.: 59, No. 310; Boardman 1967: No. 634). Интересно, что на упомянутой ойнохое треугольники располагаются под фигурами не только козлов, но и ланей, причем и те и другие животные изображены бегущими, а не идущими или пасущимися, поэтому у них прорисованы лишь две ноги, а не четыре, как обычно.

В более позднее время, а точнее в период *Animal style*, подобный орнамент продолжает встречаться, хоть и значительно реже, особенно если говорить о треугольниках с вершинами вверх. Кроме того, художники уже больше не придерживаются строгой схемы расположения их под передними ногами животного (Lemos 1991: 90–91, Nos. 517, 624). В этот же период появляется еще один элемент заполнительного орнамента — двойной квадрат, разделенный еще на четыре квадрата, с точками внутри каждого, или, как описывает его А. А. Лемос, «точечный крест, вписанный в квадрат» (Ibid.: 90). Размещали такой орнамент довольно хаотично (Ibid.: Nos. 439, 552; Boardman 1998: No. 318). Так как на мирмекийском обломке сохранилась лишь часть орнамента, определить точно, какой именно из описанных выше элементов был размещен на нем, довольно сложно.

С внутренней стороны поверхность фрагмента из Мирмекия поверх обмазки залита темно-коричневым довольно густым лаком, поверх которого, в свою очередь, белой краской и пурпуром нанесена роспись: многолепестковая розетка и два узких пояска под ней. Подобный орнамент довольно часто встречается на внутренней стороне хиосских открытых сосудов первой половины VI в. до н. э. (Ильина 2005: № 11, 12, 81, 116; Борисфен-Березань 2005: № 89; Lemos 1986: fig. 20; 1991: Nos. 441, 471, 504, 610, 928 и т. д.; Pautasso 2009: № 177, 179, 192).

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что исследуемый фрагмент настолько незначителен по размеру, что невозможно определить, какому типу открытых сосудов он принадлежал. Кроме того, как видно из описания, на обломке сохранилась лишь небольшая часть изображения, по которой нельзя с уверенностью определить, какое именно животное или какой конкретно элемент орнамента украшали его. Однако, учитывая применение пурпура в росписи животного, изображенного на мирмекийском фрагменте, а также наличие орнамента на внутренней поверхности, вероятней всего, его следует отнести к стилю *Animal Chalice* и датировать первой четвертью VI в. до н. э. (Cook, Dupont 1998: 49; Boardman 1967: 157).

Для Мирмекия представленный фрагмент, несомненно, является уникальным. Более того, подобные находки редки для всей территории Северного Причерноморья. Так, например, несмотря на наличие довольно значительного количества фрагментов керамики *Animal Chalice style*, обнаруженных на о. Березань, среди них не удалось найти полной аналогии изображению мирмекийского обломка. Среди опубликованного березанского материала лишь на двух фрагментах можно увидеть похожий элемент орнамента — «подвесной треугольник», но направленный вершиной вниз (Скуднова 1957: рис. 5; Ильина 2005: № 14, 30; Борисфен-Березань 2005: № 90), и в двух случаях встречаются животные с точками в области живота: лев и, по всей видимости, лань (Ильина 2005: № 25, 38). Несколько фрагментов ранних хиосских сосудов было найдено и в Пантикапее, однако среди них также не встречаются обломки с точно такой же, как на мирмекийском, росписью (Сидорова 1962: 120, рис. 7).

Не менее интересной находкой для Мирмекия является еще один фрагмент стенки хиосского открытого сосуда с изображением животного, найденный в 1987 г. на участке «Р» (М/87-4, рис. 1, 2; Виноградов 1987а: 4, 49). Этот обломок, так же как и предыдущий, с обеих сторон был покрыт плотной белой обмазкой, причем насыщенного молочного оттенка. Снаружи, поверх обмазки, густым темно-коричневым (почти черным) блестящим лаком была нанесена роспись — животное, идущее влево, и заполнительный орнамент. Сохранившееся изображение настолько мало, что практически невозможно определить ни вид животного, ни тип орнамента. Можно лишь предположить, судя по толщине задней ноги, что животное крупное, возможно, бык (это же подтверждается и наличием резкого, угловатого выступа в месте перехода бедра в голень). Что касается орнамента, удалось найти только один фрагмент с похожим изображением (Lemos 1991: No. 695). Вероятно, это часть какого-то крестообразного узора с дополнительными уголками и точками на концах, встречающегося в росписях *Wild Goat* или *Animal Chalice style* (Ibid.: 62, figs. 38, 48). Внутренняя поверхность обломка была полностью залита темно-коричневым лаком. Скорей всего, этот фрагмент, так же как и предыдущий, относится к *Animal Chalice style*. Нали-

чие молочно-белой обмазки свидетельствует о том, что он не может датироваться ранее 600 г. до н. э., а имеющийся заполнительный орнамент, отсутствие гравировки снаружи и росписи с внутренней стороны позволяют ограничить время изготовления сосуда первой четвертью VI в. до н. э. (Boardman 1967: 157; Cook, Dupont 1998: 47; Скуднова 1957: 132; Корпусова 1987: 46).

В 1986 г. на том же участке «Р» в одной из ям третьей четверти VI в. до н. э. был найден довольно крупный обломок верхней части хиосского кубка с росписью на внутренней стороне в виде фриза из изображений цветов и бутонов лотоса и узких концентрических поясков (М/86-311; рис. 1, 3; Виноградов 1986: 17, 49; 1992а: 105, рис. 4, 2). На фрагменте представлен самый простой тип подобной орнаментации: бутоны в виде отдельных лепестков и трехлепестковые цветы, без дополнительных украшений — тычинок, волют и т. д. Рисунок выполнен накладными красками — белой и пурпуром — поверх темно-коричневого, почти черного, лака. С внешней стороны сосуд покрыт довольно плотной обмазкой белого с желтоватым оттенком цвета. Подобные сосуды с аналогичным орнаментом на внутренней поверхности были обнаружены на Березани, в Пантикапее, Нимфее, Токре, на Хиосе, при раскопках святилища Деметры в Катании; по форме и диаметру венчика они относятся к 3-й группе? по В. М. Скудновой, а датируются обычно первой половиной VI в. до н. э. (Скуднова 1957: 131–132; Ильина 2005: № 48а, 54b, 70а и т. д.; Пукліна, Буйських 2010: 76, рис. 8, 1, 2; Сидорова 1962: 120, рис. 7, 4б; 1992: 147, рис. 8, б; Лебедева 1999: 46; Boardman, Hayes 1966: 57–58, Nos. 774, 783, 784; Boardman 1967: No. 751; Lemos 1991: fig. 66, Nos. 822, 928, 974 и т. д.; Pautasso 2009: Nos. 177, 179, 210). Еще один фрагмент края кубка с такой же росписью на внутренней стороне был найден в Мирмекии в 1993 г. (М/93-29; Виноградов 1993: 12).

Также в Мирмекии были найдены и фрагменты более простой хиосской посуды, украшенной лишь поясками лака по белой обмазке. Прежде всего, это обломки кубков или канфаров с вертикальными ручками (М/92-184, М/90-194, М/58-2922; рис. 2, 1–4). В первую очередь следует упомянуть два крупных обломка верхней части канфаров, на одном из которых сохранилась ручка (Виноградов 1990: 44; 1992б: 56). Было найдено на городище и несколько фрагментов стенок, некоторые из которых, как упоминалось выше, были обнаружены еще в годы раскопок под руководством В. Ф. Гайдукевича. Снаружи по тулову сосудов под ручкой была проведена узкая горизонтальная полоска коричневого лака, меняющего оттенок от красноватого до темно-коричневого. Внутренняя поверхность поверх обмазки залита густым блестящим темно-коричневым или черным лаком, за исключением широкой полосы, оставленной в цвете обмазки. Такие же сосуды были найдены и на Хиосе, в Пантикапее, Тиритаке, на Березани, в Ольвии и ольвийском некрополе, а датируют их обычно второй половиной VI в. или 550–500 гг. до н. э. (Boardman 1967: 162, № 763, 764; Сидорова 1962: 102, рис. 7, 7; Шмидт 1952: 236, рис. 6; Lejpunskaja 2010: 124, Pl. 60, A-13; Скуднова 1957: 138; Ильина 2005: 118–119, № 208–214; Скуднова 1988: 15, кат. 117, 3; 192, 2).

За годы раскопок в Мирмекии были найдены и фрагменты маленьких хиосских кувшинчиков, украшенных поясками лака (М/86-247, М/92-307; рис. 2, 5–6). В 1986 г. на участке «Р» был найден один из таких кувшинчиков, у которого отсутствовали

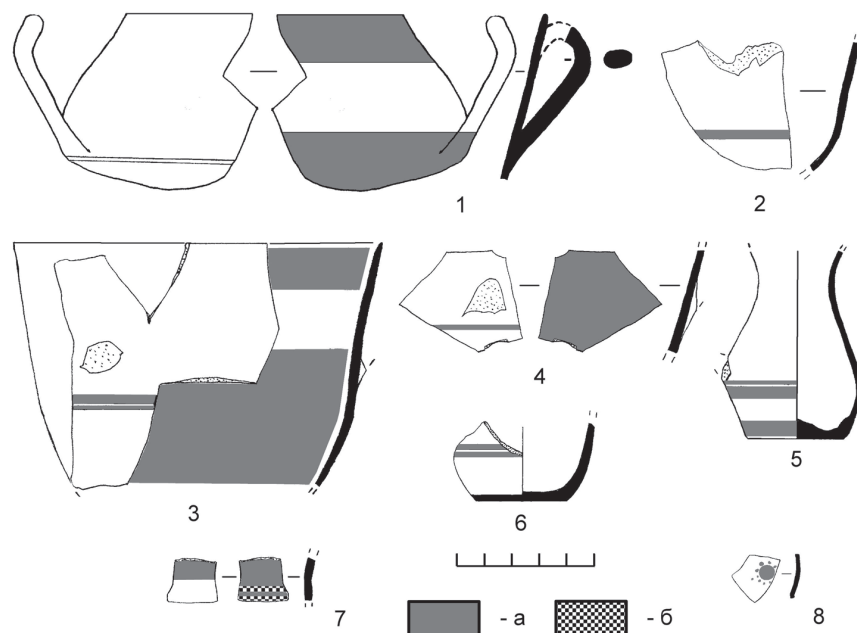

Рис. 2. Мирмекий, фрагменты хиосских расписных сосудов: а — черный лак; б — пурпур

край и вертикальная ручка (Виноградов 1986: 7, 47). С внешней стороны сосуд покрыт густой белой с желтоватым оттенком обмазкой, поверх которой светло-коричневым блестящим лаком нанесены неровные горизонтальные пояски. Два пояска расположены ниже основания ручки, один — у дна. В 1992 г. на участке «С» в заполнении одной из архаических ям был найден фрагмент нижней части другого кувшина с аналогичной орнаментацией (Виноградов 1992б: 106). Подобные сосуды, так же как и вышеупомянутые канфары, встречаются повсюду. Они были обнаружены в Токре, на Хиосе, Самосе, Сукасе, на Березани, в Ольвии, Пантикапее, Порфмии (Boardman, Hayes 1966: No. 852; Boardman 1967: Nos. 592–596; Isler 1978: No. 162; Ploug 1973: Nos. 320, 321; Борисфен-Березань 2005: № 101, 102; Скуднова 1988, кат. 97, 10; 162, 1; 188, 1 и др.; Lejpuskaja 2010: 124, pl. 60, A-11–12; Сидорова 1962: 125; Вахтина 2006: 33). По мнению зарубежных исследователей, подобные кувшинчики были распространены примерно с конца VII до середины VI в. до н. э. (Boardman, Hayes 1966: 67; Boardman 1967: 144; Isler 1978: 98; Ploug 1973: 69–70). Большинство русских ученых, ссылаясь на то, что в некрополе Ольвии такие кувшины были найдены в погребениях второй половины VI в. до н. э., датируют их этим же временем (Скуднова 1957: 138; 1988: 15; Сидорова 1962; 125). Некоторые авторы предлагают более широкую датировку, говоря о их существовании на протяжении всего VI в. до н. э. (например, Ильина 2005: 74, 121–124). Что касается представленных фрагментов из Мирмекия, то один из них был найден в культурном слое, а другой в комплексе (яма № 119), датированном временем около середины VI в. до н. э., вместе с фрагментами ионийской керамики второй четверти VI столетия (Виноградов 1992в: 42, 61).

Наконец, следует упомянуть еще несколько небольших фрагментов хиосской керамики, обнаруженных в Мирмекии. Так, в 1987 г. на раскопе «Р» был найден маленький обломок стенки открытого сосуда с остатками росписи с внешней стороны и узкими поясками пурпура поверх черного лака, выполненными на внутренней поверхности (М/87-91; рис. 2, 7; Виноградов 1987б: 49). Снаружи рисунок был нанесен коричневым с коралловым оттенком лаком поверх густой молочно-белой обмазки. Фрагмент настолько мал, а лак настолько сильно стерт, что совершенно невозможно определить, что же было на нем изображено. Однако, учитывая наличие пурпура в росписи внутренней поверхности, этот обломок можно датировать первой половиной VI в. до н. э.

В 1983 г. на участке «Р» был найден фрагмент с орнаментом в виде точечной розетты (М/83-168; рис. 2, 8; Виноградов 1983: 66). Рисунок был выполнен черным тусклым лаком поверх белой обмазки. Орнамент в виде различного вида точечных розетт или концентрических кругов очень широко применялся в росписи хиосских сосудов (Lemos 1991: 49, 59, 62, figs. 27, 38, 39, 48; Boardman 1998: Nos. 310, 311; Ильина 2005: 90, № 72), поэтому сложно определить, к сосудам какой стилистической группы мог принадлежать мирмекийский фрагмент. Тем не менее его, вероятней всего, также можно отнести к времени не позднее середины VI в. до н. э.

Практически все фрагменты хиосской расписной керамики Мирмекия, в том числе и датированные первой половиной VI в. до н. э., были найдены в культурном слое или позднеархаических помещениях. Лишь один кувшин, обнаруженный в 1992 г., происходит из комплекса второй четверти VI в. до н. э. Это неудивительно, так как до 1992 г. на городище не было открыто строительных комплексов этого времени (Виноградов 1992а: 105).

В настоящее время археологические работы на городище продолжаются. С 2000 г. они проводятся Мирмекийской экспедицией Гос. Эрмитажа под руководством А. М. Бутягина. За эти годы в Мирмекии на участках «Т» и «С» было найдено еще несколько фрагментов хиосских сосудов тех же групп, которые были представлены выше. Так, были обнаружены три фрагмента хиосских кубков, с внутренней стороны одного из которых сохранилась роспись в виде цветка лотоса, и два обломка кувшинчиков, украшенных поясками коричневого лака (М.2000-176, М.2008-282, М.2007-58, М.2001-114, М.2002-78).

Подводя итог, можно отметить, что хиосская керамика в Мирмекии не только присутствует, причем на различных участках городища («И», «Р», «Т», «С»), но и представлена разными формами сосудов и различными стилистическими группами, бытовавшими на протяжении всего VI в. до н. э. Более того, в числе находок имеются совершенно уникальные для Мирмекия и довольно редкие для всей территории Северного Причерноморья фрагменты группы Animal Chalice style, датированные первой четвертью VI в. до н. э.

Вахтина 2006 — *Вахтина М. Ю.* Расписная архаическая керамика из раскопок Порфмия (к общей характеристике материала) // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006. С. 32–36.

Виноградов 1983 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. Раскоп «Р». Полевая опись находок № 1 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1983 г., д. 86.

Виноградов 1984 — *Виноградов Ю. А.* Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1984 году // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1984 г., д. 82.

Виноградов 1986 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. Раскоп «Р». Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1986 г., д. 82.

Виноградов 1987а — *Виноградов Ю. А.* Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 году // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1987 г., д. 78.

Виноградов 1987б — *Виноградов Ю. А.* Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. Раскоп «Р». Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1987 г., д. 83.

Виноградов 1990 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. Раскоп «С». Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1990 г., д. 49.

Виноградов 1992а — *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99–120.

Виноградов 1992б — *Виноградов Ю. А.* Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1992 г., д. 22.

Виноградов 1992в — *Виноградов Ю. А.* Отчет о работе Мирмекийского отряда Объединенной Боспорской экспедиции ИИМК–КГИКЗ в 1992 году // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1992 г., д. 20.

Виноградов 1993 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1993 г., д. 21.

Гайдукевич 1958 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорская экспедиция. Мирмекий. Раскоп «И», северо-западная часть. Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 221, тетрадь № 2.

Гайдукевич 1961 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорская экспедиция. Мирмекий. Раскоп «И», северная часть. Полевая опись находок // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1961 г., д. 260.

Гайдукевич 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941 — *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 году // МИА. 1941. № 4. С. 110–148.

Ильина 2005 — *Ильина Ю. И.* Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1. С. 70–173.

Корпусова 1987 — *Корпусова В. Н.* Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 35–53.

Лебедева 1999 — *Лебедева Е. В.* Греческая расписная керамика первой половины VI в. до н. э. из раскопок Мирмекия и Нимфея (опыт сравнительного анализа) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: ТД. СПб., 1999. С. 44–46.

Наливкина 1958 — *Наливкина М. А.* Боспорская экспедиция. Мирмекий. Раскоп «И», северо-западная часть. Полевой дневник № 2 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 218.

Пуклина, Буйських 2010 — *Пуклина О. О., Буйських А. В.* Кераміка з розкопок Березані в збірці Національного музею історії України // Археологія. Київ, 2010. № 4. С. 70–78.

Сидорова 1962 — *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 94–148.

Сидорова 1992 — *Сидорова Н. А.* Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея. 1965–1985 гг. (корме аттической чернофигурной) // Сообщения ГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 131–173.

Скуднова 1957 — *Скуднова В. М.* Хиосские кубки из раскопок на о-ве Березань // СА. 1957. № 4. С. 128–139.

Скуднова 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

Шмидт 1952 — *Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1952. № 25. С. 223–249.

- Boardman 1967 — *Boardman J.* Excavations in Chios. 1952–1955. Greek Emporio. 1967 (BSA. Suppl. Vol. 6).
- Boardman 1998 — *Boardman J.* Early Greek vase painting. London, 1998.
- Boardman, Hayes 1966 — *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra. 1963–1965. 1966 (BSA. Suppl. Vol. 4).
- Cook, Dupont 1998 — *Cook R. M., Dupont P.* East Greek Pottery. London; New York, 1998.
- Isler 1978 — *Isler H. P.* Das Archaische Nordtor. Und seine umgebung in heraion von Samos. 1978 (Samos. Bd 4).
- Lejpunskaja 2010 — *Lejpunskaja N. A.* A Late Archaic painted tableware. The lower city of Olbia (Sector NGS) in the 6th century B. C. to the 4th century A. D. // Black Sea Studies. 2010. No. P. 121–141.
- Lemos 1986 — *Lemos A. A.* Archaic Chian pottery on Chios // Chios: a conference at the Homereion in Chios 1984. Oxford, 1986. P. 233–249.
- Lemos 1991 — *Lemos A. A.* Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles. Oxford, 1991.
- Pautasso 2009 — *Pautasso A.* Stipe votive del santuario di Demetra a Catania. La ceramica Greco-Orientale. Catania, 2009.
- Ploug 1973 — *Ploug G.* The Aegean, Corinthian and Eastern Greek Pottery and Terracottas. Kobenhavn, 1973 (Sūkās. 2).

CHIAN PAINTED POTTERY FROM MYRMEKION

E. V. Lebedeva

The regular and systematic study of the settlement of Myrmekion started in 1934. Despite the fact that initially (during the period when the excavation was directed by V. F. Gaidukevich) the main attention was paid to the Hellenistic and later layers, a considerable amount of archaic ceramics was found too, including several fragments of Chian painted kantharoi. From 1982 to 1994 the archaeological works on the settlement were carried out under the guidance of Yu. A. Vinogradov. During this time the main efforts were concentrated on the study of the oldest cultural layers. This led to the accumulation of a huge collection of pottery of the VIth and early Vth c. BC, including some two tens of fragments of Chian painted vessels. Worthy of special note are, first of all, two wall fragments of closed vessels, which should probably be attributed to the Animal Chalice style and dated to the first quarter of the VIth c. BC. In addition, Myrmekion gave fragments of Chian vessels with frieze-like paintings on the inner surface, representing flowers and buds of lotus, usually dated to the first half of the VIth c. BC, as well as fragments of more common ware, decorated only with belts of lacquer laid on white coating. Over the last years A. M. Butyagin's excavations yielded several more fragments of Chian vessels of the same groups. As can be seen from the above, the Chian painted pottery is not just present at Myrmekion, but is represented by various types of vessels and different stylistic groups, which existed during the whole of the VIth c. BC.

СЕРИЯ РАСПИСНЫХ СОСУДОВ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2

С. В. КАШАЕВ

Античный некрополь Артющенко-2 находится на обрывистом берегу Черного моря, на юге Таманского полуострова (Темрюкский р-н Краснодарского края) и постоянно разрушается в результате береговой абразии. Раскопками Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2003–2010 гг. некрополь был исследован на площади около 2900 м². Здесь обнаружено 101 погребение и еще 9 погребений доисследовано за грабителями. Вскрыты индивидуальные мужские, женские и детские захоронения и могилы, содержавшие 2 (чаще всего мужской и женский) или 3 (мужской, женский, детский) скелета, а также могилы с инвентарем, но без следов костяков — предположительно кенотафы. На исследованном участке самые ранние захоронения могут быть датированы концом VI в. до н. э., а самые поздние — началом II в. до н. э. Большинство комплексов относится к началу V—началу IV в. до н. э. Более подробное описание памятника, история его исследований и характеристика погребальных комплексов уже опубликованы (Кашаев 2009а).

В настоящей работе проводится анализ нескольких расписных сосудов, обнаруженных в погребениях. К ним относятся два миниатюрных скифоса (котилы), два чернофигурных килика, одна кальпида (пиксида) и два лекифа. Необходимо отметить, что большинство расписных сосудов из некрополя являются лекифами. Ранее уже было опубликовано 17 лекифов из раскопок 2003–2009 гг. (Кашаев 2009б), поэтому в данной работе присутствуют только два неопубликованных ранее сосуда, найденных в 2010 г.

1. *Скифос миниатюрный* (котила; рис. 1, 2). Высота — 5,0 см; диаметр края — 7,4 см. Обнаружен в женском погребении № 6 (Кашаев 2009а: 229, рис. 4). Скифос располагался под перевернутым вверх дном чернофигурным киликом (см. № 3 данной статьи) у южной стенки могилы. В погребении также находились бронзовое зеркало, красноглиняная ойнохоя, чернолаковая чаша на высокой ножке, цилиндрический лекиф с лаком кораллового тона, серия серебряных бусин и кость животного (Там же: 194).

Венчик и кольцевой поддон сосуда слегка профилированы. На обеих сторонах скифоса роспись идентична — три пальметки, выполненные черным лаком по белой облицовке. Между пальметками находятся стилизованные веточки. Крайние пальметки, расположенные ближе к ручкам, имеют завивающийся растительный усик, а центральные — небольшую горизонтальную веточку снизу. Венчик, нижняя часть тулова и ручки покрыты лаком, под рисунком — кольцевая полоска в цвете глины.

2. *Скифос миниатюрный* (котила; рис. 1, 1). Высота — 4,8 см, диаметр края — 6,2 см. Обнаружен в женском погребении № 47 (Кашаев 2010: 90, рис. 1, 4). Скифос был положен у северной стенки могилы. Также в погребении находились протофасосская амфора, красноглиняная миска, миниатюрная мисочка с ручкой, чернолаковые лекиф и скифос, керамическая пиксида, бронзовое зеркало, серебряное колечко, 27 золотых подвесок и железный нож (Там же: 94).

Рис. 1. Некрополь Артюшенко-2, греческая расписная керамика: 1 и 2 — скифосы миниатюрные (погребения № 47 и 6); 3, 4 — килики чернофигурные (погребения № 6 и 70)

Венчик сосуда слегка профилирован, по сравнению с первым сосудом кольцевой поддон увеличен, а рисунок нанесен более тонко. На обеих сторонах скифоса роспись идентична — три пальметки, выполненные черным лаком по белой облицовке. Между пальметками изображены стилизованные веточки. Крайние пальметки, расположенные ближе к ручкам, имеют завивающийся растительный усик. Венчик, нижняя часть тулова и ручки покрыты лаком, под рисунком — кольцевая полоска в цвете глины.

Аналогичными по форме и росписи являются скифосы, найденные в Керчи (Горбунова 1983: № 186), Ольвии (Скуднова 1988: № 209.5), Гермонассе (Коровина 2002: табл. 7, № 1; Сидорова 1987: 121, рис. 10). Есть похожий экземпляр и в собрании Национального музея в Копенгагене (CVA Denmark C—M: pl. 119, 6). А. К. Коровина и Н. А. Сидорова относят скифосы из Гермонассы к кругу мастера Хаймона и датируют первой четвертью V в. до н. э. (Сидорова 1987: 113). По мнению К. С. Горбуновой (1983: 208), подобные миниатюрные скифосы могут датироваться шире, в пределах первой половины V в. до н. э.

Судя по имеющимся аналогиям и датировке других сосудов из погребений 6 и 47, наши миниатюрные скифосы можно датировать второй четвертью V в. до н. э.

3. *Килик чернофигурный* (рис. 1, 3). Высота — 7,6 см, диаметр края — 13,6 см. Обнаружен в женском погребении № 6 (Кашаев 2009а: 229, рис. 4). Килик был найден перевернутым вверх дном у южной стенки могилы. Кроме него в погребении находились миниатюрный скифос (см. № 1 в данной статье), бронзовое зеркало, красноглиняная ойнохоя, чернолаковая чаша на высокой ножке, цилиндрический лекиф с лаком кораллового тона, серия серебряных бусин и кость животного (Там же: 194).

Венчик и кольцевой поддон сосуда слегка профилированы. На обеих сторонах килика сюжет росписи одинаков — в центре изображена фигура танцующего человека с поднятыми руками, с двух сторон от которого расположены крупные пальметки с растительным усиком. Рисунок выполнен довольно схематично и небрежно. Венчик, нижняя часть тулова и ручки покрыты лаком, под рисунком — кольцевая полоска в цвете глины, край поддона также оставлен в цвете глины.

Наиболее близкой аналогией по форме сосуда, сюжету и стилю росписи является килик, найденный в начале XX в. у пос. Эльтиген близ Керчи (Горбунова 1983: № 154). На нем изображены сатир с кифарой руках, убегающая менада и пальметки. Можно заметить, что на многих других сосудах, где присутствует сюжет сатир—менады, менады часто изображены в характерной убегающей или танцующей позе — с одной поднятой рукой, свисающими с рук складками одежды и повернутой назад головой со своеобразной прической — в виде поднятого вверх хвостика или пучка волос. Например, такие изображения имеются на скифосе (Там же: № 185), киафе (Там же: № 177), амфорах (Там же: № 48 и 168), кратере (Там же: № 87), лекифе (АА 1986: No. 849) и т. д. Таким образом, сравнивая рисунки на разных сосудах и перечисленные характерные признаки (поднятая рука, свисающие складки одежды, повернутая назад голова с «высокой» прической), можно сделать вывод, что фигура, довольно схематично переданная на нашем килике, является именно изображением менады. В качестве аналогий форме можно привести сосуды, датированные 490—480 гг. до н. э. (Ibid.: No. 1564) и 480—470 гг. до н. э. (CVA France 20: pl. 25, 5—7). Аналогичные находки из Гермонассы и Ольвии по стилю росписи относят к изделиям мастера Хаймона (или его манере исполнения), работавшего в начале V в. до н. э. (Коровина 2002: 39, рис. 12, табл. 9, 9; Скуднова 1988: 66, № 84, 3). Судя по многочисленным аналогиям, наш килик, скорее всего, относится к 480—470 гг. до н. э.

4. *Килик чернофигурный* (рис. 1, 4). Высота — 6,2 см, диаметр края — 15,6 см. Обнаружен в мужском погребении № 70. Килик находился в районе правого бедра погребенного, ближе к северной стенке могилы. В погребении также были найдены красноглиняные лекиф, миска и кувшин, железные акинак, нож и пять наконечников стрел.

Лак матовый, местами отслаивается, изображение частично повреждено. Венчик и кольцевой поддон килика слегка профилированы. Рисунок выполнен несколько небрежно. Обе стороны сосуда имеют похожую роспись — в центре изображен бородатый Дионис, сидящий на дифросе — табурете с четырьмя ножками, утончающимися в нижней части. В каждой руке Дионис держит по ритону, по бокам его окружа-

ют четыре лозы с гроздьями винограда. Со стороны ручек рисунок ограничивают пальметки с растительным усиком. Венчик, нижняя часть тулова и ручки покрыты лаком, под рисунком — кольцевая полоска в цвете глины, край поддона также оставлен в цвете глины.

Сюжет с сидящим на диффросе Дионисом с ритонном в руках часто помещали на различных сосудах. Например, такие изображения имеются на киафах (Горбунова 1983: № 174, 176, 187), мастоиде (Там же: № 189), амфорах (Там же: № 167, 168), кратере (Там же: № 87), лекифе (АА 1986: No. 847) и т. д. Выполненное в очень схожей манере изображение сидящего Диониса с ритонном в руке присутствует на лекифах (Ibid.: Nos. 1075, 1079, 1082). Также близким по стилю является рисунок на миниатюрном скифосе, найденном на о. Березань в 1913 г. (Горбунова 1983: № 155). На нем очень схематично изображен сидящий Дионис с ритонами в руках. Наиболее полными аналогиями по форме сосуда, сюжету и стилю росписи являются три килика, датированные 490–480 гг. до н. э. (АА 1986: No. 1564; CVA France 40: pl. 12, 4–6; CVA Danemark C–M: pl. 119, 5). Не исключено, что эти три находки, как и наша, происходят из одной мастерской. Судя по приведенным аналогиям, килик из погребения № 70 может быть датирован 490–480 гг. до н. э.

Атрибуция росписи на двух описанных выше киликах (№ 3, 4) позволила заключить, что изображение на них связано с Дионисом и его спутницей менадой. Дионис, бог виноделия и плодоносящих сил природы, входил в число самых почитаемых эллинами божеств. Как отмечает М. В. Скржинская (2010: 173–175), разнообразные свидетельства о праздниках в его честь имеются во многих городах Северного Причерноморья. По мнению И. Ю. Шауба (2007: 339), о существовании на Боспоре культа Диониса до правления династии Спартокидов (438–109 гг. до н. э.) могут свидетельствовать лишь немногочисленные терракоты. Присутствие двух киликов с дионисийским сюжетом, обнаруженных в некрополе, позволяет говорить по меньшей мере о популярности этих персонажей и осторожно предположить, что такие находки могут свидетельствовать о религиозных воззрениях древних жителей поселения Артюшенко-2. Весьма интересной представляется отмеченная закономерность — «боспорские пелики» с изображением Диониса на грифоне, преследующего девушку, встречены только в женских захоронениях (Там же: 345). В нашем случае килик с менадой также найден именно в женском погребении.

5. *Лекиф арибаллический чернофигурный* (рис. 2, 2). Высота — 10,7 см, диаметр тулова — 6,4 см. Обнаружен в парном (мужском и женском) погребении № 83. Лекиф находился под мужским костяком в области пояса, недалеко от южной стенки могилы. В погребении также были найдены красноглиняные ойнохоя, миска и кувшинчик, сероглиняный кувшинчик, чернолаковые килик, миска-одноручник и две солонки, лепной горшочек, бронзовая игла, два колечка серебряное и бронзовое, две раковины каури и золотая бусина.

Лак на лекифе густой, блестящий, местами отслаивается, рисунок частично поврежден. На тулове изображена женская голова в профиль, лицом влево. На голове саккос, декорированный параллельными линиями, расположенными попарно, и рядами мелких точек. Из-под саккоса сбоку выбиваются пряди вьющихся волос. Глаз

передан двумя линиями и точкой, бровь — дугой. Прямой нос сливается в одну линию со лбом. Рот приоткрыт, уголок обозначен черной точкой. На шее — тонкая линия лака, обозначающая край одежды. Перед лицом — волюта с одним отстоящим лепестком («процветший посох»). Снизу рисунок ограничен двумя полосками в цвете глины, прямой и волнистой.

Лекифы с изображением женских голов, «вырастающих из земли», хорошо известны и в Причерноморье (Шталь 2004: 188, № 30), и в Афинах (AA 1997: Nos. 968–971). По форме и стилю росписи очень близок нашему лекифу сосуд из некрополя Пичвнари (Vickers, Kakhidze 2004: 364, рис. 107). Похожий лекиф из Керчи датирован серединой V в. до н. э. Отличается он тем, что женская голова развернута вправо. Еще один близкий образец обнаружен в Нимфее, он расписан мастером Ахилла и датируется 440–430 гг. до н. э. (Древний город Нимфей 1999: № 57).

Судя по аналогиям и тому, что остальные сосуды из погребения № 83 относятся к третьей четверти V в. до н. э., лекиф из Артющенко можно датировать серединой — началом третьей четверти V в. до н. э.

Приводя серию лекифов с женскими головами, И. В. Шталь (2004: 72) не дает интерпретации этого сюжета. Издатели материалов Нимфея высказывают мнение, что женские головы на лекифах являют собой упрощенные сцены религиозного содержания (Древний город Нимфей 1999: 40). Это объяснение представляется вполне правдоподобным. В связи с этим можно обратить внимание на то, что изображение головы на нашем лекифе очень близко голове Афродиты, представленной на пелике из Керчи (Шауб 2007: 332, рис. 81). Это сходство позволяет предположить, что на лекифе из погребения № 83 изображена именно Афродита. Как подчеркивает И. Ю. Шауб, культ Афродиты пользовался исключительной популярностью на Боспоре, особенно на Азиатской его стороне (Там же: 325), а изображение Афродиты в виде головы или бюста указывает на ее хтонический характер (Там же: 326).

6. *Лекиф цилиндрический* (рис. 2, 1). Сохранившаяся высота — 11,0 см, диаметр тулова — 4,5 см, горло с венчиком и ручка не сохранились. Обнаружен в мужском погребении № 93. Лекиф находился в миске, стоявшей в ногах костяка у южной стенки могилы. В погребении также находились красноглиняные миска и ойнохоя, чернолаковая миска-одноручник, железные наконечник копья, вток и нож.

Тулово покрыто белой обмазкой, по ней выполнена роспись — три крупные горизонтально расположенные пальметки. Лак и обмазка частично осыпались, изображение видно не полностью. В верхней части тулова представлен поясok геометрического орнамента, на плечиках — палочный орнамент. Нижняя часть тулова покрыта лаком, под рисунком — три кольцевые полоски в цвете глины, край поддона также оставлен в цвете глины.

Поиск аналогий данному сосуду позволяет сделать вывод, что цилиндрические лекифы, украшенные крупными горизонтальными пальметками, встречаются не часто. Этот сюжет тиражировался реже остальных — высоких вертикальных пальметок, горизонтальных веточек плюща и кольцевых меандров.

В качестве аналогий можно привести лекифы из нескольких музеев (CVA France 30: pl. 8, 8, 9; CVA Canada: pl. 41, 11; CVA Denmark 9: pl. 53, 45), все они датируются в

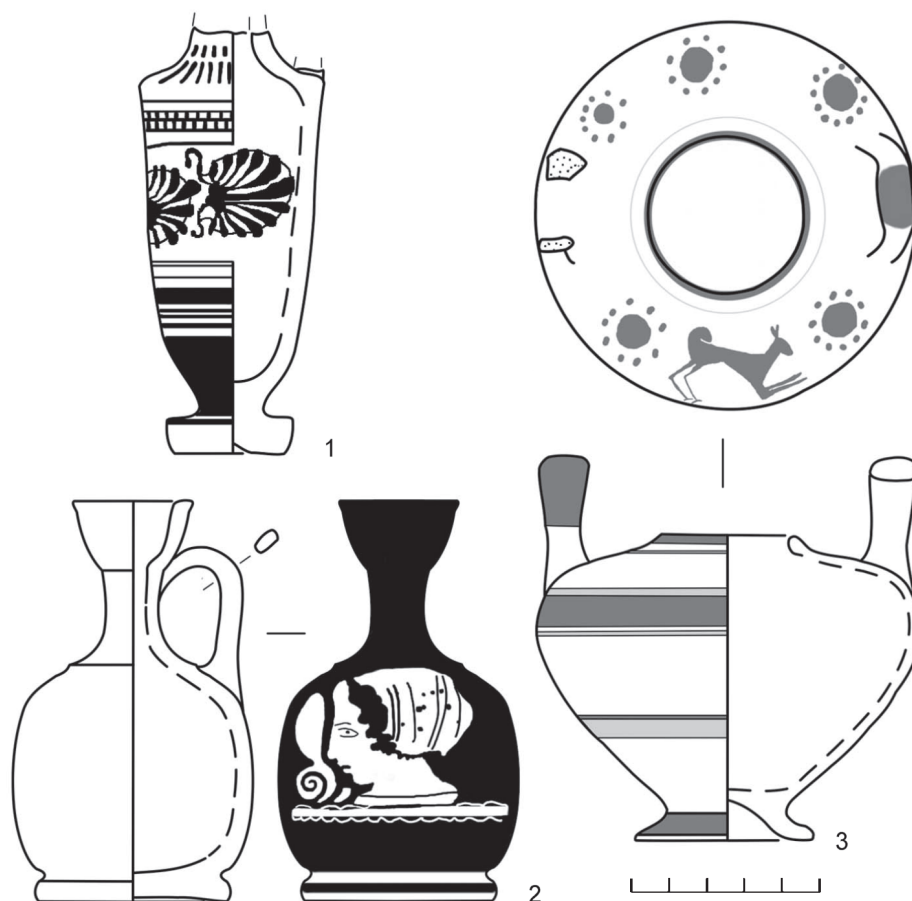

Рис. 2. Некрополь Артюшенко-2, греческая расписная керамика: 1 — лекиф цилиндрический (погребение № 93); 2 — лекиф арибаллический (погребение № 83); 3 — кальпида (погребение № 39)

пределах 450–430 гг. до н. э., но наиболее точной аналогией является сосуд из Тюбингена, который предположительно расписал мастер Бельдам (CVA Deutschland 47: Nf. 51, 8, 9). Ближким к нашему экземпляру является и лекиф из Ольвии (Скуднова 1988: № 206, 2). Он находился в одной могиле с киликом, датирующимся немного более ранним временем (480–470 гг. до н. э.), чем сам лекиф. Встречаются также и алабастры с орнаментом из крупных горизонтальных пальметок (Vickers, Kakhidze 2004: 366, рис. 126).

Миска-одноручник из погребения № 93 может быть предположительно отнесена к середине–третьей четверти V в. до н. э. (АА 1970: № 749, 750). Скорее всего, представленный лекиф можно датировать этим же временем, около 450–430 гг. до н. э.

7. *Кальпида (пиксида) белофонная* (рис. 2, 3). В публикациях сосуда такой формы называют кальпидами (Козуб 1974: 77) или пиксидами (Скуднова 1988: № 97, 17).

Кальпиды — это емкости для воды, а пиксиды — шкатулки для хранения. В нашей работе мы будем называть этот сосуд кальпидой.

Высота — 8,5 см, диаметр тулова — 10,0 см. Кальпида обнаружена у южной стенки могилы, в погребении № 39, где был захоронен новорожденный младенец. Кроме нее в погребении присутствовал красноглиняный гуттус.

Одна петлевидная ручка и крышечка не сохранились, они утрачены в древности. Кальпида украшена по тулову горизонтальными кольцевыми полосками. На плечиках с одной стороны изображены три «розетки», состоящие из пятна лака, окруженного точками, на другой — фигура бегущего зайца и две «розетки». Всего в некрополе Артюшенко-2 найдено два сосуда такой формы. Первый находился в погребении № 17. Он орнаментирован по тулову только кольцевыми полосками и поэтому не вошел в данную работу (Кашаев 2009а: 256, рис. 31, 1).

Сосуды аналогичной формы иногда встречаются при раскопках некрополей Северного Причерноморья (Коровина 1987: 14, рис 11, 2; Скуднова 1988: № 97, 17; 101, 5; 158, 2; 182, 11; 231, 11; 232, 3; Vickers, Kakhidze 2004: 365, рис. 117). Имеются они и в коллекциях западных музеев (CVA France 30: pl. 2, 1). Надо отметить, что полной аналогии нашей кальпиде по форме сосуда, сюжету и исполнению росписи пока найти не удалось. Наиболее близкой ей является кальпида из некрополя Нимфея, предположительно родосского производства (Древний город Нимфей 1999: № 34). Она близка нашей по форме и росписи — на плечиках изображено по две «розетки». Возможно, и сосуд из некрополя Артюшенко имеет родосское происхождение.

Второй предмет из погребения № 39 — красноглиняный гуттус (детский поильник) не может дать точной даты. По имеющимся аналогиям кальпиду можно датировать довольно широко: в пределах V в. до н. э., скорее всего, ближе к его середине.

Фигура сидящего или бегущего зайца — один из сюжетов, часто встречающихся на сосудах различных форм (Скржинская 2010: 125), например, лекифах (Шталь 2004: 219, № 68). Помимо росписей фигурки зайцев воспроизводились на ювелирных изделиях и украшениях, например на фигурных бляшках (Галанина 2003: 93 № 43). У греков заяц, кроме других символических функций, был традиционным даром возлюбленному (Скржинская 2010: 125). Скорее всего, в данном случае следует остановиться именно на этой его трактовке — родители положили умершему младенцу в могилу сосуд с изображением зайца в знак любви.

В заключение можно отметить, что представленные расписные сосуды из некрополя Артюшенко-2 хронологически относятся к первой–третьей четвертям V в. до н. э. Самым ранним является килик с Дионисом, датируемый 490–480 гг. до н. э., а самыми поздними — цилиндрический и арибаллический лекифы 450–430 гг. до н. э.

В целом, набор расписной керамики довольно стандартный для данного периода. Подобные находки встречаются на разных памятниках Северного Причерноморья. Наиболее часто можно встретить аналогии килику с менадой и двум миниатюрным скифосам. Более редкими находками из данного набора является цилиндрический лекиф с крупными горизонтальными пальметками и кальпида (пиксида) с изображением зайца, точной аналогии которой найти не удалось.

Результаты работ, проведенных в 2003–2010 гг., позволяют утверждать, что некрополь Артюшенко-2 функционировал с конца VI до первой четверти II в. до н. э., но

наиболее активная фаза приходится на V в. до н. э. Большинство открытых захоронений датируется именно этим временем, к которому относятся и представленные находки расписной керамики.

-
- Галанина 2003 — *Галанина Л. К.* Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 89–99.
- Горбунова 1983 — *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Древний город Нимфей 1999 — Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999.
- Кашаев 2009а — *Кашаев С. В.* Некрополь Артюшенко-2 // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь, 2009. С. 188–267 (Боспорские исследования. Т. 22).
- Кашаев 2009б — *Кашаев С. В.* Лекифы из некрополя Артюшенко-2 // Искусство и культура на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 247–254 (Боспорский феномен).
- Кашаев 2010 — *Кашаев С. В.* Исследования некрополя Артюшенко-2 в 2007–2008 гг. // УХМВПЛБ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.
- Козуб 1974 — *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ, 1974.
- Коровина 1987 — *Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // Сообщения ГМИИ. М., 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Коровина 2002 — *Коровина А. К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове М., 2002.
- Сидорова 1987 — *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика Гермонассы // Сообщения ГМИИ. М., 1987. Вып. 8. С. 110–125.
- Скржинская 2010 — *Скржинская М. В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
- Скуднова 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Шталь 2004 — *Шталь И. В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. М., 2004.
- AA 1970 — The Athenian Agora. Vol. 12. Black and Plain Pottery. New Jersey, 1970.
- AA 1986 — The Athenian Agora. Vol. 23. Attic Black-Figured Pottery. New Jersey, 1986.
- AA 1997 — The Athenian Agora. Vol. 30. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. New Jersey, 1997.
- CVA Canada — Corpus Vasorum Antiquorum. Canada. Royal Ontario museum. Toronto; Oxford, 1981.
- CVA Danemark 9 — Corpus Vasorum Antiquorum. Danemark 9. Thorvaldsens museum. Copenhagen, 1999.
- CVA Danemark C–M — Corpus Vasorum Antiquorum. Denemark III. Copenhagen: Museum national. Paris; Copenhagen, 1928.
- CVA Deutschland 47 — Corpus Vasorum Antiquorum. Deutschland 47. Deutschland. Tübingen, Antikensammlung des archäologischen Instituts der Universität. München, 1980. Bd 3.
- CVA France 20 — Corpus Vasorum Antiquorum. France 20. Musée de Lion. Paris, 1963.
- CVA France 30 — Corpus Vasorum Antiquorum. France 30. Musée des Beaux-Arts à Tours. Musée du Berry à Bourges. Paris, 1980.
- CVA France 40 — Corpus Vasorum Antiquorum. France 40. Lilee. Palais des Beaux-Arts. Université Charles-de-Gaulle. Paris, 2005.
- Vickers, Kakhidze 2004 — *Vickers M., Kakhidze A.* Pichvnari 1998–2002. Greeks and colchians on the east coast of the Black sea. Oxford, 2004.

SERIES OF PAINTED VESSELS FROM THE NECROPOLIS OF ARTYUSHCHENKO-2

S. V. Kashaev

The antique necropolis of Artyushchenko-2 is situated on the steep Black Sea shore, in the south of the Taman' Peninsula (Temryuk district of the Krasnodar region). In 2003–2010, an area of 2900 m² was studied by the Taman' division of the Bosphorus Expedition of IHMC RAS. As a result of this work 101 intact burials were found, and 9 more burials disturbed by grave plunderers were studied, too. The present paper is devoted to the analysis of several painted vessels found in graves.

Skyphoi diminutive (fig. 1, 2 and 1) come from women's burials NN 6 and 47, and date to the second quarter of the Vth c. BC. *Kylix black-figured* (fig. 1, 3) from woman's burial 6 dates to 480–470 years BC. *Kylix black-figured* (fig. 1, 4) from man's burial 70 can be dated to 490–480 years BC. *Lecythus ariballic black-figured* (fig. 2, 2) from double (man and woman) burial 83 can be dated to the middle or beginning of the third quarter of the Vth c. BC. *Lecythus cylindrical* (fig. 2, 1) from man's burial 93 can be dated to 450–430 years BC. *Kalpis* (pyx) with white background (fig. 2, 3) from burial 39 (infant's grave) can be dated to the middle of the Vth c. BC.

The results of the works make it possible to assert that the necropolis functioned from the end of the VIth c. BC to the first quarter of the IInd c. BC, with most active phase falling on the Vth c. BC.

**К ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ
НЕКОТОРЫХ ФОРМ НАСЫПЕЙ КУЛЬТУРЫ
ДЛИННЫХ КУРГАНОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ
НАДОЗЕРЬЕ И ЗАЛАХТОВЬЕ)**

С. Г. ПОПОВ

Истоки происхождения культуры длинных курганов и возникновения курганного обряда как такового на Северо-Западе России обсуждаются давно. Общепринятая схема развития погребальной обрядности выглядит следующим образом: вслед за грунтовыми урновыми захоронениями (Узмень — Минасян 1979: 169—185; Акатово — Шмидт 1962: 188—196) или ямными сожжениями (например, погребение у лесной дороги в Залахтовье — Хвошинская 2004: 26—27) ранними принято считать погребения на специально подготовленных площадках, ограниченных ровиками (Съезжее — Носов 1984: 11—18). В основе каждого из длинных курганов лежат погребальные площадки подпрямоугольной или округлой формы. По специфике ритуальной обрядности и датирующему инвентарю именно длинные курганы можно считать наиболее ранней формой погребальных насыпей на рассматриваемой территории.

Вероятно, наряду с длинными насыпями к ранней фазе курганной обрядности можно отнести и захоронения в подработанных дюнных грядах (Городище, Замошье — Спицын 1914: 89; Седов 1974: 24). Правда М. Аун полагает, «что эти захоронения в природных холмах не могут быть ранними и не представляют таким образом предшествующий курганам обряд, а обряд тех времен, когда курганный обряд захоронения был уже широко распространен» (Аун 1992: 116). С этим утверждением можно спорить, но оно не противоречит традиционной схеме формирования погребальной обрядности культуры длинных курганов, поскольку при сооружении насыпей всех форм умело использовался рельеф. Курганы устраивались на вершине гряды или на ее склоне таким образом, что оконтуривающие насыпь ровики, заметно углубленные в материк, позволяли визуальнo воспринимать насыпь более фундаментальной и высокой.

Форма насыпей культуры длинных курганов весьма разнообразна. Наиболее поздними принято считать полусферические курганы. Однако высокие полусферические насыпи, возможно, относятся к раннему времени. Таков, например, курган в могильнике Горско, в котором при кладоискательских раскопках 1910—1911 гг. были найдены ранние вещи (НА ИИМК РАН, РА, ф. 5, д. 377, л. 70; Седов 1974: 50; 1999: 106). На северо-восточной окраине ареала культуры длинных курганов высокие насыпи датируются V—VI вв. н. э. на основании ряда находок и, главным образом, серии радиоуглеродных датировок (Башенькин 1992: 141). По-видимому, отдельно стоящие высокие «сопкообразные» полусферические насыпи высотой до 3—4 м, расположенные в борах, нужно отличать от классических полусферических курганов, имеющих высоту до 2,5 м при диаметре до 25 м.

Следует упомянуть ряд форм комбинированных погребальных сооружений. Они состоят из полусферических и длинных насыпей: один полусферический курган, к которому примыкает удлиненное насыпное продолжение или вырезанная в материке подовальная площадка; 2–3 полусферических кургана, соединенных удлиненными насыпями, и целый ряд других сочетаний. Безусловно, культуре длинных курганов свойственны и иные формы насыпей, занимающие промежуточное положение среди перечисленного основного набора форм: «блинообразные» уплощенные круглой (диаметром до 15 м) или овальной формы высотой до 0,25 м, без выраженных в рельефе ровиков; подквадратные, подпрямоугольные насыпи (размерами от 3×3 м до 4×8 м) с кольцевыми ровиками или с прерывающимися либо угловыми ровиками; круглые низкие насыпи; высокие насыпи (высотой до 2 м), имевшие в основании шестиугольник (вероятно, срубленную на краю ровика «сотовую» бревенчатую основу, удерживавшую насыпь от расползания и наиболее близкую к окружности).

Не исключено, что каждая из форм насыпей связана с определенным хронологическим этапом развития погребальных традиций культуры длинных курганов. Но возможно, что ряд форм курганных насыпей существовал параллельно и синхронно (см. например: Башенькин 1992: 137; Михайлова 2009), но это остается недоказанным, поскольку большинство курганов лишено датирующих находок, и только ряд радиоуглеродных датировок, произведенных нашими усилиями, позволяет привязать некоторое количество курганов разных форм к календарной шкале.

В контексте рассматриваемой проблемы определенный интерес вызывают две курганные насыпи, исследованные нами в могильниках Надозерье-1 и Залахтове в Гдовском р-не Псковской обл.

Могильник Надозерье-1 (Попов 1988; 1989), расположенный в 2,5 км к юго-востоку от дер. Надозерье, в типичном боровом ландшафте, состоял исключительно из насыпей культуры длинных курганов. В его состав входило 14 курганов, отражавших ряд стадий развития погребальной обрядности культуры: 2 длинных, 6 удлиненных (подовальных), 1 полусферический, 3 круглых низких и 2 подпрямоугольные площадки с насыпями, почти не читавшиеся в рельефе (рис. 1).

Курган № 1 — площадка с насыпью овально-прямоугольной формы ($4,4 \times 6,8$ м, мощностью 0,2 м) располагался в западной части могильника. С юга к нему примыкал курган № 2, отделенный от него ровиком. Эти два кургана, вероятно, представляли собой первоначальную стадию сооружения более фундаментального погребального комплекса. Но определенная законченность и логичность «архитектуры» кургана № 1 позволяет отнести его к первоначально продуманному отдельному погребальному комплексу. Ряд наблюдений, связанных с его сооружением, роднит его с погребальной площадкой, раскопанной Е. Н. Носовым на оз. Съезжее (Носов 1984: 11–18), и площадками, исследованными М. Аун в основаниях длинных курганов в Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 115–116).

В основе надозерского погребального комплекса лежит подготовленная на сравнительно ровной поверхности площадка размерами $4,16 \times 6,52$ м (рис. 2 и 3). Она была образована в результате небольшой подрезки материка, наиболее ощутимой с южной стороны. Контуры площадки были определены по пятнам сохранившейся

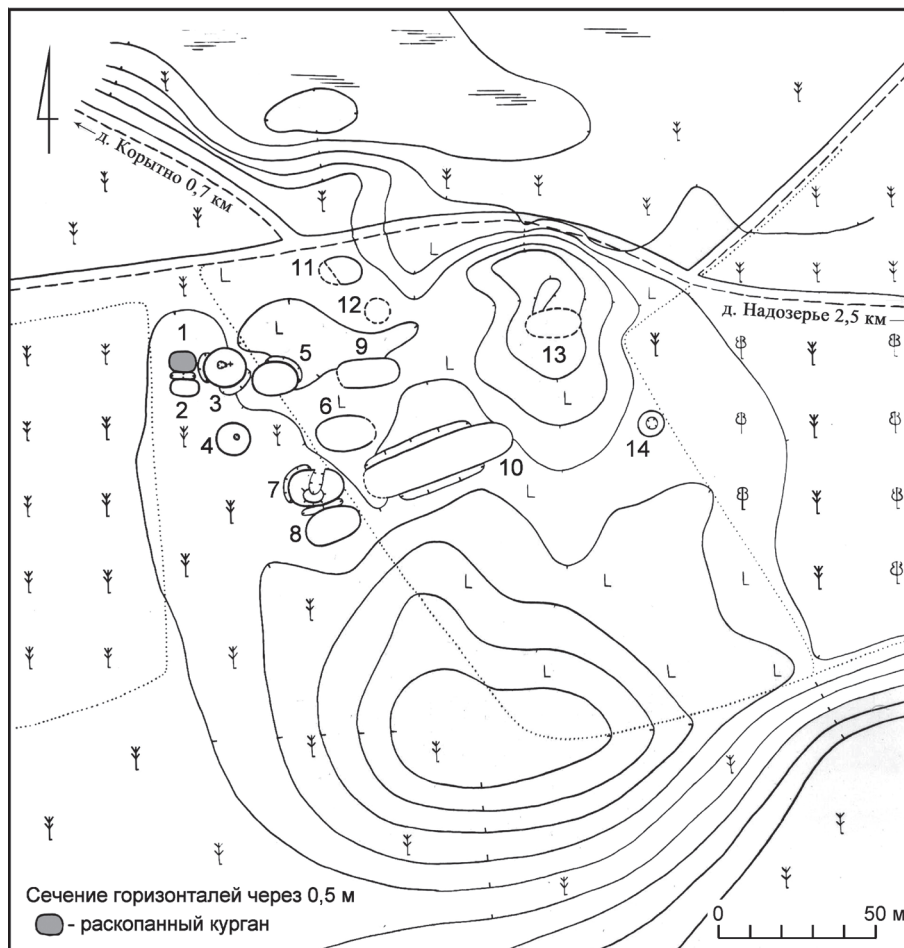

Рис. 1. Инструментальный план могильника Надозерье-1

погребенной почвы. После оконтуривания площадка была «очищена» огнем. С юга и запада выявлены два ровика неправильной подовальной формы размерами от $1,18 \times 1,4$ до $1,32 \times 3,72$ м и глубиной $0,64-0,8$ м (рис. 2, 3). Ровики в разрезе имели «корытообразную» форму. Западный и южный ровики в своих оконечностях были несколько удлинены. В их торцевых стенках имелись площадки, свидетельствующие о том, что по краям ровиков были установлены столбы, стоявшие под наклоном или завалившиеся. От столбов по стенкам ровиков остались уголки. Ровики практически сразу же после их сооружения были засыпаны материковым песком. В заполнении ровика № 2 найдены фрагменты венчика слабопрофилированного лепного сосуда (рис. 4) так называемых стройных пропорций (по С. В. Белецкому), типичного для третьей четверти I тыс. н. э. С севера площадку ограничивала яма № 3, мало чем отличавшаяся от ровиков, но остатков столбов в ней не было зафиксировано. В северо-западном углу раскопа исследована часть ровика, подобного предыдущим, но имеющего

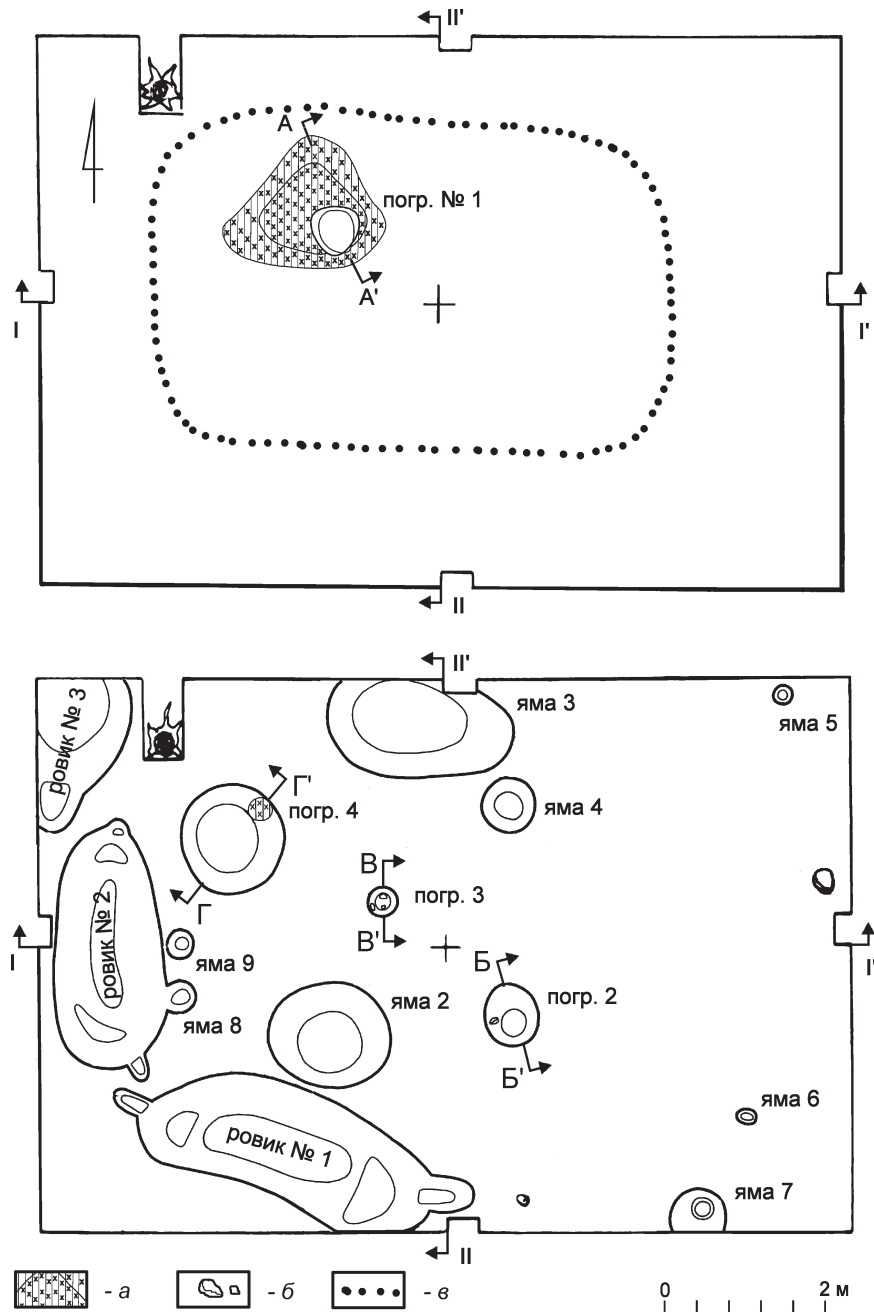

Рис. 2. Могильник Надозерье-1, курган-площадка № 1: сверху — план впускного погребения № 1; внизу — план погребений и комплексов, углубленных в материк. Условные обозначения: *а* — слабо гумусированный песок серого цвета с включением кальцинированных костей; *б* — камни; *в* — граница погребенной почвы; I-I', II-II', A-A', B-B', V-V', Г-Г' — линии разрезов

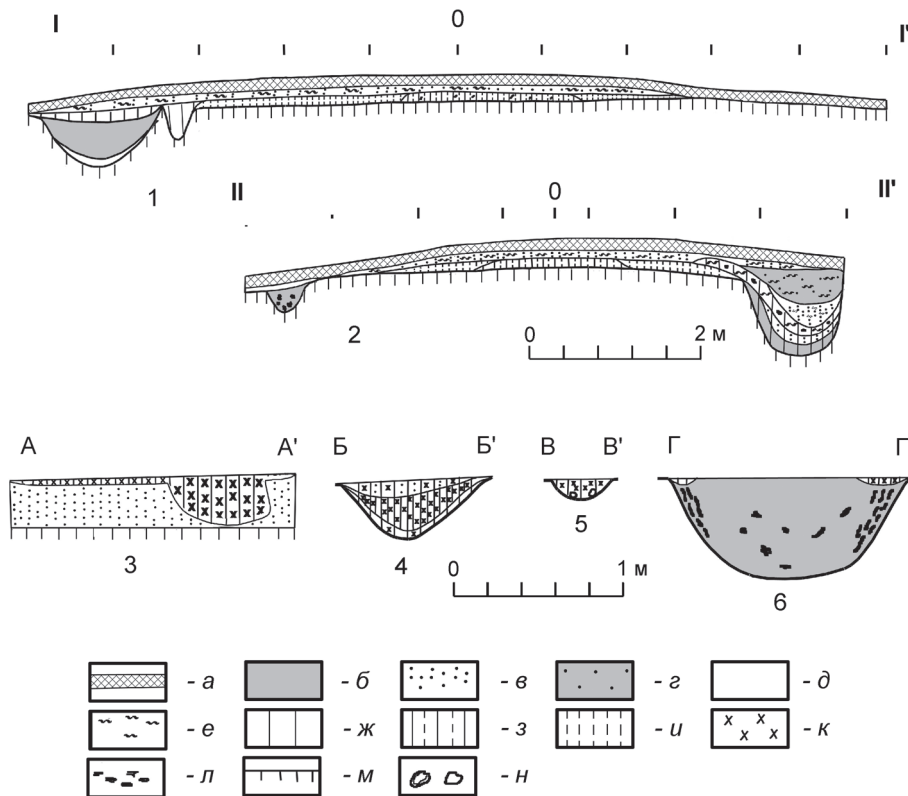

Рис. 3. Могильник Надозерье-1, курган № 1: 1–6 — разрезы по линиям I–I', II–II', A–A', Б–Б', В–В', Г–Г'. Условные обозначения: а — дерн, поддерновый слой; б — песок розово-белого цвета; в — песок оранжевого и желтого цветов; г — песок оранжево-белого цвета; д — песок белого цвета; е — мешаный песок; ж — слабо гумусированный песок; з — сильно гумусированный песок черно-серого цвета; и — гумусированный песок темно-серого цвета; к — кальцинированные кости; л — включения угольков; м — материк; н — камни

трехслойное заполнение и относящегося, возможно, к другому погребальному сооружению.

Таким образом, ограничение пространства «дома мертвых» было достигнуто устройством трех преград с севера, юга и запада. Вход на площадку осуществлялся с востока. Первоначальным погребением можно считать погребение № 3, произведенное в округлой материковой яме (0,35 × 0,37 м, глубиной 0,12 м) в центральной части площадки. В заполнении ее встречены кальцинированные кости ребенка до 3 лет¹ и 3 гранитных камня. Второе по очередности погребение под № 2 располагалось также в материковой яме (0,64 × 0,78 м, глубиной 0,34 м) и принадлежало взрослому человеку. В заполнении его помимо кальцинированных костей встречено 5 гранитных камней. Симметрично погребению № 2 (относительно длинной оси площадки) в

¹ Все антропологические определения проведены А. В. Грозовым.

Рис. 4. Могильник Надозерье-1 курган № 1, фрагмент венчика лепного сосуда из заполнения ровика № 2

материке была выкопана ямка № 4 (0,64 × 0,68 м, глубиной 0,32 м), заполненная слабо гумусированным песком с угольками. Еще одно погребение (№ 4) было осуществлено на краю большой круглой ямы № 1 (1,26 × 1,38 м, глубиной 0,57 м), при которой выявлены 3 столбовых ямы. В верхней части ее заполнения, в углублении, зафиксированы кальцинированные кости ребенка.

По краям ямы № 2 (1,30 × 1,50 м, глубиной 0,66 м), подобной яме № 1, также, вероятно, стояли столбы. В ее заполнении найдено несколько кальцинированных костей.

В материке зафиксировано еще несколько небольших столбовых ям, имевших конструктивное назначение.

После осуществления погребения № 2 над площадкой была возведена небольшая насыпь (мощностью 0,08–0,12 м), перекрывшая площадку и засыпанные ранее ровики. В ней найдено 14 фрагментов стенок лепных сосудов. В насыпь было впушено погребение № 1. Оно было совершено в ямке неправильной яйцевидной формы (1,12 × 0,96–1,16 м, глубиной 0,24 м). Не поместившиеся в ямку кости были рассыпаны, вероятно, горкой, над ней. Образовавшееся в результате расползания (преимущественно по склону насыпи) кучки костей пятно слабо гумусированного песка серого цвета имело форму неправильного треугольника со скругленными углами (1,60 × 1,92 м, мощностью 0,02 м). Внутри пятна отмечено еще одно пятно такой же формы (1,08 × 1,28 м) и цвета, но с большей концентрацией костей. Открытое непосредственно под дерном погребение принадлежало человеку старше 20 лет.

При отсутствии датирующих находок к календарной шкале рассмотренный комплекс позволяют привязать радиоуглеродные датировки по углю из заполнения ям № 1–3 и ровиков № 1–3 (таблица).² Суммарный анализ трех радиоуглеродных датировок позволяет отнести время сооружения кургана-площадки № 1 в могильнике Надозерье-1 к 610–645 гг. н. э. (Cal AD) с вероятностью 68,2 % (1 σ). Таким образом, рассмотренный комплекс связан с этапом формирования курганного обряда на территории Восточного Причудья. Сооруженный в относительно короткое время курган-площадка № 1 мог составлять с соседним подобным ему курганом № 2, отделенным от него прямым коротким ровиком, единый по замыслу комплекс — основу будущего длинного кургана.

Основу могильника у дер. Залахтовые (V–XVI вв.) составлял раннесредневековый некрополь культуры длинных курганов (рис. 5). Исследована лишь незначительная часть насыпей, связанных с этим временем (Хвощинская: 2004).

В 1988 г. нами предприняты раскопки одного из ранних курганов в южной части могильника (курган № 231; Попов 1988). Эта своеобразная насыпь овально-прямо-

² Радиоуглеродные даты получены в лаборатории ИИМК РАН/ЛОИА АН СССР при участии автора статьи. Калибровка датировок и их суммарный анализ проведены по программе OxCal 3.

Таблица

Результаты радиоуглеродного датирования курганов
могильников Надозерье-1 и Залахтовье

Шифр образца	Памятник, год раскопок, объект датирования	¹⁴ C-дата (BP ± 1σ)	Калиброванная дата, 1σ (OxCal 3), Cal AD	Вероятность временно го интервала	Суммарная датировка (Comb Cal AD)
Могильник Надозерье-1, курган № 1, 1988 г.					
Ле-3141	Яма № 1 в северо-западном секторе	1515 ± 40	440...490, 530...610	13,3 %, 54,9 %	По 3 датам: 610...645 (1σ) 595...650 (2σ)
Ле-3142	Яма № 2 в юго-западном секторе	1430 ± 25	610...650	68,2 %	
Ле-3143	Ровики № 1–3 и яма № 3	1400 ± 25	620...660	68,2 %	
Могильник у дер. Залахтовье, курган № 231, 1988 г.					
Ле-3145а	Кольцевой ровик (сектора 2–5)	1530 ± 40	430...490, 530...590	27,4 %, 40,8%	По 4 датам: 425...490, 530...600 (1σ)
Ле-3145б	Торцевой ровик (сектора 1, 8)	1680 ± 40	260...280, 330...420	6,4 %, 61,8 %	
Ле-3146в	Яма №9	1550 ± 30	430...490, 500...560	43,7 %, 24,5 %	По датам Ле-3145а, Ле-3145в, Ле-3147: 460...490, 530...580 (1σ)
Ле-3147	Ямы № 21, 22, соответствовавшие второму этапу сооружения кургана, у северного ровика, сектор 1	1500 ± 40	535...620	68,2 %	

угольной формы (10,4–11,2 × 16 м) была вытянута по линии северо-запад–юго-восток. Северо-восточный склон кургана был круче противоположного, вся насыпь достигала высоты 0,3–0,5 м (рис. 6).

Перед началом сооружения кургана в материке была вырезана подпрямоугольная площадка (8,36–8,8 × 10 м), ориентированная углами по сторонам света. Она была ограничена кольцевым ровиком (шириной 0,96–1,8 м, глубиной 0,45–0,55 м) с перемычками у восточного и южного углов, менее углубленными в материк.

На оформленной кольцевым ровиком площадке были выкопаны круглые в плане столбовые ямки (диаметром 0,16–0,84 м, глубиной 0,14–0,58 м). Они были заполнены серым аморфным песком, практически не отличающимся по цвету от погребенной почвы. Установить, были ли они впущены в материк с его поверхности или же с поверхности погребенной почвы, было затруднительно. Очевидно, в ямках стояли невысокие, достаточно толстые столбы, имевшие конструктивное или ритуальное назначение. Подкурганная площадка довольно продолжительное время стояла без насыпи — следы погребенной почвы зафиксированы по стенкам ровиков. Впоследствии, без каких-либо ритуальных действий, она была подсыпана с северо-запада

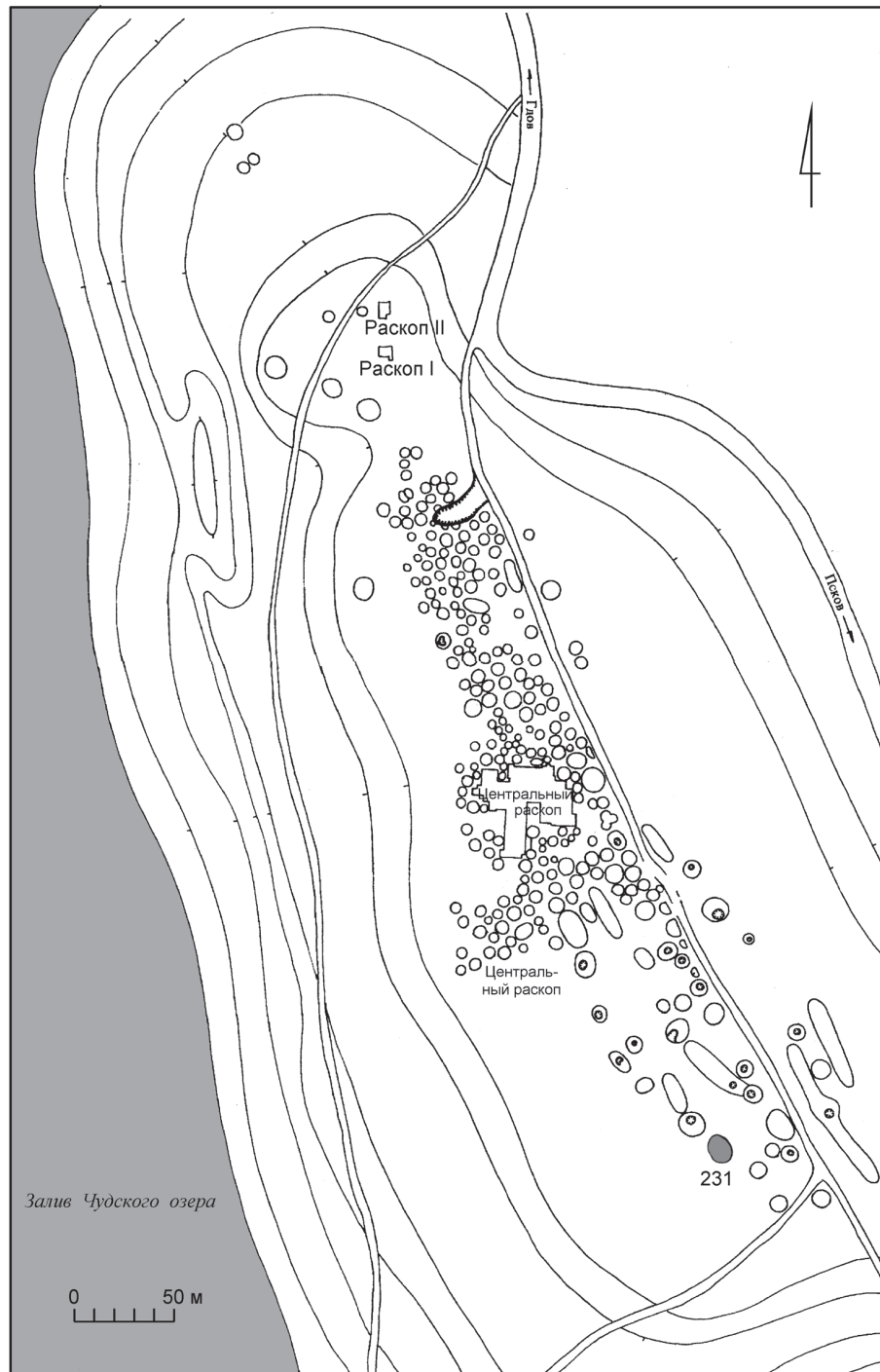

Рис. 5. План могильника Залахтовье (по Хвошинская 2004)

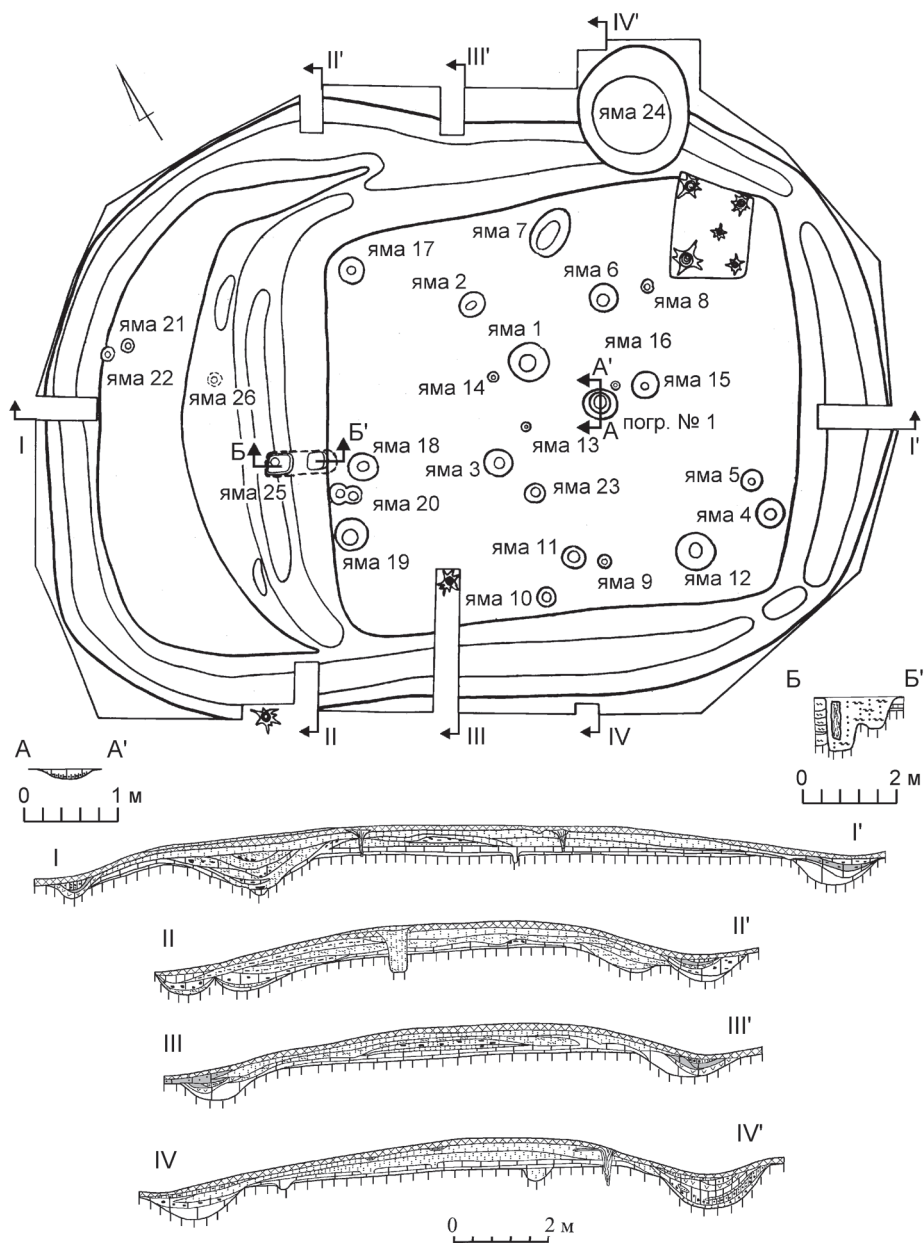

Рис. 6. Могильник Залахтовье, план и разрезы площадки кургана № 231 на уровне материка. Условные обозначения см. на рис. 3

прослойкой желтого песка (мощностью 0,08 м), а затем практически сразу перекрыта двумя подсыпками разного по цвету песка (мощностью 0,12–0,2 м). С юго-востока желтый песок заполнил даже нижнюю часть ровика. Образовавшийся плоский курган успел, по-видимому, задерноваться.

На следующем этапе сооружения кургана был засыпан торцевой северо-западный ровик. Затем в 1,7 м к северо-западу от него был вырыт еще один ровик (шириной 0,92–1,2 м, глубиной 0,24–0,32 м), сомкнувшийся с первоначальным кольцевым. Между северо-западными торцевыми ровиками в материке, на границе ровика последнего этапа, были выкопаны две круглые ямки. В заполнении одной из них найдены 2 кальцинированные кости.

Наконец, курган был завершен полностью перекрывшей его насыпью из песка оранжево-желтого цвета (мощностью до 0,25 м). В эту насыпь, примерно посредине ранней части кургана, было впушено детское трупосожжение (ямка диаметром 0,66 м, глубиной 0,1 м). Погребение было раскрыто непосредственно под дерном.

В определении датировки кургана № 231 можно опереться на данные радиоуглеродного анализа (таблица): по углю из заполнения столбовых ям в материке (3 датировки) он может быть датирован 460–490, 530–580 гг. н. э. (Cal AD, 1 σ) или 425–490, 530–600 гг. н. э. (Cal AD, 1 σ) с учетом 4 датировок.

Курган № 231, представлявший собой весьма фундаментальное, возведенное как минимум в четыре этапа сооружение, содержал в себе лишь одно впускное, причем детское, погребение. Этому есть свое объяснение. В целом ряде исследованных на Северо-Западе курганных комплексов второй половины I тыс. н. э. при всей тщательности раскопок не зафиксировано вообще погребений. Курган, как принято считать, символизирует «дом мертвых». Вероятно, зачастую (как и в нашем случае) заранее подготавливалось место для загробной жизни еще живущего человека. «Дом мертвых» мог развиваться и «достраиваться», как и «дом живых» в процессе жизни человека, но по каким-то причинам основное погребение (или погребения вообще) могло быть не осуществлено.

Аун 1992 — *Аун М. Э.* Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин, 1992.

Башенькин 1992 — *Башенькин А. Н.* Сопки и длинные курганы в юго-западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1992. С. 135–143 (МАР. Вып. 1).

Минасян 1979 — *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. 20. 2. С. 169–185.

Михайлова 2009 — *Михайлова Е. Р.* Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Носов 1984 — *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 11–18.

Попов 1988 — *Попов С. Г.* Отчет о работах Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1988 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1., д. 15–16.

Попов 1989 — *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1989 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1., д. 16–18.

- Седов 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М., 1974.
- Седов 1999 — *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М, 1999.
- Спицын 1914 — *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии // ИАК. 1914. Вып. 53. С. 81–94.
- Хвоцинская 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовые). СПб., 2004.
- Шмидт 1962 — *Шмидт Е. А.* Поле погребений и курганы у д. Акатово // СА. 1962. № 4. С. 188–196.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 5, д. 377.

**ON THE TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF SOME FORMS
OF MOUNDS IN THE LONG KURGAN CULTURE
(WITH PARTICULAR REFERENCE
TO THE NADOZERIE AND ZALAHTOVIE CEMETERIES)**

S. G. Popov

It is thought that in the North-West of Russia the kurgan ritual formed in the Long Kurgan culture area in the second half of the Ist millennium BC. According to the predominant developmental scheme, the cremations in urns or pits were followed with burials on specially prepared grounds delimited with small ditches. Indeed, the core of each long kurgan is formed by sub-rectangular or round burial grounds. The burials in modified sand hillocks of natural origin should probably also be dated to the early stage of the culture.

The forms of the Long Kurgan culture barrow mounds are diverse. There are long «pancake-like» flattened mounds of round or oval shape without noticeable ditches; sub-quadrangular and sub-rectangular mounds with circular, overlapping or corner ditches, etc. The semi-spherical barrows are usually considered the latest ones, though there are some indications of their early appearance.

It is still impossible to arrange them chronologically. Some forms of barrow mounds might have existed simultaneously. For the time being, however, this cannot be proved, because most barrows lack chronologically diagnostic finds, and only some radiocarbon dates allow placing them on the calendar scale. It is exactly due to these dates that two barrows from the cemeteries of Nadozerie-1 and Zalakhtovie (Gdov district of the Pskov region) could be assigned to the early stage of the Long Kurgan culture.

СЕРИАЦИОННАЯ ХРОНОЛОГИЯ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ю. М. ЛЕСМАН

При разработке хронологии археологических памятников, начиная еще с работ О. Монтелиуса, одним из ведущих методов является сериационный. В самой сжатой форме сериационный метод построения хронологии может быть определен как метод линейного упорядочения артефактов или групп артефактов с целью получения хронологических последовательностей. При этом предполагается, что в археологическом материале, даже без учета стратиграфических данных, эксплицитно заложена возможность построения хронологических последовательностей.

Сериационный метод традиционно развивался в двух формах:

1. Классический типологический метод Монтелиуса, основу которого составляет упорядочение отдельных артефактов (в первую очередь вещей), опираясь на степень их сходства. Направление типологических рядов задают рудименты. Параллельность рядов, построенных независимо для разных категорий артефактов, проверяется при этом совместными находками в закрытых комплексах (в первую очередь погребениях и кладах) и рассматривается в качестве способа контроля правильности типологического построения.

2. Корреляционный метод, опирающийся на систематизацию комплексов, исходя из совстречаемости в них вещей разных типов, стал популярен после вышедших в начале XX в. работ П. Рейнеке (Reinecke 1902). Наиболее распространенной разновидностью этого метода является его формализованная разновидность, именуемая корреляционно-комбинаторным или линзо-хронологический подходом, суть которого сводится к такому упорядочению двумерной матрицы комплексы–типы, которое обеспечивает максимальную насыщенность диагональной части матрицы. Близкие по типологическому составу группы комплексов, упорядочение внутри которых иногда вообще невозможно, образуют периоды. Последовательность комплексов (или их групп) в такой матрице признается хронологической. Реже используется упорядочение комплексов (или групп комплексов) в виде рядов или ветвящихся деревьев, организованных по степени сходства типологического состава входящих в них находок. Последовательность комплексов (групп комплексов) в таких рядах также признается хронологической. Внешние по отношению к корреляции данные (стратиграфия, даты, опирающиеся на письменные источники, находки монет, естественнонаучные методы) привлекаются лишь для ориентации полученной картины во времени. Корреляционно-комбинаторный метод, особенно в его формализованной, а теперь и компьютеризированной форме, получил в последние десятилетия чрезвычайно широкое распространение в европейской археологии, особенно при разработке хронологии могильников эпохи бронзы, раннего железного века варварского мира материковой Европы и раннего средневековья (Ефименко 1926; Грязнов 1941; Амброз 1971; Goldman 1972; 1979; Голдина 1979; Генинг 1980; Legoux 1980; Ihm 1983; Stadler 1984; 1985; Шукин, Щербакова 1986; Martin 1989; Проблемы хронологии... 1992 и др.).

Если рассматривать вещи в качестве набора признаков, граница между классическим типологическим и корреляционным методами стирается, хотя за классическим методом остаются возможности дополнительной проверки его работоспособности на материалах так называемых закрытых комплексов, а также такой базисный элемент метода, как рудименты (если их удастся надежно выявить и обосновать).

Несмотря на широкое распространение сериационных разработок, их логическое обоснование оставляет желать лучшего. Фактически оно подменяется объяснением, почему метод работает. В самом деле, при развитии культуры всегда сохраняется некоторая преемственность, которая должна отразиться и в археологическом материале: в форме типологических сериационных последовательностей артефактов, типов артефактов, комплексов или групп комплексов. Соотношение традиций и инноваций в разные периоды различно, изменения в культуре происходят комплексно, и это позволяет при использовании корреляционного метода выделять хронологические периоды. Наличие определенных, порой достаточно жестких (вплоть до канонических), норм в культуре позволяет выделять типы артефактов.

Все это так, но при этом не оговаривается, что в основе сериационного метода разработки хронологии лежит гипотеза о ведущем, точнее даже, подавляющем значении времени как фактора варибельности культуры или, по крайней мере, о возможности без знания хронологии выделить в культуре аспекты, для которых время таким фактором является. Допущение же, что время всегда (или по крайней мере почти всегда) является главным фактором варибельности материальной культуры, служит тем краеугольным камнем, при изъятии которого все стройное здание сериационной хронологии грозит рухнуть. Выделение одного главного фактора, как известно из факторного анализа, лишь в редких и к тому же простейших случаях возможно без существенной потери информации. Но даже если этот фактор существует и выделен, далеко не очевидно, что он будет монотонной функцией времени.

В какой-то мере эти проблемы осознаются адептами сериационной хронологии. В самом деле, некоторые известные нам факторы в процессе исследования можно исключить: половозрастное деление, анализируя независимо комплексы разных половозрастных групп; локальные различия, рассматривая в отдельности каждый могильник или локальную группу могильников (Бажан, Еременко 1992). Погребения, различающиеся по обряду и богатству сопровождающего инвентаря, могут быть дифференцированы, исходя из предположения, что и типологический состав инвентаря может у них различаться. Однако с точки зрения практической такая дифференциация в большинстве случаев делает дальнейший анализ нереализуемым, так как число комплексов в группах становится слишком малым. При этом никаких гарантий, что даже внутри этих групп погребений ведущим фактором окажется время, у нас нет, поскольку число факторов варибельности древней культуры априорно нам неизвестно (часто ли археологи учитывают, например, сезонность погребений, обстоятельства смерти умерших и пр. и пр.).

Повысить надежность типологического метода было призвано предусмотренное еще О. Монтелиусом требование параллельности типологических рядов, однако параллельные изменения вещей происходят не только в хронологическом аспекте, но и в иных линиях варибельности культуры. Критериев получения хронологии, ба-

зирующихся на внутреннем изучении вещей, остается, таким образом, всего два: несомненные рудименты и переделки вещей в соответствии со вкусами нового времени (своего рода внутривещевая стратиграфия). Однако достоверные рудименты — явление очень редкое, как и переделки устаревших вещей. Принципиально не меняет картины и сочетание методов: классического типологического и сериационного. Недостатки каждого из них остаются в силе, причем не исключено, что при совпадении картин, полученных разными методами, мы, в самом деле, имеем дело с единым комплексом факторов (или фактором), но не обязательно со временем.

Параллельность сериационных рядов для разных групп вещей и для комплексов может увеличивать вероятность получения желаемого результата — искомой временной последовательности — лишь при одном условии: если априорно известно, что для рассматриваемой культуры в рамках рассматриваемого периода ее функционирования вероятность того, что время является основным фактором варибельности рассматриваемых аспектов культуры, составляет более 0,5. Очевидно, что подобное утверждение было бы слишком смелым.

Изложенные теоретические сомнения в эффективности построения хронологии сериационными методами (см. также Лесман 1996б; 2002) остаются, однако, лишь рассуждениями. Попытаемся проиллюстрировать это утверждение на конкретных примерах.

Пример 1 — псевдохронологический типологический ряд. В конце XIX в. А. А. Спицын построил на материалах могильников Ижорского плато типологический ряд ромбошитковых височных колец — типичного украшения жительниц сельских районов Новгородской земли XI–XIV вв. (Спицын 1896: 12–13). Через несколько лет он уточнил абсолютные даты типов (Спицын 1903: 19). В обобщенном виде развитие ромбошитковых височных колец по А. А. Спицыну представлено на рис. 1А.

1. В качестве исходного типа рассматривались крупные височные кольца с ромбическими щитками, орнаментированными чеканным пунктиром по краю щитка и вписанным в ромб крестом, концы лопастей которого оформлены тремя кружками (реже точками); один конец кольца заострен, второй обычно завершается пятиугольником (ромбом со срезанным углом).

2. Следующий тип тоже большого размера, щитки ромбические, орнамент на поверхности щитка — ромб с диагоналями, образующими крест, в каждом из четырех треугольников, на который разделен ромб, по одному кружку (орнамент упрощается, крест становится диагоналями, количество кружков падает с 12 до 4), концы колец часто завязаны (что рассматривается как влияние браслетообразных завязанноконечных колец, основной регион распространения которых находится южнее).

3. Бытует синхронно с типом 2, у колец типа 3, при сохранении размеров и формы, пунктирные линии крестов исчезают со щитков, остаются лишь ромбы по краям щитков и внутри них по 4–5 кружков (реже точек), менее четко передающие рисунок креста.

4. Синхронно типам 2 и 3 встречены и другие варианты упрощенных колец, в частности меньшего размера со щитками, лишенными ромбических фигур по краю и

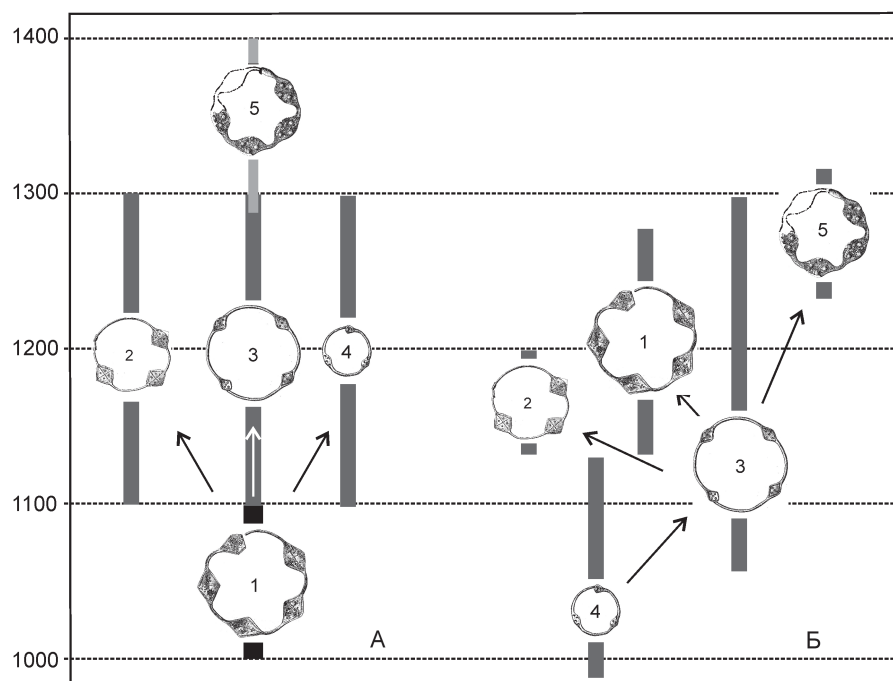

Рис. 1. Типологический ряд ромбоштитковых височных колец: А — по Спицыну 1896; 1903; Б — в соответствии с современной хронологией

орнаментированными только кружками. У части таких колец щитки утрачивают четкую ромбическую форму.

5. Завершают типологический ряд кольца с овальными щитками, орнаментированными выпуклинами (проштампованными с обратной стороны), оконтуренными насечками. Выпуклин обычно 4–5 или одна (по центру), щиток на одном из концов кольца часто свернут, образуя втулку для приема второго заостренного конца, часть колец имеет небольшой диаметр.

Этот безукоризненно логичный типологический ряд, фиксирующий постепенную деградацию наиболее раннего «классического» типа, сохранял статус общепринятого (Левашова 1967: 23–25; Седов 1982: 178, 226, 227) и, казалось, выдерживал испытание временем. Лишь М. В. Седова, публикуя ювелирные изделия из Новгорода, отметила, что, вопреки ожиданиям, наиболее ранними здесь оказались кольца небольшого размера, небольшие овальные щитки которых были орнаментированы кружками, иногда заключенными в ромбическую рамку (Седова 1981: 9–10). Независимая от сериационных построений и базирующаяся на стратиграфии и дендродахах хронология новгородских древностей (включая разработанную на ее основе хронологию сельских могильников) заставила пересмотреть хрестоматийный типологический ряд и привела к получению совсем другой, нелинейной картины типологического процесса (рис. 1Б; Лесман 1989: 85–86; Конецкий 1990: 102–103). Наиболее ранними (появляются около рубежа X–XI вв. и являются, скорее всего,

подражаниями более сложным и дорогим трехбусинным кольцам) оказались небольшие кольца с овальными небольшими щитками, орнаментированные несколькими кружками, нередко без чеканного пунктира по краю, которые представлялись А. А. Спицыну тупиковым деградирующим вариантом (тип 4). Затем (во второй половине XI в.) получает распространение близкий, но больший по размерам вариант (тип 3 традиционной схемы). Кольца с крестами в ромбах появляются лишь со второй трети XII в., причем их завязанноконечная разновидность (тип 2) бытует сравнительно короткое время — до конца XII в. Традиция завязывать концы кольца может рассматриваться и как влияние браслетообразных завязанноконечных височных колец, и как использование достаточно широко распространенного на Северо-Западе Руси в X–XII вв., воспринятого из Скандинавии приема завязывать концы металлических изделий (Лесман 1996а). Классическая, казавшаяся исходной, самая богато орнаментированная разновидность (тип 1) появляется лишь во второй трети XII в. и выходит из употребления несколько ранее конца XIII в. Кольца типа 3 продолжают бытовать, несколько переживая тип 1. Они послужили прототипами типа 5, получившего распространение не ранее второй трети XIII в. и выходящего из употребления уже в начале—первой четверти XIV в. В целом схема оказывается далеко не линейной, а, по некоторым параметрам (овальная форма щитков, кружковый орнамент без линии по краю, небольшие размеры колец), даже закольцованной. Типологическому ряду не обеспечила правильности ни общая логичность сериационной цепи, ни даже более чем 80-летняя безупречная служба, когда его, казалось бы, подтверждали совместные находки в комплексах с различными типами других категорий, организованными в свои типологические ряды.

Пример 2 — корреляционно-комбинаторный анализ типологического состава входящего в комплексы инвентаря. Два десятилетия назад на основе корреляционного метода была предложена хронология могильника зарубинецкой культуры Воронино (Абезгауз и др. 1992), при этом мужские и женские погребения анализировались раздельно. Ограничимся более богатыми инвентарем женскими погребениями. Корреляционная таблица демонстрирует вполне удовлетворительную картину: комплексы удалось сгруппировать так, чтобы насыщенная часть матрицы тяготела к диагонали (табл. 1). Авторы признали последовательность хронологической и предложили на ее основе периодизацию и датировку могильника, в частности, выделили первую фазу, лишенную независимо датированных находок.

Однако попробуем взглянуть на этот же материал с другой стороны. Очевидно, что в рамках сериационного метода необходимо получить такую последовательность комплексов, в которой соседние места занимают комплексы наиболее близкие по составу инвентаря. Этого можно добиться путем построения графа связей между комплексами, выбирая наиболее сильные связи для каждого комплекса. Картина получается более информативная (рис. 2), но линейная последовательность уступила место трехлучевой звезде. Чисто хронологическая интерпретация подобной картины уже невозможна.

Но, может быть, мы чрезмерно усложнили картину? Предположим, авторы правы и предложенная ими последовательность погребений является хронологической. Рассмотрим тогда вполне возможную ситуацию, что могильник возник несколько

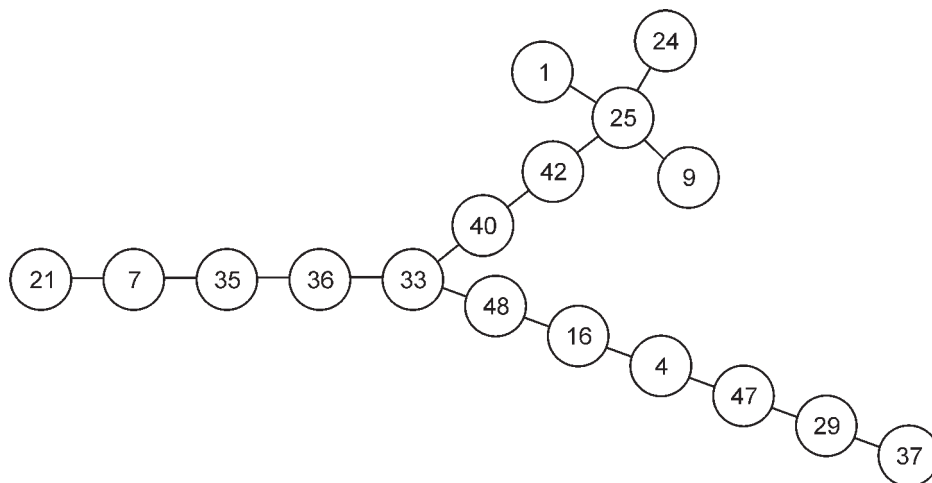

Рис. 2. Сериационный граф связи женских погребений могильника Воронино

позже — не в начале «фазы I», а в ее конце (начиная с погребения 33). Тогда, анализируя его комплексы, мы вынуждены будем отказаться от левого луча звезды и получим принципиально иную последовательность. При этом корреляционная таблица даст вполне удовлетворительную и даже более «убедительную» картину (табл. 2). Какая же из двух «хронологий» соответствует реальному времени? Остается только гадать. А если подходить строже, то следует отказаться от обеих.

Показательно сравнение корреляционно-комбинаторной сериации и базирующейся на ней хронологии мужских погребений курганов Юго-Восточного Приладжья X—первой половины XIII в. (Богуславский 1991) с датами, полученными путем синхронизации с новгородской хронологической шкалой. Новгородская шкала почти не охватывает X в. (не позволяет расчлнить относительно ранние комплексы, часто дает для них лишь верхние даты, да и то с запасом, включая в той или иной мере XI столетие), но для XI—первой половины XIII в. она вполне работоспособна (основание см.: Лесман 1981; 1988; и др.). Ценность такого сравнения в том, что мы имеем возможность сопоставить две полученные разными методами хронологии. Обычно, если независимые даты уже имелись в достаточном количестве, никому не приходило в голову разрабатывать параллельно сериационную хронологию. Упорядоченная О. И. Богуславским матрица комплексы—типы (хронологические индикаторы) в целом вполне удовлетворяет предъявляемому методом требованию максимальной диагональности матрицы. Само выделение хронологических индикаторов осуществлялось с учетом стратиграфии погребений. Все это позволяет говорить о корректности проделанной работы в рамках выбранной методики. Сопоставление результатов датировки комплексов разными методами демонстрирует их радикальное расхождение. Дело не только в общем омоложении большинства комплексов. Существеннее то, что совершенно иной характер носит хронологическая последовательность комплексов, в результате чего «периоды» оказываются перемешанными (Лесман 1996б). Разной в датировках достигает полутора столетий. Таким образом

Таблица 1

Корреляция типы–комплексы для женских погребений могильника Воронино
(по Абезгауз и др. 1992)

Фаза	№ пог р.	Номера типов																									
		1 1	2 2	3	1 2	4	2 5	1 7	5	1 3	I	2 0	I V	2 3	II	1 4	1 9	9	2 1	V	2	1 6	1 8	1 0	II I	1 5	8
1	21	+	+																								
	7		+	+	+																						
	35				+	+																					
	36					+	+																				
	33						+	+	+																		
	40							+	+																		
2	48							+	+					+													
	16								+				+	+													
	4									+	+		+														
3	42						+											+									
	9													+	+	+											
	25												+	+			+	+	+								
4	47														+						+	+			+		
	1																		+								+
	24																			+						+	
	29																					+			+		
	37																						+	+	+		

Таблица 2

Корреляция типы–комплексы
для женских погребений могильника Воронино
после исключения наиболее ранних погребений

№ погр.	Номера типов																			
	8	15	19	14	21	V	II	IV	9	17	5	13	I	20	23	2	16	III	10	18
1	+				+															
24		+				+														
9			+	+			+													
25					+	+	+	+	+											
42									+	+										
40										+	+									
48							+				+	+								
16								+				+		+						
4										+	+		+							
47													+	+		+				
29														+	+		+	+		
25																	+	+		
37																		+	+	+

и для этого примера ни о какой надежной и, уж тем более, точной хронологии, полученной сериационным методом, говорить не приходится.

И тем не менее с помощью сериационной методики разработана хронология большого числа типов, могильников, культур и даже эпох. Во многих случаях эти хронологические построения вполне работоспособны, выдержали проверку временем, новыми материалами и новыми методическими подходами (в частности, при определенных уточнениях, подтверждены стратиграфическими наблюдениями и радиоуглеродными датами). Следовательно, прежде чем применять сериационную методику в тех или иных ее вариантах, необходимо понять, в каких типовых ситуациях культурного процесса она работает. Нужно выделить те независимо от хронологии выявляемые ситуации, в которых время может рассматриваться в качестве ведущего фактора варибельности изучаемых объектов.

Корреляционно-комбинаторные построения получают достаточно надежную хронологическую интерпретацию в двух ситуациях:

1. Когда существенные изменения в облике материальной культуры, приводящие к смене археологических культур или их несомненно различающимся этапам, отражаются в корреляционном представлении явно выделяемыми сгустками, почти лишенными переходных зон. Выделяемые периоды при этом, с одной стороны, охватывают все группы комплексов, независимо от пола, возраста, обряда погребения и т. д., а с другой стороны, охватывают подавляющее большинство типов. Для таких ситуаций хронологическая интерпретация может быть признана предпочтительной.

2. Когда слабо структурированное древнее общество оставило однородные (обычно бедные) по составу как категорий, так и типов инвентаря комплексы. Если у нас есть основания реконструировать слабое разнообразие и однородность живой культуры (или ее сохраняющихся в изучаемом материале частей), исключив параллельное развитие двух и более традиций, линейные сериационные последовательности, скорее всего, являются хронологическими. Однородность культуры обычно является следствием, с одной стороны, примитивности социальной организации древних коллективов, с другой — ее изолированности или же зависимости только от одного внешне-го центра (или от серии последовательно сменяющих друг друга центров).

В обоих случаях речь идет об интерпретации несомненно линейной последовательности комплексов или их групп. Корреляционные таблицы, как мы уже показали на примере могильника Воронино, не дают надежных критериев проверки линейности. Такую проверку можно осуществить, лишь произведя построение сериационных корреляционных рядов комплексов (или групп комплексов, образующих кластеры), линейно упорядочив их по степени близости. Если полученная картина представляет собой ветвящееся дерево или лес деревьев, говорить о линейности уже не имеет смысла и от гипотез о существенных изменениях в культуре (ситуация 1) или об однородности культуры (ситуация 2) придется отказаться. Фактически линзо-хронологические построения в виде диагонально упорядоченных корреляционных таблиц вообще не дают эффективного результата, так как они не вносят никакой новой информации по сравнению с той, которую можно извлечь из сериационно-корреляционных графов.

Обе рассмотренные ситуации являются простейшими случаями культурного процесса, причем первая отражает лишь самую общую и грубую хронологическую диф-

ференциацию. Надежный переход к более детальной хронологии оказывается в рамках корреляционного анализа комплексов весьма проблематичным. Не случайно наиболее надежными оказались первые хронологические разработки, естественно, не ставившие перед собой целей получения детальной хронологии.

Однако можно указать и ситуации, когда сериационный подход ведет к получению детальной хронологии. Эти возможности открывает, хотя и достаточно редко, традиционный типологический метод. Выше уже упоминалось о надежных рудиментах и случаях переделки вещей устаревших типов. Обе эти ситуации, конечно, не дают оснований для заключений сразу и о верхних, и о нижних датах типов, однако тип, сохранивший рудиментарные черты, мог появиться не раньше времени появления своего прототипа, но и не позже, чем последний вышел из употребления (если мы уверены в отсутствии промежуточных звеньев). Для переделок можно утверждать лишь, что вещи, относящиеся к типу, один или несколько образцов которого были использованы вторично, появились раньше, чем вышли из употребления вещи нового типа. Столь слабое утверждение связано с тем, что взаимным переделкам могли подвергаться вещи не только старые и случайно найденные или устаревшие, но и синхронно бытовавшие. Лишь в случаях, когда обоюдосторонняя переделка возможна, а реализуется, причем достаточно серийно, только односторонняя, можно говорить о том, что время сосуществования типов у одного населения¹ не велико или вообще нулевое и что тип, экземпляры которого подвергались переделке, бытовал раньше. Можно указать еще на одну типовую ситуацию, в которой возможно создание достаточно детальной хронологической последовательности типов. Если мы имеем дело с материалом, анализ которого позволил идентифицировать вещи с точностью до мастеров, тогда, помимо вещей, выполненных с использованием одних и тех же инструментов, можно проследить передачу традиции от учителя к ученику (наиболее надежны здесь мелкие рудименты). Построенные на основе такого анализа типологические ряды с достаточно высокой степенью вероятности поддаются хронологической интерпретации (Маршак 1971).

Еще одна ситуация надежной хронологической интерпретации типологического ряда касается не столько типов, сколько конкретных вещей (хотя и может стать основой для датировки типов). Это случаи, когда детальное изучение изделий, изготовленных с помощью одних и тех же инструментов, позволяет реконструировать износ (или иные необратимые изменения) инструментов: литейных форм, матриц, штампов и пр. Аналогичное значение имеют копии с вещей, изготовленные по оттиску.

Как видим, сериационные построения лишь в узком круге ситуаций, ограниченных весьма жесткими предварительными условиями, могут служить надежной основой хронологии. В подавляющем большинстве случаев достаточно надежная хронология может быть получена лишь независимыми методами: из анализа стратиграфии, письменных свидетельств, монетных находок и пр. Все увеличивающуюся роль играют при разработке хронологии естественнонаучные методы датировки: дендрохронология, радиоуглеродный, палеомагнитный, термо-люминесцентный и др. За по-

¹ Если переделке подвергались типы вещей, поступающих в инокультурную среду, то, несмотря на серийность односторонних переделок, ценность этого наблюдения для хронологии не выше, чем единичного случая.

следние десятилетия произошел качественный сдвиг в состоянии базы хронологических исследований. С одной стороны, резко возросли степень изученности стратифицированных поселений и методический уровень раскопок (раскопки по контекстам с построением матриц Харриса), что резко повысило надежность стратиграфических датировок. С другой стороны, число комплексов, датированных с помощью естественнонаучных методов, для многих регионов и периодов уже столь велико, что позволяет говорить о статистической надежности базирующихся на них детальных хронологических штудий. Например, для Северо-Западной Руси XI–XIV вв. удается не только существенно повысить надежность датировок, но и изучать процессы, протекавшие в материальной культуре, с точностью до двух десятилетий, а не до века или половины столетия, как раньше (Колчин 1958; 1982; Лесман 1988; 1989; 1990; 1994; 2006 и др.). Это качественное изменение источниковой базы не всегда учитывается исследователями, традиционно ориентирующимися исключительно на комбинаторный анализ находок из погребальных памятников.

Новая источниковедческая ситуация определяет и новое место сериационного метода. Сериация — это лишь формальная модель реальности, требующая осмысления. Сериационно упорядоченные по степени близости вещи или комплексы представляют собой модель реальности, которая требует осмысления и интерпретации. Сериационное дерево (или лес деревьев) в сочетании с независимо полученной хронологией открывает широкие возможности для изучения процессов изменения и функционирования материальной культуры древнего общества (развития и взаимовлияния различных традиций, образования и взаимодействия различных культурных групп, изменения степени гомогенности культуры и т. д.). В результате сериация из малонадежного и грубого метода разработки хронологии превращается в эффективный инструмент изучения культуры.

Абезгауз и др. 1992 — *Абезгауз Г. Г., Еременко В. Е., Журавлев В. Г., Каргопольцев С. Ю.* К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Л., 1992. С. 55–80.

Амброз 1971 — *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123; № 3. С. 106–134.

Бажан, Еременко 1992 — *Бажан И. А., Еременко В. Е.* Некоторые аспекты исследования могильников по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Л., 1992. С. 14–21.

Богуславский 1991 — *Богуславский О. И.* К хронологии юго-восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 99–114.

Генинг 1980 — *Генинг В. Ф.* Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в 1 тыс. н. э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломоской культуры. Ижевск, 1980. С. 136–151.

Голдина 1979 — *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА 1979. Вып. 158. С. 79–90.

Грязнов 1941 — *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей. 1. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1. С. 245–270.

- Ефименко 1926 — *Ефименко П. П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3, вып. 1. С. 59–84.
- Колчин 1958 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 1. С. 92–111.
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.
- Конечский 1990 — *Конечский В. Я.* Происхождение и развитие некоторых типов височных колец на Северо-Западе // ННЗИА. 1990. Вып. 3. С. 101–105.
- Левашова 1967 — *Левашова В. П.* Височные кольца // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 7–46.
- Лесман 1981 — *Лесман Ю. М.* К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 98–103.
- Лесман 1988 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Лесман 1989 — *Лесман Ю. М.* К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // ННЗИА. 1989. Вып. 2. С. 82–87.
- Лесман 1990 — *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29–98.
- Лесман 1994 — *Лесман Ю. М.* Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 187–193.
- Лесман 1996а — *Лесман Ю. М.* Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Ювелирное искусство и материальная культура: ТД участников второго colloquium. СПб., 1996. С. 35–37.
- Лесман 1996б — *Лесман Ю. М.* Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // *Arheologia Petropolitana*. СПб., 1996. Т. 1. С. 52–65.
- Лесман 2002 — *Лесман Ю. М.* Формализованная сериационная хронология: тщета надежд // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002. С. 122–124.
- Лесман 2006 — *Лесман Ю. М.* К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бусин с глазками в петельках) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006. С. 244–252.
- Маршак 1971 — *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Л., 1971.
- Проблемы хронологии... 1992 — Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Л., 1992.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982 (Археология СССР).
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Спицын 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896 (МАР. Вып. 20).
- Спицын 1903 — *Спицын А. А.* Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова. СПб., 1903 (МАР. № 29).
- Шукин, Шербакова 1986 — *Шукин М. Б., Шербакова Т. А.* К хронологии могильника Данчены // *Рафалович И. А.* Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. Кишинев, 1986. С. 177–219.
- Goldman 1972 — *Goldman K.* Zwei Methoden chronologischer Gruppierung // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 1972. No 3. S. 1–34.
- Goldman 1979 — *Goldman K.* Die Seriation chronologischer Leitfunde der Bronzenzeit Europas. Berlin, 1979 (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Neue Folge. Bd 1).
- Ihm 1983 — *Ihm P.* Korrespondenzanalyse und Seriation // *Archäologische Informationen*. 1983. Nr. 6. H. 1. S. 8–21.
- Legoux 1980 — *Legoux R.* Le Recours a l'informatique: La Chronologie relative par permutation matricielle automatique // *Nautes Etudes médiévales et modernes*. 1980. Vol. 39. P. 138–155.
- Martin 1989 — *Martin M.* Bemerkungen zur chronologischen Gliederung der frühen Merovingerzeit // *Germania*. 1989. Jahrgang. 67. Halbband 1. S. 121–141.

Stadler 1984 — *Stadler P.* Überlegungen zur computergestützten Seriation // Denkschriften des Archäologie der Awaren. Wien, 1984. Bd 1. S. 171–178 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse Denkschriften. Bd 170).

Stadler 1985 — *Stadler P.* Seriation awarischer Gürtelgarnituren aus Nové Zámky und Želovec // Die Bayern und ihre Nachbarn. Wien, 1985. Teil 2. S. 127–132 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse Denkschriften. Bd 180).

Reinecke 1902 — *Reinecke P.* Zur Kenntnis der La Tene Denkmaler der Zone nordwärts der Alpen // Festschrift der Römisch-germanische Zentralmuseum zu Mainz. 1902. S. 53–109.

SERIATIONAL CHRONOLOGY: ILLUSIONS AND REALITY

Yu. M. Lesman

The paper considers the possibility and reliability of archaeological chronology based on seriation methods. Two main approaches are distinguished, the first one (typological seriation) going back to O. Montelius, and the second (correlation-combinatorial analysis of assemblages) going back to P. Reinecke. If objects are perceived as sets of characters, the boundary between the two approaches almost disappears, though the first of them affords an additional verification with the help of rudiments. Chronological interpretation of the results obtained by these methods is based on the assumption that time can be regarded as a leading factor of cultural variability, which, however, is not always the case. Illusions often lead to false or unreliable chronologies, as can be exemplified by a false typological row of medieval temple rings, and by an unreliable seriation of assemblages from the Voronino cemetery (Zarubintsy culture). The methods of seriation can ensure a reliable chronological interpretation in the simplest cases only: 1) if a culture underwent substantial transformations, resulting in a complete change of its appearance; 2) if the structure of an ancient society was primitive enough, and chronological changes represented the main source of variation. A reliable chronology can be obtained on the basis of independent methods only, such as stratigraphy, written records, scientific analyses, etc. Only being combined with independently obtained chronologies can seriation graphs serve as effective tools in the study of culture.

К ИСТОРИИ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

В. М. ФЕДОРОВ, Т. С. МАТЕХИНА, Д. О. ОСИПОВ

Летом 2007 г. при археологических раскопках в Московском Кремле был найден соколиный клубочок — кожаный наглазник для ловчих птиц, изготовленный в виде шапочки с затяжкой сзади (Осипов 2009: 435–441).

Находка клубочка затронула очень интересную, на наш взгляд, тему истории охоты с ловчими птицами, ранее практически не исследованную. Даже беглое знакомство с историей нашего государства свидетельствует о древности, важности и широком распространении этого вида охоты, которой тешилась знать. Упоминания ловчих птиц встречаются в статьях «Русской Правды», на страницах летописей, берестяных грамот. Обилие поэтических эпитетов на тему соколиной охоты содержит такой литературный памятник, как «Слово о полку Игореве» (1955: 19, 20, 27, 30). Сцены, изображающие атаку пернатого хищника, присутствуют на церковных фресках, миниатюрах Лицевого летописного свода, в декоре оружия и т. д. (рис. 1, 2).

Когда и как соколиная охота появилась на Руси? Возникла ли она под влиянием византийской или скандинавской традиции? В этой связи можно вспомнить гипотезу, согласно которой гербом основателя династии Рюриковичей, сохранившимся на монетах, печатях, перстнях и подвесках, была фигура атакующего в пике сокола (Рапов 1968: 62–69).

О существовании соколиной охоты в Новгородской земле свидетельствуют статьи краткой редакции «Русской Правды» (Великий Новгород 2009: 424, 425) и обрывок текста берестяной грамоты № 54, из слоя 1320–1340-х гг., в котором приводятся имена сокольников (Арциховский 1954: 37–39), или помытчиков. Одно из самых ранних изображений сокольника с ловчей птицей на руке представлено в виде буквицы на страницах новгородской псалтыри XIV в. (РНБ, F.n.I, 3).

Изображения ловчих птиц присутствуют и на свинцовых буллах, происходящих из Новгорода (Янин 1970: 126). На Нутном раскопе найдена печать Великого Новгорода с изображением человека с птицей в правой руке, датируемая 20-ми гг. XV в. (Гайдуков 1992: 83, рис. 42, 3). Впоследствии это изображение было определено как «воин со щитом в полный рост» (Янин, Гайдуков 1998: 213, табл. 44, № 721а). На наш взгляд, на печати изображен сокольник с птицей в правой руке. На это указывают длиннополая богато украшенная одежда (воины, как правило, изображались в более короткой одежде), а также наличие перчатки, на которой сидит птица с клубочком, стянутым ремнем-задержкой (рис. 1, 3).

При раскопках в Новгороде останки ястребов, как больших (тетеревятников), так и малых (перепелятников), обнаружены в выборках костей пернатых хищников Троицкого и Федоровского раскопов (Молби, Гамильтон-Даер 1995: 145, 146). В то же время их присутствие может указывать как на содержание на усадьбе ловчих птиц, так и на охрану домашней живности от других пернатых хищников.

Элитарность этого вида охоты подчеркивает изображение конного сокольника на вислой печати князя Андрея Александровича, сына Александра Невского (Янин 1970: 161; № 390, 392, 393–395, 257). Пристрастие князя к охоте с ловчими птицами иллюстрирует его грамота к посадникам, казначеям и старостам Заволочья, требующая предоставить княжеским ватажникам корм и подводы при их возвращении с птицами с моря: «а сынъ его Кузма како поидет с моря с потками (птицами) с данными по данничу пути, дадут ему кормы и подводы, по пошине с погостов» (ГВНиП 1949: 141–142, № 83).

В Никоновской летописи под 1135 г. приводится обращение новгородцев к своему князю Всеволоду Мстиславичу: «почто ястребовъ и собакъ собра, а людеи не судяше и не управляше» (ПСРЛ, т. 9, 2000: 159).

Характер охоты. Принципиальное отличие охоты с ловчими птицами заключается в том, что с самого начала она существовала не как промысел, а как развлечение знати. В практическом смысле она не сопоставима с использованием таких снастей массового лова, как перевес (для ловли птицы, в основном водоплавающей) или тетет (для поимки зверя), а также других широко распространенных приспособлений.

Объект и место соколиной охоты. В средневековье Новгородская земля изобиловала обширными лесами, озерами и болотами. Это подтверждается описанием похода тверского князя Михаила Ярославича на новгородцев: «заблудиша въ озерѣхъ и в болотѣхъ; и нача мерети гладомъ ядаху же и конину» (НПЛ 1950: 95).

Природные условия Новгородской земли способствовали распространению здесь водоплавающей дичи. Заливные луга в припойменной части рек и озер, а также моховые болота и полевые угодья, как окультуренные, так и дикие, вполне пригодны для охоты с соколом. Многочисленные виды уток и гусей в ближайших к Новгороду окрестностях и составляли, по-видимому, ту дичь, которую вначале травили ястребами, а позднее — ястребами и соколами.

Охота, по всей видимости, начиналась с выпуска сокола, поднимавшегося вверх над озером. Затем водоплавающих птиц вспугивали ударами в барабаны (тулумбасы), которые производили специальные люди из числа прислуги, так называемые гайшики. Примечательно, что на миниатюрах Лицевого летописного свода барабаны изображены лишь у всадников с птицей на руке (рис. 1, 4). Создаваемый шум заставлял птицу подняться с воды под удар (ставку) сокола, который с высоты камнем падал на выбранную жертву.

Ловчие птицы и их добывание. Очевидно, что уже в средневековом Новгороде для охоты использовали различных хищников, от мелкого дербника до беркута.

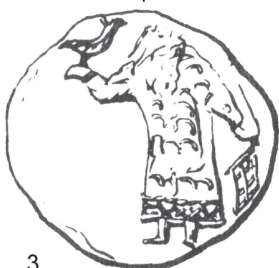
В «Задонщине» в качестве поэтического образа неоднократно упоминаются «белозерские ястребы» (Памятники... 1998: 90, 98–100, 128). По всей видимости, автор сравнивал белозерских князей с крупным северным подвидом ястребов (*Accipiter gentillis buteoides*), встречавшимся на Вологодчине. Такое сравнение становится более понятным ввиду существенного преимущества северных птиц перед обычным ястребом, обитающим в средней полосе. Белый северный ястреб гораздо красивее. Это более мощная и крупная птица, летные качества которой существенно выше, что практически не оставляло жертве никаких шансов уйти от преследования.

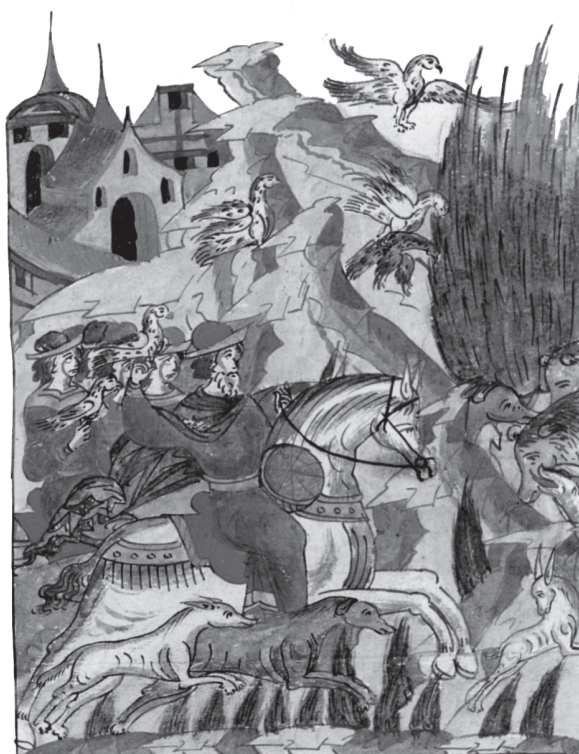
1

2

3

4

Рис. 1. Сцены соколиной охоты: 1 — мозаика V в. н. э., г. Аргос (Византия); 2 — фреска, Софийский собор, Киев; 3 — свинцовая печать Великого Новгорода; 4 — миниатюра Лицевого летописного свода

В польском языке сохранилось название кречета (*Falco rusticolus* — самый крупный сокол, обитающий на крайнем севере Старого и Нового Света), звучащее как сокол-биалозор (Sokół Białozór), что может указывать на места обитания и ловли этих птиц. В раннем средневековье климат был более холодным, поэтому граница арктической и субарктической фауны проходила южнее. Сохранились свидетельства, что тот же кречет в начале XIV в. был обычен в районе Вологды не только на пролете. Так, в договоре князя Юрия Даниловича и Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем читаем: «А что поимали на Вологдѣ кречеты» (ГВНиП 1949: 26, № 13).

Отметим, что определенные птицы добывались в Новгородской земле лишь для продажи или в качестве подарков в Орду. К ним, в частности, относился орел-беркут (правильное название — крупный орел; *Aquila chrysaetos*), гнездившийся в Новгородской земле и на Югорском севере, кости которого также были найдены при раскопках в Новгороде (Молби, Гамильтон-Даер 1995: 146).

В Древней Руси основными ловчими птицами были ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*) и, позднее, русский сокол, названный впоследствии сапсаном (*Falco peregrinus*). Ловили соколов перевесами. Для поимки же кречетов использовали понци (помци, помчи), тайники, где в качестве приманки сажали голубя или белую куропатку. При использовании на охоте предпочтение, по-видимому, отдавалось самкам, поскольку они значительно крупнее самцов, более выносливы, а их добыча крупнее.

Ястребов и соколов ловили слетками (взрослые птенцы, слетевшие с гнезда) и добывали птенцами, на что указывает актовый материал начала XIV в., в котором упоминаются соколиные гнезда: «А что Шенкурского погоста и земли, и воды и леса лешнии, и реки, и лени реки, и мхи и озора, и сокольи гнезда, где ни есть Шенгурского погоста, то все Василью себе и своим детям в веки» (ГВНиП 1949: 280, № 279). В первом своде Литовского статута 1529 г. наказанию за разорение соколиного гнезда посвящен целый раздел (Статут ВКЛ... 1960: 107).

В позднем средневековье более всего ценились белые кречеты (*Falco rusticolus*) — крупные красивые птицы с черными глазами, казавшимися еще более черными на фоне светлого оперения. В сравнении с другими птицами кречеты обладали хорошей скоростью и «высоким полетом». В это время добыча ловчих птиц считалась на Руси государственной повинностью (тяглом), этим занимались целые слободы помытчиков, в обязанности которых входила ловля и доставка соколов в столицу, где их отбирали для государевых кречатен. Чаще всего новгородские помытчики выезжали в Двинскую землю и на берега Печоры, где располагались обширные «сокольи и кречатьи седбища» (Кутепов 2004: 76).

Особый интерес к торговле северными птицами объясняет их высокая цена в странах Востока, где такие крупные и красивые виды не обитают. Для перевозки ловчих птиц, которых нужно постоянно кормить свежей дичью, арабские купцы специально закупали также большие партии живых голубей, служивших кормом в дальней дороге (Мункыз 1958: 295).

Снаряжение для ловчих птиц. Для содержания, обучения и использования ловчих птиц требовался определенный инвентарь. Правила охоты, сформировавшиеся в

глубокой древности, способствовали неизменности охотничьего инвентаря, что подтверждается этнографическими сведениями и археологическими находками. К примеру, тип кроя клубочка или форма вертлюга на протяжении веков остается практически неизменной, что дает возможность судить об их национальной принадлежности.

Присада. Большую часть времени ловчие птицы проводят на присаде — подставке (жерди), на которой птица удерживается с помощью специальной привязи.

В качестве самой распространенной присады для птиц использовался обрубок ствола дерева определенной высоты. Эта простейшая форма, именовавшаяся «колодка», широко использовалась в России еще в XIX в. Вероятно, такое же название присада имела и ранее. В тексте «Задонщины» читаем: «ястреби и соколи белозерстии кречеты отрывахуся от златых колодиц ис камена града Москвы» (Памятники... 1998: 99).

Можно предположить, что колодка как простое и удобное место для размещения ловчих птиц была известна и сокольникам Великого Новгорода. Поэтому при раскопках богатых усадеб или княжеской резиденции следует обращать внимание на обрубки бревен, поверхность которых должна быть истыкана отпечатками острых когтей.

Для размещения птиц могли использовать и другой тип присады, в виде поднятой на высоту жерди (рис. 2, 1). Такие приспособления упоминаются в трактате Фридриха II Гогенштауфена «Об искусстве охоты с птицами» («De arte venandi cum avibus»), написанном во второй половине XIII в. (Willemsen 1984: 105–107).

Путы (путцы, обносы) используются для привязывания птицы к присаде или краге (рукавице или перчатке). В культурах разных народов, у которых практикуется соколиная охота, путцы в принципе одинаковы. Это парные ремешки, либо цельнокроенные, либо плетеные (возможно, из конского волоса), надетые на лапу (цевку) птицы, которые удерживались на ней в виде затягивающейся петли (рис. 2, 2).

На примере изучения этой детали охотничьего снаряжения можно исправить ошибку в атрибуции необычной находки из Тверского кремля. В заполнении ямы конца XIII в. были обнаружены две птичьи кости с завязанными на них кожаными ремешками, сохранившимися фрагментарно (рис. 2, 3). По предположению А. В. Курбатова, кости являлись оберегом, который носили на шее (Курбатов 2004: 58, рис. 139). Такая атрибуция маловероятна, учитывая длину костей, ширину ремня и размеры петли, в которую легко проскальзывают птичьи кости, принадлежащие (по определению В. М. Федорова) ястребу-тетеревятнику.

Колокольцы. Специальными ремешками к лапе птицы крепились и колокольцы (бубенцы), помогающие охотнику обнаружить птицу с добычей в густой траве или в кустах, поскольку пернатый хищник, поймав дичь, не принесет ее к сокольнику, а сядет где-нибудь поодаль и будет ощипывать. По звуку бубенцов можно определить и улетевшую птицу, оборвавшую привязь на присаде. Колокольцы, наряду с путами, также упоминаются в «Задонщине»: «обрываху шелковыя опутины, возвиваючися под синие небеса, звоняти золотыми колокола над быстрым Доном» (Памятники... 1998: 99).

В фонде отдела хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея имеется множество бубенчиков различной формы. В отличие от других дета-

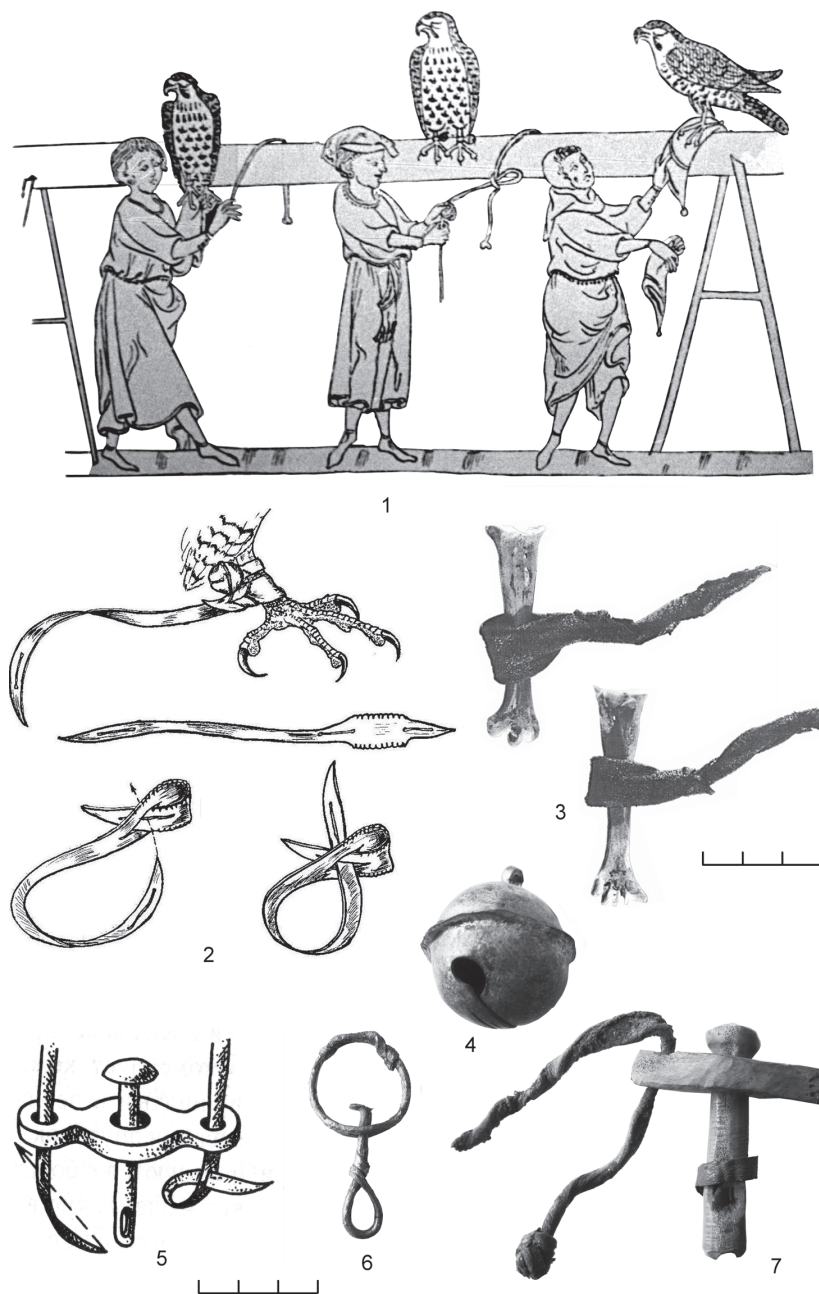

Рис. 2. Снаряжение для ловчих птиц: 1 — присада (миниатюра из книги Фридриха II Гогенштауфена «Об искусстве охоты с птицами»); 2 — схема крепления путцев и бубенцов; 3 — птичьи кости с обрывками кожаных ремешков (раскопки в Твери); 4 — бубенец бронзовый; 5 — вертлюг, схема крепления путцев; 6 — вертлюг костяной; 7 — вертлюг бронзовый (4, 6, 7 — из фондов НГМ)

лей снаряжения ловчей птицы, они не являются принадлежностью исключительно соколиной охоты: их использовали в коневодстве, они служили элементом костюма и т. д. (Поветкин 2008).

Должник — кожаный ремень длиной около 1,5 м является продолжением путцев и крепит птицу к краге или присаде. При раскопках в Московском Кремле в заполнении постройки первой половины XVI в. было обнаружено изделие, которое можно классифицировать как должник (Осипов 2009: 245). Узел на конце ремня и кожаная шайба, фиксирующая должник при проскальзывании через кольца привязи, характерна для европейского снаряжения, форма которого сохраняется в традициях современных сокольников Западной Европы (Waller 1962: 58). Для стран Востока более характерны простые ремешки без кожаных шайб, а также веревки, сплетенные из растительных волокон или конского волоса (Саят 2007: 64).

Вертлюг. Чтобы путцы не скручивались, не закручивались вокруг ног птицы и тем самым не привели к травмам птичьих лап, путцы вязывались в костяной или металлической вертлюг. Это приспособление состоит из костяной или деревянной пластины с тремя сквозными отверстиями и подвижной шпильки (рис. 2, 5). Два крайних отверстия служили для крепления путцев. Среднее отверстие пластины предназначено для шпильки — стержня со шляпкой на одном конце и отверстием для закрепления ремешка-должника — на другом. При движении птицы путцы проворачивались вместе с пластиной вертлюга вокруг шпильки, не перекручиваясь.

Широкое распространение этого приспособления в быту и технике определил Б. А. Колчин, предполагавший использование вертлюгов в качестве привязи для скота на пастбище, привязи собаки или у сетевого буйка, чем обусловлен значительный разброс размеров вертлюгов, изготавливаемых из кости, дерева и железа (Колчин 1968: 78, табл. XLII).

Костяные и железные вертлюги, по размеру и форме аналогичные деталям снаряжения для ловчих птиц, обнаружены в коллекциях Рюрикова городища (Носов 1990: 129, рис. 49, 1). Они зафиксированы на Федоровском раскопе Новгорода¹ в слоях XII–XIII вв. (Дубровин, рукопись). Восемь костяных и металлических вертлюгов собрано при археологических наблюдениях в районе Белоозера (Захаров 2004: 209 и 221, рис. 192 и 241), что заставляет вспомнить белозерских ястребов, соколов и речетов, упоминаемых в «Задонщине» (Памятники... 1998: 99).

Около 20 деталей вертлюгов из слоев XII–XIV вв. хранятся в фонде отдела хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника. На одном из них сохранились обрывки 2 кожаных ремешков (рис. 2, 6; Славенский раскоп; НГМ КП 25295/А 15-293).

Бронзовый вертлюг, найденный в Великом Новгороде на Неревском раскопе в слое последней трети XIV в. (рис. 2, 7), по своей форме аналогичен приспособлению, по сей день применяемому арабскими сокольниками (Ceballos 2009: 94).

Кожаные клубуки. Клубочок используется на протяжении всего периода работы с птицей, при ее поимке и «вынашивании» (приручении). Но даже прирученная и го-

¹ Авторы выражают благодарность Г. Е. Дубровину, ознакомившему их с неопубликованными материалами.

товая к охоте ловчая птица значительную часть времени проводит на присаде (насесте) с надетым на голову кlobучком, что заставляет ее сидеть спокойно, не реагируя на пролетающих птиц и другие живые объекты. Кlobук необходим и во время охоты. Лишенная зрения птица дает возможность охотнику спокойно управлять конем, высматривать добычу и приблизиться к ней на нужное расстояние. На голове птицы эти кlobучки удерживались при помощи ремня, который крепился на руке вместе с путцами (рис. 3, 1).

Вплоть до сегодняшнего дня в арсенале сокольников сохранился определенный набор кlobучков, позволяющих определить их этническую принадлежность. У современных российских сокольников большей популярностью пользуются арабские кlobучки.

Кроме этнической принадлежности наличие кlobучка может указать (или, наоборот, исключить) использование птиц определенного вида. Например, при охоте с ястребом кlobучки не использовали. Эта птица работает «накоротке», поэтому важно, чтобы пернатый охотник вовремя заметил объект охоты и атаковал его в меру своей полетной возможности. Сокол же может атаковать с большого расстояния и ему не особенно важно, как далеко находится дичь. Острота зрения хищной птицы очень высока. Если человек, заметив летящую птицу даже с расстояния 200 м, затрудняется в определении ее видовой принадлежности, то сокол за 2 км четко дифференцирует ее вид. Бросившись за жертвой, невидимой охотнику, сокол отлетит очень далеко и отыскать его с добычей будет затруднительно. Если, заметив добычу, сокол будет сдержан путцами, то, надергавшись понапрасну, он может запрячиться лететь в нужный момент, поэтому время и место напуска определяет охотник. Лишенный кlobучка сокол, заметив добычу, устремляется за ней.

Размеры кlobучков, рассчитанных на птицу определенного вида, различны. Так, наглазник, изготовленный для самца дербника (*Falco columbarius* — самый маленький сокол с относительно короткими заостренными крыльями и длинным хвостом; длина тела — 24–32 см, размах крыльев 53–73 см), заметно меньше, чем для кречета. По размеру кlobучка можно определить не только вид, но и пол ловчей птицы, поскольку самки хищников примерно на треть крупнее самцов.

Кожаный кlobучок из раскопок Московского Кремля (Осипов 2009: 237–250) позволил атрибутировать 7 кожаных предметов, найденных в Новгороде в напластованиях конца XIII–середины XV в. (см. Приложение). Ранее предполагалось, что эти и подобные им изделия могли быть стяжными мешочками для небольших объемных предметов, таких как: складные весы в футляре, зеркало в оправе в виде коробочки, амулет (Матехина 2003). В одну группу эти необычные кожаные предметы были объединены по наличию треугольного отверстия с одной стороны, оказавшегося вырезом под клюв.

Особенностью кlobучков являются, видимо, и соединительные швы. Края заготовки сшивают так, чтобы место соединения не причиняло птице беспокойства. На средневековых кlobучках края также соединены встык, как правило, с наружной стороны простым швом или через край короткими стежками.

Основная часть кlobучков, хранившихся в музейных фондах, не имеет серьезных повреждений. В то же время по их современному состоянию трудно определить изначальный размер, поскольку усыхание кожи достигает 10 %.

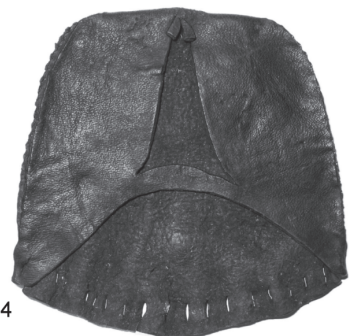
1

2

3

4

5

Рис. 3. Клобучки для ловчих птиц: 1 — птица в современном клобучке; 2–5 — клобучки № 1, 2, 4, 5 из фондов НГМ

Выводы. Очевидно, что соколиная охота изначально не являлась промыслом. Она практиковалась в Новгородской земле задолго до прихода на Русь татар. Покупать и содержать у себя ловчих птиц могли лишь представители феодальной верхушки, поскольку ловчие птицы стоили дорого. Их обучение и уход требовали отдельного помещения и целого штата специально обученной прислуги. Охотились с ловчими птицами верхом на лошадях.

Начиная с XIII в. соколиная охота испытывала сильное влияние азиатской традиции, о чем свидетельствуют находки образцов охотничьего снаряжения: клобучков и вертлюгов, которые и сегодня используются охотниками Киргизии, Казахстана и Туркменистана.

В XIII–XIV вв. восточное влияние на соколиную охоту можно связывать с общим углублением отношений со странами Востока и проникновением восточной культуры, начавшимися после вхождения Руси в состав Джучиева Улуса, а также стремлением русских князей подражать царю — ордынскому хану. С этого же времени Русь, вероятно, начинает активно поставлять ловчих птиц в Орду. Развитию торговых контактов и расширению азиатского влияния на русскую соколиную охоту способствует практика организации совместных соколиных охот, проводимых татарскими ханами и мурзами с участием русских князей (ПСРЛ, т. 25, 2004: 154, 155).

Проявления азиатского влияния выражены в практике ношения птиц на правой руке и заимствовании отдельных терминов. Например, самцов всех ловчих птиц с XVII в. стали называть «челиг» (Попов 1856: 72–84). Тем не менее сама соколиная охота, прослеженная по письменным источникам с XVII в., была более характерна для Западной Европы, чем для восточных стран. Это, в частности, подтверждается негативным отношением русских сокольников к такой птице, как балобан, весьма популярной в странах Востока.

По мере ослабления власти Орды и усиления контактов с европейскими странами появляется охотничий инвентарь европейского облика. Справедливости ради следует отметить, что в свое время практика европейской соколиной охоты также формировалась под сильным влиянием Востока. В частности, при написании своей книги Фридрих II активно использовал арабский трактат под названием «Moamin», который он цитирует целыми пассажами (Воскобойников 2008: 142).

Учитывая особый статус Великого Новгорода, имевшего обширные торговые связи, можно предположить, что вместе с другими товарами сюда доставлялось и охотничье снаряжение, которое копировали русские ремесленники. В частности, клобучки могли привозить в Новгород арабские купцы, которые покупали здесь северных птиц, пользовавшихся особой популярностью в странах Востока.

*Приложение***Клобучки из раскопок в Новгороде**

Клобучок № 1 (НГМ КП 30561-68; рис. 3, 2) относится к самым ранним находкам. Обнаружен в 1978 г. на Троицком V раскопе в слое XIII—начала XIV в. Он сшит из двух деталей, выкроенных из тонкой кожи. Вырез под клюв небольшой, в виде равносоставленного треугольника. На тыльной стороне, вдоль нижнего края сделаны прорезы для продевания ремешка (задержки). Детали сшиты встык швом через край. Клобучок высокий, шлемовидный. Он близок к современным арабским колпачкам, имеющим стяжку вдоль задней кромки.

Клобучок № 2 (рис. 3, 3) найден на Неревском раскопе в слоях первой половины XIV в., по крою аналогичен западноевропейским образцам. Это самый маленький из рассматриваемых предметов, хотя для изготовления использована довольно толстая кожа и изделие явно не завершено: отверстия тачного шва и прорезы для ремешка-задержки лишь намечены, и то — в отдельных местах. Скорее всего, это своеобразный образец или полуфабрикат, свидетельствующий о местном изготовлении подобного инвентаря по специальному заказу.

Клобучок № 3, найденный на Славенском раскопе (НГМ КП 25060-19), происходит из слоя первой трети XIV в. Он цельнокроеный, со следами вытяжения. Прорезей для стяжки ремешком нет. Очевидная неаккуратность изготовления изделия производит впечатление незаконченности.

Клобучок № 4 (самый крупный — рис. 3, 4) был найден в 1959 г. на Неревском раскопе в слое второй половины XIV в. Судя по размеру, клобучок предназначался для крупной птицы типа самки кречета или даже для самца орла-беркута. Изделие цельнокроеное, аккуратно сшито встык швом через край с изнаночной стороны. На задней стороне вдоль нижнего края сделаны прорезы для стяжки. Треугольный вырез под клюв вверху оформлен двумя декоративными кожаными лучиками. В отличие от остальных клобучков, нижний край передней стороны вырезан в виде вогнутой дуги. Необычная выкройка этого изделия позволяет видеть в ней смешение двух стилей: выпуклые наглазники с прогибом кожи между ними более типичны для тюркских клобучков, тогда как стяжка задней кромки более характерна для арабских образцов.

Клобучок № 5, найденный на Неревском раскопе в слое последней четверти XIV—первой трети XV в., прекрасно сохранился (рис. 3, 5). Форма его кроя чисто арабская. Изделие цельнокроеное и по выкройке напоминает клобучок № 2. Края сшиты очень аккуратно встык с наружной стороны. Прорезы для стяжки нарезаны вдоль всего нижнего края, спереди и сзади. Но они, видимо, были сделаны более частыми, чем требовалось, поскольку часть прорезей не использована. Треугольный вырез длинный и заходит на теменную часть изделия, где сохранились два отверстия для размещения так называемого султана — приспособления, облегчающего снятие и надевание клобучка на голову птицы.

Клобучок № 6. Еще один цельнокроеный клобучок найден на Неревском раскопе в слое начала XIV в. Он небольшой, что предполагает его использование для

птиц типа дербника или кобца (чеглока — *F. subbuteo*). Это изделие грубовато, изготовлено из толстой кожи и сшито швом встык. По выкройке, несмотря на наличие прорезей, этот клубочок близок европейским аналогам.

Клубочок № 7, найденный на Неревском раскопе в слое второй половины XIII в., по типу кроя похож на предыдущий, но отличается наличием круговой стяжки. Спереди стяжка слабая и скорее декоративна, в то время как задняя обеспечивает надежную фиксацию клубочка на голове птицы.

-
- Арциховский 1954 — *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. Т. 2.
- Великий Новгород 2009 — Великий Новгород: Энциклопедический словарь. М., 2009.
- Воскобойников 2008 — *Воскобойников О. С.* Душа мира. М., 2008.
- Гайдуков 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М., 1992.
- ГВНИП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Дубровин, рукопись — *Дубровин Г. Е.* Федоровский раскоп в Новгороде (рукопись). Захаров 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Колчин 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (САИ. Вып. Е1-55).
- Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. СПб., 2004.
- Кутепов 2004 — *Кутепов Н. И.* Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVII в. М., 2004.
- Матехина 2003 — *Матехина Т. С.* Средневековые кожаные кошельки // Нумизматика. М., 2003. № 3 (3). С. 7–16.
- Молби, Гамильтон-Даер 1995 — *Молби М., Гамильтон-Даер Ш.* Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // ННЗИА. 1995. Вып. 9. С. 129–156.
- Мункыз 1958 — *Мункыз У.* Книга назидания. М., 1958.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. М., 1990.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. Переиздание с предисловием Б. М. Клосса: М., 2000 (ПСРЛ. Т. 3).
- Осипов 2009 — *Осипов Д. О.* К истории соколиной охоты (по материалам раскопок в Московском Кремле) // Московский Кремль XIV столетия. М., 2009.
- Памятники... 1998 — Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- Поветкин 2008 — *Поветкин В. И.* Бубенцы и колокольчики среди прочих шумящих и ударных приспособлений в обиходе древних новгородцев // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 110–141.
- Попов 1856 — *Попов А. Н.* Сокола и кречета ц. Алексея Михайловича // Русская беседа. М., 1856. Т. 2, кн. 2. Отд. 5. С. 72–84.
- ПСРЛ, т. 25, 2004 — Московский летописный свод. 2-е изд. М., 2004.
- ПСРЛ, т. 9, 2000 — Никоновская летопись. 2-е изд. М., 2000.
- Рапов 1968 — *Рапов О. М.* Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. 1968. № 3. С. 62–69. РНБ, ф. Ф.п.1, 3.
- Саят 2007 — *Саят.* Казахская традиционная охота. Алматы, 2007.
- Слово о полку Игореве 1955 — Слово о полку Игореве. М., 1955.
- Статут ВКЛ... 1960 — Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2.
- Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3.
- Ceballos 2009 — *Ceballos Aranda J.* Falconry, Celebrating a Living Heritage. Dubai, 2009.

Waller 1962 — *Waller R.* Der wilde Falk ist mein Gesell. Melsungen, 1962. Auf. 2.

Willemsen 1984 — *Willemsen C. A.* Das Falken buch Kaiser Friedrich II. Hardenberg, 1984.

TO THE HISTORY OF FALCONRY IN THE NOVGOROD LAND

V. M. Fedorov, T. S. Matekhina, D. O. Osipov

The paper deals with the attribution of a new series of archaeological finds — munitions for hunting with the help of birds. The finds include pivot brackets, leads, jingle bells, rufter hoods. Previously most of such finds were assigned to the group of nondescript objects. Of particular interest are leather hoods, which served as eye-flaps. The finds of this kind point to a high social status of their possessors, since only representatives of the elite groups could afford hunting with the use of hunting birds.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ В РАННЕЙ ЛАДОГЕ И ТРАДИЦИЯ «ПРИКЛАДОВ» В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СИБИРИ (СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ)

А. В. КУРБАТОВ

Введение. Традиция строительных «прикладов» хорошо известна по русским этнографическим материалам. «Подклад подкладящий» — так жители Смоленской губернии начала XX в. называли подкладываемую колдовскую вещь (СРНГ, вып. 28, 1994: 34). Обряды, связанные со строительством дома в XIX—начале XX в., обычно сопровождались магическими действиями с использованием вещевых «прикладов». Сведения о таких обрядах обобщены в работах Д. К. Зеленина и А. К. Байбурина. У восточных славян в качестве строительной жертвы фигурировали конь, петух и курица, а возможно, и крупный рогатый скот. Принесение в жертву петуха (курицы) было общим явлением в XIX в., а жертвование коров (быков) и лошадей отмечено только на Украине. По русским поверьям дом всегда строился «на чью-нибудь голову», поэтому «при переходе в новый дом отрубали на пороге избы голову у курицы, которую после в пищу не употребляли. Иные же, для предотвращения мнимого несчастья при закладке домов, закапывали куриную голову под главным углом». Но, исходя из такого объяснения, трудно объяснить замену живых существ, использованных в виде жертвы при закладке дома, на неодушевленные предметы — монеты, ладан, шерсть, зерно, куски хлеба. А. К. Байбурин считает возможным параллельное существование двух линий жертв — живой и бескровной (Байбурин 1983: 62–63). Вторая форма преобладала в северных русских уездах — в Вологодской и Архангельской губерниях, где при закладке избы клали «под угол деньги — для богатства, шерсть — для тепла, ладан — для святости». В качестве «прикладов» также использовали серебряные и медные монеты, пучки шерсти, зерна и куски хлеба — все то, чем должен быть богат новый дом. В некоторых местах Вологодской губернии жертвенные деньги отдавали плотникам, а у более бедных хозяев они даже засчитывались как часть платы за труд мастеров (Зеленин 1991: 314–315; Логинов 1993: 82).

Археологические материалы. Сведения о строительных жертвоприношениях получены при раскопках последних лет в Старой Ладогe. В раскопе 4 на Земляном городище в 2010 г. под нижним венцом сруба был найден череп животного (рис. 1). Разбитый, вероятно, еще в древности, этот череп не мог бы привлечь внимание, если бы не известные ранее находки такого рода и в Старой Ладогe, и в других средневековых русских городах. На том же раскопе 4 в 2008 г. был найден целый череп лошади, вероятно, намеренно положенный под углом «большого дома». Вскрытые в этом сезоне отложения относятся к первым десятилетиям X в. (Кирпичников 2009: приложение 6).

В 1981 г. при исследовании северной части «большого дома», открытого в 1950 г., под северо-западным углом сруба был обнаружен череп коровы. Строительство это-

Рис. 1. Старая Ладога, череп животного в основании постройки. Фотография А. В. Курбатова. 2010 г.

го дома отнесено к 881 г. (Рябинин 1985: 39, 46). Другим вариантом «приклада» Е. А. Рябинин считал заготовку деревянного ковша, лежавшую под камнем-наковальней в кузнице на старолadoжском поселении (Рябинин 1994: 19, рис. 12). При анализе «большой постройки», открытой в 1975–1977 гг. на Варяжской улице, В. П. Петренко отмечал среди находок черепа животных. Эту постройку он сопоставлял с языческим храмом в Гросс-Радене, где также найдено много черепов, связанных с культовыми действиями (Петренко 1985: 111). Описывая постройку, исследователь уточнил положение черепов: «внутри постройки... чаше вдоль стен» (Петренко 1975: 9).

Первые закладные жертвы в археологии древнерусского города отметил В. В. Седов в Новгороде. В 1953 г. в самых нижних горизонтах культурного слоя (середина X в.) были найдены остатки древнерусской языческой братчины — жертвоприношение первых поселенцев этого района древнего города (Арциховский 1954: 111; 1956: 43; Седов 1956: 138 и сл.). В. Г. Миронова опубликовала одну из древнейших ям (XI в.) на Ильинском раскопе, в которой лежал скелет коня в анатомическом порядке, но череп отдельно от него. Ноги животного были подогнуты и связаны, на передних сохранилась лыковая веревка. На уровне скелета в западной части ямы отмечены огарок восковой свечи и кнут. Частью строительного обряда первых насельников места она считала находку в материковой яме середины X в. двух бычьих черепов с рогами, поставленных на шейные основания, и перевернутого вверх дном деревянного ковша (Миронова 1967: 215–222).

Именно последняя форма жертвоприношения в городе, связываемая исследователями с началом общего освоения участка территории, а не с построением отдельных домов, закрепилась в отечественной историографии (Арциховский 1956: 43; Засурцев 1963: 121). В последнее время подобный взгляд на закладные жертвы поддержала Н. Н. Фараджева (1999: 90).

Но жертвоприношения первых поселенцев нельзя считать самым показательным обрядом ни с точки зрения географии применения, поскольку они найдены только в Новгороде и Смоленске (Авдусин 1968: 45), ни с точки зрения длительности сохранения традиции строительных «прикладов». В том же Новгороде в 1955 г. были отмечены строительные жертвы иного типа. В. В. Седов описал 9 случаев установки черепа лошади в основании жилых и хозяйственных построек, непосредственно под закладным венцом. Черепа, поставленные точно на шейное основание, часто лежали справа от предполагаемого входа в постройку. Большинство их найдено в нижних горизонтах культурного слоя, причем в XII–XIV вв. строительные жертвы закапывали неглубоко (0,2–0,5 м) по сравнению с находками в слоях X–XI вв. (до 0,6–0,9 м). Всего на Неревском раскопе В. В. Седов отметил около 40 конских черепов, принадлежавших взрослым особям разных пород. По мнению Седова, до 1955 г. аналогичные жертвы не были осознаны исследователями и не привлекали внимания, а черепа брали в комплексе остеологического материала без должной фиксации (Седов 1957: 22–26). О длительности сохранения обряда строительных жертвоприношений в Новгороде говорит факт находки на Ильинском раскопе черепа коня под юго-восточным углом фундамента каменного терема конца XIV–начала XV в. (Миронова 1967: 215–222).

Кроме Новгорода строительные жертвы в 1950–1970-е гг. найдены в ряде городов Восточной Европы. Так, в Старой Руссе четыре конских черепа лежали под нижним венцом дома на усадьбе ювелира, относимой к середине XII в. (Медведев 1978: 23). В Великих Булгарах череп животного найден в ямке близ восточного угла дома XIII в. (Смирнов 1951: 203–204, табл. VII, рис. 131). В Городке на Ловати под Великими Луками, где жизнь протекала в X–XII вв., в основании построек второго этапа жизни поселения (вторая половина XI–XII в.) отмечено намеренное положение черепов животных. В одном из наземных домов череп собаки был найден на дне ямы от опорного столба в углу котлована-подполья, а в другой постройке череп лошади лежал под печью (Горюнова 1983: 9–10).

В Риге закладные жертвы (бытовые предметы и черепа животных) встречены под фундаментами деревянных построек XII–XIII вв. Так, под углом одной из построек на фундаментной подкладке лежали 3 сетевых поплавка. Ритуальными предметами признаны и 5 деревянных палочек-«жезлов» с вырезанной головой человека. Один такой «жезл» встречен под полом столбовой постройки в раскопе 1974–1976 гг. на углу улиц Пелду и Уденсвальда, а другой найден в раскопе на площади Альберта внутри строения, вблизи одного из углов. На том же раскопе под полом другой постройки лежала шейная гривна. Кроме Риги в Латвии строительные «приклады» отмечены на Даугмальском и Талсинском городищах и на поселении ливов в низовьях Даугавы. Эти материалы подтверждаются наличием такого обычая на территориях современной Германии и Польши (Цауне 1984: 39).

Самые ранние строительные жертвы в Риге А. В. Цауне относит к XII в., и найдены они в местах селищ местного населения. Традиция помещения под фундаменты строений особой жертвы наблюдается и в раннегородских постройках Риги XIII в. Жертвы помещали не только под углы жилищ и амбаров, но также у подножия городской оборонительной стены и в сторожевых башнях. Отмечено, что в Риге жертвы клали не под всеми постройками и не под каждый из углов построек. Кроме того, на отдельных усадьбах традиция сохранялась в нескольких поколениях, тогда как на соседних усадьбах она отсутствовала. Обычно жертвоприношение помещали в одном месте, реже — в двух. Чаще оно включало только один предмет, но отмечено и положение 3 сетевых поплавков из коры сосны и 3 черепов лошади. Рижские резные «жезлы» А. В. Цауне сопоставляет с аналогичными находками в Новгороде (Колчин 1971: 41) и на территориях западных славян, в частности, в Волине и у Нейбранденбурга, на острове озера Толлензе. Всего в Риге А. В. Цауне выделил 4 вида жертвоприношений: 1) бытовые предметы; 2) черепа животных и их части (лошади, коровы, козла, собаки) — самый многочисленный вид жертв; 3) животные целиком или большая часть их туш; 4) человеческие жертвы (Цауне 1984: 38; 1993: 205–211).

Нахождение в раскопках 1950–1970-х гг. закладных жертв в разных средневековых городах Восточной Европы контрастирует с относительно редкими находками такого рода в древнерусских городах в 1980–1990-е гг., учитывая сильно возросшие масштабы городских раскопок. Одним из редких памятников, где в последние десятилетия были зафиксированы сразу несколько случаев (около 10) строительной жертвы, был г. Суздаль. Здесь конские черепа найдены под внутривальными срубам и жилыми постройками XI–XII вв. М. В. Седова подчеркнула намеренное положение конских черепов в слой и их связь с постройками (Седова 1997: 207–209, рис. 54, 2). Строительной жертвой археологи назвали и скелет коровы, лежавший в анатомическом порядке у подножия Рюрикова Городища. Здесь были раскрыты строения конца IX–X в., сменявшиеся на одном месте, с хлебными печами во дворах. С ними исследователи связывают 9 конских черепов, лежавших полукругом. По мнению С. А. Семенова, конские черепа изначально были развешаны на столбах или шестах вокруг построек или ограждений с хлебными печами (Семенов 1997: 180–185). Еще один конский череп был отмечен в заполнении подвала наземной постройки (полуземлянки?) XII–XIII вв. в Ярополче Залесском (Седова 1978: 25). На Борисоглебском раскопе в Старой Руссе, на уровне яруса «Ж», в центральной части сруба и под западной стенкой найдены три черепа лошадей, повернутые на восток (Торопова и др. 2001: 17). На сельском поселении Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом, где жизнь протекала только в XIV в., отмечены 9 случаев «ритуальных комплексов» костных остатков в подпольных ямах жилых построек и в погребках, признанных строительными жертвами (Антипина 2009: 188).

Заметная малочисленность строительных «прикладов» в раскопках последнего времени может означать, что ранние наблюдения В. В. Седова и других археологов не поддержаны большинством отечественных специалистов. Стационарные раскопки многих древнерусских городов вообще не дают находок такого рода. Это положение трудно объяснить, учитывая сохраняющиеся до XX в. обряды и поверья. Тем более что раскопки городов дают далеко не единичные находки черепов крупных домаш-

Рис. 2. Мангазея, скелет собаки в основании дома

них животных. Так, в Новгороде на Никитинском раскопе (2003 г.) в слоях второй половины XIV в. найдены 12 конских, 11 коровьих, 9 собачьих, 3 кошачьих черепов (Дубровин 2004: 16). Жертвенными остатками также могли быть скопления конских черепов и других частей скелетов в ранних отложениях на Верхнем замке Полоцка (Штыхов 1975: 100). Хотя подобное может иметь и утилитарное объяснение. Так, на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе, в слоях второй половины XIII–XIV в., место скопления конских черепов и других частей скелетов исследователи считают участком стойлового содержания скота (Торопова и др. 2009: 98–100).

Кроме древнерусских памятников сведения о закладных жертвах имеются и для групп средневекового населения в Восточной Европе, в частности на территории Хазарии. С. А. Плетнева писала о ритуальном захоронении женщины и головы ребенка в яме на пороге кирпичной постройки, считаемой караван-сараям. Это захоронение, по ее мнению, играло роль своеобразного «оберега» для обитателей помещения. Но его можно относить и к закладным жертвам при постройке этого фундаментального сооружения. Закладной жертвой названо также захоронение коня под полом одного из помещений караван-сарая (Плетнева 1996: 35–36, 38). Ритуальными захоронениями она считает и другие аналогичные находки

Традиции закладных жертв зафиксированы и у русского населения Сибири. В Ляпинском остроге в 1960-х гг. рядом с острожной стеной были найдены 2 закопанных черепа собак (Пархимович 2009: 365). В последние годы много строительных «прикладов» зафиксировано в Мангазее: почти в каждой из раскопанных построек, намеренно положенные под разные части домов при строительстве (Визгалов, Пархимом-

вич 2008: 125 и сл.). Они залежали в местах, исключающих вероятность их случайного попадания. Встречены и единичные вещи, и сгруппированные в 1–2 «магических круга» под основанием печи или по периметру постройки, под окладным венцом и завалинками. Известны черепа животных и полные скелеты под постройками (рис. 2). Кроме них в составе «прикладов» есть целые и намеренно сломанные изделия — кожаная обувь, ножи, гребни, серебряные и медные нательные кресты, перстни (Визгалов, Курбатов, Пархимович 2009: 432–433).

Все «приклады» можно разделить на 4 группы по положению: под полом постройки — 4 случая, под завалинкой — 4, под окладным венцом — 3, под основанием печи — 8. Количество вещей — от 1 до 31. Преобладают бытовые предметы — орудия труда, предметы вооружения, детали костюма, бытовые принадлежности, посуда, деньги. Специально приготовленные для строительных жертвоприношений предметы немногочисленны: на Мангазейском городище под порогом одной из построек встречена миниатюрная медная чашечка с зернами проса, перышком глухаря и мелкими раковинами моллюсков, а под печами, завалинке и за пределами построек найдены 11 стилизованных деревянных коней (рис. 3). Аналогичные мангазейским «коники» как детские игрушки известны в древнем Новгороде. Б. А. Колчин отметил 45 таких фигурок. К сожалению, ни в одном случае не указывается местоположение фигурок относительно построек (Колчин 1971: 41–44, 47–50, рис. 19, 7–8, 10, табл. 39, 1, 4–6; 40, 1, 5). А. С. Хорошев учитывал уже 51 деревянную резную фигурку, но видел в них только игровые изделия (Хорошев 1998: 87).

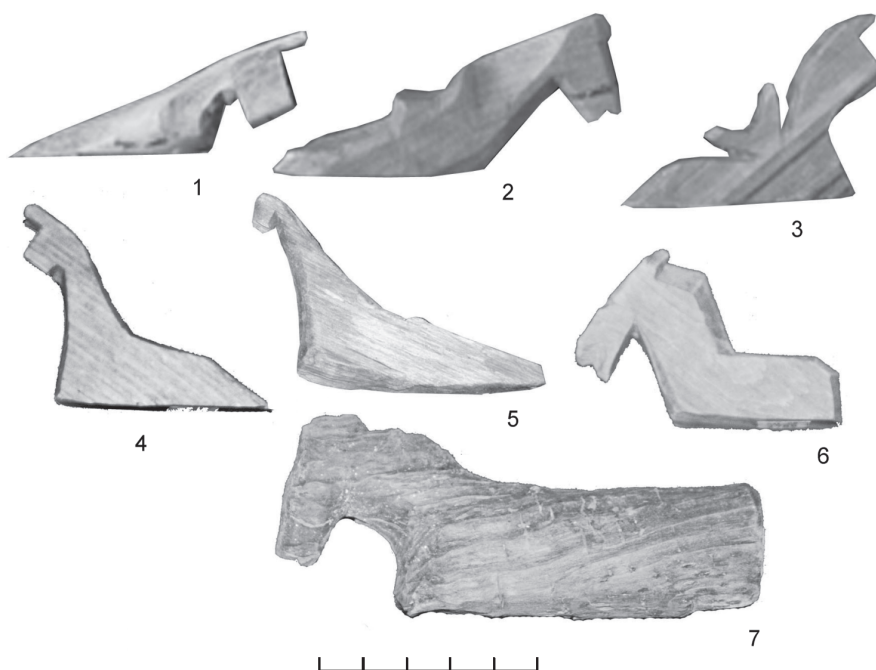

Рис. 3. Мангазея, деревянные фигурки коней

Культовые изображения коня не редкость в ритуальной традиции. Изображения коня, связанные с охранной магией, отмечены в декоре жилищ Русского Севера. В средневековье широкое распространение получили шумящие коньковые подвески, гребни с профильными головами коней на спинках. Предполагается их проникновение в древнерусскую культуру из финноязычной среды и связь с «культом солнечного коня» (Власова 2001: 252, 255; Криничная 2004: 97–103, рис. 9–14; Рябинин 1988: 61). Изображения коня и конских голов связывали с древним обычаем кровавой строительной жертвы, или они олицетворяли домового, считая душу жертвы духом-охранителем. Деревянные «коники», как и костные остатки животных (зайца, петуха, собаки), положенные в основание построек, согласуются с традициями русских приносить жертву домовому. Археологически прослежено положение головы петуха в основании сибирских построек XVII–XVIII вв. (Артемьев 2005: 259).

В двух избах Мангазейского городища под полами лежали елочки с корнями, свидетельствующие о совершении строительного обряда. Обряд постановки деревца внутри строящегося дома известен в этнографии Русского Севера. Он связан с общим представлением о доме как модели мира и убеждением, что такое деревце является воплощением домового (Байбурин 1983: 60; Криничная 2004: 130–131).

Интерпретацию находок в Мангазее усиливают результаты раскопок 2007–2008 гг. в поселке Березово Три «приклада» найдены в постройке конца XVI–начала XVII в.: нижняя челюсть собаки, развал мореного горшка и разломанный на 3 части костяной гребень с ажурной резной спинкой под завалинкой дома. В постройке второй половины XVIII в. под основанием печи, по ее углам, встречены 3 нательных креста (Визгалов 2008: л. 51). Под основанием печи в постройке первой половины XVIII в. были найдены бронзовый нательный крестик, череп собаки возле стены одной из построек того же времени и череп коровы под дворовым настилом (рис. 4).

В Мангазее найдены 5 деревянных и 1 костяной фаллосы, а на посаде г. Березова в слое XVIII в. — 2 деревянных. Все они представляют округлые или овальные стержни с реалистично вырезанными в рельефе головками. В двух случаях в нижней части прорезаны неглубокие кольцевые канавки, в одном — поперечное отверстие, что свидетельствует о подвешивании этих изображений на шнуре. В одном случае изображение найдено под основанием печи, в другом — под полом амбара, в остальных — около жилища. Б. А. Рыбаков приводил сведения о свадебном фаллическом культе у славян по письменным источникам и археологическим комплексам в Ленчице (Польша) и Старой Руссе (Рыбаков 1994: 36, 39, 41, рис.). По народным поверьям мужские гениталии и их изображения отталкивали нечистую силу, провоцировали плодородие и изобилие, имели целительные свойства. Они могли быть аксессуарами эротических игр во время святочных, масленичных и купальских бесчинств (Толстой 1995: 494–495; Толстая 1995: 171–174; Шангина 2003: 35–40, 72–73, 146–147). Участники таких игр «рядились» в различные маски. Хотя в археологических материалах древнерусских городов фаллические фигуры не выделены, к ним можно относить, например, шахматную фигурку XII–первой половины XIII в. с Никитинского раскопа в Новгороде (Дубровин, Козлова, Федорук 2005: 26, рис. 1, 4).

Среди других на Березовском городище найдены доска с прорезным крестом — у порога постройки, а также восковые шарики и свечи. Возможно, доска первоначаль-

Рис. 4. Березовский посад, раскоп № 2, череп коровы под дворовой вымосткой

но использовалась для формовки креста на пасхальном куличе (хлебе), что не отрицает ее использования в качестве «приклада». Магическое значение восковых предметов различно: если свечи (христианский атрибут) считали оберегами жилища, то шарики из воска («святого» вещества) были оберегами для людей и животных, а шарики из «четверговой» свечи применяли в народной медицине, профилактической и приворотной магии (Плотникова 1995: 442–444; Афанасьев 1982: 424–425; Толстой, Усачева 1995: 420–423).

На Мангазейском городище жертвенные горшки найдены под полом в углу сруба, на Березовском городище — под забутовкой завалинки, у выпусков бревен сруба. Такой предмет имел иную символику. В представлениях славян горшок связывали с символикой печи и земли, он осмыслялся как вместилище души. При закладке дома горшки с обрядовой пищей закапывали в углах домов, под фундаментом (Топорков 1995: 526–530). У русских зафиксирован и обычай, в случае смерти хозяина дома, закапывать под «красный» угол горшок, «чтобы не переводился домовый» (Плотникова 2002: 142–144).

Отмеченные находки дополняет и уникальный случай использования шведской медной монеты на Русском Севере. В 1928 г. при разрушении деревянной Стрелицкой церкви в Тотемском уезде из-под ее основания извлекли талер 1649 г. — жертвенную монету, положенную в память об удачной торговой операции тотемского купца в Швеции. Возможно, это была часть вклада на построение храма (Быков 1994: 76).

Выводы. Археологические раскопки последних лет подтверждают, что традиция помещения строительных жертв-«прикладов» в основания строящихся домов широко практиковалась в средневековой Руси и сохранялась в русской традиции до XVIII в. и даже позднее. Более того, можно говорить, что строительные «приклады» в Восточной Европе являются едва ли не единственной строительной традицией, сохраняющейся в славянской среде на протяжении тысячи лет.

Надо отметить географическую ограниченность археологически прослеженного обряда строительной жертвы в ареале Балтийского моря, по его южному берегу, включая территории современных государств Германии, Польши, Латвии, Эстонии и России. На территории Руси эта традиция преимущественно фиксируется на северо-западе, т. е. в Новгородской земле. Поэтому нельзя считать случайным проявление обряда строительной жертвы в первых русских городах Западной Сибири. В составе воинских команд, строителей и первых поселенцев этих городов было много выходцев с Русского Севера, ранее входившего в области, управляемые Великим Новгородом. Кроме того, нахождение отдельных черепов в Суздале и Ярополче Залесском можно рассматривать как распространение северо-западной строительной практики путем переселения в Северо-Восточную Русь групп новгородцев.

В исследовательской практике сохраняются и необоснованные случаи отнесения объектов к группе ритуальных. Например, жертвенной ямой X в., сходной с ямой для жертвоприношения, совершенного первыми насельниками в Новгороде, назван один из объектов на Троицком XIII раскопе. Конструкция ямы, стенки и дно которой обложены берестой, позволяет видеть в ней емкость для сбора золы и угля из домашней печи (Тянина 2010: 151 и др.). Три подобных объекта зафиксированы на Земляном городище в Старой Ладге в раскопе 2010 г. Они связаны с древнейшими постройками на этом участке, датируемыми серединой—второй половиной IX в.

Авдусин 1968 — *Авдусин Д. А.* Смоленская археологическая экспедиция // АО 1967 года. 1968. С. 45.

Антипина 2009 — *Антипина Е. Е.* Археозоологическая информация к изучению хозяйства жителей средневекового села Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2009. Вып. 1. С. 172–208.

Артемьев 2005 — *Артемьев А. Р.* О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 260–267.

Арциховский 1954 — *Арциховский А. В.* Раскопки 1953 г. в Новгороде // ВИ. 1954. № 3. С. 106–113.

Арциховский 1956 — *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода. 1956 (МИА. Вып. 55. ТНАЭ. Т. 1).

Афанасьев 1982 — *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М., 1982.

Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Быков 1994 — *Быков А. В.* Медные шведские монеты на территории Русского Севера в XVII в. // Культура Русского Севера. Вологда, 1994. С. 72–77.

Визгалов 2008 — *Визгалов Г. П.* Отчет о НИР. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово в 2008 году. Нефтеюганск, 2008. Кн. 1 и 2.

Визгалов, Курбатов, Пархимович 2009 — *Визгалов Г. П., Курбатов А. В., Пархимович С. Г.* Строительные «приклады» в Восточной Европе и Западной Сибири (по данным археологии и этнографии) // НОМО EURASIUS. У врат искусства: Сб. трудов международной конференции. СПб., 2009. С. 426–436.

Визгалов, Пархимович 2008 — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.

Власова 2001 — *Власова И. В.* Северное жилище XIX–начала XX в. // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX вв. М., 2001. С. 207–278.

Горюнова 1983 — *Горюнова В. М.* Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в X–XII вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР: ТД Межреспубликанского симпозиума. Рига, 1983. С. 8–12.

Дубровин 2004 — *Дубровин Г. Е.* Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // ННЗИА. 2004. Вып. 18. С. 13–18.

Дубровин, Козлова, Федорук 2005 — *Дубровин Г. Е., Козлова А. В., Федорук Н. С.* Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // ННЗИА. 2005. Вып. 19. С. 22–29.

Засурцев 1963 — *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. 1963. С. 5–165 (МИА. Вып. 123. ТНАЭ. Т. 4).

Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

Кирпичников 2009 — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2008 г. // НА ИИМК РАН, ф. 35. 2009.

Колчин 1971 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971 (САИ. Вып. Е1-55).

Криничная 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.

Логинов 1993 — *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993.

Медведев 1978 — *Медведев А. Ф.* Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // АО 1977 года. 1978. С. 23–24.

Миронова 1967 — *Миронова В. Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. 1967. № 1. С. 215–227.

Пархимович 2009 — *Пархимович С. Г.* Языческая символика в обрядовой практике Мангазеи и Березова XVII века (по материалам археологических исследований 2001–2008 гг.) // Новгородская земля–Урал–Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург, 2009. Ч. 2. С. 363–375.

Петренко 1975 — *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. Ч. 1: текст, приложения // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1975 г., д. 163.

Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 81–116.

Плетнева 1996 — *Плетнева С. А.* Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.

Плотникова 1995 — *Плотникова А. А.* Воск // Славянские древности. Энциклопедический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 442–444.

Плотникова 2002 — *Плотникова А. А.* Дом // Там же. М., 2002. Т. 2. С. 142–144.

Рыбаков 1994 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. 2-е изд. М., 1994.

Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 27–75.

Рябинин 1988 — *Рябинин Е. А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 55–63.

Рябинин 1994 — *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общепольских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5–59.

Седов 1956 — *Седов В. В.* Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 138–141.

- Седов 1957 — *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 20–30.
- Седова 1978 — *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978.
- Седова 1997 — *Седова М. В.* Суздаль в X–XV веках. М., 1997.
- Семенов 1997 — *Семенов С. А.* Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX–X в. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 180–190.
- Смирнов 1951 — *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
- СРНГ, вып. 28, 1994 — Словарь русских народных говоров. СПб., 1994. Вып. 28.
- Толстая 1995 — *Толстая С. М.* Бесчинства // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 171–174.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Гениталии // Там же. С. 494–495.
- Толстой, Усачева 1995 — *Толстой Н. И., Усачева В. В.* Волосы // Там же. С. 420–423.
- Топорков 1995 — *Топорков А. Л.* Горшок // Там же. С. 526–530.
- Торопова и др. 2001 — *Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е.* Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // ННЗИА. 2001. Вып. 15. С. 16–19.
- Торопова и др. 2009 — *Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Доброва О. П., Колосницын П. П., Воронков И. А., Колосницына Е. Е., Шарамко А. Р.* Археологические исследования 2008 г. в Старой Руссе // ННЗИА. 2009. Вып. 23. С. 97–108.
- Тянина 2010 — *Тянина Е. А.* Жертвенная яма X века на Троицком раскопе Новгорода (раскопки 2009 г.) // ННЗИА. 2010. Вып. 24. С. 151–158.
- Фараджева 1999 — *Фараджева Н. Н.* Древнейшие постройки Троицкого XI раскопа // ННЗИА. 1999. Вып. 13. С. 89–99.
- Хорошев 1998 — *Хорошев А. С.* Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // ННЗИА. 1998. Вып. 12. С. 82–94.
- Цауне 1984 — *Цауне А. В.* Жилища Риги XII–XIV вв. (по данным археологических раскопок). Рига, 1984.
- Цауне 1993 — *Цауне А. В.* Язычество древней Риги // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. С. 205–216 (МАР. Вып. 1).
- Шангина 2003 — *Шангина И. И.* Русский народ. Будни и праздники. СПб., 2003.
- Штыхов 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975.

BUILDING SACRIFICES IN ANCIENT LADOGA AND THE TRADITION OF «PRIKLADS» IN EAST EUROPE AND SIBERIA (MIDDLE AGES AND NEW TIME)

A. V. Kurbatov

Building «priklads» (offerings left in the foundations of buildings under construction), discovered in the course of recent archaeological excavations, confirm previous finds of this kind in East Europe. They show that the tradition to place offerings in the foundations of buildings was widely spread in Medieval Russia and survived till the XVIIIth century and even later. The East European building «priklads» should be considered almost the only building tradition that persisted among Slavs for a thousand years.

ЛИТОГРАФИЧЕСКИЕ КАМНИ ИЗ РАСКОПОК ВО ДВОРАХ ГЛАВНОГО ШТАБА

В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, В. Я. СТЕГАНЦЕВА

Здание Главного штаба, построенное по проекту архитектора Карло Росси в 1824–1826 гг., оформляет один из красивейших архитектурных ансамблей Петербурга — Дворцовую площадь. В нем располагались основные государственные учреждения Российской империи, в том числе Министерство иностранных дел. В настоящее время Восточное крыло этого здания передано Государственному Эрмитажу и там проводятся реставрационные работы с целью сохранения и приспособления здания для нужд музея.

В 2009–2011 гг. во дворах и помещениях цокольного этажа Восточного крыла Главного штаба археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН были проведены широкомасштабные археологические раскопки и наблюдения за земляными работами. В одном из помещений цокольного этажа, на границе 2-го и 3-го дворов (рис. 1), в слое строительного мусора, перекрывавшего пол, были обнаружены фрагменты шлифованных плит из мелованного известняка с остатками надписей. Часть плит была залита цементным раствором, попавшим сюда при производстве строительных реставрационных работ, что затрудняло расчистку и идентификацию плит. Лицевые стороны плит были отшлифованы. На некоторых из них выявлены надписи на русском и французском языках, сделанные в зеркальном отражении, так что при прикладывании к ним чистой бумаги должен был получиться нормальный текст, представляющий шапку исходящего документа. Обратные стороны имели шероховатую поверхность, надписи «МИД» и трехзначные числа под ними, выполненные черной краской по трафарету или от руки. Боковые стороны в некоторых случаях были прямыми, в некоторых — профилированными. В общей сложности удалось расчистить и собрать более 100 фрагментов плит различных форм и размеров. Еще шесть таких же плит было найдено при раскопках во 2-м дворе Восточного крыла Главного Штаба (Приложение).

Изучение надписей на плитах дает возможность утверждать, что перед нами часть архива литографии Министерства иностранных дел.

Термин *литография* образован от греч. λίθος — камень и γράφω — пишу. Имеется несколько способов нанесения изображения на камень: **автография** — перевод на гладкий камень автографа, написанного на специальной литографской бумаге специальными литографскими чернилами или тушью; при **перепечатывании** — изображение переводят на литографский камень при помощи переводной бумаги с другого камня или типографской доски; **фотолитография**; **хромолитография**, **олеография**. Для канцелярских целей актуальны только два первых способа (Томкович 1893: 6–7)

Литографический способ печати был изобретен в 1796 г. Алоизием Зенефельде-ром. Он коренным образом отличался от существовавших в то время. «Литография есть плоская печать, гравюра на дереве — выпуклая, гравюра на меди — углубленная. В гравюре на дереве и меди создаются чисто ручным способом или с помощью трав-

ления рельефные клише, тогда как камень обрабатывается исключительно химическим способом. Рисунок наносится на камень содержащими жир чернилами, после чего камень покрывается кислотой. Жир и кислота враждебны друг другу. Там, где жир проник в камень, кислота не действует, где подействовала кислота, не пристанет жирная типографская краска. Если теперь на оставшуюся гладкую поверхность накапать краску, то лишь те места, до которых дотронулся рисовальщик, примут ее. Так что в процессе печатания рисунок переносится полностью» (Фридендер 1925: 8).

Литографский камень приблизительно на 97 % состоит из углекислой извести. Он встречается в виде слоистых скал и добывается главным образом в золленгофенских каменоломнях в Центральной Баварии в 60 милях к северо-западу от Мюнхена и в 10 милях к северу от Дуная, из русла которого берется песок для шлифовки поверхности камней прежде чем они покидают каменоломню. Структура камня очень плотная и однородная. Камень тверд, но легко делится на тонкие пласты (Родс 1928: 5; Немировский 2000: 196, рис.), первичная обработка которых производилась обычно на месте (Немировский 2000: 197, рис.). До середины XIX в. литографские камни добывали только в Баварии, позже были открыты месторождения в Англии, Франции и России, но качество добываемых там камней было гораздо хуже баварских (Родс 1928: 7).

Литографию Министерства иностранных дел, одну из первых в России, основал в 1816 г. П. Л. Шиллинг фон Канштадт, он же стал ее управляющим. Павел Львович Шиллинг, барон фон Канштадт, мог познакомиться с возможностями литографии еще в годы своего пребывания в Мюнхене (с 1803 по 1812 г., см. Яроцкий 1963: 10, 15), где он служил в русском посольстве в качестве переводчика. В это время в Мюнхене работал А. Зенефельдер, который для пропаганды своих изобретений открыл литографическое ателье (Коростин 1943).

Во время Отечественной войны 1812 г. П. Л. Шиллинг, будучи в составе русской армии на территории Германии и Франции, вплотную столкнулся с необходимостью копирования и размножения топографических карт и канцелярских документов. После окончания войны, в июне 1814 г., он вернулся на службу в МИД в качестве заведующего одной из цифирных экспедиций (так назывались тогда отделы криптографии или тайнописи) и в июле 1815 г. был отправлен в командировку в Мюнхен. Там он встретился с А. Зенефельдером, вместе с ним посетил золленгофенские каменоломни и заключил договор о поставке литографических камней и оборудования для оснащения литографического заведения. В декабре того же года Шиллинг вновь приехал, чтобы принять выполненный заказ (Яроцкий 1963: 20). Во время приема он произвел пробу оборудования, отлитографировав сатиру В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (Коростин 1943).

«В начале 1816 года уже приступила к работе Литография иностранной коллегии в первой адмиралтейской части № 4 близ Круглого рынка в доме князя Салтыкова» (Яроцкий 1963: 21). 12 июля 1817 г. именным указом № 25919 императора Александра I был утвержден штат «литографического заведения, соразмерного потребностям Государственной Коллегии иностранных дел» (ПСЗ 1830: 16). На содержание Литографии отпускалось 13 560 руб. в год, из них на содержание самого заведения: на наем квартиры, отопление, химические припасы и ремонтные работы 6040 руб., на жало-

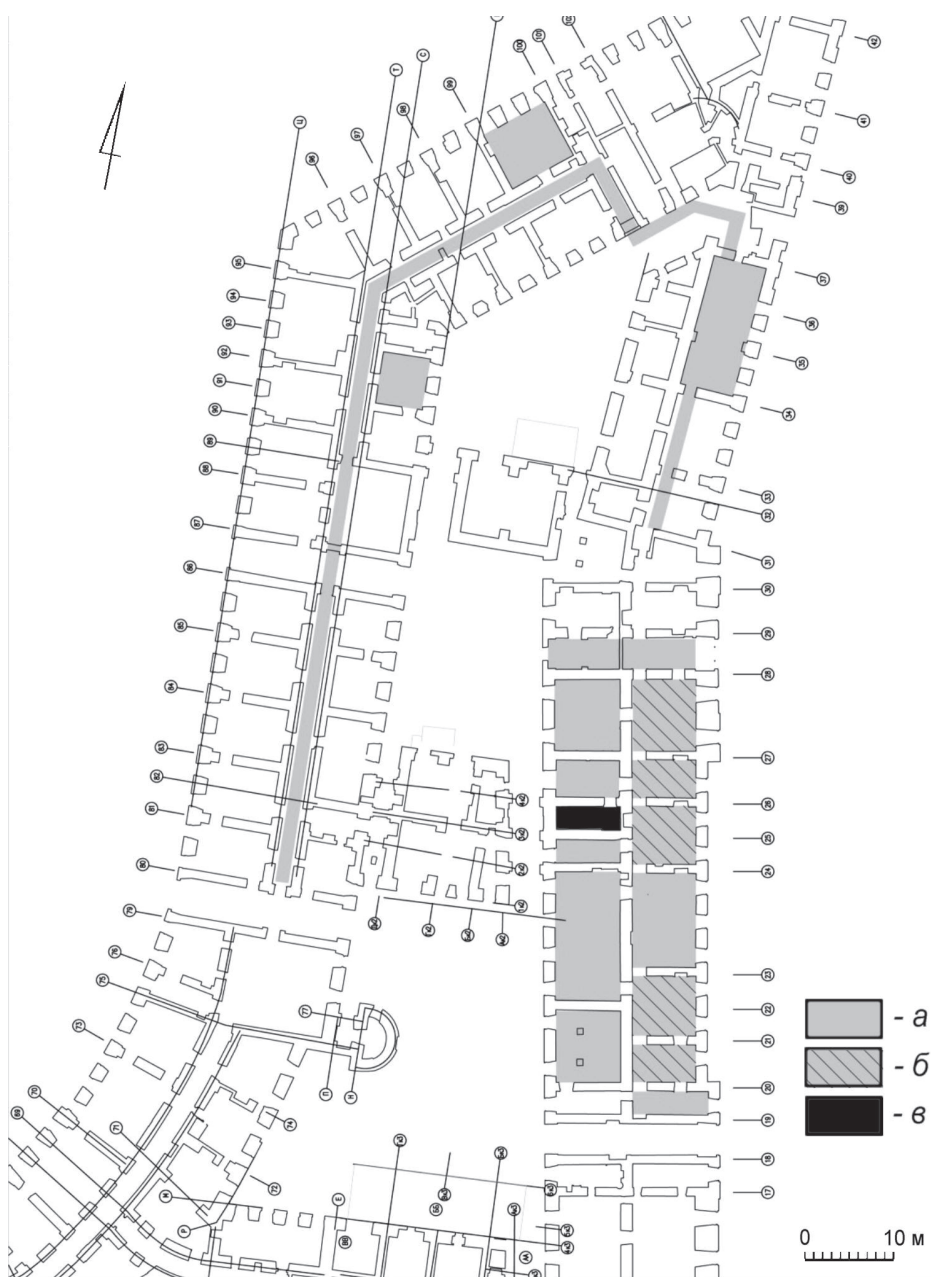

Рис. 1. Археологический надзор в 1–3 дворах и цокольных помещениях Главного штаба.
 Условные обозначения: а — помещения, где проводился археологический надзор; б — помещения, где работы по понижению проектных отметок были приостановлены в связи с выявленными археологическими объектами; в — место находки литографских плит

ванье работникам — 7520 руб. В штате литографии состояли девять человек: первый гравер, в обязанности которого входил и надзор за мастерами, получал 2000 руб. в год, второй гравер — 800 руб., старший печатник — 2000 руб., четыре печатника, которых набирали из воспитанников Академии художеств или Воспитательного дома, — по 500 руб., два шлифовальщика камней — по 360 руб. П. Л. Шиллинг был назначен на должность директора литографии Министерства иностранных дел.

В литературе о П. Л. Шиллинге литография МИД неоднократно называлась первой русской литографией. Однако А. Ф. Коростин, подробно исследовавший этот вопрос, сообщает, что 23 февраля 1803 г. академик В. М. Севергин на конференции Академии наук сделал доклад о литографии «Новый способ отпечатывать рисунки и письма». Доклад был напечатан в виде приложения к газете «Санктпетербургские ведомости». Это первое печатное сообщение о литографии в России, оно появилось всего годом позднее сообщения о литографии во Франции, причем речь шла о рисунке пером, техника карандашного литографирования еще не была известна (Коростин 1943: 26).

В 1814 г. появилась статья о литографии члена-корреспондента Академии наук Иосифа Гамеля «Печатание с камня». Он был командирован в Англию и, следуя примеру В. М. Севергина, оповещал публику о новых изобретениях, прислал ряд статей о важнейших «англинских изобретениях». Гамель ознакомился с литографией Томаса Баркера в г. Бат. В отличие от В. М. Севергина, он имел возможность вникнуть в технологические детали и подробно описал процесс подготовки каменных плит, чернил, нанесение рисунка и т. д. Он отметил, что для рисунка лучше употреблять воронье перо, а для планов и чертежей стальные перья. Гамель отметил и «особое преимущество» литографии — возможность получить «бесконечное число отпечатков или копий, как, напротив того, медные доски дают не более 1000 хороших отпечатков» (Там же: 28–29).

В воспоминаниях Н. И. Греча о П. Л. Шиллинге, опубликованных в 1853 г., в художественной и несколько мифологизированной форме преподносится основание Шиллингом первой русской литографии при МИД (Греч 1853).

В некрологе по случаю кончины Шиллинга, К. В. Чевкин¹ писал: «изучив литографию в самой отчизне ее Баварии, он первый ввел сие полезное искусство в Россию и упрочил оное устройством одной из лучших доселе столичных литографий» (Чевкин 1838). Подробно исследуя и сравнивая различные экземпляры двух альбомов художественных литографий «Essais Lithographiques exécutés dans les années 1816.17.18 et 19/ sous la direction du baron Paul Schilling» («Литографические опыты, исполненные в 1816.17.18 и 19 гг. под руководством барона П. Шиллинга в литографическом заведении Государственной коллегии иностранных дел»), вышедшего в ноябре, и «Premier essai de la gravure sur Pierre, faite à S-t Petersbourg au mois de Novembre 1816» («Гравюры на камне, исполненные в Петербурге в 1816 г.»), вышедшего в марте, А. Ф. Коростин приходит к выводу о том, что оба эти альбома представляют собою опытные образ-

¹ К. В. Чевкин (1802–1867) — государственный деятель, с 1838 г. — начальник Штаба Корпуса горных инженеров, впоследствии Главнокомандующий путями сообщений, член Государственного совета.

цы, что они не предназначались для распространения, этим объясняется их редкость и некоторая небрежность в исполнении, и что первой литографией в России являлась литография Военно-топографического депо (Коростин 1943: 32), для работы в которой был приглашен литограф из Мангейма, офицер Вильгельм фон Треттер (Яроцкий 1963: 15). Вторая литография в России была создана в Астрахани учителем музыки Иваном Добровольским и издавала ноты (Немировский 2000: 216).

Таким образом, литография МИДа не была первой в России. Но, вполне возможно, она была лучшей. Этому способствовала личность ее директора, П. Л. Шиллинга, человека разносторонне одаренного, творческого, склонного к изобретениям и усовершенствованиям. В начале своего существования литографическое заведение относилось к Коллегии иностранных дел, в 1832 г., после упразднения последней, подчинялось одной из цифирных экспедиций, а после 1858 г. входила в состав канцелярии МИД. Несмотря на ведомственную принадлежность литографии, ее деятельность не ограничивалась размножением министерских документов (Чугуевский 1971: 282). В 1817 г. был одобрен проект издания пятиязычного словаря Петра Каменского. В «Правилах, на основании коих предполагается приступить к напечатанию китайского словаря, сочиненного коллежским асессором Каменским» были определены организационные моменты: источники и порядок финансирования, то, что должны использоваться и типографский, и литографический способы печати, что ответственным за издание назначается Шиллинг и что «Департамент иностранных дел учинит нужные распоряжения, дабы привести Литографическое заведение в такое совершенство, чтобы предприятие сие могло быть начато и с успехом окончено» (Архив востоковедов, ф. 56, оп. 1, д. 61, л. 1–2). В том же 1817 г. П. Л. Шиллинг был командирован в Германию, где закупил необходимое количество литографских камней, заплатил «изобретателю литографического искусства Алоизу Зенефельдеру за сообщение новых сделанных им по этой части открытий», за изготовление стальных перьев, помощь в выборе камней, изготовление разных литографических чернил, заключил договоры с граверами, литографами и печатниками, которые должны были приехать в Петербург для работы по гравированию и печатанию китайских литер (Архив востоковедов, ф. 56, оп. 1, д. 66, л. 1 об.).

Шиллинг предполагал издать словарь литографско-типографским способом, в типографии собирались печатать с набора четыре текста: русский, латинский, маньчжурский и монгольский. Китайский предполагалось печатать с камней в литографии МИДа. При подготовке камней Шиллинг не ограничивался рисованием букв на поверхности камня. Поверхность камня за пределами нарисованных литер протравливалась до такой степени, что литеры становились выпуклыми, как типографский шрифт. Качество оттисков отличалось особой чистотой, так что их можно было перепутать с изданными в Китае (Чугуевский 1971: 286).²

В 1819 г. был издан текст «Сань Цзы цзин» («Троесловие»). Для него была заказана бумага «на китайский манер». Отзывы европейских синологов были единодушно восторженными. «Мне никогда не приходилось видеть ни одной страницы, напечатан-

² Несмотря на серьезную подготовку и освоенную Шиллингом технику воспроизведения восточных текстов, словарь Каменского так и не был издан.

ной в Европе, которую можно было бы... сравнить с этим шедевром китайской печати. Тщательность исполнения и красота вызвали бы удивление даже у знатока-китайца», писал Монтуччи (Там же: 288). В 1823 г. были изданы книги «Да сюэ» и «Чжун юн». Знаки в них были выгравированы более сложным и изящным стилем (Там же: 289). В дальнейшем Шиллинг занялся подготовкой к изданию тибетских книг и вполне преуспел в этом. Сохранились материалы, свидетельствующие о литографировании персидского и арабского текстов. Л. И. Чугуевский предполагает, что они использовались как учебные пособия для слушателей Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа (Там же: 290).

Во второй половине XIX в. литографическое размножение документов в России было широко распространено. В 1893 г. вышла небольшая брошюра Е. А. Томковича «Домашняя литография. Руководство по автографии и перепечатыванию для канцелярий». В ней автор подробно рассказывал о приемах размножения канцелярских документов, о необходимых приспособлениях и материалах, о рецептах и приемах для изготовления камней, чернил, бумаги и оттисков различных документов. В предисловии он перечисляет выгоды, которые предоставит литография. Среди них экономия денег на переписчиков и копировщиков чертежей, сокращение времени и труда проверки бумаг и чертежей, экономия при размножении различных бланков и форм. «Полное литографское устройство в небольших размерах стоит не более 150 рублей, сообщает автор, поставленное устройство держится много лет, требуя лишь самого незначительного ремонта... Текущие расходы небольшой литографии не превышают одного, двух рублей в месяц. Во всяком случае у себя в литографии исполнять работы — не дороже, нежели в частной литографии, и, уж конечно, дешевле, чем в типографии... или при помощи гектографа (гектографы запрещены как в военном, так и в гражданском ведомстве, ибо анилиновые чернила выгорают)» (Томкович 1893: 1–2).

На найденных при раскопках литографских камнях мы видим два способа нанесения изображения — автография и перепечатывание. Вначале использовался только автографический способ, когда еще не было печатных машинок, причем текст с листа бумаги переводился только один раз (№ 1, 4).³ На более поздних документах уже используется способ перепечатывания, шрифт явно машинописный.

Судя по имеющимся у нас плитам, литография МИД размножала бланки дипломатической переписки (№ 1, 4, 5, 7, 13, 20, 21); бланки межведомственной переписки для сношений с Министерством Императорского Двора (№ 30), с Главным штабом (№ 45), с газетой «Правительственный вестник» (№ 26) и другими организациями (№ 8, 22, 31, 38, 48); бланки внутриведомственных документов: форма расписки о приеме корреспонденции (№ 46), ведомость учета движения почтовых поступлений (№ 67), титул архивного или личного дела департамента личного состава и хозяйственных дел (№ 42), различные хозяйственные ведомости (№ 66), бланки счетов мастеров (№ 54), которые были связаны с литографией МИД, и др. (№ 12, 19, 24, 25, 28, 32, 36, 37, 40, 43, 51, 55, 57, 60, 65). Некоторые документы не имеют отношения к МИД (№ 6, 23, 53, 54, 64). А. Ф. Коростин (1943) упоминает о том, что литография

³ Здесь и далее № соответствует номеру камня в Каталоге (Приложение).

Военно-топографического депо принимала заказы со стороны. Возможно, литография МИД также выполняла частные заказы.

Архив литографических камней был довольно большим, на обратной стороне плит часто имеется маркировка, состоящая из надписи «МИД» и трехзначных чисел. На обороте плиты № 22 нанесены числа 598 и 620. На плите № 65 имеется маркировка «МИД» и число 446, написанное от руки поверх старого, не полностью стертého. На плите № 36 находится число 643 или 693 — самое большое в нашей коллекции. Создается впечатление, что на более ранних плитах маркировка была более аккуратной и наносилась по трафарету.

Имеются плиты с разновременными группами надписей, нанесенными в разных местах камня. Камни явно использовали по нескольку раз. Старые надписи соскабливали, поверхность шлифовали вновь, наносили автограф нового бланка. Камень с бланком письма гр. Медема когда-то был почти вдвое больше, на его обратной стороне сохранились только цифры архивного номера, а надпись «МИД» оказалась утраченной.

На некоторых плитах имеются части надписей и отдельные слова, выполненные разными почерками. На плите № 23 отдельные строки надписи повторяются дважды. На камне № 26 слова «В редакцию Правительственного Вестника» повторены трижды, части слов почти полностью стерты. На плите № 25 отдельные слова перпендикулярной надписи «Въ подписаніе Господина Директора» повторены еще два раза и почти стерты. На плите № 39 красивым прямым шрифтом со штриховкой, светлеющей кверху, нанесена только часть титула царя. Эта надпись не использовалась для официальных оттисков. На камне № 51 несколько отдельных полустертых слов и среди них «Орангутантъ», которое также было нанесено ранее. Это своеобразная «проба пера», пробные, иногда шуточные слова, следы упражнений учеников или подмастерьев.

Возможно, перед нами не часть архива МИД, а часть «архива» камней для учебных работ. При этом отдельные камни явно попали сюда после того, как стали непригодными для оттисков после сломов, как, например, плита № 42, у которой утрачена левая сторона вместе с частью надписей, или плита № 6 с таким же дефектом.

Остается открытым вопрос о дате нашей находки. Большая часть дат относится ко второй половине XIX в., и даже к последней его четверти (таблица).

Это, конечно закрытый комплекс, но если верхняя дата может быть определена временем 1900–1906 гг. (первая цифра — это дата на плите № 22 — см. Каталог, вторая — год ухода в отставку В. Н. Ламсдорфа с поста министра иностранных дел), то нижняя довольно расплывчата. Наиболее ранний в нашей коллекции камень № 3, бланк письма гр. Медема, который был посланником в Вашингтоне чуть более года, с мая 1854 по октябрь 1855 г. Правда, сам камень старше, поскольку он был расколот пополам еще до изготовления бланка Медема. Есть еще камень с бланком на имя князя Николая Ивановича Салтыкова, который мог бы датироваться 1816 г., но Салтыков умер 16 мая 1816 г. от тяжелой болезни, а литография начала работать осенью того же года.

Судя по состоянию камней, их оббитости, многократной использованности, обстоятельствам их залегания в глухом чулане под лестницей, камни были сброшены

Таблица

Возможные датировки литографских камней

№ по Каталогу	Шифр	Упомянутый сотрудник МИД, государственный деятель департамент или	Возможная датировка
4	П-99	А. И. Медем	1854–1855 гг.
7	П-102	К. В. Нессельроде	1816–1856 гг.
8	П-103	Н. И. Салтыков	1816 гг.
		И. Н. Воронцов-Дашков	1881–1897 гг.
13	П-108	П. Д. Киселев	1856–1862 гг.
22	П-117	Церемониальная комиссия	после 1858 г.
30	П-125	А. В. Адлерберг	1872–1889 гг.
32	П-127	В. С. Оболенский	1886–1891 гг.; с 1891 г. носил тройную фамилию Оболенский- Нелединский-Мелецкий
36	П-131		
37	П-132		
43	П-138		
42	П-137	Департамент личного состава и хозяйственных дел	с 1868 г.
45	П-140	Н. К. Гирс	1875–1895 гг.
		А. Г. Жомини	1879–1880 гг.
		Н. Х. Бунге	1882–1895 гг.
		Н. Н. Обручев	1881–1897 гг.
64	П-160	В. Н. Ламсдорф	1886–1906 гг.

сюда после того, как в них исчезла необходимость. Вероятно, это произошло в начале XX в., после того как появилась новая множительная техника, возможно, портативная типография или светопечать.

Раскопки во дворах и помещениях цокольного этажа Восточного крыла здания Главного штаба в настоящее время закончены. Строительные и реставрационные работы близятся к завершению. Эрмитаж уже начал осваивать новые площади. В дальнейшем рост его коллекций и экспозиций вновь потребует новых пространств. Мы надеемся, что в недалеком будущем и Западное крыло здания будет передано Эрмитажу. В таком случае археологи могут надеяться на находку новых литографических плит — из архива литографии Военно-топографического депо.

Приложение

**Каталог литографских камней
из раскопок во дворах здания Главного штаба**

1 (2-1-9).⁴ Плита (345 × 220–234 × 44–43 мм) с двумя одинаковыми надписями «*Son Excellence | Monsier | Envoyé Extraordinaire et Ministre plénipotentiaire | de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies | à | А*»,⁵ что в переводе означает «Его Превосходительство | Господин | Чрезвычайный посланник и полномочный министр Его Величества Императора всея Руси | в».⁶ Текст выполнен косым писарским почерком.

2 (2-1-181). Два фрагмента плиты (155 × 155 × 33; 160 × 160 × 33 мм) с оттиском бланка ведомости.

3 (2-1-182). Три фрагмента слоистой каменной плиты (частично склеены; 160 × 150 × 35; 198 × 132 × 14 мм). На обратной стороне сохранились цифры «74», выполненные черной краской от руки, и «619», выполненные такой же краской по трафарету. Последняя группа цифр перекрывает другую надпись.

4 (П-99).⁷ Плита (310 × 220 × 23 мм) с двумя одинаковыми надписями «*A Monsieur | Monsieur le Comte de Medem | Coseileractuel et Chambellan de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, Son Envoyé Extraordinaire et Ministre Plünipotentiaire près des Etats-Unis de l'Amérique du Nord, Chevalier Grand' Croix de plusieurs Ordres ets. ets. | à Washington*», что в переводе значит «К Господину | Господин Граф Медем | Действительный Государственный Советник Его Величества Всероссийского Императора, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр при Соединенных Штатах Северной Америки, Рыцарь Большого Креста и разных Орденов и т. д. и т. д. в Вашингтоне».⁸ Текст выполнен косым писарским почерком, повторен дважды, с разных листов бумаги. Вторая надпись сделана той же рукой, но более небрежно. Большая часть нижней надписи покрыта тонким слоем бетона, на котором отпечатались графы ведомостей с другого камня. На обратной стороне имеются цифры «448.», нанесенные по трафарету (рис. 2–3). Эта плита первоначально была вдвое больше, надпись «МИД» не сохранилась.

5 (П-100). Фрагмент плиты (290 × 250 × 60 мм) с оттиском надписи «*A Monsieur | Monsieur le Baron de Meyendorff | Chargé d'Affaires de Russie | á | Copenhagues*», что в переводе значит «К Господину | Господин Барон Мейендорф | Поверенный в делах России | в Копенгагене»⁹ и прямоугольного штампа «EXPEDITION OFFICIELLE», что

⁴ Шифр находки, в котором первая цифра обозначает двор, вторая — участок, а третья — номер по описи.

⁵ Здесь и далее: | — конец строки; [aaa] — буквы, которые не читаются, но подразумеваются; ??? — буквы, которые не читаются.

⁶ Все переводы сделаны сотрудницей экспедиции С. Легран. Авторы пользуются случаем выразить ей свою признательность.

⁷ Здесь и далее П обозначает подвал, цифры — номер по описи.

⁸ Александр Иванович Медем (1803–1859) — известный российский дипломат, был посланником в Вашингтоне с 9.02.1854 по 3.05.1855 (Очерк истории... 1902. Приложение: 23).

⁹ К сожалению, не совсем понятно, к кому из дипломатов Мейендорфов относится этот текст. Все трое в разное время и в разных государствах представляли Россию в Европе. В списке поверенных, опубликованном в «Очерке истории...» (Очерк истории... 1902. Приложение), фамилия Мейендорф не значится. Возможно, документ был заготовлен впрок и не использовался.

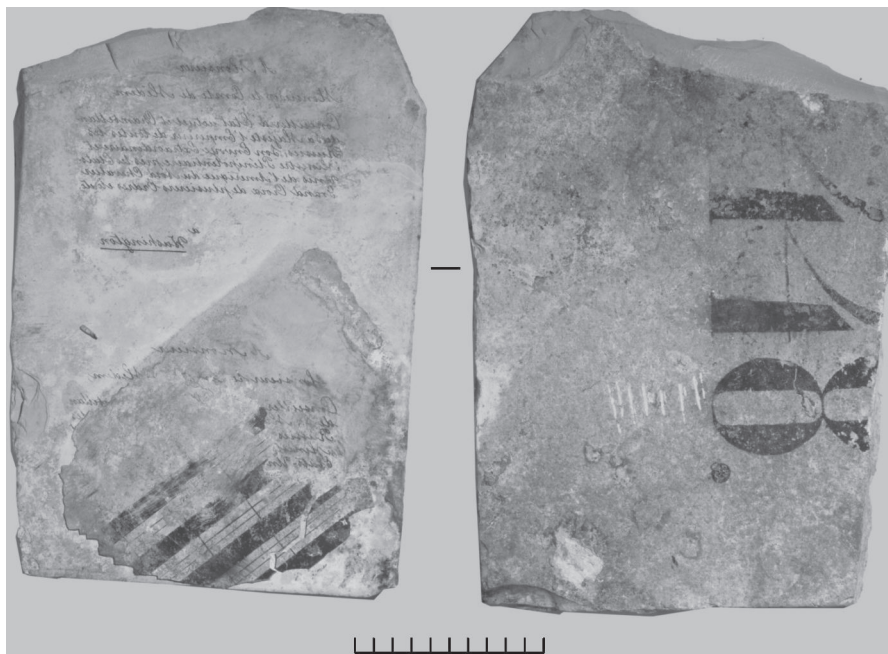

Рис. 2. Литографская плита № 4 (П-99), вид с лицевой и обратной сторон

значит «ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ». Текст выполнен косым писарским почерком, штамп — печатными буквами.

6 (П-101). Фрагмент плиты (185 × 104 × 28 мм) с оттиском бланка денежной ведомости и угловой надписью с завитушками «... Дня 18... г. | Verferticht | Valtren Rebern | und | Fernisse», что в переводе значит «Мануфактура | Valtren Rebern | и | Fernisse». Дата выполнена косым писарским почерком, остальной текст — прямым.

7 (П-102). Фрагмент плиты (220 × 147 × 22 мм) с оттиском надписи «Comte de Nesselrode | faire l'honneur | ???r | h? | lu? | R.S.V.P.», что в переводе значит «Граф Нессельроде | оказать честь | ????? | Ответьте, пожалуйста». ¹⁰ Верхняя часть надписи выполнена готическим шрифтом, остальная косым писарским почерком, довольно небрежно.

8 (П-103). Два фрагмента плиты (склеены; 275 × 295 × 32 мм) с полустертым оттиском трех групп надписей «От | Иссена | Князю Николаю Ивановичу Салтыкову», ¹¹ «От Директора Канцелярии Минис. Инос. Дел» и «Весьма нужное | .Графу ???иону Ивановичу | Вор??ову-Дашкову | Господину Министру ИМПЕРАТОРСКОГО Двора | Его

¹⁰ К. В. Нессельроде (1780–1862) занимал пост министра иностранных дел в 1816–1856 гг.

¹¹ Н. И. Салтыков, граф (1736–1816), в 1814 г. возведен в княжеское достоинство, председатель Государственного совета и Комитета министров (1812–1816). Вероятно, именно в его доме начало работать литографическое заведение Иностранной коллегии. Возможно, документ не имеет отношения к этому деятелю, так как Н. И. Салтыков умер 16 мая 1816 г., а литография начала работать осенью того же года.

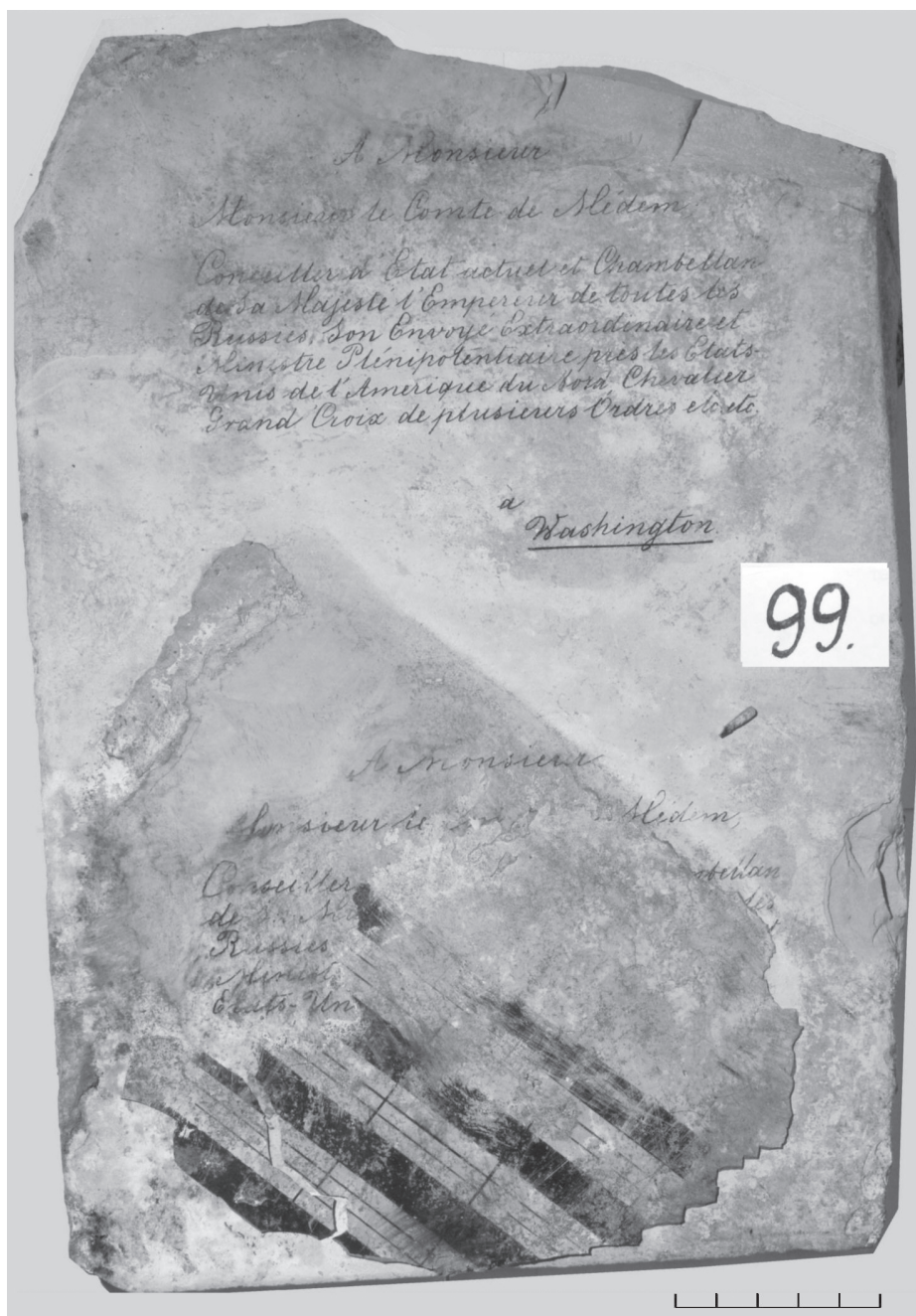

Рис. 3. Литографская плита № 4 (П-99) с бланком письма графа Медема (изображение дано в зеркальном отражении)

Сіятельству».¹² Первая и третья надписи выполнены косым писарским почерком, вторая — прямым.

9 (П-104). Фрагмент плиты (128 × 114 × 30 мм) с оттиском бланка ведомости с надписью «*oern*».

10 (П-105). Два фрагмента плиты (склеены; 175 × 165 × 25 мм) с оттиском надписи «*A son Altesse Imperiale | Monseigneur le | Prince*», что в переводе значит «К Его Императорскому Величеству | Высочество | Князь». Надпись выполнена косым каллиграфическим почерком. В левом верхнем углу отмечен уголок для размещения листа бумаги. На обратной стороне имеются буквы «ИД» и остатки какой-то цифры, нанесенные черной краской.

11 (П-106). Фрагмент плиты (235 × 92 × 37 мм) с оттиском надписи «*particulière*», что в переводе значит «*частная*». Ниже имеется завиток от буквы «L». На обратной стороне сохранился остаток буквы «Д», нанесенной черной краской.

12 (П-107). Фрагмент плиты (312 × 172 × 33 мм) с оттиском надписи «*Projet de | Approuvé | par | a*», что в переводе значит «Проект | **Одобрено** | кем | в».

13 (П-108). Фрагмент плиты (125 × 145 × 37 мм) с оттиском надписи «*Elle?? le goi???* | *S. Ex. M. Le Cte de Kiss?lev*», что в переводе значит «*????* | Его Превосходительство Господин Граф Киселев»,¹³ выполненной косым писарским почерком.

14 (П-109). Фрагмент плиты (158 × 160 × 28 мм) с полустертым оттиском надписи «*A...ade...Rusjie...*». На обратной стороне сохранился остаток букв «МИ», нанесенных черной краской.

15 (П-110). Фрагмент плиты (105 × 126 × 27 мм) с оттиском надписи «*Le Prince...*».

16–17 (П-111, П-112). Фрагменты плит (98 × 115 × 25 и 124 × 100 × 26 мм) с прямоугольными штампами «EXPEDITION OFFICIELLE», что значит «ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ», возможно, это ярлыки для дипломатической почты.

18 (П-113). Фрагмент плиты (50 × 43 × 37 мм) с оттиском надписи «*enn...*».

19 (П-114). Фрагмент плиты (147 × 127 × 32 мм) с оттиском надписи «*N^o | Я, ниже-подписавшийся при ??? | Министерства Иностр | на имя | П.бургъ.*», выполненной косым писарским почерком. Вероятно, расписка в приеме корреспонденции.

20 (П-115). Два фрагмента плиты (157 × 140 × 27; 125 × 150 × 27 мм) с оттиском двух виньеток и надписи «*Ministère des | Affaires Etrangères | Chancelier | St. Pétersberg*», что в переводе значит «Министерство иностранных дел | Канцлер | С. Петербург», выполненной различными прямыми шрифтами. Вероятно, тогдашний логотип МИД.

21 (П-116). Фрагмент плиты (215 × 215 × 75 мм) с полустертым оттиском надписи в 12 строк «*...avec tours... les égards... dont l'hon (honneur?)... armées... ou effets... ils ne seront... à aucune contrainte... géraient pas...*», что в переводе значит «...со всех... почтении... о котором (честь?)... армии... или эффекты... они будут... никаком принуждении... не управляли...», выполненной косым писарским почерком..

¹² Илларион Николаевич Воронцов-Дашков, граф (1837–1916) — министр Императорского Двора и уделов (1881–1897).

¹³ Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872) — член Государственного совета (с 1834 г.), министр государственных имуществ (1838–1856), посол во Франции (1856–1862), возведен в графское достоинство в 1839 г.

22 (П-117). Фрагмент плиты (308 × 340 × 33 мм) с полустертым оттиском надписи «[Цере]мониальная Часть Министерства [ИМПЕРАТ]ОР | СКАГО Двора... Канцелярия Министерства Иностранных [дел имеет] честь уведомить Церемониальную [комиссию] | будет иметь [честь] Представить [его величеству] ГОСУДАРЮ. | .ИМПЕРАТОРУ | С.Петербург 190...»,¹⁴ выполненной машинописным шрифтом. На обратной стороне находятся цифры «620» и «598», написанные от руки черной краской.

23 (П-118). Фрагмент плиты (95 × 193 × 30 мм) с оттиском надписи в восемь строк «МАСТЕРЬ КОЛО | *Мастерь коло* | РОМАНЪ АНТОН | по | Апраксину пер | *противъ будки въ | Лихачева № 2 | въ Петербурѣ*» (рис. 4, 2). На обратной стороне находится часть буквы «М», сделанная черной краской по трафарету.

24 (П-119). Фрагмент плиты (168 × 130 × 34 мм) с оттиском надписи «*II Экспедиція*»,¹⁵ выполненной косым писарским почерком. На обратной стороне находится часть буквы «Д», сделанная черной краской по трафарету.

25 (П-120). Фрагмент плиты (196 × 287 × 32 мм) с оттиском трех групп надписей, расположенных перпендикулярно друг к другу: «Въ Подписани[e] | Господина Директора | ???», выполненными прямыми буквами со штриховкой; «*и обратно | курьеру | отправленному туда | по приказанию Г. | Управляющій | Канцелярію*» (рис. 4, 8), выполненная косым писарским почерком; «? По[дписа]нію», средняя часть почти стерта, выполнена прямыми буквами. На обратной стороне находится цифра «40», сделанная черной краской по трафарету.

26 (П-121). Фрагмент плиты (224 × 197 × 32 мм) с оттиском трех групп надписей: «Въ Редацію | Въ [Ре] [Ре] | Правительственнаго Вѣстника. | [В] Редацію Правительственного | Вѣстника», выполненные прямым почерком, стилизованным под готический шрифт, часть надписи стерта; «*Директора Канцеляріи Мин. Ин. Дѣлъ*», выполненная косым писарским почерком. На обратной стороне находится часть буквы «М», сделанная черной краской по трафарету.

27 (П-122). Фрагмент плиты (100 × 140 × 34 мм) с почти стертым оттиском надписи на французском языке.

28 (П-123). Фрагмент плиты (210 × 122 × 32 мм) трапециевидной формы с оттиском надписи «[Деп.] Внутр. Снош. [М] Ин Дѣлъ». На обратной стороне находится часть буквы и цифра «0», сделанные черной краской по трафарету.

29 (П-124). Фрагмент плиты (248 × 114 × 30 мм) с оттиском надписи «*Его Превосходительству | Ивану Але???*», выполненной каллиграфическим почерком.

30 (П-125). Фрагмент каменной плиты (315 × 455 × 45 мм) с негативным оттиском надписи в 8 строк «*нужное | Его сиятельству | Графу Александру Владимировичу | Адлербергу | Господину Министру ИМПЕРАТОРСКАГО Двора | [сек]ретаря Гирса в собственная руки | П??н??го Канцеляріи | ??? ???*»¹⁶ (рис. 5), выполненной косым писарским

¹⁴ Церемониальная часть была изъята из ведения Министерства иностранных дел в 1858 г. и причислена к составу Министерства Императорского Двора (Очерк истории... 1902: 161).

¹⁵ В 1832 г. Министерство иностранных дел было реорганизовано. Департамент внешних сношений состоял из пяти экспедиций (отделов). II экспедиция представляла собой собственно Канцелярию МИД во главе с управляющим, исполнявшим должность директора, в ведении которого находились секретари и в случае надобности нештатные сотрудники; при канцелярии был архив.

Рис. 4. Образцы надписей на литографских плитах: 1 — № 5 (П-100); 2 — № 23 (П-118); 3 — № 39 (П-134); 4 — № 65 (П-161); 5 — № 46 (П-141); 6 — № 31 (П-126); 7 — № 51 (П-146); 8 — № 25 (П-120)

почерком. На обратной стороне находятся буквы «МИД» и под ними цифры «447», сделанные черной краской по трафарету.

31 (П-126). Фрагмент плиты (249 × 190 × 28 мм) с оттиском надписи в четыре строки «Министръ Иностранныхъ Дѣлъ свидѣтельствуя | имѣетъ честь выразить свою искреннюю признательность | за любезное доставленіе» (рис. 4, б), выполненной машинописным шрифтом.

32 (П-127). Фрагмент плиты (128 × 157 × 27 мм) с оттиском надписи «Сергѣевичу».¹⁷

33 (П-128). Фрагмент плиты (143 × 137 × 28 мм) с оттиском надписи «[Его Превосход]ительству | ???[у] Львовичу | ???анову». На обратной стороне находится часть буквы «М» или «Д», сделанная черной краской по трафарету.

34 (П-129). Фрагмент плиты (125 × 100 × 40 мм) с оттиском надписи «[Имп]ераторск[ому] [величеству] | [Госу]дарынѣ | ???». На обратной стороне находятся цифры «05», сделанные черной краской по трафарету.

35 (П-130). Фрагмент плиты (46 × 55 × 24 мм) с полустертым оттиском надписи «Он | подвер ??? | ??? | ???».

36 (П-131). Фрагмент плиты (378 × 210 × 44 мм) с оттиском надписи «Его Сіятельству От Гартвига | Князю Валериану Сергѣевичу | Оболенскому».¹⁸ На обратной стороне находятся цифры «69», сделанные черной краской от руки.

37 (П-132). Фрагмент плиты (195 × 160 × 32 мм) с оттиском надписи «Князю Валериану[Сергеевичу] | Оболенскому».

38 (П-133). Фрагмент плиты (383 × 149 × 30 мм) с оттиском надписи «Отъ Министра иностранныхъ Дѣлъ». На обратной стороне находится часть надписи «МИД», сделанная черной краской по трафарету.

39 (П-134). Фрагмент плиты (375 × 184 × 35 мм) с оттиском надписи «**ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ**», выполненной вертикальным шрифтом прописными буквами, с штриховкой, светлеющей кверху (рис. 4, з). На обратной стороне находятся цифры «119» (?), сделанные черной краской.

¹⁶ Александр Владимирович Адлерберг, граф (1819–1889) — министр Императорского Двора (1872–1889). Николай Карлович Гирс (1820–1895) — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Швейцарии (1869–1872), чрезвычайный посол и полномочный министр в Швеции и Норвегии (1872–1875), управляющий Азиатским департаментом, товарищ министра иностранных дел (1875–1882), министр иностранных дел (1882–1895). Михаил Николаевич Гирс (1856–1932) — сын Н. К. Гирса, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), советник МИД, посланник в Бразилии (1895–1898), в Китае (1898–1901), в Баварии (1901–1902), в Румынии (1902–1910), в Австро-Венгрии (1912–1913), в Османской империи (1913–1914), в Италии (1915–1917). По воспоминаниям Ю. А. Соловьева, М. Н. Гирс «имея... звание советника министерства ... фактически в течение семи лет являлся личным секретарем своего отца» (<http://www.rusdiplomats.narod.ru/ambassadors/girs-mn.html>).

¹⁷ Валериан Сергеевич Оболенский (1848–1907) — директор канцелярии МИД (1886–1887), старший советник МИД (1887–1900), временно управляющий МИД (1901), товарищ министра иностранных дел (1906–1907). После смерти старшего брата с 1891 г. носил фамилию Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

¹⁸ Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914) — сотрудник МИД, вице-директор Азиатского департамента (1900–1904), директор 1-го департамента МИД (1904–1906). (www.rusdiplomats.narod.ru/ambassadors/gartvig-ng.html), В. С. Оболенский — см. примеч. 17.

40 (П-135). Фрагмент плиты (275 × 225 × 27 мм) с оттиском надписи «Управляющей Канцелярии», выполненным чернилами косым писарским почерком и остатками оттиска надписи «**Таб** ???», белого цвета на темном фоне.

41 (П-136). Фрагмент плиты (445 × 292 × 30 мм) с полустертым оттиском надписи «...de Russie...».

42 (П-137). Фрагмент плиты (417 × 230 × 35 мм) с оттиском бланка титула архивного дела с надписями «ст.Испол. Отд. | М. И. Д. | Дѣло | Департамента Личного Состава и | Хозяйственных Дѣлъ | [Нача]лось ___ | [Закон] чилось ___». ¹⁹ На обратной стороне находятся цифры «26», сделанные черной краской от руки.

43 (П-138). Два фрагмента плиты (165 × 290 × 48 и 215 × 245 × 48 мм) с полустертым оттиском надписи «От Гартвига | въ собственныя руки | [Его] Сиятельству Валериану Сергѣевичу Князю Оболенскому». На обратной стороне находятся две неразборчивые цифры.

44 (П-139). Фрагмент плиты (320 × 140 × 37 мм) с оттиском надписи «...ператорского Двора».

45 (П-140). 5 фрагментов плиты с оттисками четырех групп надписей, расположенных перпендикулярно друг другу «[Николаю Ка]рловичу Гирс[у]», ²⁰ «[Его выс]окопревосходительству Барону Александру Генриховичу | Жомини», ²¹ «[Николаю] Христиановичу Бунге», ²² «Гну Начальнику», «Его Прево[сходительству] | Николаю Нико[ла]евичу | Обручеву | [Начальник]у Главного Штаба», ²³ «Богговут | Н??», ²⁴ выполненных косым писарским почерком. На обратной стороне находятся остатки букв и цифр, сделанных черной краской: часть надписи «МИД» — по трафарету, остальное — от руки.

46 (П-141). Фрагмент плиты (175 × 230 × 28 мм) с оттиском надписи «№ | Я, нижеподписавшийся принял | Министерства иностранных [дѣлъ] | на имя | С. Пбургъ», выполненной косым писарским почерком. Надпись повторена два раза.

47 (П-142). Три фрагмента плиты (230 × 140 × 32, 165 × 155 × 32 и 120 × 75 × 32 мм) с оттиском части надписи «Прев».

48 (П-143). Фрагмент плиты (263 × 158 × 35 мм) с полустертым оттиском надписи «Государственный Канцлер, [Его превосходи]тельство», выполненной косым писарским почерком.

49 (П-144). Фрагмент плиты (185 × 120 × 30 мм) с полустертым оттиском надписи в три строки «?ро??ивень Богу ?? бе?? | мн???...воляющий родителе??», выполненной

¹⁹ Департамент хозяйственных и счетных дел был переименован в Департамент личного состава и хозяйственных дел, поскольку в его ведение были переданы дела по личному составу всех подразделений министерства в 1868 г.

²⁰ Н. К. Гирс — см. сноску 16.

²¹ Александр Генрихович Жомини, барон (1814–1888) — старший советник Министерства иностранных дел, «в качестве замечательного стилиста, просматривал предварительно все дипломатические документы», товарищ министра иностранных дел (1879–1880) (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/138945/жомини).

²² Николай Христианович Бунге (1823–1895) — финансист, экономист и государственный деятель, товарищ министра финансов (1880–1882), министр финансов (1882–1886), председатель Комитета министров и член Государственного совета (1887–1895) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/бунге>).

²³ Николай Николаевич Обручев (1830–1904) — военный деятель и писатель, начальник Главного штаба (1881–1897) (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/9483>).

²⁴ Александр Федорович Богговут (1806–1883) — генерал от кавалерии.

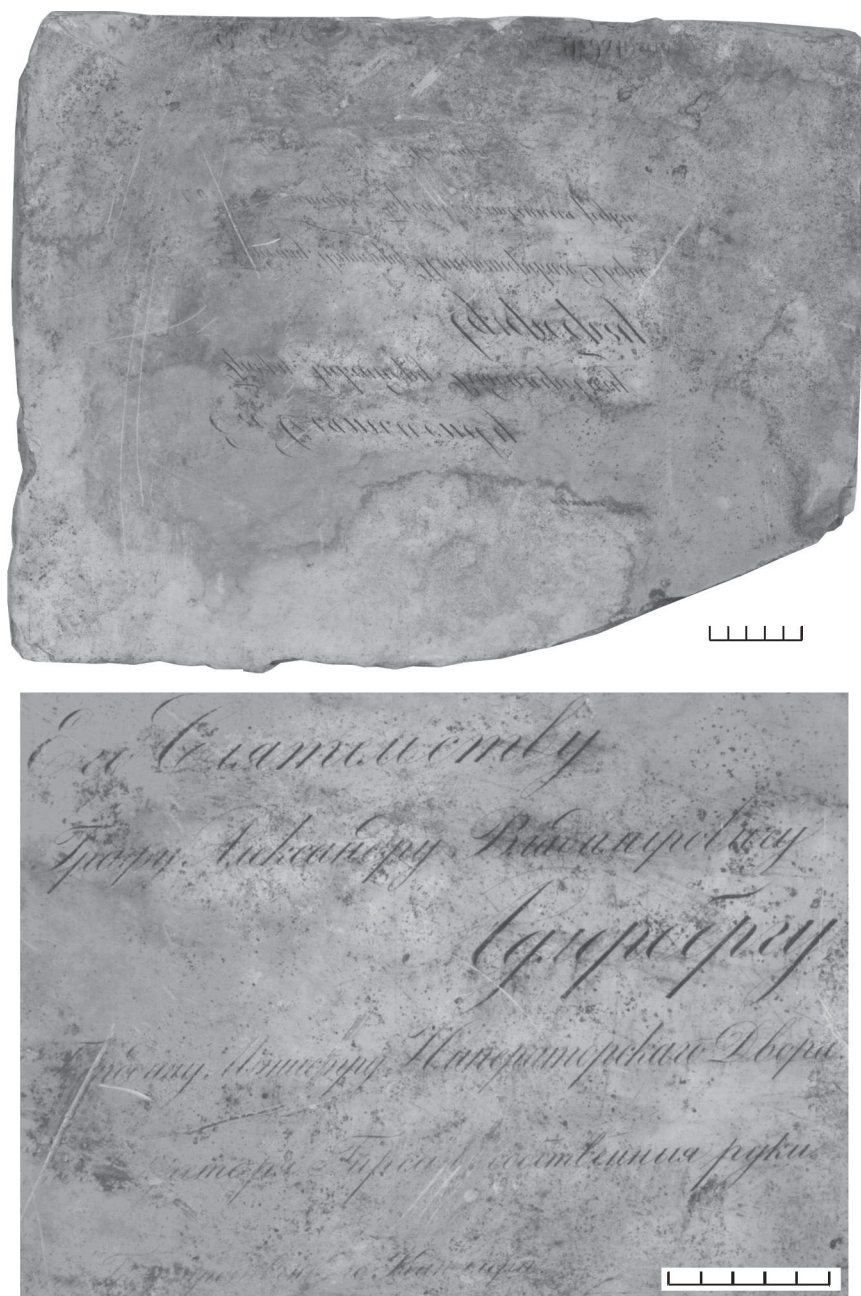

Рис. 5. Литографская плита № 30 (П-125) с бланком письма графу Адлербергу

косым писарским почерком. На обратной стороне находятся остатки цифр, сделанных черной краской по трафарету.

50 (П-145). Фрагмент плиты (265 × 345 × 63 мм) с полустертым оттиском надписи «???...Инос...».

51 (П-146). Фрагмент плиты (135 × 95 × 27 мм) с полустертым оттиском надписи в три строки: «??дема | Орангутантъ | Па.???» (рис. 4, 7), выполненной косым чертежным шрифтом. На обратной стороне находятся остатки цифр, сделанных черной краской по трафарету (?).

52 (П-147). Фрагмент плиты (215 × 250 × 40 мм) с оттиском надписи «Директоръ Канцелярии», выполненной косым писарским почерком. На обратной стороне находятся остатки букв «МИ», сделанных черной краской по трафарету.

53 (П-148). Фрагмент плиты (130 × 195 × 35 мм) с полустертым оттиском надписи в несколько строк «Андрей Алексѣевич Полѣновъ | ???ѣнова»,²⁵ выполненная косым писарским почерком.

54 (П-149). Фрагмент плиты (165 × 318 мм) с полустертым оттиском надписи в несколько строк «СЧЕТЪ | отъ Мастера Валиковъ | Ефима Алексѣевича Егунова | Литографію Господина Штр[им]ера», выполненная каллиграфическим почерком. Надпись повторена два раза. Верхняя едва читается. На обратной стороне находится буква «М», сделанная черной краской по трафарету.

55 (П-150). Фрагмент плиты (197 × 110 × 30 мм) с полустертым оттиском надписи «[Аз]іатскій Департаментъ», выполненной косым писарским почерком. На обратной стороне находятся остатки цифр, сделанных черной краской.

56 (П-151). Два фрагмента плиты (склеены; 180 × 110 × 30 мм) с оттиском надписи «Превосходительству | Семеновичу | нновскому». На обратной стороне находятся остатки цифр «10», сделанных черной краской.

57 (П-152). Три фрагмента плиты (склеены; 200 × 200 × 30 мм) с оттиском надписи «Литографія МИД», повторенной несколько раз. На обратной стороне находятся буква «Д» и остаток цифры «0», сделанных черной краской по трафарету.

57 (П-153). Фрагмент плиты (204 × 138 × 35 мм). Часть лицевой стороны затерта красной краской и на ней протравлена надпись «МАСНАП».

58 (П-154). Фрагмент плиты (210 × 220 × 30 мм). Часть лицевой стороны затерта красной краской и на ней протравлены надписи, в настоящее время трудно читаемые. На обратной стороне — буква «И» и остаток цифры, сделанные черной краской по трафарету.

59 (П-155). Фрагмент плиты (210 × 295 × 68 мм) с почти полностью стертым оттиском надписи.

60 (П-156). Фрагмент плиты (150 × 255 × 28 мм) с оттиском надписи «Отъ товарища Министра». На обратной стороне находятся буквы «МИ» и остаток цифр «70», сделанные черной краской по трафарету.

²⁵ Андрей Алексеевич Поленов (1787–1870) — брат или однофамилец Василия Алексеевича Поленова (1776–1851), директора Департамента внутренних сношений (1832–1849), управляющего Департаментом хозяйственных и счетных дел (1832–1833, 1839–1841), управляющий Гос. архивом (1834–1851).

61 (П-157). Фрагмент плиты (160 × 160 × 27 мм) с оттиском надписи «...скую», выполненной прямыми буквами. На обратной стороне — остатки буквы или цифры, сделанные черной краской..

62 (П-158). Фрагмент плиты (377 × 110 × 45 мм) с оттиском надписи «Его...Высокородио Серги???вичу». На обратной стороне — остатки буквы или цифры, сделанные черной краской.

63 (П-159). Фрагмент плиты (212 × 145 × 30 мм) с полустертым оттиском надписи «...eriel de. | ??? | ???|. № | . Bagdad...». На обратной стороне — буква «Д», сделанная черной краской по трафарету.

64 (П-160). Фрагмент плиты (612 × 255 × 46 мм) с двумя оттисками надписей. Одна из них, вероятно более ранняя, находится на краю камня, чуть выше облома: «Къ подписанію Егоров...», причем видны кончики петелек несохранившихся букв. Другая, французская: «Allemagne...???... Son excellence La Comtesse Sophie de Lamsdorff ...???... Sonhofen à Oberstdorff», что в переводе означает «Германия...???... Его Превосходительство Графиня Софи Ламсдорф²⁶ ...???... Санхофен в Оберстдорф».

65 (П-161). Фрагмент плиты (230 × 210 × 47 мм) с оттиском надписи «Отъ Директора Д-та Личн. Сост. И Хоз. Дѣль». На обратной стороне находятся буквы «М:И:Д:», сделанные черной краской по трафарету и цифры «446», сделанные черной краской от руки.

66 (П-162). Фрагмент плиты (295 × 235 × 45) с оттиском бланка ведомости учета различных материалов. В столбцах имеются наименования: «Папки ???[ья], № 1 а; № 2 а; Курительн[ые] порошки; Песокъ ???ный; Песокъ бѣлый четверика[ми]; Тесьмы серебря[ной]; Конверты дюжинами; Иголки штуками; Сандара[ки]; Резина; Гербов[ья] шелкъ и нитки; Цвѣтных; Фабера и другихъ фаб???; Толстые ???; Перья; ???», выполненные косым писарским почерком.

67 (П-163). Фрагмент плиты (240 × 140 × 23 мм) с оттиском бланка ведомости «Резстръ конвертамъ, отправленнымъ из ...Департамента Министерства Иностраннхъ Дѣль».

68–74 (П-164–170). Девять фрагментов плит с оттисками строк и столбцов различных ведомостей. Среди них и та (П-170), что отпечталась на плите П-99. На обратных сторонах иногда — остатки букв и/или цифр.

75–92. (П-171–189). Восемнадцать фрагментов плит без оттисков на лицевой стороне, но с отметками на обратной в виде отдельных букв «М», «И», «Д» и цифр.

Греч 1853 — Греч Н. И. Барон Павел Львович Шиллинг // Северная пчела. 1853. № 142.
Коростин 1943 — Коростин А. Ф. Начало литографии в России. М., 1943.
Немировский 2000 — Немировский Е. Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. М., 2000.
ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 44.

²⁶ София Матвеевна (?) Ламсдорф — родственница Владимира Николаевича Ламсдорфа (1844–1907), сотрудника МИД (1866–1906), директора канцелярии МИД (1882–1896), министра иностранных дел (1900–1906) (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/164552/ламсдорф>).

- Родс 1928 — *Родс Г. Дж.* Литографское искусство. Л., 1928.
Томкович 1893 — *Томкович Е. А.* Домашняя литография: Руководство по автографии и перепечатыванию для канцелярий. СПб., 1893.
Фридендер 1925 — *Фридендер М.* Литография. Л., 1925.
Чевкин 1938 — *Чевкин К. В.* Барон П. Л. Шиллинг // Северная Пчела. 1838. № 217.
Чугуевский 1971 — *Чугуевский Л. И.* Из истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX в. (литографические опыты П. Л. Шиллинга) // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 11.
Яроцкий 1963 — *Яроцкий А. В.* Павел Львович Шиллинг. 1786–1837. М., 1963.
Архив востоковедов (НА Института восточных рукописей), ф. 56, оп. 1, д. 61; д. 66.

LITHOGRAPHIC STONES FROM THE EXCAVATIONS IN THE COURTYARDS OF THE GENERAL HEADQUARTERS

V. I. Kildyushevsky, V. Ya. Stegantseva

Slabs of enameled limestone and their fragments were found in one of the ground-floor rooms of the eastern wing of the General Headquarters building in the course of recent archaeological works. Their front-face areas are ground and bear inscriptions set in mirror-reflected mode. The inscriptions are black, executed in a calligraphic chancellery handwriting, and represent blank forms for diplomatic and intradepartmental correspondence, as well as disposition forms of different departments of the Ministry of Foreign Affairs (various registers, cover pages, etc.). The back surfaces are rough, with black inscriptions consisting of stenciled letters «МИД» and three-figure numbers.

These stones formed a part of the archive of the Foreign Ministry lithographic establishment, founded by P. L. Schilling von Kantschadt in 1816. The staff of the establishment consisted of 9 employees and was approved by Alexander I.

The inscriptions mention the names of renowned Russian diplomats (K. V. Nesselrode, N. G. Gartvig, N. K. Girs, A. G. Jomini, P. D. Kiselev, A. I. Medem, V. N. Lamsdorf, V. S. Obolensky) and statesmen (A. V. Adlerberg, I. I. Vorontsov-Dashkov, N. H. Bunge, N. N. Obruchev), which allows dating the slabs to the period from 1854 to 1905.

ХРОНИКА

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА И ОТДЕЛА ПАЛЕОЛИТА ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ЮБИЛЕЮ П. И. БОРИСКОВСКОГО

С. А. ВАСИЛЬЕВ

30 мая 2011 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита, посвященное столетнему юбилею доктора исторических наук, профессора Павла Иосифовича Борисковского. Открывая заседание, С. А. Васильев остановился на значении деятельности ученого для развития Института. Во время тех 15 лет, когда П. И. Борисковский руководил Сектором палеолита, в основном сформировался современный облик нашего исследовательского коллектива во всем богатстве направлений полевой и публикационной деятельности. Сектор был неформальным центром исследователей первобытности из различных городов и республик бывшего СССР, играл важную роль в налаживании международного научного сотрудничества. Далее последовали воспоминания А. Д. Столяра, рассказавшего об этапах деятельности П. И. Борисковского в ГАИМК–ИИМК и Ленинградском университете, взаимоотношениях ученого с В. И. Равдоникасом и П. П. Ефименко. Особое место П. И. Борисковский занимает в археологии Украины — принадлежащий его перу фундаментальный том «Палеолит Украины» составил эпоху в изучении древнейшего прошлого юга Восточной Европы. Участникам собрания была продемонстрирована презентация фотографий ученого разных лет, подготовленная киевскими коллегами. В настоящее время Л. В. Кулаковская монтирует в Археологическом музее украинской столицы стенд, посвященный памяти исследователя. Научную программу заседания открыл развернутый доклад С. А. Васильева «П. И. Борисковский: исследователь и организатор науки». Здесь были отмечены основные вехи творческого пути ученого, связанные в первый период его творчества с проблематикой верхнего палеолита Костенок и Русской равнины в целом, и с экзотическими культурами Южной и Юго-Восточной Азии — во второй. Несомненную актуальность имеет опыт как успешной («Палеолит СССР»), так и неудавшейся («Палеолит мира») реализации коллективных проектов, инициированных П. И. Борисковским.

Далее последовала серия докладов, посвященных проблемам каменного века в хронологическом диапазоне от древнейших индустрий до финала плейстоцена, территориально охватывая памятники Африки, Кавказа и Русской равнины. Подобная широта полностью соответствовала размаху научных интересов самого П. И. Борис-

ковского. Е. В. Беляева рассмотрела современные взгляды на характер каменных индустрий олдована и ашеля, проводя сравнение древнейших культур Кавказа и Африки. Кавказскую тематику продолжил обстоятельный доклад В. П. Любина, посвященный итогам изучения раннего палеолита Черноморского побережья, преимущественно основанный на материалах местонахождений Абхазии. Автор подробно остановился на геоморфологической привязке памятников, связывая пути древнейших миграций с меняющейся палеогеографической обстановкой разных эпох плейстоцена. Ряд выступлений был посвящен проблемам верхнего палеолита. В. И. Беляева сопоставила итоги изучения длинного жилища Пушкарей и предложенную в работах П. И. Борисковского его реконструкцию с данными по новому жилищу и сопровождающим комплексам культурного слоя. Г. В. Григорьева напомнила об основных результатах проведенных под руководством П. И. Борисковского поисков кремнеобрабатывающих мастерских на Осколе. Интересным дополнением к затронутой тематике стало сообщение А. Е. Матюхина, рассмотревшего функциональные особенности разных типов мастерских в палеолите. Наконец, М. В. Аникович и Н. И. Платонова затронули теоретические аспекты нашей дисциплины, анализируя соотношение культурно-исторического и конкретно-исторического подходов к исследованию палеолитических материалов, персонифицированных в фигурах П. И. Борисковского и А. Н. Рогачева. Прошедшее собрание в очередной раз продемонстрировало верность сотрудников Отдела палеолита традициям, заложенным П. И. Борисковским, и активность творческого поиска в области изучения древнейшего прошлого человечества.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ПЕРЕХОД ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА
В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ»,
23–24 ИЮНЯ 2011 г., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. А. АЛЁКШИН, М. Т. КАШУБА

В Институте истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН) был проведен Круглый стол на тему «Переход от эпохи бронзы в эпохе железа в Северной Евразии», организаторами которого выступили специалисты Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН и Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (ГЭ).

Круглый стол был посвящен одной из основных археологических парадигм (концепция времени), технологическим выражением которой является «система трех веков» Томсена–Ворсо. Признанная универсальность этой археологической периодизации не отменяет новых дискуссий о границах и содержании ее эпох. В полной мере это справедливо в отношении перехода от бронзового века к железному. Смена бронзовых орудий и оружия железными сопровождалась сложными и длительными процессами, связанными с глубокими изменениями цивилизационного характера.

На обсуждение участников Круглого стола были вынесены следующие вопросы: 1) проблемы периодизации и хронологии эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северной Евразии (археологические, культурно-исторические и технологические критерии периодизации); 2) новейшие данные о начале железоделательного производства в различных регионах Северной Евразии и Древнего Востока; 3) локальные особенности процесса перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Для обсуждения проблем, включенных в программу Круглого стола, съехались археологи из различных научных центров России (Санкт-Петербург, Казань), стран СНГ (Республика Беларусь, Украина) и Европы (Франция). Прозвучало 11 докладов. Анализ ассирийских письменных источников о железе был сделан И. Н. Медведской (Институт восточных рукописей РАН). В сообщениях Н. А. Боковенко (ИИМК РАН), С. Легран (Сорбонна), Т. В. Рябковой (ГЭ), К. В. Чугунова (ГЭ) и Л. С. Марсадолова (ГЭ) были рассмотрены периодизация памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века Южной Сибири, хронология опорных памятников ранних кочевников Центральной Азии, Саяно-Алтая и Тувы, а также культурно-историческое содержание выделенных временных фаз, этапов и периодов. В. С. Бочкарев (ИИМК РАН) в своем докладе затронул проблему универсальности «системы трех веков» Томсена–Ворсо, сосредоточив внимание на критериях выделения позднего бронзового века южной половины Восточной Европы. Особенности культурно-исторического развития заключительного периода эпохи бронзы Среднего Поднепровья и связи с Поволжьем и Приуральем рассмотрены в сообщении Д. П. Куштана (Крымский филиал ИА НАН Украины). Содержанию, хронологии и специфике начальных этапов раннего железного века в различных регионах Ā Карпато-Подунавье и Восточное При-

карпатье, Волго-Камье, лесная полоса Восточной Европы I были посвящены доклады М. Т. Кашуба (ИИМК РАН), А. А. Чижевского (Национальный Центр археологических исследований Института истории АН Республики Татарстан) и А. А. Егорейченко (Кафедра археологии и специальных исторических дисциплин Белорусского госуниверситета).

В ходе Круглого стола развернулись оживленные дискуссии, в которых выступили А. Ю. Алексеев, А. А. Чижевский, Л. Б. Кирчо, К. В. Чугунов, И. Н. Медведская, В. А. Алёшкин, Н. А. Боковенко, О. А. Щеглова, В. С. Бочкарев, Л. А. Соколова, А. А. Егорейченко, С. Легран, М. Т. Кашуба и др. В выступлениях подчеркивалась неравномерность культурно-исторического развития различных регионов древней Европы, что дает возможность провести сравнения и выявить общие закономерности.

Обсуждение показало, что открытия в области археологии эпохи поздней бронзы—раннего железного века и использование современных методов исследования не только требуют нового осмысления старых проблем, но также ставят новые вопросы. Поэтому определение хронологии и содержания переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа остается важнейшей проблемой современной археологической науки. На итоговом обсуждении были подчеркнуты значимость проведения такого рода форумов, а также сохранение в ИИМК РАН традиции проведения специализированных научных заседаний, посвященных базовым, фундаментальным проблемам археологии.

К открытию Круглого стола был издан сборник «Материалы Круглого стола “Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 года”». СПб., 2011. 80 с.». В нем представлены развернутые тезисы 20 докладов, в которых вынесенные на обсуждение вопросы рассматриваются в широком территориальном охвате: от Западной Сибири до Карпатского бассейна и от лесной зоны Восточной Европы до Передней Азии и Средиземноморья.

По итогам работы Круглого стола принято решение опубликовать полные тексты докладов этого научного форума в одном из специализированных археологических изданий Санкт-Петербурга.

**ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ВЫХОДУ КНИГИ:
П. ДЮБРЮКС. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. СПБ., 2010. Т. 1–2**

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

В Дубовом зале ИИМК РАН 10 декабря 2010 г. состоялось расширенное заседание Отдела истории античной культуры, посвященное выходу из печати двухтомника П. Дюбрюкса (1770–1835). Этот французский дворянин, эмигрировавший из своей страны в Россию в годы революции и обосновавшийся в Керчи, сделал очень многое для изучения боспорских древностей, его заслуженно считают пионером или даже отцом боспорской археологии. Книга опубликована Издательским домом «Коло» (СПб.) тиражом 800 экземпляров. В ней представлены труды и письма П. Дюбрюкса, хранящиеся в архивах России, Украины и Франции. Многие материалы опубликованы впервые. Все сочинения П. Дюбрюкса представлены на языке оригинала и в русском переводе, подготовленном Н. Л. Сухачевым. В издании имеется большое количество чертежей, схем и зарисовок П. Дюбрюкса, а также его современников. Все тексты замечательного энтузиаста боспорской археологии снабжены комментариями, подготовленными ведущими современными антиковедами. В отдельной главе собраны научные статьи, в которых нашел отражение современный подход к изучению археологических памятников Боспора и некоторых явлений боспорской истории, к которым П. Дюбрюкс проявил особый интерес. Издание снабжено обширным справочным аппаратом — система мер, указатели имен ученых и мифологических персонажей, географических названий и т. д.

По случаю выхода «Собрания сочинений» П. Дюбрюкса в Дубовом зале собрались сотрудники Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского государственного университета, Издательского дома «Коло» и др.

Открыл заседание ученый секретарь ИИМК РАН, кандидат исторических наук С. А. Кулаков. Поприветствовав собравшихся, Сергей Александрович отметил важность выхода в свет этого труда и поздравил всех участников проекта с большим успехом.

После этого слово взяла составитель и ответственный редактор издания, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, доктор исторических наук И. В. Тункина. Она поделилась своими воспоминаниями о зарождении идеи этого издания, которое имело место 25 лет назад, о начале проекта и ходе его реализации. И. В. Тункина рассказала также о неизвестных ранее фактах биографии П. Дюбрюкса, открытых в ходе исследовательской работы.

Доктор исторических наук К. К. Марченко (ИИМК РАН) обратил внимание на огромный труд, вложенный участниками проекта в это издание, и назвал его «по сути, энциклопедией раскопок», проводившихся в Керчи в первой половине XIX в.

Поздравления коллективу авторов высказал кандидат исторических наук И. Л. Тионов (СПбГУ), подчеркнув высокий полиграфический уровень данной работы. По

его словам, большие усилия коллектива авторов во главе с И. В. Тункиной не были напрасными. Игорь Львович отметил также, что в рамках археологической науки история археологического знания стала самостоятельным разделом, и публикация первоисточников является крайне важной, насущной задачей.

Взяв слово, доктор исторических наук В. А. Горончаровский (ИИМК РАН) признал, что выход данной работы является большим событием для отечественной античной археологии. Благодаря ей мы можем по-новому оценить огромный вклад в науку, который внес П. Дюбрюкс. В. А. Горончаровский отметил также, что издание «Собрания сочинений» совпало со 140-й годовщиной со дня рождения П. Дюбрюкса.

Кандидат исторических наук В. А. Хршановский (ИИМК РАН) поздравил всех присутствующих и подчеркнул, что важнейшим фактором для выхода книги было обнаружение оригинала рукописи П. Дюбрюкса, а также ранее неизвестных его графических материалов. Залогом успеха стала кропотливая работа участников проекта в научных архивах различных стран.

Председатель заседания, доктор исторических наук Ю. А. Виноградов, поблагодарил всех выступавших и отметил, что данное торжество является результатом огромного труда, в котором особая роль принадлежит сотрудникам ИИМК РАН (М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, В. А. Хршановский, О. В. Шаров). Работа, проделанная в архиве ИИМК, с полной очевидностью показала, что мы недостаточно хорошо знаем классические, казалось бы хрестоматийно известные памятники Северного Причерноморья. Каждое поколение исследователей должно постоянно помнить об огромном научном наследии, оставленном нам великими предшественниками. Выход «Собрания сочинений» П. Дюбрюкса является событием чрезвычайно важным, позволяющим многое узнать и многое понять. Ю. А. Виноградов поблагодарил И. В. Тункину, сумевшую объединить коллектив авторов для подготовки этого фундаментального издания, и пожелал ей новых творческих успехов.

Директор Издательского дома «Коло» А. В. Вознесенский рассказал о работе над изданием, творческом сотрудничестве с И. В. Тункиной, совместном поиске оптимальных вариантов и решений непростых вопросов, возникавших в ходе реализации проекта. Он поблагодарил авторов за проделанную работу и высказал удовлетворение от того, что подобная литература востребована российским научным сообществом.

Заключительное слово было предоставлено И. В. Тункиной. Она искренне поблагодарила участников проекта, А. В. Вознесенского и всех присутствующих на заседании и указала также, что издание приурочено к отмечаемому у нас году Франции в России.

После официальной части состоялось небольшое дружеское чаепитие в Отделе истории античной культуры ИИМК РАН.

**ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИИМК РАН,
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ Е. Я. РОГОВА**

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

В пятницу 10 июня 2011 г. в Дубовом зале ИИМК РАН состоялось расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Евгения Яковлевича Рогова. Заседание было приурочено к 60-летию со дня рождения и 10-летию со дня смерти выдающегося ученого, много лет проработавшего в ЛОИА АН СССР–ИИМК РАН. По этому поводу собрались археологи-антиковеды не только нашего Отдела, но и Государственного Эрмитажа, Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Керченского историко-археологического заповедника (Украина).

Открыл заседание заместитель директора ИИМК РАН, канд. ист. наук О. И. Богуславский. Он поприветствовал собравшихся и в кратком выступлении признал большое значение научного наследия Е. Я. Рогова. После этого председательствовавший на заседании Ю. А. Виноградов произнес «Слово о друге», в котором очертил основные этапы жизни Е. Я. Рогова, его главные профессиональные достижения, особое внимание уделив обаянию личности этого человека.

В. А. Горончаровский представил доклад «Синдика периода возведения Семибратних курганов». В нем получили освещение такие важные вопросы современного боспорovedенья, как понимание истории синдвов, проблема Синдской государственности, своеобразие связей синдвов с Боспорским царством при ранних Спартокидах и т. д.

О результатах работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН рассказал С. В. Кашаев. В сообщении были отмечены основные направления деятельности отряда в 1998–2010 гг. Автор особо подчеркнул, что у истоков создания отряда стоял Е. Я. Рогов, руководивший его работой в 1998–2000 гг.

О. Ю. Соколова (ГЭ) выступила с сообщением «Комплекс архитектурных деталей из раскопок Нимфея 2007 г.». В нем была продемонстрирована замечательная серия находок, сделанных Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа. Исследовательница привела возможный вариант реконструкции сооружения, из которого происходят эти детали, и сделала предположение о месте его расположения.

С последним докладом «Погребения с оружием могильника Чатыр-Даг» выступил О. В. Шаров. Он был посвящен серии любопытных погребальных комплексов, открытых на этом крымском некрополе, уточнению их хронологии, этнической и исторической интерпретации.

Завершая научную часть заседания, Ю. А. Виноградов поблагодарил всех выступавших и сообщил о подготовке к печати и скором выходе в свет монографии Е. Я. Рогова «Некрополь Панское I в Западном Крыму». Эта публикация подготовлена со-

трудниками ИИМК РАН на основе кандидатской диссертации Е. Я. Рогова, защищенной в 1998 г.

После официальной части собравшиеся посетили могилу Е. Я. Рогова на Волковском кладбище С.-Петербурга, где почтили память коллеги и друга.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ЗОЯ АЛЕКСАНДРОВНА АБРАМОВА

Сердечно поздравляем Зою Александровну Абрамову, доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Отдела палеолита с юбилеем! З. А. Абрамова — признанный авторитет в мировой археологии, один из известнейших археологов России.

В 1951 г. Зоя Александровна окончила с отличием университет, защитив дипломную работу по теме «Первоначальное заселение человеком Забайкалья» под руководством профессора А. П. Окладникова. В 1952 г. она была принята на работу в Институт. Исследовательница прошла путь от научно-технического сотрудника до ведущего научного сотрудника. Большую роль в формировании научных интересов З. А. Абрамовой сыграли А. П. Окладников и П. И. Борисковский. Чувства благодарности и верности своим учителям З. А. Абрамова сохранила до сегодняшнего дня.

В 1959 г. З. А. Абрамова подготовила большую работу «Палеолитическая скульптура на территории СССР», которую защитила в 1961 г. в качестве кандидатской диссертации, а в 1972 г. — докторскую диссертацию «Палеолитическое искусство Евразии как исторический источник».

В течение десятилетий Зоя Александровна тщательно собирала материалы по искусству палеолита на территории России и за ее пределами. Эти материалы опубликованы в виде монографий и сводов и переведены на французский и английский языки.

Многие годы научной деятельности исследовательницы связаны с Сибирью. Знакомство с Северной Азией началось под руководством А. П. Окладникова в Бурят-Монгольской экспедиции. Позднее З. А. Абрамова участвовала в работах Костенковской и Братской экспедиций. Ею была исследована стоянка Красный Яр на Ангаре.

Начиная с 1960 г. она возглавляла палеолитический отряд Красноярской экспедиции, а с 1980 г. руководила Брянской палеолитической экспедицией.

Итоги работ Красноярской экспедиции подведены в двухтомной монографии «Палеолит Енисея». Крупные обобщающие работы по каменному веку Сибири опубликованы в виде глав в книгах «Палеолит СССР. Археология СССР» и «Палеолит мира». Совместно с А. П. Окладниковым З. А. Абрамовой написаны главы по памятникам Монголии, Кореи и Китая для одного из томов «Палеолита мира».

Темой научных интересов исследовательницы является также палеолит Восточной Европы. Ряд ее статей посвящен древнейшему искусству Костенок. С 1980 г. З. А. Абрамова возобновила исследования крупного верхнепалеолитического поселения охотников на мамонтов Юдиново, в результате чего были обнаружены остатки двух жилищ. Итогом работ стала публикация трех выпусков серии «Верхнепалеолитическое поселение Юдиново».

В настоящее время Зоя Александровна продолжает заниматься палеолитическим искусством. В 2005 г. вышла монументальная монография «Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы», не имеющая аналогов в мировой археологии. Недавно, в 2010 г., издана монография «Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы».

Плодотворная научная деятельность сочетается с подготовкой научных кадров. Под руководством З. А. Абрамовой защищены кандидатские и докторские диссертации. Она является участником многих конгрессов и конференций в России и за ее пределами, членом ряда международных комитетов.

Многолетний труд З. А. Абрамовой отмечен «Медалью за трудовую доблесть», Серебряной медалью ВДНХ, знаками «Ветеран труда» и «Житель блокадного Ленинграда» и почетными грамотами Президиума РАН, Санкт-Петербургского научного центра и Президиума работников РАН, многочисленными благодарностями.

Зоя Александровна — человек незаурядной работоспособности, трудолюбия, скромности, эрудиции, скрупулезности, доброжелательности.

Желаем юбиляру здоровья, плодотворного творческого долголетия!

К 80-ЛЕТИЮ ЭЛЬЗЫ САМУИЛОВНЫ ШАРАФУТДИНОВОЙ

1 января 2011 г. — юбилейная дата в жизни Эльзы Самуиловны Шарафутдиновой, научная деятельность которой началась в 1954 г. в ЛОИИМК АН СССР (ныне ИИМК РАН), где она прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук.

Научные интересы Э. С. Шарафутдиновой связаны с изучением археологических культур эпохи бронзы и железного века евразийских степей. С 1956 г. она постоянно руководила отрядами в составе таких известных на юге России экспедиций, как Кобяковская, Южно-Донская, Северо-Донецкая и Манычская. Результаты своих многолетних полевых изысканий Эльза Самуиловна обобщила в монографии «Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. Кобяковская культура» (1980 г.).

В 1982 г. Э. С. Шарафутдинова становится заместителем начальника одной из крупнейших новостроечных экспедиций Института — Кубанской. В этой должности она проработала до конца 1980-х гг., исследуя древности Предкавказья и Кавказа.

Эльза Самуиловна является постоянным участником совещаний, симпозиумов и конференций, посвященных изучению археологических культур эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы и Кавказа. На этих научных форумах она выступала с докладами по самым актуальным проблемам степной и кавказской археологии.

Э. С. Шарафутдинова охотно делится накопленным опытом и знаниями с молодыми коллегами. Она многократно консультировала аспирантов и соискателей Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН по дискуссионным вопросам археологии евразийских степей.

В 2011 г. вышла в свет монография «Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире», которую она опубликовала в соавторстве с В. Г. Житниковым.

Многолетняя научная деятельность Э. С. Шарафутдиновой была отмечена Почетной грамотой АН СССР (1974 г.) и благодарностью Президиума РАН (1999 г.).

Коллеги из Института истории материальной культуры РАН сердечно поздравляют Эльзу Самуиловну со славным юбилеем и желают ей здоровья и новых творческих успехов!

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА ДМИТРИЯ ГЛЕБОВИЧА САВИНОВА

20 марта 2011 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору кафедры археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Дмитрию Глебовичу Савинову — видному ученому, блестящему преподавателю, прекрасному руководителю и организатору.

Д. Г. Савинов родился и вырос в семье потомственных художников, что поначалу предопределило его занятия в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, куда он поступил после окончания школы (Длужневская, Седых 2001: 4–6). Однако уже после участия в первой археологической экспедиции — знаменитой Байкальской 1959 г. — Дмитрий Глебович переводится на кафедру археологии Ленинградского государственного университета (ЛГУ). С этого времени его жизнь самым тесным образом связана с «Большим» университетом нашего города.

Студенческие годы прошли в занятиях под руководством проф. М. И. Артамонова, определившего интерес Д. Г. Савинова к изучению скифского мира, в частности скифского искусства. Летние полевые практики проходили в Сибири — в Туве и в Красноярской экспедиции. Закончив в 1964 г. университет, в следующем, 1965 г., он возглавил один из отрядов Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, организованной под началом А. Д. Грача для обследования зоны будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС.

В 1968 г. Д. Г. Савинов принимает предложение выдающегося советского этнографа Р. Ф. Итса и «возвращается в университет» на образованную после долгого перерыва кафедру этнографии. Многие выпускники кафедры до 1984 г. являются учениками Д. Г. Савинова. В период работы на кафедре этнографии он руководил Южно-сибирским палеоэтнографическим отрядом ЛГУ, работавшим на раскопках в Хакасии, Туве, на Горном и Степном Алтае, в Новосибирской и Кемеровской областях, где исследовались погребальные и поселенческие памятники, наскальные изображения и монументальная скульптура. В лице Д. Г. Савинова кафедра этнографии получила

уникального специалиста, соединившего знание этнографии, опыт археолога, тонкое понимание вопросов искусства, уделяющего огромное внимание проблемам палеоэтнографии, палеоэкологии, этногенеза и культурогенеза древних обществ. В этом наш современник Д. Г. Савинов сродни исследователям 1920–1930-х гг., которые в начале становления российской профессиональной науки в силу своей малочисленности вынуждены были заниматься одновременно множеством проблем. У Д. Г. Савинова это, в первую очередь, проявление широты творческого кругозора, исследовательского таланта, его подхода к осмыслению и интерпретации источников.

В 1974 г. Дмитрий Глебович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XI вв.)». Спустя десять лет Д. Г. Савинова пригласили работать в Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, где он возглавил большую Среднеенисейскую экспедицию, а в 1985 г. — всю новостроечную группу отделения. В стенах ЛОИА прошла в 1987 г. и защита докторской диссертации «Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири».

Летом 1990 г. (как оказалось, всего на один год) Д. Г. Савинов перешел работать в ленинградскую часть Института этнографии. С 1991 г. он вновь в университете, на должности профессора кафедры археологии, а в феврале 1996 г. профессор Д. Г. Савинов избран заведующим Кафедрой археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Д. Г. Савинов возвращается на любимую преподавательскую работу, начавшуюся на кафедре этнографии ЛГУ.

Приход (или возвращение) Дмитрия Глебовича в университет бесспорно активизировал научную деятельность кафедры в целом — в последующие годы были опубликованы программы читаемых на кафедре базовых, источниковедческих, методических и спецкурсов по археологии, проведена серия тематических конференций, посвященных отдельным видам археологических памятников, проблемам изучения окуневской культуры и др., инициатором проведения которых выступил Д. Г. Савинов (Длужневская, Седых 2001: 4–6). В работах конференций приняли участие студенты, аспиранты и преподаватели Санкт-Петербургского университета, молодые специалисты и маститые ученые, сотрудники многих музеев, научных и учебных центров нашей страны и стран Ближнего и Дальнего зарубежья (Болгарии, Греции, Марокко и др.). Конференции получили широкую известность и фактически приобрели статус международных. Им же задумана организация конференций под общим названием «Археологические источники и культурогенез», первая из которых, посвященная эпохе камня, планируется на ноябрь 2011 г. Д. Г. Савинов — председатель Оргкомитета.

Педагогический стаж Д. Г. Савинова — 42 года. Его педагогическое мастерство высоко оценено Ученым советом университета: в 2006 г. ему была вручена университетская премия. Ранее, в 2000 г. за цикл трудов по истории и археологии скотоводческих обществ Центральной и Южной Сибири (1984–1996 гг.) ему присуждена университетская премия I степени. Всего Д. Г. Савиновым опубликовано более 350 научных работ, в том числе 15 монографий (Тематический список... 2011). Под его руководством были подготовлены и успешно защищены более 25 кандидатских диссертаций по археологии и этнографии.

Дмитрий Глебович — постоянный и активный участник многих международных, всероссийских и региональных конференций и симпозиумов. Д. Г. Савинов ведет большую научно-организационную работу: он является членом двух Советов по защите докторских диссертаций; членом Координационного совета по археологии и этнографии Западной Сибири при Сибирском отделении РАН; членом редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии» (г. Новосибирск), вице-президентом Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ — г. Кемерово).

Д. Г. Савинов — ведущий специалист по древней и средневековой археологии и истории Центральной Азии и Южной Сибири и хорошо известен как в нашей стране, так и за рубежом. В течение многих лет он успешно разрабатывает важнейшие проблемы культурогенеза восточных районов евразийских степей в широком хронологическом диапазоне — от эпохи бронзы до монгольского времени включительно. Основные труды Д. Г. Савинова отличает широкий охват фактических материалов в сочетании с четко разработанной методикой синхронизации (материалы археологии, этнографии, письменных источников). Последние годы особое внимание Д. Г. Савинов уделяет изучению изобразительного искусства древнего населения Южной Сибири.

Дмитрий Глебович пользуется высоким заслуженным авторитетом и уважением как у студентов, так и у коллег по кафедре и научным исследованиям.

Поздравляя Дмитрия Глебовича с юбилеем, желаем нашему коллеге, другу, учителю Дмитрию Глебовичу Савинову крепкого здоровья, успехов в поисках и находках, удачи в исполнении задуманного, счастья и творческого долголетия.

Г. В. Длужневская, В. Н. Седых

Длужневская, Седых 2001 — *Длужневская Г. В., Седых В. Н.* Штрихи к портрету // Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов, посвященных 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб., 2001. С. 4–6.

Тематический список... 2011 — Тематический список научных работ Дмитрия Глебовича Савинова. К 70-летию со дня рождения. СПб., 2011.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ	– Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт. Л.; СПб.
АВ	– Археологические вести. СПб.; М.
АН	– Академия наук.
АО	– Археологические открытия. М.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
БМАК	– Бактрийско-маргианский археологический комплекс.
ВА	– Вестник антропологии. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИ	– Вопросы истории. М.
ВКЛ	– Великое княжество литовское.
ВСЕГЕИ	– Всероссийский научно-исследовательский геологический институт. Л.; СПб.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры.
ГВНиП	– Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
ГИН	– Геологический институт. М.
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗИН	– Зоологический институт РАН. СПб.
ИА	– Институт археологии. М.
ИАК	– Известия Археологической комиссии. СПб.
ИвГУ	– Ивановский государственный университет.
ИГАИМК	– Известия ГАИМК. М.; Л.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
КВ	– канонический вектор.
КГИКЗ	– Керченский государственный историко-культурный заповедник.
КП	– книга поступлений.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КТ	– криотекстура.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
МАР	– Материалы по археологии России. М.
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИД	– Министерство иностранных дел.
НА	– Научный архив.
НГМ	– Новгородский государственный музей. Великий Новгород.
НИИ	– Научно-исследовательский институт.
НИР	– Научно-исследовательские работы.
ННЗИА	– Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород.
НПЛ	– Новгородская первая летопись.

ПЖЛ	– полигонально-жильный лед.
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи. СПб.
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей. М.
РА	– Рукописный архив (отдел).
РАН	– Российская Академия наук.
РГМАА	– Российский государственный музей Арктики и Антарктики. СПб.
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет. СПб.
РНБ	– Российская национальная библиотека. М.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
СГАИМК	– Сообщения ГАИМК. Л.
СО	– Сибирское отделение АН СССР/РАН. Новосибирск.
СРНГ	– Словарь русских народных говоров. СПб.
СТС	– Сезонно-талый слой.
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь.
ТД	– Тезисы докладов.
ТМАЭ	– Труды Маргианской археологической экспедиции. М.; СПб.
ТНАЭ	– Труды Новгородской археологической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.; СПб.
AA	– The Athenian Agora.
BSA	– The British school of archaeology at Athens. Athens.
CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum.
INQUA	– International Association on Quaternary Research.
SAA	– South Asian Archaeology.
UISPP	– Union internationale des science préhistorique et protohistorique.

Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (файл Word 97 и выше или RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

- фамилия, имя автора и название статьи на английском языке;
- рисунки — не более 5 (не ксерокопии, желательно оригиналы). Для электронного варианта — разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или 300 dpi на дюйм в формате JPEG (сканировать в режиме Gray Scale);
- подписи к рисункам;
- краткое резюме (до 1500 знаков) для перевода на иностранный язык;
- список сокращений.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

- а) статьи: текст — до 20 000 символов вместе с пробелами (0,5 а. л.);
- б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст 6000–10 000 символов вместе с пробелами (0,15–0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12–19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

— **монографии**

Смекалова, Дюков 2001 — *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.

Оятева 1973 — *Оятева Е. И.* Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 199–205.

— **сборники статей или периодические издания**

Моргунова 2002 — *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104–116.

Корзухина 1958 — *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129–137.

Черных, Орловская 2004а — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

— **авторефераты**

Турецкий 1992 — *Турецкий М. А.* Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

— **тезисы**

Калинин 1999 — *Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // Российскому государственному архиву военно-морского флота 275 лет. Исторические чтения: ТД. Дом ученых. 26–27 января 1999 г. СПб., 1999. С. 7–8.

— **рецензии**

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рецензия на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 350–357.

— **архивные материалы**

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 — *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 — *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении: (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Рукопись дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

Редколлегия

**ЗАПИСКИ
ИСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
№ 6**

Научное издание

Редактор Е. А. Гольдич
Корректор Е. А. Гольдич
Верстка Л. Л. Подьячева

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 11. Формат 70 x 100 ¹/16
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. Усл.-печ. л. 16,25
Тираж экз. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
“Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
[http: // www.dbulanin.ru](http://www.dbulanin.ru)